

Исхак Машбаш

Собрание сочинений в двадцати томах

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

ОАО «Полиграф-Юг»
Майкоп
2015

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ
ТОМ XVII

ОАО «Полиграф-Юг»
Майкоп
2015

УДК 821.352.3-31
ББК 84(2=602.2)6-44
М 38

Машбаш И. Ш.

М 38 Собрание сочинений в двадцати томах. Том семнадцатый. Сто первый перевал. Оплаканных не ждут. Исторические романы. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2015. – 496 с.

В собрание сочинений вошли стихотворения, поэмы, романы, публицистика Исхака Машбаша, народного писателя Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, лауреата Государственных премий СССР, России, Адыгеи, Российской литературной премии М. А. Шолохова.

СТО ПЕРВЫЙ ПЕРЕВАЛ

Исторический роман

ISBN 978-5-7992-0833-2
ISBN 978-5-7992-0000-0

© Машбаш И. Ш., 2015

1

Ночь была темная. Еще темнее было у плетня под горой, где, припав к земле, затаился Аслан Даримок.

И маленький, с одной-единственной улицей, аул Пшаде тоже затих в тревожной темноте.

Внизу под аулом шумела быстроногая речка, вверху над ним мрачно возвышалась обрывистая гора. Еще выше той горы висело тяжелое беззвездное небо.

Тихо, темно и тревожно в маленьком ауле.

Война.

Далеко-далеко на западе глухо рвались бомбы. Далеко рвались, а Аслан, лежавший грудью на земле, слышал, как она стонала. Когда поднимал голову и смотрел вверх, между двух холмиков видел там зарево. Будто кровоточила земля. Оттуда шла в тихий аул война.

А пока спокойно здесь.

Но вот на другом конце вдруг залаяла собака – сипло и раскатисто. Аслан напряженно прислушался.

Собака пролаяла и стихла. Другие не ответили ей, не поддержали.

«Какого дьявола я торчу здесь?» – тоскливо выругал себя Даримок. И сердце у него заколотилось гулко, часто, и в голову полезли, полезли разные мысли.

Вспомнились слова матери:

«Не говори плохо, сынок, про бедного Трам, не делай ему зла. Не такой он, как его выставляют недобрые люди. За всю свою жизнь Трам и теленка не обидел».

Так ему говорила мать, но он не послушался ее. Не стал искать друга, не поговорил с ним по душам. И вот

теперь сидел в засаде, ждал Трам Таусова, своего молочного брата. Эй-ей, как давно они с ним не видались! И какой он теперь, Трам? А могли бы они с ним увидаться и раньше. Могли поговорить.

Однажды ночью, вскоре после того, как Аслан Даримок стал лейтенантом милиции, Трам постучал к ним в окно, но Даримок не захотел с ним поговорить, мол, нет его дома. Нет, уехал куда-то, и все... Сколько пережила в ту ночь бедная мать. Да и он сам не мог сомкнуть глаз, лежал и ждал, что Трам еще раз подойдет и опять постучит в окно.

К счастью, никто из аульчан тогда не видел, как приходил к дому Аслана Трам. Одному Аллаху известно, зачем он приходил, чего хотел. Долго о чем-то шептался на улице с матерью. О чем? Вспоминая ту ночь, мать тихо плакала, но сыну так ничего и не сказала о разговоре с Трамом, унесла тайну с собой в могилу.

Э, дьявол, и зачем Даримок пришел сюда? Пусть бы кто-нибудь другой ловил, ведь, что ни говори, их с Трамом кормила одна женщина своей грудью, на одних коленях сидели они, делили один кусок пополам.

А теперь Трам надо поймать.

...Шесть лет назад случилась с Таусовым беда. Теперь бы и забыть ее пора, но все так спуталось в клубке, затянулось в тугих узлах – не распутаешь, не развяжешь. Жизнь она такая – не любит ходить прямыми дорогами, все норовит лесными запутанными да горными крутыми тропами. Такими, что на них не только ногу, голову сломать можно.

Шесть лет назад Трам избил бригадира Даду Харобкова и ушел в лес. В ауле его прозвали абреком. Да какой там абрек! Слышно было, в лесу-то он мало жил. Уезжал будто бы на север, потом опять вернулся на Кавказ и где-то работал табунщиком. Говорили, что тайком бывает Трам у своей Курины, но милиция ничего достоверно не знала. Ведь аульские разговоры похожи на ветер: дует, да самого его не видно, шумит, а в руки не возьмешь.

Годы прошли. Давно бы пора Трам вернуться в родной аул, а он все скрывался. Видно, у него были свои причины – человек-то он не глупый, не злой.

Ну ладно, были, но сейчас-то – война. Каждое утро по радио передают, какие жестокие бои идут на советской земле. Сколько наших людей гибнет. В родной аул уже много похоронок пришло, а Трам все скрывается. Ведь в армии служил, знает, раз началась война, явись в военкомат, должен защищать свою землю от врагов. Про старое и вспоминать не стали бы, а он все бродит, бродит где-то. Вот теперь, хочешь не хочешь, получается – дезертир он, подлежит суду военного трибунала.

«Э-э, Трам! Вот что ты наделал. Сам заварил кашу, сам и расхлебывай. Уж не сердись, что обязан я тебя взять и доставить в Заурхаль».

Тихо в ауле – ни дверь не скрипнет, ни сова не прокричит.

Душная и тягостная ночь. Аслану казалось, что она и вовсе никогда не кончится.

Где же Трам? Где он заблудился в этой густой, как деготь, темноте? Может, он сегодня и совсем не придет? Хорошо бы...

Переехав через быструю речушку, Трам пустил поводья, и лошадь сама пошла по давно знакомой тропе. И густой лес, и ночная тьма, и непроницаемая тишина – все было для нее привычным, ведь Трам много раз ездил домой по ночам.

Сегодня – последняя ночь. Простится с женой, с детьми и ускачет в Заурхаль. К утру будет в военкомате.

Погромы хивали на западе орудия. Совсем низко над лесом прошумел самолет, свой – «кукурузник», полетел бомбить немцев.

...До того как уйти в абреки, Трам не был особенно богомольным – и омовения совершал не всегда, и молитвы пропускал, но все-таки верил – есть Аллах.

Даримок над ним посмеивался:

– Какой Аллах? Ты и на колени перед Ним становишься, что-то по-арабски бормочешь Ему, о землю лбом бьешься, а сам и слов тех не понимаешь. Что просишь, о чем молчишь? Может, глупость какую бормочешь?

Трам замахал руками, испуганно сказал:

– Эй, замолчи. Нельзя так, услышит кто-нибудь из стариков, на весь аул опозоримся.

Даримок все хохотал:

– Если Аллах слышит, старика не бойся.

– Замолчи! Не говори так!

– Ты и в самом деле боишься? – спросил, захлебываясь смехом, Даримок.

– Да! Замолчи, несчастный!

– Чего же молчать? Сколько я тебя знаю, ты все просишь Аллаха помочь тебе купить лошадь. Ночи не спишь, тоскуешь о скакуне. А помог тебе Аллах? Батрачишь и батрачишь – одни мозоли в награду получаешь...

Так ли, нет ли, но Трам решил купить у цыгана кобылицу. Знал, что ворованная, но польстился на малую цену. Достал свои жалкие сбережения, посчитал – маловато. Впору было отказаться от покупки, да выручила Курина, жена, которую он только-только привел к себе в дом. Достала она из закуртка платок, развернула его – там было немного денег. Совсем немного, но хватало, чтобы купить кобылицу.

Милостивый Аллах! Ведь Курина была сиротой и скопила эти гроши кто знает какой ценой, кто знает, сколько слез пролито над каждым рублем, над каждым гривенником. Надо бы купить жене новую кофту вместо заштопанной, купить башмаки. И дом-то еще совсем пустой: стол, две табуретки да старая скрипучая кровать.

– Купи лошадь, – твердо сказала Курина, – как можно мужчине без лошади? Я хочу видеть тебя джигитом, красивым. Купи лошадь, Трам. Купи, мой муж.

Она положила руки ему на плечи и ласково смотрела большими красивыми глазами.

– Спасибо тебе, моя добрая жена. Но ведь мы с тобой еще так бедны, так плохо одеты. Лучше уж не покупать

пока лошадь... Болетуковы обещали подарить мне жеребенка, когда ожеребится рыжая кобыла. Уж я посмотрю, чтоб все было благополучно.

– У-у, разори их Аллах! – с жаром сказала Курина. – Когда это было, чтоб Болетуковы держали свое слово? Долго придется ждать того дня, когда ты поставишь свою ногу в стремя... Купи лошадь... Мне ничего не надо, а у тебя черкеска хороша и шапка хоть куда... Мне от моего бедного отца остались серебряный пояс и кинжал. Посмотри, Трам! Таких теперь не сыщешь во всей Адыгее. Отец заказывал их в самом Дагестане. Сколько меня ни просили продать их, как ни уговаривали, я спрятала их. Теперь они твои...

– Правда, Курина, я не помню, чтобы у нас в ауле был у кого-нибудь такой дорогой пояс, такой красивый. Но разве я посмею его надеть? – с тоской сказал Трам.

– Почему?

– Засмеют в ауле, скажут, надел пояс тестя.

Что могла сказать Курина? Она знала, что такое честь для мужчины. Поправила коптилку и прилегла на скрипучую кровать.

Жалко стало Траму свою Курину, свою красавицу. Он присел с нею рядом, обнял, стал успокаивать.

Но Курина осталась тверда.

– Нет, – сказала она, – я хочу видеть тебя на коне впереди других мужчин. Не хочешь носить этот пояс – давай продадим и купим тебе другой. Никто об этом не узнает и не посмеет упрекнуть тестем. А кинжал в ауле не видели – ты сможешь носить его спокойно... Лошадь у тебя будет, обязательно будет!

Милостивый Аллах, как счастлив был Трам в тот вечер...

Но проехать по улице аула на своем коне, с новым серебряным поясом и с кинжалом Траму так и не удалось. Кобыла-то у цыгана была жеребая. А когда ожеребилась, принесла кобылку, в ауле начали организовывать колхоз. Утром рано прибежал к Таусовым Даримок. Веселый, возбужденный.

– Знаешь, Трам, что делается у нас в ауле?! Знаешь?!

– Скажешь – узнаю.

– Записывают в колхоз.

Трам уже слышал о колхозах, знал, что это такое, но на всякий случай спросил:

– Что такое колхоз? Кто записывает?

Даримок говорил так громко, будто перед ним была целая толпа:

– Земли в ущелье Баджи, в долине Лабы отдают беднякам. У Болетуковых отобрали все уголья и тоже отдают их беднякам.

– Всем беднякам?! А как же мы?! – всполошилась Курина. – Мы тоже бедняки.

– Успокойся, жена, – неторопливо, солидно сказал Трам, – раз всем дают, значит, перепадет что-нибудь и нам, не останемся в стороне. Так я говорю, друг?

– Конечно, конечно! – убеждал Аслан.

Трам наморщил лоб, поскреб затылок своей большой, сильной рукой. Он думал. Так думал, словно бы ворочал камни. Потом спросил, испытующе глядя на Даримока:

– Значит, табуны у Болетуковых отобрали?

– Да!

– А вы в колхоз записались? – допытывался, набившись, Трам.

– Конечно! Разве моего отца нужно уговаривать, когда речь идет о таком хорошем деле? Он всегда первый. Кто этого не знает? Его председателем сделали. Главным.

– А какие лошади из болетуковских вам достались?

– Ва! О каких лошадях ты говоришь! Мы своих тоже сдали. Все сдают. Это же колхоз.

Трам, превратившись весь в слух и зрение, насторожившись, как горный олень, спросил:

– Многие уже вступили в этот... колхоз?

– Почти весь аул! Тебе тоже надо написать заявление. Что ты, задрипанная овца, что ли?

Трам побледнел. Вскинул кудлатую голову и в узкое окошко увидел во дворе буланую кобылу, которая кормила своего лошонка.

Курина возилась у очага. Что-то стряпала.

– Значит, так говоришь? Значит, все сдают лошадей в этот колхоз?

– Да, конечно! И никаких тебе забот. Все вместе, одним напором!

Трам проводил Аслана до калитки и пошел к сараю.

Вот его бричка. Вчера только он покрасил ее, смазал колеса. Новые ободы надел. Хорошая стала у него бричка. Не стучит теперь, не скрипит. Хорошо катится.

Подошел к Буланке. Посмотрел в ее грустные и добрые глаза. Погладил гриву. Клочком сена стал чистить лоснившуюся шею, спину. Буланке было приятно. Она зажмурилась, от удовольствия топала передней ногой.

А жеребенок все сосал душистое молоко, причмокивал. Напившись, взбрыкнул, подошел к Траму, тронул его влажными от молока губами, мол, и меня погладь, поласкай.

Вычистив Буланку и Малышку, Трам отвел их в конюшню и запер. Огромный замок повесил на двери. Старинный, ржавый. Сам не знал, зачем это сделал, – раньше-то никогда не запирали конюшню. Никто в ауле не запирали.

Беспокойство в душе Трама росло. Ходил, бродил по двору, будто потерял что-то важное. Утерял и никак не мог вспомнить, что утерял.

Дым из трубы поднимался столбушкой в чистое небо и там как-то печально пропадал.

Между курятником и сараем лежал сугроб старого снега. Рыхлый, ноздреватый. Трам взял у плетня лопату и стал разбрасывать сугроб по двору. Снег таял на горячем солнце, будто исходил слезами.

Каждую осень, возвращаясь с гор с табунами, Трам давал себе зарок, что больше не даст Болетуковым обманывать себя, не станет работать за гроши. Но только наступала весна, начинал тосковать по горам, тянуло туда, где пахло табуном, где, радуясь весне, ржали лошади. Проходя мимо двора Болетуковых, он почему-то замедлял шаг – тяжелее ноги становились, что ли, – исподлобья, будто невзначай заглядывал в баз, любовался лошадьми.

Ближе, ближе к ним... И вот уж он на дворе, среди лошадей. Болетуковы, зная слабость Трама, встречали его ласково. Заговаривали о горах, о лошадях... Трам сдавался, хотя понимал, что опять хозяин его надует. Э, плевать на деньги! Были бы горы да гривастые красавцы. И ветер, ветер!

Прошлой осенью Болетуковым не удалось уговорить Трама. Не захотел он оставлять свою молодую красивую жену, как все годы оставлял свою мать. Боялся, не устоит перед тоской по Курине.

И вот пришла новая весна. Потянуло с луга над речкой первой зеленью, призывно заржали лошади в базах...

Курина готовила завтрак и в окно следила за мужем. Видела, как он бродил по двору, не находя себе дела, видела, как ласкал Буланку и Малышку, как запер их в конюшне на огромный замок. Вышла на крыльцо, позвала завтракать и, подавая на стол горячие лепешки и крепко наперченный черным перцем калмыцкий чай, заботливо и ласково сказала:

– Зачем мучаешь себя, муж мой? Зачем изводишь себя тоской? Поешь и иди к людям. Посмотри, что они делают, послушай, что говорят, попроси совета. В ауле много добрых и мудрых стариков. Поступай как они, и свет для тебя будет просторным и щедрым.

Поступил Трам, как поступили все в ауле: записался в колхоз «Новая жизнь». Зная его любовь к лошадям, председатель, отец Аслана, назначил Трама ездовым. От темна до темна трудился Трам со всеми на полях и в садах. Нравилось ему, как дружно работали все аульчане: с песнями уезжали, с песнями и возвращались. На полевом стане за длинным столом, врытым в землю под навесом, с шутками-прибаутками обедали. И разговор теперь все складывался другой – мы, у нас, наше. Непривычно это, но хорошо. И казалось Траму, будто иначе он теперь ходит по земле, крепче на ней стоит.

Одно было плохо – не нравился бригадир Даду Харобков.

В давние времена Даду батрачил, как и Трам, у Болетуковых. Что батрачил, нет в том греха, такая уж ему жизненная тропа выпала. Но вот зачем он дружил со средним сыном хозяина? Э, если бы дружил, тоже греха нет. Дружба – святое дело. Он вроде как шутком был при аульских баях. И особенно при этом самом, среднем сыне. Развеселить, рассмешить, хоть в грязи перед ним показаться.

Трам сказал однажды Даду:

– Или ты не мужчина, что щенком у блестящих хозяйских сапог ластишься да облизываешь их?

Даду глупой шуткой ответил на это, а в глазах закипела злорада. Заметил Трам и запомнил – о камне всегда надо помнить, чтоб вовремя от него увернуться.

Не ошибся Трам.

По доносу Даду хозяин отхлестал Трама за то, что он дал Даримоку коня для скачек в Темиргое.

То было давно, но не забывалось. Однажды они с бригадиром повстречались в поле. Чего-то заартачилась под бригадиром лошадь, и он стал хлестать ее нагайкой, остервенело бил кулаком по глазам...

Трам не стерпел. Лучше бы Даду бил его, чем беззащитную лошадь.

– Что ты делаешь, бригадир?! стыдно как! Если у тебя чешутся кулаки, сойди с коня, подойди, пожалуйста, ко мне. Ей-богу, так лучше будет.

Рассердился Даду, блеснул злыми глазами и ничего не ответил. Ускакал. А Трам понял: еще тяжелее у Харобкова стал камень за пазухой...

Почему Даду Харобкова назначили бригадиром? Разве может злой человек руководить людьми? Нет, злым надо давать в руки молоты, и пусть они в горах камни дробят.

Так думал Трам, но, видно, не все думали с ним одинаково. Правду говорят, сколько людей на земле, столько и дум разных на ней. И он сказал себе: «Что мне дался этот Харобков? Пусть живет, как хочет, а я буду жить, как надо».

И вроде бы забываться уже стала обида, но ведь не зря же говорится: торопись запомнить, а забыть всегда успеешь.

Работал Трам в полеводческой бригаде, уходил с восходом солнца, а возвращался с закатом – летний день год кормит. Но в последнее время его стали отсылать домой пораньше: Курина ждала ребенка. Были бы живы их родители, помогли бы Курине по хозяйству, присмотрели за ней, да не довелось старикам увидеть внуков своих, потешиться дедовской радостью. Правда, соседки за день не раз навещали Курину, но, как говорится, чужой добрый глаз – хорошо, а свой все же лучше.

В тот вечер Трам приехал на Буланке, чтоб поутру не идти на конюшню, а прямо ехать в поле.

Накормила Курина мужа, постель разобрала – отдохнуть ему надо, очень устал он, работает, не жалея сил. Правда, кроме усталости, увидела она у Трама какое-то особенное, праздничное настроение. Не могла понять, что еще за радость, что за праздник был у него сегодня.

– Слышишь, звон по аулу идет? – сказал Трам. – Косы отбивают. Завтра начнем косить. Добрые хлеба стоят в поле.

Курина поняла радость мужа – это была радость хлебороба. Его большой и важный праздник. Значит, и ее радость, и ее праздник. Тем большей была для них обоих эта радость, что они по-хозяйски стали на ноги на своей земле. Хлеб придет в их дом не как подачка богатеев, а войдет гордостью, знаком их силы.

Ночью Трам проснулся, услышав тревожное ржание Буланки. Проснулся и увидел в окошке красный свет. И опять ржание Буланки и пронзительный крик Малышки.

Сообразил – пожар!

Надрывно, с подвывом, лаяли соседские собаки.

В белье выскочил во двор. Огонь был уже такой яростный, что Трам сам мог вспыхнуть спичкой.

Вылив на себя ведро воды, он еле открыл дверь конюшни.

С дымящейся шерстью на боках выскочила Малышка. Трам, задыхаясь от слез, вывел Буланку. Рухнули подгоревшие балки.

Сбежавшиеся на пожар соседи поймали обезумевшую Малышку. Окатили холодной водой. Она едва держалась на ногах.

– Масла! Принесите топленого масла!

Кто-то протянул горшочек с маслом:

– Принес! Я сразу догадался, чем надо лечить Малышку.

Даду Харобков осторожно мазал обгоревший бок Малышки. Осторожно и даже ласково мазал. И все приговаривал, как ему жалко кобылку, такую славную кобылку.

Трам подбежал к Малышке и стал гладить ее лоб, стал целовать. Тут же вспомнил о Курине: «Как она там? Что с нею? Наверно, сильно испугалась. Как бы с ней не было плохо».

Он кинулся в дом, но две женщины с поднятыми руками пошли ему навстречу и оттеснили назад:

– Нельзя! Никак нельзя. Грех!

– Там хозяин Аллах. Он свершает чудо.

– А ты иди погуляй. Успокойся. И радуйся, молись милосердному...

За каменными стенами догорала рухнувшая крыша.

Соседские парни прогуливали притихшую Малышку.

Мужчины стояли кружком у ворот и разговаривали.

Говорил слепой старец:

– Эта лошадка станет теперь замечательной лошадкой, запомните мои слова, люди.

Даду, вытирая масляные руки о тряпку, насмешливо спросил:

– Ты так думаешь, Паго?

– Не думаю, а знаю. Я в десять раз больше тебя видел. Говорю, эта обгорелая кобылица будет не простой лошадкой!.. Поживете, увидите. Вспомните старого Паго. Видывал я обгорелых лошадей, и всегда они бывали быстрыми, умными, самыми верными человеку.

Из дома вышла и остановилась с ружьем в руках повивальная бабка Гуагуна.

Через двери конюшни падал на мужчин свет. Старуха увидела старика Паго, обратилась с почтением:

– В этом доме только что родился мужчина, равного которому нет в нашем ауле. Возвести об этом, мудрый и добрый человек, всем людям.

Она поднесла ружье старику и вернулась на крыльцо. Женщины в ожидании выстрела согнулись, накрывшись платками. Только высокая Гуагуна стояла прямо и торжественно ждала.

Паго отечески строго спросил:

– Как там наша невестка? Как она себя чувствует?

– Я довольна ею, – ответила Гуагуна и улыбнулась.

– Тогда – счастье! – воскликнул старик и выстрелил.

– Счастье! – и выстрелил.

– Счастье!

Грохнул третий выстрел.

Радовались люди новому человеку.

Эхо выстрелов разнеслось по аулу, птицей полетело над Лабою, тревожа ее быстрые воды, доброй вестью понеслось над созревшими пшеничными полями...

...Одна беда не ходит, сама идет и другую ведет, но в этот раз другая, верно, заблудилась где-то на тропе в лесу или в горах. Курина быстро поправлялась и становилась красивее. На пользу пошло ей материнство – это хороший знак. Сын тоже был на славу: хорошо ел – силы будут, громко кричал – грудь широкой будет, долго кричал – нервы хорошие. Настоящим мужчиной будет. Ожоги у Малышки хорошо заживали. У нее повеселели глаза, а однажды утром она так звонко и громко заржала, что Мурат в куше¹ проснулся и заревел.

– Реви, мальчишка, реви, джигит! Хорошо это! Нам хорошо! – порадовался Грам.

Одно только тревожило Грама: откуда пришла беда? Огонь-то сам по себе не загорается. Сказать, Грам обронил в конюшне окурки? Нет. Крестьянин там даже спичек из кармана не достанет. Из соседской трубы искра вылетела и подожгла? В полночь никто не топит печь! Проходивший

¹ Куше – люлька.

по улице обронил незатушенный окурки? Так конюшня вон где от дороги! Силой окурка туда не добросишь...

Спустя дней десять после пожара по старинному обычаю собрался во дворе Грама шихаф¹: мужчины сложили из камня новые стены сарая, срубили и установили стропила, покрыли соломой крышу, а женщины обмазали и побелили сарай. Такой у адыгов закон: попал человек в беду – всем миром надо ему помочь. Только так и можно жить на земле.

Даду вызвал из района милицию, сам помогал вести расследование, но ничего узнать о причине пожара не удалось.

Старики говорят: «Случается, беда врагов друзьями делает». После пожара Грам подобрел к Даду. Помнил, как тот мазал раны Малышки маслом, как жалел ее. На строительстве нового сарая был заводилой. А однажды бригадир прислал воз соломы для домашних нужд Таусовых. Сам прислал, не дожидаясь, пока его попросят.

«Что, – думал Грам, – у жизни много разных тропинок. Не узнаешь, по какой она поведет и тебя, и твоего друга, и твоего врага».

И спокойнее, веселее зажило Граму Таусову – наверно, всегда так бывает, если в душе человека еще поселяется и добро друга, товарища или даже просто знакомого.

Прошло шесть лет с тех пор, а и сейчас, когда он ехал темным лесом в тревожное и опасное свое будущее, улыбнулся тем добрым дням.

...Время стояло жаркое, пшеница быстро поспевала и кое-где уже начала осыпаться. Колхозники не жалели сил. Каждому отвели делянку, торопились управиться. Ночь была лунной, светлой, так что косить было легко и приятно.

Проходя улицей, Грам увидел свет в окне Болетуковых. Окно занавешено чем-то черным, плотным, но свет пробивался сквозь щель. Если бы просто светило окно, тогда бы все было понятно, а то ведь занавесили окошко, – значит, прятались?

¹ Шихаф – коллективная помощь соседу.

Припавши к плетню, он шепотом позвал собаку, приласкал ее. Она-то знала его хорошо – сколько лет пробатрачил здесь Трам... Приласкал собаку и перемахнул через плетень. Подкрался к окну, прислушался.

Черная шаль закрывала окно. Через узкую щель никак нельзя было рассмотреть мужчин, говоривших в комнате. По голосу узнал Болетукова и Даду.

– Что ты мне ни говори, а поделом этому мерзавцу! Пусть не думает, что Даду легко может прощать свои обиды. Жалко, лачуга его не сгорела, конюшней отделался.

Это говорил Харобков. Говорил зло.

– Ладно, ладно, – басил Болетуков-старший, – зачем говорить о сделанном... Вот когда заскирдуют пшеницу, подгонят к ней молотилку, не зевай. Огонь сделает свое дело! Понятно?

– Понятно. И не сомневайся. Даду умеет делать дела!

Рвануть бы оконную раму, вскочить в комнату и дать бы этим бешеным собакам так, чтобы век помнили! Да разве один управишься с такими быками?

Трам нащупал в кармане коробку спичек, достал ее, но тут же подумал: какая польза будет от этого поджога? Только месть. Надо пойти к председателю и рассказать ему обо всем, пусть чекисты разберутся.

И он пошел к председателю. Шел быстро, большими шагами. Ярость закипала в нем. «Эй, не надо хлестать себя, не надо подгонять. Нужно быть мужчиной. Спокойней...» – успокаивал себя, остужал ненависть. А когда остудил, подумал: придет он к председателю, расскажет все, но кто поверит ему? Даду скажет – врет Трам, скажет, ночью приснилась ему всякая чепуха. И председатель поверит бригадиру. Тогда какой позор ляжет на голову, что придется уходить из аула. Но куда крестьянину податься от своей земли? Что он без земли?

Трам повернул обратно.

Снова стала закипать в нем ненависть и жажда мести.

Пусть будет, как будет! Он, Трам, сам разделается со своим обидчиком.

Опять нащупал спички, достал из кармана и, зажав в потной руке, прибавил шагу...

Коротка летняя ночь – не успел хорошенько всмотреться в ее звездные глаза, уже настала пора прощаться с нею.

Пока ходил Трам в один конец аула, в другой, на востоке начала заниматься заря.

С пригорка хорошо видны поля. Успокоенное море хлеба лежало застывшими золотыми волнами. В кустах тамариска пели ранние птицы. По стерне шмыгали и кричали перепела.

Далеко над горами висели белые облака.

И солнце, солнце надо всем.

Из балки поднялся всадник и поскакал навстречу Трам. Это был Даду.

Трам перегородил дорогу.

Серый конь взвился на дыбы, заржал, ударил гневно копытом.

– Салямун алейкум! – весело поздоровался Харобков. – Ты уже закончил свою делянку?

Трам не ответил. Взял коня под уздцы и, сцепив зубы, сказал:

– Слезай!

– Не кормили тебя сегодня, что ли? Или плохо спал? – пытался отшутиться Даду.

– Слезай!

Даду понял, шутки с рассвирепевшим Таусовым плохи. Но с чего бы это он?

– Перестань, пусти узду! – крикнул Даду и пятками поддал коню под бока.

Серый вздыбился, кинулся в сторону, но Трам удержал его.

Харобков ожег Трама нагайкой и все горячил коня, пытался вырваться.

– Ты вон как, собачье отродье, сын дьявола! Слезай, будь мужчиной!

И Трам стащил бригадира на землю.

Даду выхватил наган из кармана, но выстрелить не успел – сильный удар Трама свалил его с ног...

До сих пор хорошо помнил Трам, как он бил Даду, как прибежали на крик бригадира колхозники и отняли избитого Харобкова.

Всякий раз, когда вспоминал об этом, Траму становилось не по себе, он будто бы снова ощущал на своих руках липкую кровь Даду, видел его жалкие глаза.

Вечером того же дня к Таусовым пришел Аслан Даринок и сказал, что Траму придется отвечать – ведь он избил колхозного бригадира, комсомольца. Могут под суд отдать.

Ночью беззвучно плакала у ворот Курина с Муратом на руках, провожая Трама в неведомую дорогу. Он видел, как тяжело было ей, и оттого, что ничем не мог помочь своей Курине, ему становилось нестерпимо больно. Хотелось на прощанье постоять бы подольше, поговорить с Куриной, но ее боль становилась его болью, и он оборвал ее разом, круто вскочил на Буланку и поскакал. Сзади резво бежала Малышка.

Незадолго до рассвета Трам добрался до глухой поляны в горах. С трех сторон отвесные скалы, а с четвертой – крутой обрыв к шумной речке, к широкой долине.

В поводу Трам провел Буланку по узкой запутанной тропке, через заросли орешника и рябины, пугливо ступая, прошла и Малышка.

– Вот здесь мы теперь и будем жить. Это наш дом, – стоя посередине поляны, печально сказал Трам, обращаясь не то к Буланке с Малышкой, не то к поляне, не то к самому себе.

Осень, зима, весна и лето прошли быстро – ровно бы проскочили мимо. От темна до темна работал, сооружая землянку, конюшню, то вскапывал дернистую крепкую землю поляны, сажал картошку, сеял фасоль, то на склонах гор косил сено... Едва занимался день, Трам бежал к ручью, торопливо умывался студеной водой, глотал кусок сыра с лепешкой, испеченной на железной печурке, и принимался за дела. Работал, работал до ломоты в руках, до гуда в плечах.

Но вот наступила осень, свой урожай Трам переправил в аул Курине, вскопал под зиму свое поле, удобрил навозом, и потянулись томительно длинные дни и ночи безделья и злой тоски. Длинные осенние ночи казались ему бесконечными и были мучительными. Спал плохо – то чудилось, будто его окружают, то казалось, к землянке, шурша травой и палыми листьями деревьев, подбирается кто-то. А то вдруг просто вскакивал в холодном поту. В землянку стал забираться едва смеркалось – боялся ночного леса. За каждым деревом, под каждым кустом ему мерещилось что-то опасное. Дверь переделал – из толстых, надежных жердей сколотил, запор к ней такой пристроил, что никакой силой не взломать. Вспомнил, как в детстве они смеялись над Асланом, который боялся один ходить в лес. Вспомнил и посмеялся над собой... И понял Трам, что страшно ему не темноты и леса, а своего одиночества.

Однажды, задавая корм лошадям, он сказал Буланке:

– Ну, подружка, давай ешь хорошенько, сегодня нам предстоит дальняя дорога. Не могу я один. Устал жить медведем-шатуном, поедем в Черкесию к моему другу Чериму в Пседах. Будем жить, как люди живут... Да и Малышка наша, видишь, заневестилась, тоже скоро начнет чахнуть от тоски.

Вечером Трам уже был в Пседахе. После ужина все без утайки рассказал Чериму. Тот, не перебивая, выслушал его, а потом сказал:

– Правильно сделал, что пришел ко мне. Выдумал тоже – абрек. Дикарь ты какой, что ли? Э-э, горячая у тебя голова, остудить вовремя некому.

– Тебе хорошо говорить, Черим, а мне-то как быть? Обидели меня. Под суд отдать хотели. Как жить после этого? Гордость у мужчины должна быть. Если нет ее, тогда он – половая тряпка, об нее каждый вытирает ноги.

– Не гордость, а глупость. Зачем ты связался с этим Даду? Зачем? Надо было идти к председателю, рассказать ему все.

– Понимаю, надо было, – угрюмо протянул Трам. – Теперь уже поздно... В аул все равно не могу вернуться.

– А раз не вернешься, живи здесь по-людски. Иди к нам на конзавод работать. Ко мне помощником табунщика. Пока поживешь у меня в доме, а там видно будет.

Не выдал Трам своей большой радости, сдержанным в этом был. Только поблагодарил Черима, поклонился ему уважительно, а сам ликовал. Еще бы! Ведь ничего так не любил на земле, как лошадей, и тут вдруг такое привалило – целый табун племенных рысаков. Да и с Буланкой, с Малышкой расставаться не надо – будут пастись в табуне, и все тут.

И зажил Трам доброй жизнью. Зажил человеком среди людей. И клятвы своей не нарушил. В родном ауле его по-прежнему, конечно, считали абреком. И хорошо, думал Трам. Значит, верили – не уронил своего мужского достоинства Таусов. А он делал доброе и любимое дело – выращивал на заводе скакунов. Да еще каких скакунов. Брала они призы в Нальчике, в Пятигорске и в самой Москве.

Время от времени ездил в Пшаде повидаться с Куриной, ночью, тайком пробираясь в свой дом. И Курина приезжала погостить у мужа денек-другой.

Как-то Черим сказал ему:

– Эй, джигит, я все жду, когда смеяться начнешь над собой? Все жду, жду, но конца не вижу, потому и решил поговорить. Да и люди спрашивают, где семья Трама? Почему бы не забрать сюда Курину с Муратом? А?

– Тебе легко сказать – забрать. Как могу я осиротить землю отца, без корней остаться? Нет, нельзя этого.

Долго друзья говорили, долго спорили. Трам так и не согласился с Черимом.

Не согласился, но время от времени стал задумываться: в самом деле, не забрать ли Курину? Ведь и здесь – черкесская земля, древняя земля адыгов. Да и не так далеко отсюда родной Пшаде, могила отца.

И наверно, забрал бы он через некоторое время жену, но приехал в аул и узнал от Куриной, что Даду Харобкова арестовали, дознались, наконец, о его делах с кулаками, которые убили председателя колхоза и сожгли колхозную пшеницу.

Утром на Малышке Трам поскакал в Заурхабль, хотел рассказать все и повиниться. Но не судьба ему была сделать это.

В Заурхабле Трам повстречал хромого Лиуана. Как полагается, придержал коня, снял шапку и поклонился старику.

Лиуан удивленно вскинул седые брови:

– Ты уже вернулся домой? Разве тебе разрешили вернуться?

Трам спрыгнул на землю и рассказал старику о своем деле.

Лиуан огляделся по сторонам, потом негромко, вроде бы по секрету сказал Траму:

– Разве тебе не сказали в ауле, что милиция тебя разыскивает? Не сказали, что хотят арестовать?

– За что? Ведь Даду Харобков...

– Помолчи уж, – перебил старик, – Даду получит за свое, а ты за свое. Ты был в абреках? Был. Нарушал закон? Нарушал. Скрывался, прятался. Говоришь, на конзаводе работаешь? Выходит, и там обманул. Не знает же начальство твое, кто ты. Не знает? Не-е-ет, джигит, заказана тебе дорога домой.

Кто не поверит словам старого человека?

Поздно вечером, таясь от людей, скакал Трам обратно на конзавод. Будто преграждая ему дорогу, дул встречный ветер, лицо сек холодный дождь, но табунщику к такой погоде не привыкать.

Болело сердце от разговора с Лиуаном. Ведь Трам думал, что все уже прошло, миновала беда, а получалось – нет.

Устал он жить вдали от родного аула, от жены и сына, от своих. Да и Черим, что он скажет, как примет, когда узнает, что Трама усиленно разыскивает милиция? Ох, не пришлось бы уходить с конзавода, не пришлось бы расставаться с табунами красавцев.

Ох, не пришлось бы ему совсем уходить с Кавказа. Вот выслушает Черим, узнает, какая беда грозит его дому, и скажет: «Прощай, Трам».

Но Черим знал, что такое настоящая мужская дружба, без которой и жизни на земле не было бы. Знал Черим, дружба всего дороже человеку, когда ему трудно. Если бросишь друга в тяжелую годину, быть и тебе рано или поздно брошенным, рано или поздно и тебя настигнет горькое предательство.

Встретил Черим Трама у ворот, поставил его коня в конюшню. Ввел товарища своего в дом и при свете лампы увидел – плохо ему. Дал переодеться в сухое, накормил горячим ужином и только потом спросил, почему в его глазах тоска и боль.

Без утайки, все рассказал ему Трам. Сказал, что боится подвести Черима, боится нарушить покой в его добром и тихом доме. Решил Трам уходить отсюда. Вот только – куда?

Выслушал Черим друга, поблагодарил за заботу о его доме и сказал:

– Добро на земле вечно, а зло – нет. Подними голову свою, найди радость глазам своим, доброе дело рукам, и одолеешь беду. Не я это придумал – вековая мудрость. Будем мы с тобой выращивать людям коней, будем делать им добро, и они нас не забудут. Верно говорю.

И прожил Трам у Черима еще год, а потом...

Потом началась война.

Они с Черимом на другой же день поскакали в райвоенкомат.

Военком сказал Траму: пусть он явится в Заурхабль, туда, где стоит на учете, там его и призовут в армию.

Задумался Трам. Как он поедет в Заурхабль, как будет там оправдываться? Что в милиции скажет?

А в Пседах тем временем приходили с фронта похоронки. Гибли за советскую власть, за родную землю солдаты. Двое недавно вернулись на костылях.

Пусть будет как будет, решил Трам. Пусть будет, что будет, но он должен попасть на фронт. Лучше в самое пекло, лучше смерть, чем позор перед самим собой, перед людьми своего аула, перед женой, перед сыном Муратом,

который вырастет и обязательно узнает все о своем опозоренном отце.

Поздним вечером Трам пробрался в Заурхабль и зашел к старому Лиуану. Решил сначала посоветоваться со стариком.

Услышал Лиуан о намерении Трама и замахал руками:

– Что ты, что ты! Если бы за абректство, – тебе дали бы года два, а теперь расстреляют. Ты же дезертир. Сам говоришь, на другой день обязан прийти в военкомат, а война третий месяц идет. Дезертир ты, дезертир. Ни на какой фронт тебя не пошлют. Расстреляют на площади перед народом. И уже никто, никогда не смое твоего позора. Злая судьба еще не повернулась к тебе добром, жди своего часа.

И еще, понизив голос, сказал старик, будто в Заурхабле уже знают, где скрывается Таусов, выходит, не сегодня-завтра его схватят на конзаводе. В Пшаде тоже день и ночь следят за его домом. Верные люди ему сказали. Добрые люди. Может быть, скоро переменится время, когда Лиуан подаст ему знак, не оставит в беде одного.

– В лес уходи, сынок, в лес. Другого места тебе на земле пока нет.

Но в лес Трам не пошел. Вернулся на конзавод, стал думать, как жить дальше. Вспомнил о друге, об Аслане, о лейтенанте милиции. Приходил к нему как-то ночью за советом, да не было его дома. Вот теперь решил еще раз к нему обратиться: неужели забыл Аслан, что они молочные братья, неужели верит разным рассказам, будто Трам дезертир, чужой своей земле, своим людям и советской власти? Может, что посоветует Аслан?

Вспомнил и написал письмо. Послал его Курине и наказал из рук в руки передать Аслану. Пусть тот напишет ответ.

Тянулись месяцы тоскливого одиночества, а ответа все не было и не было.

День ото дня все тревожнее становилось на душе у Трама: неужели Лиуан прав, неужели его и в самом деле врагом считают? Может быть, поэтому и молчит Аслан?

Горькую правду сказать не хочет, а соврать не может, ведь они все-таки друзья.

Думал и думал Трам. Иногда у него от этих тяжелых непокорных дум начинала болеть голова. Однажды он твердо себе сказал: хватит сидеть здесь в горах, надо идти прямо к директору конзавода, рассказать ему все начистоту, и пусть тот сделает все, как надо. Хоть трибунал, хоть что угодно.

Так сказал себе Трам, запряг в бричку пару лошадей и поехал. Табунщикам сказал, дескать, продукты кончаются, надо съездить на завод.

Приехал. Стал открывать ворота и увидел у сарая Черима. Что такое? Почему тот не на войне?

Оказалось, Черима вернули из военкомата, надо было эвакуировать конзавод, гнать табуны племенных лошадей за Каспий.

Черим тоже увидел Трама:

– Э, хорошо, что приехал! А то я сегодня собирался сам за тобой. Пойдем в дом, жена обедом покормит, а я тебе о деле расскажу.

Рассказал и велел прямо сейчас, после обеда, скакать в горы и гнать сюда табун.

– Скорее надо. Понял? Как пригонишь, сразу тронемся в дорогу. Через Черные земли, к Волге, а там и дальше, в Казахстан.

– Послушай, Черим, душа у меня болит. Надо мне идти в военкомат. Поеду я в Заурхаль.

– Эй, не дури мне голову. Какой тебе еще военкомат? Меня из армии вернули, чтобы лошадей от фашистов угнать, и тебя вернут. Это, брат, считай боевым заданием. Отгоним лошадей, а там дело твое.

Погнали табуны, но до Казахстана не дошли. Так получилось, что зимовать остались на Черных землях. Весной сдали коней в Астрахани, а сами вернулись на конзавод – надо было засеять поля...

Как-то ночью Трам проснулся оттого, что под ним дрожала земля. Проснулся и услышал гул взрывов. Выскочил из дому и увидел на севере зарево. Понял: рвались

бомбы, значит, пришла война и сюда, она уже совсем близко.

Понял Трам и другое, сказал себе:

– Трус ты, а не мужчина, жалкий трус. Ты обязан воевать.

Почему не ответил на письмо Аслан? Может быть, Курина не нашла его? Возможно, он уже на фронте?

Сегодня Трам все это узнает.

Тихо в ауле.

На западе тоже тихо. Зарево над холмами, кажется, стало слабеть. Спать, наверно, хотят солдаты.

Солдаты хотят спать.

«Совсем я запутался, – подумал Аслан, – совсем мне плохо. Эх, мама, моя бедная мама, почему я тогда струсил и не вышел к Траму, почему не поговорил с ним? Может, тогда вся эта история и кончилась бы добром».

Воспоминания не давали покоя. Курить хотелось от волнения. Понимал, лучше не делать этого – востер глаз абрека, но не выдержал, достал кисет. Свернул сигарку и, заслоня огонек, закурил.

Отлегло немного.

Вдавил в землю сигарку, затушил. Вспомнил, как они купались в этой речке, как играли в джигитов на холме: скакали на быстрых конях, рубились «острыми шашками», метко стреляли.

Шумела, лопотала речка – беззаботно, весело. Будто назло войне, назло людской суете весело лопотала.

Э, каким удачливым был в детстве Трам. На бахчах он, казалось, не выбирал арбузы, брал подряд, и они все бывали красными. Наперегонки никто быстрее Трама не бегал, а в альчики он обыгрывал всех. Уж очень удачлив был этот бедный Трам. О нем говорили – в сорочке родился...

Аслану что-то послышалось. Он вскинул голову.

Лопотала, мурлыкала сонную песенку речка.

Опять на западе заговорила война. И застонала земля от взрывов.

Вспомнилась Курина. Больше двух лет он не видел ее. Как уехал из родного аула в райцентр. А сейчас дом, в котором спала Курина, находился в сотне шагов. Стена дома белела в темноте и казалась совсем рядом. И сарай, который строили всем аулом. Прислушаешься, и слышно, как, похрустывая, жевала сено корова. Да и то место, где он сейчас лежал, – это огород. Здесь Курина сажала картошку, фасоль. Руку протянуть – грядка. Большая грядка с красным перцем. В доме Таусовых все ели огневое. Не всякий в рот решался взять их четлибж!¹

Эх, Курина, Курина, подумал Даримок, если бы не Трам, жила бы ты сейчас со мной – слезинка бы из глаз твоих не упала на землю.

Надо было серьезнее взяться за дело, может быть, и добился бы своего. Но как соперничать с другом из-за женщины? С настоящим другом. Нехорошо это, не по закону мужской дружбы.

Жевала корова в сарае. Звонко похрустывало сено.

Нет, если уж по правде говорить, Курина-то сохла по Траму, с ума сходила. Как тут своего добьешься? Теперь вот лежит одна-одинешенька. Может быть, спит, но, скорее всего, ждет своего Трама. Ждет в страхе. И поделом ей...

Аслан закрыл глаза и вдруг увидел Курину. По подушке разбросана ее коса, горят яркие губы, белая грудь высоко вздымается и опускается.

Выругался Аслан:

– Ей-богу, до чего дошел, дурак! Удивительно, до чего дошел!

Залаяла спросонок собака. Лениво залаяла, нехотя. За ней – другая. Эта позлее, позвонче.

Приподнялся, взглядываясь в темноту, затаился, вытянув шею.

Крадется Трам?

¹Ч е т л и б ж – национальное блюдо из курицы.

Нет. Опять тихо.

Как там Аскер и Мурадин, его помощники? Только бы не уснули. Это их первое задание, как оно для них обойдется... Только в этом году закончили Аскер и Мурадин школу – мальчишки еще. Правда, Аслан занимался с ними с девятого класса. Учил борьбе, приемам самбо.

Аскер рослый и сильный парень. Немного неповоротливый. За это его прозвали Медведем. Медведь. Если уж кто попадет ему в руки – не уйдет. И еще – застенчивый он. Очень застенчивый. Как девушка.

Мурадин же совсем другой. Худенький, щупленький, но ловкий, как кошка. И поговорить любит. Красиво поговорить.

Майор советовал Даримоку взять в Пшаде побольше людей, но он отказался. Зачем в этом деле много людей? Чем меньше, тем легче сохранить дело в тайне. А тайна тут самое главное.

Когда началась война, по аулу поползли слухи. Одни говорили, что, мол, убили Таусова, только тело его не нашли. Но убили – это точно. Другие утверждали, будто он утонул и тело его видели где-то в низовьях Кубани. А третьи по секрету сообщали, что абрек связался с нечистой силой и потому не является.

Передавали Даримоку, что Курина слышала все эти разговоры, но никому не верила. Ждала своего мужа. Заскребется осторожная мышь в углу или ветер зашуршит по двору соломой, она вскакивала, набрасывала на плечи шаль и, сидя на кровати, ждала условного стука в окошко.

И дождалась.

Однажды осенним утром аульчане увидели у ворот Курины кучу сухого валежника, дня через три во дворе появилась копна доброго сена.

Повеселела Курина, поприветливее стала со своими соседями, будто это они привезли ей и сена, и дров, будто они по ночам перекрывали соломенную крышу черепицей.

– Э-гей! – сказали аульчане.

За все эти годы, пока муж не жил в ауле, никто от Курины не слышал ни жалоб на свою горькую судьбину, ни упреков бедному Траму.

Только в войну осунулась Курина, потемнела лицом. Управляться по хозяйству старалась затемно утром или вечером, чтобы не видеться с соседями. Стыдно ей было за мужа, не могла видеть вдов и сирот. А тут еще угораздило ее родить второго сына.

«Эх, Курина, Курина, – подумал Аслан, – не знала бы ты этой беды, если бы любила меня, если б за меня вышла замуж. Какая красивая, умная и добрая была девушка, а жизнь закрутила ее, дала плохую тропинку... Она такая, жизнь».

А еще он подумал о себе. Подумал, что есть и его, Аслана Даримока, вина во всех этих бедах Трама и Курины. Закрутился он, завертелся на своей суетной дороге и забыл о друге. Не пошел ему навстречу, не подал руки. А подал бы, может, все и обошлось бы? Направилось?

Но что теперь говорить о прошлом – терзайся не терзайся, не исправишь его.

Пусть все будет, как будет.

И уснул Аслан, припав к мягкой сухой траве. Спал не долго. Ему приснилось, что он летел в пропасть. Пропасть та вроде была бездонной. У него свистело от ветра в ушах, замирало сердце... Он проснулся в холодном поту. Проснулся от страха и обругал себя самыми грубыми словами: надо такое допустить, чтобы уснуть, можно сказать, на боевом посту!

Майор, когда провожал Даримока, сказал ему:

– Говорят, Трам Таусов появился в наших краях, но в военкомате не был. А почему бы ему не прийти? Вы не задумывались над этим? Вот то-то и оно... Фронт близко. Немцы могут прийти и сюда. Вы представляете, если Таусов попадет к фашистам? Он с закрытыми глазами может пройти по любой дороге, провести врага через перевалы по неведомым тропам. Долго мы его ждали, видно, не торопится. Надо во что бы то ни стало найти его и доставить сюда. Если вам удастся выполнить

это задание, считайте, что совершите мужественный поступок.

– Выполню, товарищ майор, – отчеканил Даримок, беря под козырек.

Мужество.

Ради мужества войдешь в огонь и в воду бросишься. Без мужества кто ты такой, что ты есть на земле? Зачем жить тебе среди мужчин, среди джигитов?!

Мужество.

Э! Завидная это вещь.

Если надо, не считаешься с жизнью, пойдешь смерти навстречу. Чтобы не получить пулю в затылок, не унести с собой в могилу позора, с открытым лицом, с твердым взглядом пойдешь на смерть.

Много песен сложено о мужестве. Слово это, как солнце, светит вечно, из века в век передается людьми от отцов к сыновьям. Но есть настоящее мужество, а есть и ложное. Тут – мудрость. Ложное мужество – это бахвальство, от глупости оно. Ложное мужество унижает человека, печалит друзей и радует врагов.

Если бы, скажем, Аслан напал на спящего Трама, кто из мужчин назвал бы это мужественным поступком? Нет, Даримок не хотел такой удачи. Глаза в глаза, лоб в лоб. Лучше сказать – иду на тебя, чем – охочусь за тобой. Но вот беда – разве с Трамом справишься лоб в лоб? Он силен и ловок, как шайтан. Его можно только перехитрить. Хорошо. Хитрость – тоже мужество. Часть мужества. Сумеешь усидеть между рог у разъяренного быка? Сумеешь оседлать блоху?

2

Пала роса. Воздух стал густым и влажным, поэтому ослабел шум речки.

Была глухая полночь.

По-прежнему время от времени слышались отдаленные взрывы тяжелых бомб. По-прежнему стонала земля. И только не слышно осторожных шагов Трама.

Устал от ожидания Аслан, утомился. Затекли ноги, ломило от твердой земли бока. Встать бы, походить немножечко.

Может быть, подняться, хоть немного размять ноги? Но сначала надо внимательно осмотреться.

За огородом у подножья холма стояло молоденькое деревце. Оно едва виднелось в темноте, и все-таки Аслан заметил, как оно шелохнулось. Он напряг до боли глаза – опять качнулось, хоть тишь кругом, ни ветерка.

Конь захрипел.

Раздался шепот:

– Тише ты! Уймись!

Сердце у Аслана заколотилось. До боли зажал в руке наган. Припал к земле, вытянув шею.

«Откуда ты взялся, бедолага Грам? Уж лучше бы тебе не приходиться. Совсем бы тебе не приходиться».

Прислушивался Даримок и больше ничего не слышал. Присматривался к той молодой груше и ничего подозрительного не видел. Хотел вдоль плетня подползти к груше, но тут же передумал: услышит шорох – потом ищи ветра в поле. Лучше подождать еще немного. Если это Грам, обязательно пойдет мимо Аслана, нет другого пути в дом. Не полезет же он через чужой огород.

Ах, какая тишина в ауле. Такая тишина, что лучше бы ее никогда и никому не нарушать.

Но где же тот, который должен пройти здесь?

Кто стоял у дерева?

Откуда он взялся?

Если это Грам, то как мог с лошастью спуститься с такого крутого холма?

А если он – не Грам?

Но кто же, кроме него, будет здесь развезжать в такое время?

Трам.

С другого конца аула он не проезжал. Мурадин не пропустил бы его. Выходит, он все-таки спустился с конем по этой крутизне. По такой крутизне человеку и пешком трудно спуститься.

Спуститься-то он спустился, но Аслан не мог понять, чего ждал сошедший? А вдруг своим дьявольским чутьем все-таки учуял засаду и убрался? Э, если бы он так поступил, не пришлось бы Даримок мучиться... А как же с заданием, с майором, который надеется на Аслана? На лейтенанта Даримока.

Все-таки кто же там у дерева? Аслан решил ползти туда. Только изготавился, увидел в десятке шагов человека с мешком на плече. Невысокий, коренастый, он сторбился под тяжелой ношей и шел, немного прихрамывая на левую ногу.

Трам!

Сейчас он пойдет мимо, и Аслан кинется на него.

«Убегай, Грам! Прошу тебя!»

Устал Грам. Привалился с мешком к плетню, чтобы немножко передохнуть.

Аслан слышал его тяжелое дыхание. Дрожал от нетерпения. Дышать тоже было трудно.

Передохнул Грам, и только снова взвалил на плечо мешок, Аслан кошкой метнулся в темноте и очутился на его спине. Тот шатнулся и рухнул на землю. Издал звук, похожий на рев затравленного медведя.

Аслан пытался связать Трама, но тот изловчился, сбросил его с себя и кинулся бежать, да споткнулся о мешок с кукурузой и упал. Не успел опомниться, как Даримок уже сидел у него на спине и снова пытался связать руки.

– На этом ты закончил свое абректство, Грам, – тяжело дыша, с храпом сказал Даримок.

– Это ты, мой старый друг?

– Именно. Я. Конец, говорю, твоему абректству.

– Тебе виднее. Ты сверху.

– И ты не будешь сопротивляться?

– Какое тут сопротивление.

– Ложись животом на землю.

– Если отпустишь руки, лягу.

Сухая трава колола Траму лицо. В горле першило от росной земли.

Под грушей призывно заржала лошадь. Она будто почувствовала, что хозяин ее в беде.

В одном, в другом дворе залаяли собаки. Лениво побрехав, замолчали.

Даримок спросил:

– Кто еще с тобой? Ты не один?

– Я один, не как ты.

Аскер, оказывается, прибежал. Аслан строго спросил у него:

– Проспал? А?

– Нет.

– Как же – нет?

– Просто не слышал.

– Говоришь, не слышал?

– Ну совсем, совсем ничего.

– Эх, ты! А я-то вот услышал. И увидел... Где твоё оружие, Трам?

– Разве ты не знаешь?

– Здесь спрашиваю я, а не ты. Обыщи его карманы, Аскер. Ни одному слову его не верь!

Аскер выполнил приказ лейтенанта. Всего Трама ощупал. Даже густую шапку волос на голове потрогал рукой и так и этак. Ничего не нашел. Искал и все хотел заглянуть в лицо связанному. Уж очень много всяких небылиц слышал об этом человеке. Почти сказки о нем ходили по аулам. Хотел увидеть глаза, понять что-нибудь, но в такой кромешной тьме ничего не увидишь.

– Возьмите нож за голенищем, – сказал Трам, – в правом сапоге.

– Молодец, Трам. Лучше будет, если и дальше себя так будешь вести.

– И не забудь, что я не оказал вооруженного сопротивления.

– Ишь, как у тебя просто!

– Как мне, так и я.

От курятника кто-то бежал. Стал перелезать через плетень и грохнулся оземь, застонал.

– Стой, кто идет?! – крикнул Аскер и поднял, направил в темноту винтовку.

– Я, Мурадин... Я так и знал, что поймаете без меня. Не повезло.

– Человека, как зверя, ловить, чего уж хорошего? Стыдное это дело на земле.

– Замолчи, мудрец! – оборвал Трама Аслан и сказал ребятам: – Видите, под горой груша? Там стоит оседланный конь. Идите и возьмите его. Только осторожно, чтоб не напугать, а то убежит.

– Никуда не убежит, раз я здесь, – проговорил сидевший у плетня Трам. – Целый день лошадь не поена. Сделали бы доброе дело, если б напоили. В речке и напоили бы.

– Напоим. Жалко, что ли, – ответил Аскер.

Друзья остались одни.

Сидели в темноте друг против друга и молчали.

Трам на худой конец был доволен тем, что попал в руки друга, считал, что ему повезло.

Не в армии Даримок, значит, получил письмо. Конечно, получил, Курина обязательно ему передала. Вот сейчас все и выяснится: забылась давнишняя дружба, будто ее и не было, или осталось от нее хоть что-нибудь, хоть капелька от того тепла, которое дала им поровну его, Аслана, мать, – ведь они были молочными братьями. Думал Трам, сейчас Аслан вспомнит о его письме, расспросит, он ему скажет, что собрался завтра идти в военкомат.

Скажет, давно собирался выходить, да вот Лиуан предостерег. Может быть, прав старик, может быть, нет, но теперь уже все равно, пусть будет, как будет. Зачем его расстреливать? Пускай лучше пошлют на фронт, в самое горячее, в самое страшное место, и он искупит свою глупость, свою вину кровью.

Ждал Трам, когда же заговорит Аслан, но тот, кажется, и не собирался. Возможно, не хотел говорить о серьезном деле при мальчишках. Это правильно. Зачем при мальчишках, зачем им это знать, зачем впутываться в такое запутанное дело?

Тихо в ауле. Совсем тихо. Только и слышно, что в сарае жевала звонкое сено корова.

Слышал это Трам.

Слышал Аслан.

Оба слышали. У обоих от этих мирных звуков болели сердца.

В соседнем дворе прогорланил петух. Ему откликнулся другой. Потом еще и еще. Горланили петухи, напоминали людям о времени. В небе послышался гул самолетов. Он нарастал. Видно, летели тяжело груженные бомбардировщики. На чьи головы они сбросят свой страшный груз?

«Что ж, – подумал Трам, – куда спешить? До утра еще далеко. Заговорит Аслан. Он должен ведь допросить арестованного. Должен».

В том-то и дело – не должен Аслан устраивать тут допроса. Сейчас они пойдут в сельсовет, оттуда Даримок позвонит в Заурхабль и доложит майору, что его задание выполнено. Доложит и потом начнет заботиться о дороге в райцентр. Но это не так уж трудно. Доставит он туда Трама в целости и сохранности. И пусть знают сослуживцы, что и лейтенант Аслан Даримок не обделен мужеством. Многие там в милиции должны это понять, а то привыкли только себя считать настоящими оперативниками. Что-то они теперь скажут? Наверно, умолкнут, языки прикусят. Будут молчать, как в рот воды набрали. Э-гей, узнают они – не зря Даримок чистил наган, не зря блеск наводил на пуговицах мундира. Только им это невдомек. Мужество, оно не выдается человеку в подарок – отвалили тебе кусок, получай. Нет, каждый сам по крупнице должен собрать его, по зернышку.

Аслан Даримок часто повторял поговорку: у всякого дела есть свое начало и конец.

Несколько лет работал Аслан в оперативном отделе. Всегда добивался своего. Почти всегда. Тормоз у него – образования не хватало. Случалось, на такую вершину прыгал, но тут же откатывался назад. Давно бы майором был, к полковничьим погонам подбирался, да не было у него диплома... А где его взять, как подступиться к такому

делу. Пока Аслан в колхозе на волах работал, хлеб добывал, другие в институтах учились. Как после волов за ними угнаться?

Надо еще сказать и другое: идет война, а на войне не диплом нужен, а мужество, храбрость! Есть они у Аслана, есть. Теперь это будет видно всем. Вот только доберется он до райцентра. И ему представилось, как навстречу выйдет сам майор, как пожмет лейтенанту руку, поблагодарит...

Аскер и Мурадин привели коня, выюченного двумя мешками. Аслан подошел, потрогал мешки и резко бросил Траму:

– Значит, еще и кукурузу в колхозе воруешь?!

– Нет. Не колхозная то кукуруза.

– С неба упала, – съязвил Аслан.

– Моя, – спокойно и с достоинством ответил Трам, – на конзаводе заработал. И картошка в другом мешке тоже. Моя.

– Эх, работник нашелся!

– Крестьянин. Другого ничего не умею делать на земле. Крестьянин я.

Аслан будто не слышал этих последних слов Трама и спросил:

– Значит, говоришь, один ты здесь?

– Одного меня родили.

– Знаю!.. – оборвал Трама Аслан. Чуть не вырвалось у него: одну грудь сосали, на одних коленях сидели. Сдержался, прикусил губу.

– Мы о дезертирах говорим, – вставил свое слово Мурадин.

– С дезертирами не знаюсь. Они другого поля ягоды.

Аскер удивился этим словам Трама:

– Ты послушай, какой он хороший получается.

– В темноте глаз не видать – врать не стыдно, – и второе свое слово вставил Мурадин.

– Хватит разговоров! – скомандовал лейтенант Даримок. – Вставайте, пошли. Надо поторапливаться.

– Пошли, так пошли, – разговаривал сам с собой Трам. – Кончилось твое время. Нашелся мужчина, который перехитрил тебя. Взял тебя силой своей... Куда идти, Даримок? И темень такая, хоть глаз коли.

– Не выколешь. К сельсовету пойдём. Мурадин, ты пойдёшь впереди. Я – сзади, а ты, Аскер, с конем – следом за нами.

– С мешками что делать?

– Забирай... Тот с земли подбери тоже.

Четверо мужчин неторопливо пошли вдоль плетня.

Дошли до дома Таусовых.

Старая корова по-прежнему деловито жевала в сарае сено.

Трам замедлил шаг. В чисто выбеленном доме спали его дети и жена. Спали и не знали, что он сейчас был совсем рядом с ними. Во дворе дрова, привезенные и сложенные им, стожок сена. Под тутовым деревом на треноге висел казан. Когда Трам ночью приходил домой, прежде чем постучать в окошко, пил из казана молоко. Узнав об этом, Курина стала каждый вечер класть на крышку казана краюху свежего хлеба. Возможно, и сейчас там лежит краюха, да уж не напиток с нею молока.

Когда подошли к калитке, заволновался Трам, защемило сердце. Увидел, что проходят двор, попросил Аслана:

– Разреши попрощаться с детьми. Заклинаю молоком твоей матери. Прошу тебя.

– А потом еще чего попросишь?

– Не говори так. Ведь мы родились оба от адыгейских женщин, – сказал Трам, и голос у него дрогнул.

Конечно, надо построже обращаться с Трам – служба есть служба, дело есть дело, оно не любит поблажек и слабостей. Конечно, не надо бы разрешать заходить Трам домой, не положено, но что делать, если у человека есть сердце. Не всегда оно разбирается, что можно делать по уставу, а чего нельзя. Как быть, если ты сам отец и знаешь, как тоскливо и больно бросать своих детей одних, без твоего присмотра, как трудно отцу, если он ничем не сможет помочь своим детям в их бедах, не сможет разделить

их радостей. Пусть Трам простится с детьми, с Куриной. Да и самому Аслану хотелось взглянуть и на нее, и на ребяткишек. Для порядка, однако, строго приказал:

– Мурадин, ты беги к председателю, тащи его в сельсовет. Нам нужен телефон. Надо немедленно обо всем доложить майору.

– Есть, товарищ лейтенант!

– Заодно и лошадей наших туда приведешь.

– Есть, товарищ лейтенант!

Очень нравилось, как четко отвечал Мурадин, как хорошо он произносил звание Аслана.

– Да смотри, особенно не распространяйся о нашем деле. Пусть это пока будет тайной. А ты, Аскер, привяжи к дереву коня и оставайся со мной.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант, – тоже четко и строго ответил Аскер.

– Вели открывать дверь, – приказал Даримок Трам, – что же ты, подавай свой условный знак. Но предупреждаю, если вздумаешь сопротивляться или убежать, моя пуля в тот же момент прожжет твой затылок. Ты знаешь, я еще в детстве стрелял очень хорошо.

– Понял, – без лишних слов ответил Трам. Подошел к окну со связанными руками.

– Как же ты... скажи, я за тебя постучу.

– Нет. Я сам. А то наделаешь беды прежде времени. Детей разбудишь. Я сам.

Трам три раза тихонько стукнул лбом в стекло и стал прислушиваться к шорохам в доме. Не торопясь пошел от окна к двери. Глянул на казан под деревом: на крышке что-то белело, – наверное, краюха хлеба. Трам тяжело вздохнул.

Едва переставляя одеревеневшие ноги, он подошел к порогу.

За дверью послышались тихие шаги. Осторожная рука отодвинула запор.

– Это ты, Трам?

– Да.

– Мне показалось, ты не один.

– Да.
– Кто с тобой? – уже испуганно, словно почувствовав беду, спросила Курина.
– Сейчас увидишь.
Вспыхнул фонарик Аслана.
– Аллах разорил меня! – закричала Курина.
– Замолчи, окаянная, детей напугаешь, – негромко, но твердо приказал Трам.
– Аллах меня наказал! О дети мои...
– Перестань, тебе говорю! – тверже приказал Трам. – Всеу есть начало и конец. Хватит, сколько можно бродяжничать. В такое время, в такое время!..

Вошли в дом.
Не переставая всхлипывать, Курина зажгла лампу.
На кровати, разбросав ручонки, спал курчавый мальчишка. Проснулся он от света, испуганно посмотрел на всех и, будто поняв, что к чему, отвернулся к стене и затих.

Курина в накинутаой наспех шали села на табурет и стала качать куше. Сначала она испугалась Трама с Асланом, а потом взяла себя в руки, справилась, видно, с нервами и сидела спокойно, а может быть, просто оцепенела от горя.

Посмотрел на нее Аслан и пожалел. По-братски, добром пожалел: «Э-э, как состарилась ты, Курина, как тебя горе высушило. Кто знает свою судьбу, кто знает, где он найдет, а где потеряет... Как ты жила бы, Курина, если бы пошла за меня? Может, лучше, может – спокойнее? Кто знает».

На столе – в тарелках еда, приготовленная, видно, для Трама.

Наступила неловкая тишина.
Только тихо-тихо поскрипывала куше, и от этого скрипа тишина была еще тяжелее.
Первым не выдержал Аслан:
– Чего же ты стоишь? Прощайся... А ты, Курина? Что же ты не здороваешься? Или не узнала Аслана Даримока?..

– Аллах разорил меня! – заголосила Курина, зажав в ладонях свою голову с нерасчесанными, неприбранными густыми волосами. Заголосила, запричитала.

Трам подошел к жене, коснулся своим лбом ее головы, тронул плечом и глухо заговорил:

– Послушай, жена, не показывай в ауле своей беды, не выставляй перед людьми своего горя. Не позорь меня. Сколько в ауле вдов и сирот, сколько настоящих мужчин взяла война. А я еще жив.

«Ну, Трам! Если бы он был плохим мужчиной, разве сказал бы так? Настоящий джигит Трам».

– Смотри за детьми, – продолжал Трам, – смотри, чтобы они были обуты и одеты, а главное, чтобы сыны выросли хорошими людьми.

Курина внимательно слушала мужа и отвечала:
– Все будет так. Они вырастут добрыми людьми.
Говорила Курина, и Аслан увидел в ее больших черных глазах уверенность и силу, увидел твердость. Увидел и понял: трудная жизнь в последние годы, вот это большое горе, которое принес с собой в дом Аслан, не сломило ее. Постарела Курина, но ее плечи не согнулись и были все такими же красивыми, как и в девичестве.

– Когда вырастут, расскажи им обо мне. Все расскажи, как было. Правда сильнее всех на земле.

– Конечно, так и будет. Но ты ни в чем не виноват. Ты никогда даже теленка не потревожил. Пусть Аллах накажет род Харобковых...

– Нет! – остановил Трам жену. – Не говори так. Все это уже давно ушло. Не носи в себе зла, оно тебе не поможет жить на белом свете.

Немного постоял в нерешительности, а потом спросил у жены:

– Ты передала мое письмо Аслану, как я велел?
Она испуганно глянула на Даримока. Поняла – произошло непоправимое. И все-таки спросила, робко и безнадежно:

– Разве тебе не передал письмо старый Лиуан? Скажи правду. Не передавал?

– Какое еще письмо? О чем ты говоришь? – строго сказал Аслан, чувствуя, что струсилась беда.

– Лиуан... хромой, – совсем растерялась Курина, – я же просила его...

Если бы это была не Курина, Аслан обругал бы ее душой, безмозглой курицей, но тут только махнул рукой.

Трам смотрел на Курину – она плакала. Он подошел к ней, лбом коснулся горячей щеки, заставил себя улыбнуться.

– Не убивайся, все обойдется. Держи себя крепче.

– О каком она письме говорит? – спросил Аслан.

– Да так, что теперь вспоминать? Писал я тебе, чтобы ты попросил за меня в военкомате, посоветовал, как попасть на фронт.

– Эй, сумасшедший! Почему же ты не написал прямо мне? Или забыл мой адрес?

– Думал, так будет вернее. Не знал, дома ты или уже на фронте. Теперь все мужчины на войне.

– Послушай, Трам, а не дури вы мне голову, не пускаете в глаза туман?

– Побойся Аллаха, Аслан! – воскликнула Курина.

– А ты уж помолчи теперь! Не женское это дело... Что ж, Трам, держи себя хорошенько, может, все и выяснится. Конечно, если Лиуан не потерял письмо, если он не откажется, легче тебе будет.

Приближалось утро. Вот-вот из-за гор брызнут первые лучи солнца.

Прохладно.

Пахло предраассветной росой. Особый у нее запах, и понятен он только тому, кто каждый день встречает утренние зори.

Горланили петухи. Пели немудрящие предраассветные песни. Брехали собаки, потревоженные Мурадином. Лай возникал цепью вдоль речки, где шел Мурадин.

Аскер отвязал коня и под уздцы повел его со двора. Нагруженный двумя мешками конь в полумраке походил на верблюда. Два мешка – два горба.

Следом за Аскером шел Трам.

– Коня взяли – ладно, ваша добыча, а мешки-то вам зачем? – спросил он.

– Вернем тому, кому принадлежит это добро, – строго сказал Аслан.

– Ты не веришь мне? А я сказал правду. Мой это труд. Отдайте мешки моим несчастным детям.

Аслан хотел опять оборвать Трама, но потом подумал, за каким дьяволом он будет возиться еще с этими мешками. Не надо быть мелочным, не мужское это дело. Глупость одна.

– Аскер!

– Эй!

– Остановись!.. Говоришь, Трам, в самом деле твои мешки?

– Зачем Аллаха гневишь? Зачем меня оскорбляешь? Я же тебе сказал. Разве ты знал меня когда-нибудь лгуном?

– Твои, так твои.

– Спасибо тебе.

– Э-э, не стоит благодарности. – Аслан махнул рукой.

– Спасибо. Хоть на день-другой ребятишкам хватит.

– Пусть будет твоим детям. Не жалко!

– Сбросить их? – спросил Аскер.

– Зачем здесь сбрасывать. Отвези их во двор. К крыльцу. Там и сбросишь, чтобы женщине не таскаться с ними.

– Сбрось поближе к крыльцу, – попросил Трам.

Аслан рассердился:

– Может, скажешь, в дом их еще занести? Не слишком ли много чести.

– И в дом можно бы занести. Если человек делает другому добро, спина у него от этого не ломается.

– Эй! Философ! Помолчал бы уж.

– Совсем не философ. Подумал я – Курине будет легче. Это, наверно, последнее, что я могу для нее сделать.

– Только не думай, что мы тебя жалеем, – жестко сказал Аслан, – детей пожалели. Им жить на земле после нас. Им быть хозяевами. Детям...

Трам шмыгнул носом и промолчал: зачем подхлестывать кнутом рассерженного коня. Еще сказать и другое: Аслан пока сделал все, о чем просил его Трам. Кто знает, что еще будет впереди. Лучше не сердить его... Кто знает, может быть, счастье еще не совсем отказалось от него. Хоть кончик, хоть краешек еще достанется ему. Ведь Трам не из тех, кто бросил оружие и спрятался в лесу. Он совсем другой. Послали в бой, тогда бы и посмотрели, кто такой Трам Таусов. Увидели бы и поняли, что и он настоящий адыг, настоящий сын своей земли. Пусть в штрафной батальон, пусть куда хотят – лишь бы воевать, быть не хуже тех, кто ушел из аула... кто уже никогда в него не вернется. Слышал он, немцы где-то близко...

Аскер отвез мешки, сгрузил их прямо на крыльцо. И в дом бы занес, надо бы занести, да некогда. И Аслан может обидеться и отругать.

Тронулись к сельсовету. Шли вдоль плетня, потом завернули за угол – пошли вдоль школьной ограды.

Аслан остановился, прислушался:

– Совсем не слышно, как конь твой ступает, Трам. Как ты научил его так ходить?

– Научил. Копыта в мягкий войлок обуты.

– Что ты говоришь! Ай да Трам! Настоящий абрек! Джигит!

3

Аслан хотел уйти из аула затемно. Ему не терпелось поскорее добраться до Заурхабля. В райцентр – день пути. Если выйти затемно, если поторопить лошадей, можно приехать еще до конца рабочего дня. Все сотрудники милиции – на местах. Вот уж набьются в кабинет, глазеть будут.

На западе стали слышнее взрывы, ярче разгорелось зарево. Может быть, горели хлеба или селения? Тревожно стало на душе у Аслана – надо поторапливаться в Заурхабль, но как поторопишься, когда темень такая.

Неторопливо ехали вдоль плетней и заборов. Ленивым лаем их провожали собаки.

Тревожно пофыркивали лошади.

Не думал Аслан, что вот так закончится их дружба с Трам. Был друг, был товарищ – и нет его.

Э-э, пока дотянешь до могилы, сколько у тебя перебудет товарищей? Иные приходят и уходят. Побыл, переночевал в твоей душе и ушел, забыл, будто и никогда не встречался с тобою. Иной, если тебе худо, поможет и словом, и делом, а другой даже пальцем не шевельнет, сделает вид, что не видит твоей беды. Да и эти еще не самые худшие. Бывают похожие на теленка. Таким добрым и преданным прикинется, что и в самом деле поверишь в его дружбу, да только на поверку выйдет, что ты нужен ему был, как корова теленку. Высосал он все из тебя, и до свиданья, будь здоров. Правильно Аслану мать говорила: «Постарайся сам кого-нибудь рассмешить, а не жди, пока тебе покажут палец, чтобы ты рассмеялся». Не сразу эту премудрость понял Аслан, но все-таки понял, и не многим его удалось обмануть. Так уж устроена жизнь... А как же быть с Трам? Ближе товарища и друга в детстве, в юности у Аслана не было, а теперь он вел его под конвоем, хотя Трам лично ему, его семье ничего дурного не сделал. Тяжело, очень тяжело было Аслану от этих мыслей.

А может, и в самом деле правду говорили о письме Трам с Куриной? Хорошо бы. Ой, как хорошо! Но как узнаешь ту правду? Ведь, чтобы свою жизнь спасти, все можно выдумать: и письмо, и Лиуана, и самого дьявола. Выдумаешь, если жить хочешь. Ничего, вот придут они в Заурхабль, разыщут хромого и узнают. И опять же, – не так оно просто. Скажет старик, что есть письмо, тогда почему не передал? Вот и получается – ему легче отказаться, дескать, не видел никакого письма. Он, возможно, и забыл о письме? Старость есть старость...

– Что там у вас за перебранка была в сельсовете?

– Это когда я кричал на председателя?

– Да.

– Э! Даже неохота об этом говорить. Председатель не мужчина, а тряпка.

– Он какой-то трусливый. Все прячет глаза...

– Есть у него, наверное, чего бояться, – сидит в ауле прирученным медведем, вместо того, чтобы воевать.

На востоке громоздились черные тучи и будто давили рассвет.

В полумраке четверо верховых выехали из аула.

Трам со связанными руками неловко, как-то неестественно прямо сидел на смирном и сонливом коне Мурадина. Конь Трам, почувяв на себе чужого человека, упрямылся, бил копытами, ржал. Мурадин хлестал его поводом, поддавал под бока каблуками. Тяжело было видеть это Трамму – он никогда не бил лошадей. Дать бы хорошего кнута тому молодому шалопаю, а потом спросить, нравится ли ему это? То-то молодой, еще не знает цены верности, не знает цены добру. Эх, молодость! Золотое время и часто бывает пустым. Вот как этот парнишка – горячится, а зачем? Ну да, ему хочется казаться джигитом. А зачем казаться, если он и так джигит? А если джигит, тем более ни к чему выставляться...

Когда верховые спускались в долину, где-то совсем близко грохнул взрыв. Так сильно грохнул, что конь под Мурадином взвился на дыбы. Парень едва удержался в седле и, рассерженный, стал опять хлестать коня. Трам не выдержал:

– Эй! Парень! Зачем ты так?!

– На твоём месте, Трам, я больше думал бы о себе, – в сердцах ответил Мурадин, натянул поводья, заставил коня гарцевать.

– Э, парень, будь мужчиной, не показывай другим свою слабость, даже если тебе совсем плохо. А тут был всего лишь один взрыв, который нам ничего сделать не мог...

Аслан не слушал этого разговора. Когда раздался взрыв, он, как и все, вздрогнул, как и все, подумал: бомба или снаряд? Если бомба, то почему не было слышно самолета? Если снаряд? Значит, немцы где-то близко? Пусть

это стреляла дальнобойная пушка, очень дальнобойная, все равно немцы уже не так далеко. Так вот откуда у него в сердце появилась непонятная тревога. Вот она откуда. Вот почему майор сказал ему по телефону: «Доставь Таусова в Заурхабль побыстрее». И голос у него был такой... не слышал Аслан ни разу. В полночь звонил ему Аслан, а он был не у себя дома, а в кабинете. На работе. Майор – человек хороший, добрый и честный, умел с каждым поговорить, каждому нужное слово сказать, а в этот раз сдержанно разговаривал с Асланом. Обрадовался, конечно, что пойман Таусов, поблагодарил лейтенанта и ребят, скромненько поблагодарил.

– Аслан, тебе не показалось, что председатель сельсовета нарочно разбил стекло, когда зажигал лампу? – спросил Мурадин.

– Шайтан его знает! Но я точно знаю, что нехороший он человек.

– Неправда. Он хороший человек. Могу за него поручиться. Он добрый, честный. Я знаю твердо, – вмешался Трам.

– Можно подумать, что для нас твое поручительство очень важно. Сам на ниточке висишь, – съязвил Аслан.

– Я не о себе – о правде.

– Ты посмотри на него – он печется о правде!

– Дорога длинная, надо чем-нибудь заниматься.

– Боишься соскучиться? – не унимался Даримок.

– Я много дальних дорог одолел в одиночестве.

– Эта, наверно, для тебя последняя, – вмешался Мурадин.

– Ты прав. Я тоже так думаю.

Всадники въехали в лес. Стало темнее и сумрачнее. Странные тени смотрели из-под коряг на путников.

Мурадин всю дорогу только слышал голос Трам и видел его затылок, а очень хотелось увидеть лицо, заглянуть в глаза. И почему абрек вот уже несколько раз заговаривал с ним? Чего доброго, Аслан еще заподозрит что-нибудь нехорошее. К Аскеру-то абрек так не обращается.

Поперек дороги лежало дерево. Не сразу его заметил Аслан, ехавший впереди, – конь захрапел, прынул в сторону, едва не сбросив всадника.

– У, дьявол! И какой дурак свалил дерево!

А если не дурак, а если...

Аслан с детства боялся леса. Не помнил, чтоб когда-нибудь один ходил в лес. Такого не было. Если случалось, мать посылала его за дровами, то он задабривал Трама сахаром или рыбацкими крючками и звал с собою. Дрова собирал быстро, без усталости, чтобы скорее уйти из лесу. Даже когда вырос, стал взрослым, не избавился от глупого страха. Зато он темноты не боялся. В самое глухое время ночи мог пойти хоть в поле, хоть в сарай, хоть в самый глухой угол чердака. Когда поздними вечерами играли в прятки, Аслан забирался в такие темные углы, куда не решался никто другой. Мальчишки звали его, просили выйти, и он выходил, мстя за свой лесной страх.

Еще бы, в лесу может всякая беда таиться за каждым деревом, она стелется по мягкой траве, прячется в кустах. Тем более если идет война, если встречаются в лесных чащах дезертиры. Билось у Аслана сердце, устали от напряжения глаза.

Аслан шел впереди. Это ему сейчас показалось опасным, и он скомандовал:

– Аскер, выходи вперед, ты, Трам, – за ним, – достал из кобуры наган и пошел следом за ними. – А ты, Мурадин, прикрывай нас.

Тучами кружились комары, и от них невозможно было отбиться, – грызли, как собаки. Лезли, видно, и в ноздри лошадей, от этого лошади крутили головами, всхрапывали, нагоняя жуть.

Аслану послышались шаги. Приподнявшись на стременах, по-гусиному вытянув шею, прислушался. Нет. Тихо. Показалось.

«Лучше было переночевать в ауле, а утром вернулась бы в аул машина из райцентра и на ней можно было быстренько... Эх, дурная голова...»

Сзади неожиданно послышался шум. Машина.

Очень хорошо! Аслану всегда везло в трудных делах. Не подвело его счастье и теперь. Сейчас он покажет шоферу свои документы. Но что же делать с лошадьми? Ничего, Аскер их пригонит. И Мурадин останется ему в помощь. Иначе Аскеру одному не управиться с четырьмя.

Шум машины становился все ближе. Ободренный, Даримок спросил:

– Ребята, слышите, нас догоняет машина?

– Да!

– Слышим!.. Но что-то такое... не повернула ли она налево, на тропу?

Аслан придержал коня, прислушался:

– Нет, идет следом. Вон и свет виднеется!

Куда девалась боязнь Аслана перед лесом? Он твердо стоял в стременах и велел ребятам быть внимательными, нигде не останавливаться, а быстрее добираться в Заурхабль. Сейчас идет большая война, каждый человек на учете, каждая пара мужских рук очень нужна товарищу майору.

Загорячело сердце Аслана Даримока, застучало победно: ему почудилось, только протяни он руку – и достанет свою удачу, докажет всем, что судьба не обделила его мужеством.

Показалась машина из-за поворота, и Даримок дал шпоры коню, поднял его на дыбы. Перегородил дорогу и уже в свете фар размахивал наганом, давая шоферу знак остановиться.

Машина остановилась. Это была старенькая полуторка из МТС. Ехала она из Майкопа.

Аслан показал документы и коротко рассказал о своем деле. Шофер понимающе закивал головой и все хотел рассмотреть Трама.

Аслан и Трам пересели в машину.

Аслан попрощался с ребятами, еще раз сказал:

– Берегите коней и быстрее добирайтесь в Заурхабль.

Потом спросил у шофера, что слышно в той стороне, откуда он едет.

Шофер – пожилой человек – мрачно ответил:

– Канонаду не слышишь, что ли?
– Какую там еще канонаду! – резко, сердито сказал Аслан. – Бомбы рвутся.

– Хоть и милицейский, но ты все ж лейтенант, пора бы научиться отличать бомбу от снаряда. Бой совсем близко. Глухой, что ли? Говорят, немцы под Армавиром.

– Перестань болтать, зачем вредные слухи распространяешь! Поехали! Да побыстрее давай!

Шофер пожал плечами, что-то пробормотал и дал газ, рванул машину.

Аслан сел рядом с Трамом, буркнул:

– Подвинься немного.

Трам отодвинулся и сказал:

– Шофер не врет.

– Хм, конечно, ты это лучше знаешь. Молчал бы.

– Знаю. Позавчера только вернулся из Пседаха. Все говорят.

– Ладно! Отодвинься дальше.

Траму этого только и хотелось: поискать, не попадетесь ли что-нибудь острое. Но на этот раз не попало ничего.

Он про себя рассудил так: если предоставится случай, надо бежать от Аслана и держать путь прямо на фронт, там его, конечно же, возьмут в армию, сейчас каждый солдат на счету. А если он не убежит, то неизвестно, что будет. Вдруг они не найдут Лиуана или тот потерял письмо? Вдруг они не дойдут до Заурхабля, ведь война уже совсем рядом. Аслан – парень упрямый, с ним ничего не поделаешь. Да и правильно – Трам-то для него абрек, дезертир. Придется Траму отвечать по законам военного времени. Разбираться начнут, а время идет. И так Трам виноват перед погибшими. Нет, лучше убежать от Аслана. Так вернее.

Машину швыряло на ухабах плохой проселочной дороги. Трама со связанными руками бросало по машине, как чурбан. Доставалось и спине, и голове.

Был и еще один ухаб, как сказал про себя Трам, посланный ему богом. Трама подбросило вверх, потом швырнуло в сторону. Он почувствовал острую боль – в запястье

правой руки воткнулся гвоздь, торчавший в борту грузовика.

Трам чуть не вскрикнул от боли. Но в душе у него зародилась надежда.

4

– Так мне и не удалось рассмотреть абрека. Теперь уж, наверно, не увижу. Его, должно быть, судить будет военный трибунал. Не увидим мы его.

Это сказал Аскер. Мурадин возразил ему:

– О чем ты жалеешь? Спать лучше будешь. Давай по седлам и трогаться. У нас задание.

– Правда. По коням...

Аскер и Мурадин – закадычные друзья. В этом году закончили среднюю школу. А Даримок Аслан был другом старшего брата Мурадина, который с первого дня войны ушел на фронт и прошлой зимой погиб. Это была первая похоронка в Заурхабле. Как и принято у адыгов, все аульчане пришли в дом покойного, чтобы разделить с семьей горе.

Потом весной принесли извещение о гибели отца Аскера.

В тот день Аскер вернулся из школы и только вышел во двор, чтобы заняться по хозяйству, увидел трех стариков, подходивших вместе с секретарем сельсовета к воротам. Страшная догадка промелькнула у Аскера, но он тут же ее отогнал.

Мать стирала под старой грушей. С засученными рукавами, вспотевшая, она ловко управлялась с бельем, разбрызгивая по сторонам белую пену.

Может быть, старики пройдут мимо? Может быть, они идут в другой двор?

Нет.

Скрипнула калитка.

Аскер уронил вилы и вскрикнул:

– Мама, они к нам!

Мать выхватила из мыльной пены руки, в испуге подняла их, будто защищаясь от кого-то страшного, и замерла. А потом улыбнулась – ей не верилось, что эти добрые люди вошли к ней во двор с бедой.

– Добро пожаловать! – сказала она старшему, белобородому. Вытерла руки подолом юбки, поклонилась.

– Пусть Аллах не обойдет своей щедростью твой дом, дочка, – негромко ответил старый Ахмет.

«Не с добром, не с добром они пришли к нам, – подумал Аскер, пропуская мимо себя стариков, – и мама тоже видит это».

Старики сделали еще по несколько шагов и остановились. Побледнел секретарь сельсовета, вопрошающе глядя на Ахмета. А старому Ахмету стало совсем плохо – он отступил назад и оперся спиной о плетень.

– Входите в дом, входите... – едва произнесла мать совсем упавшим голосом.

– Мы должны тебе сказать, дочка, – начал дедушка Ахмет и задохнулся.

Мама не выдержала. Обхватив голову красными от стирки руками, простионала:

– Знаю, все знаю...

Старики отвернулись.

Аскер вытер глаза. В них не было больше слез. Немного шумела и кружилась голова.

Мурадин пришел. Он стоял по ту сторону плетня и плакал.

Соседки пришли. Глаза у них тоже были влажными.

Зарыдали в голос, запричитали соседки.

«Плохо с мамой», – подумал Аскер, бросился к ней и едва успел подхватить ее на руки – побледнела она, видно потеряла сознание, и стала падать. Он даже не знал, что его мама такая легкая, что она может быть такой слабой, – она-то для него всегда была самой сильной, самой красивой. Положил ее в доме на кровать и не знал, что делать дальше.

Женщины вошли, окружили кровать. Кто-то сказал:

– Отведите мальчика к мужчинам.

Две женщины взяли его под руки и повели.

Ворота уже были открыты настезь. Значит, в этом доме горе.

Зайдите, люди, утешьте семью, помогите ей своей силой живых, своей добротой. Войдите, люди!

Аскеру шел восемнадцатый год. Восемнадцатая весна была для него первой весной большого горя. Через несколько дней он пошел в военкомат и сказал, что обязан идти на войну, отомстить за смерть своего отца. Майор пообещал послать на фронт, как только Аскер закончит школу, как только придет его восемнадцатый год.

Аскер ушел на станцию, дождался эшелона с танками, который шел, должно быть, на фронт, и спрятался под машиной на платформе, но в этот же день его увидели и сняли с поезда.

По вечерам Аслан занимался с ребятами – учил приемам самбо, стрельбе и вообще военному делу. Говорил: «Пойдете на фронт, вспомните меня добрым словом. Вся моя наука вам очень пригодится. Может быть, в разведку попадете».

У Аскера действительно была медвежья сила, и он легко управлялся с Мурадином – тот был слабее, но, как говорят, чего не дал Аллах, он сам взял себе: иногда удавалось Мурадину победить Медведя хитростью и ловкостью. Был вертким и упругим, как форель в горном ручье.

Мурадин поклялся отомстить за старшего брата, Аскер – за отца, оба вместе – отомстить фашистам за горе, которое они принесли их Родине. Это парней так сдружило, что им казалось, будто они друг без друга жить не смогут. Но дружба не мяч, который катится по ровному гладкому полу. Дружба – это испытания. А испытания бывают разные – и размолвки, и ссоры.

Мурадин потребовал от Аскера клятву, что тот не уедет на фронт один. Аскер поклялся, но все-таки сказал, что если они будут трусить, как трусил Мурадин, то никогда не попадут на фронт, никогда не совершат ни одного мужественного поступка.

– О чем ты говоришь? Кто струсил? – запальчиво спросил Мурадин.

– Ты. Ведь договаривались, а ты струсил и не пошел за мной на платформу.

– Не струсил! Я видел, как милиционер гнался за тобой, и понял, что дело наше пропало. Потому и не пошел за тобой. Думал, ты тоже слезешь, не поедешь...

– Рассказывай сказки.

– Клянусь!

– Ну а если не трус, так доносчик! Это ты донес, и меня сняли с поезда.

Этого Мурадин не ожидал от своего друга. Так оскорбить! Будто принародно плюнул ему в лицо, будто сбил с ног. Мурадин готов был кинуться на своего обидчика, но что сделаешь этому Медведю? Взять камень и запустить в его дурную башку?! Но это уже не мужское дело.

Аскер входил в дом. Сейчас закроется дверь...

– Подожди, Аскер!

Медведь остановился на пороге медленно, неуклюже повернулся и вопросительно посмотрел на друга.

– Ты знаешь... понимаешь... я сказал тебе неправду. Когда ехал, я вспомнил свою бедную маму. Она оставалась совсем одна. Мне стало ее жалко. И, конечно, милиционера напугался... Но я не доносчик. Не доносил, будь я проклят!

– Знаю, что не доносил.

– А зачем же говорил?! Зачем оскорблял?!

– Струсил ты, а признаться не хотел. Тогда я решил взвалить на тебя большую вину, чтобы ты признался в меньшей.

Так вспыхнула, как сухая солома, ссора и тут же погасла.

А вот теперь они шли со своего первого боевого задания.

– Во всем виноват свисток паровоза, – неожиданно для Аскера сказал Мурадин, поглядывая на верхушки деревьев, где уже играли лучи солнца.

– Какой свисток?

– В прошлом году, когда ты прыгал на платформу. Свистнул паровоз и напугал меня.

Аскер расхохотался:

– Ты настоящий парень. Молодец...

Как хорошо утром в лесу.

К обеду здесь будет душно. Птицы спрячутся в кустах и умолкнут. А сейчас они пели всюду, славили утро. Еще на листьях блестели капли росы. И на траве, на цветах роса.

Просыпался у дороги громадный дуб. В его ветвях пело столько птиц, что он был похож на целый мир. И солнца в его могучих ветвях столько, что хватило бы на целый мир. И силы, и буйства.

Лошади, уставшие от ночи, тоже радовались рассвету, радовались солнцу и резвились. Гарцевали и звонко ржали.

Утро.

Мурадин улыбался. В другое время, наверно, запел бы. Привязал бы коней у этого старого дремучего дуба, бродил бы по лесу и пел. Пусть бы вымок весь от росы, пусть все штаны залепили бы репы, а руки острекала крапива, все равно пел бы и пел! Но нельзя, он хоть еще и не солдат, но выполняет важное оперативное задание. Вон как держит себя Аскер. Вон как важно покачивается. Даже со спины, с затылка он такой солидный. Ну и пусть его!

Все-таки утро.

Эх, люди, думал Мурадин, не лучше ли любоваться восходом солнца и цветами, слушать птиц и журчанье горных ручьев, чем проливать кровь. Чего им не хватает? Земля так богата и щедра! Разве парням мало красивых девушек, чтобы любить их? Эх, люди!.. Но что делать им, Мурадину с Аскером, не сидеть же сложа руки, если фашисты убили у одного – брата, у другого – отца, если они каждый день убивают столько людей. Они уже пришли на Кавказ. Не-ет, это им так не пройдет.

Горячо билось сердце в груди Мурадина. Он еще не знал, совсем не знал огромного мира, не представлял себе,

какой крошечной и слабенькой песчинкой был в этом неистовом мире он сам. Но он хорошо знал свое сердце, знал, что оно не позволит ему подличать, трусить, приспособливаться, не позволит себя унижить ни перед страхом, ни перед муками. Этот совсем не искусственный жизнью человек казался себе могущественным. И может быть, он в этом не ошибался.

Мурадин сказал:

– Мы не можем ждать, пока нас вызовут в военкомат.

Мы должны сами идти на большую войну!

Сказал он эту пышную фразу и спохватился. Сейчас Аскер ответит насмешкой. Не может такого быть, чтобы он смолчал, чтобы упустил случай поехидничать.

Но тот молчал. Спал в седле. Пригрелся на утреннем солнышке и задремал с блаженной улыбкой.

– Руки вверх! – закричал Мурадин, направляя на Аскера винтовку.

Чуть не свалился с седла Медведь. Испуганно оглянулся, но увидел Мурадина и выругался:

– Заяц ты несчастный, еще пугать задумал! Я тебе припомню, негодный!

– А ты тоже – герой. В такое время, в лесу, спать в седле? Нечего сказать – геройство!

И замолчали оба. Только стучали копыта лошадей, да пели птицы.

Через некоторое время Аскер спросил:

– Мне слышалось, ты о каком-то военкомате говорил?

– Говорил.

– Правильно говорил. Сдадим лошадей, и на фронт. Хватит с нас!

5

Выскочил грузовичок на степную дорогу, и Аслан облегченно вздохнул, распрямил плечи – ох, уж этот проклятый лес!

Вздохнул Аслан и даже на Трама посмотрел приветливо.

Трам в ответ ему тоже улыбнулся.

Улыбнулись друзья.

Трам даже перестал тереть веревку о гвоздь, будто усовестился.

Машина тоже вроде бы вздохнула с облегчением после сумрачной и ухабистой дороги – легко и быстро побежала по укатанному песку, словно по асфальту. Весело запел мотор. На ветровом стекле заиграло солнце.

Трам ждал, что теперь Аслан заговорит с ним. Просто так, о том, о сем. Может, спросит, как он жил эти годы?! Или расскажет о своей семье, о своих мужских делах. При тех ребятах Аслан с ним держал себя строго – и правильно. Подчиненные должны видеть твердость характера своего начальника. Иначе как можно верить командиру? Нет, такого не должно быть. Но сейчас-то, почему Аслан сейчас молчит? Почему опять насупился?.. Конечно, конечно, Аслан настоящий джигит. Опредил его. Теперь кто поверит, что Трам сам решил идти в военкомат, что лошадей отгонял, что писал Аслану? И об этом мог бы поговорить молочный брат. Поговорить без свидетелей. Не было бы ему никакого позора, только доброе слово о нем осталось бы на память. На всю жизнь. Пока живет человек спокойно, ему ни к чему доброе слово. Но проходит время, настает час – и вспоминает он добрые слова, которые подарили ему люди. Нет большего утешения, чем добрые слова, подаренные тебе... Э-э, поседел Аслан. Что ж это он так рано? Как он сильно похож на своего покойного отца. Покойного... И мать – покойная. Жалко, очень жалко Трам, что не мог похоронить бедную, не смог прочитать на ее могиле молитву. И теперь уж ничего не поделаешь. А какая была добрая женщина, сколько труда положила, чтобы вырастить их с Асланом. Она любила говорить: «Человек не рождается дважды, поэтому торопитесь жить так, чтобы люди потом о вас сказали доброе слово».

Аслан и не собирался заговаривать с Трам. Э-гей, думал он, знаю я его, за ним смотри да смотри. Глазом не

успеешь моргнуть, как он что-нибудь такое придумает...
Надо с ним быть построже.

Хмурился Аслан, напускал на себя строгость, а доброе утро, светлое степное солнце и веселый ветерок все-таки смягчали его душу. Нет-нет да и улыбнется Аслан, отвернувшись от Трама.

Справа от Аслана тянулась вдоль дороги кукуруза. Заедет в нее верховой – и не увидишь, с головой скроется.

Слева – еще нескошенная пшеница. Тяжелый колос клонился к земле.

Давно ушел Аслан из села, а все еще смотрел он на поля хозяйским глазом. Радовал его отменный урожай и печалил: кто знает, какая судьба ждет эти поля?

Над кукурузой виднелась цепь белоголовых вершин Кавказа. Протяни руку, и достанешь до них, такими близкими они казались. И тоже радовали Аслана. Хоть и редко он бывал там, на снежных вершинах, но любил их, как любят все далекое, таинственное и неприступное.

Аслан смотрел на поля, на горы, на яркое небо и забывал, куда и с кем едет. Он прикрывал глаза, прислушивался к свисту ветра и был счастлив от своей земли, от доброго утра.

Машина круто повернула, и Аслана бросило на Трама, потом обратно и больно ушибло.

– У, дьявол! Не дрова везешь!

Обругал Аслан шофера и вспомнил его слова, что фашисты уже под Армавиром.

Как же это так: ведь всего несколько дней назад они были под Ростовом. Выходит, немцы просто катят по нашей земле на автомобилях и танках. Как же так?

«Ей-богу, правильно говорят, не верь всяким слухам. Если немцы действительно пришли на Кубань, значит, теперь уже должны быть и на берегах Лабы. А от Армавира до Майкопа напрямик каких-нибудь сто километров. Выходит, они завтра будут в Майкопе? Да как же это? Что ж это такое?! Не может быть. Не может. Надо отрубать языки болтунам. И шофер – тоже болтун. Ну вот доберемся до Заурхабля, я ему отсеку его длинный язык».

Вспомнил Аслан свой разговор с Траммом о Пседахе. Он тоже что-то говорил о немцах. Надо бы спросить, но не хотелось: «И этот наговорит чего-нибудь такого! Лучше помолчать». Но все-таки спросил:

– Какая нелегкая носила тебя в Пседах?

– Ноги мои.

– Знаю, презренный, что не на голове шел! – вспыхнул Аслан и толкнул Трама в бок.

Не больно толкнул, но все-таки толкнул! Не будь у Трама связаны руки, он, наверно, кинулся бы на обидчика, не простил бы. Пусть бы Аслан потом пристрелил его и всякое такое, но это уже было бы Трамму все равно. И он рванулся грудью, распрямил плечи...

Что такое?!

Ему показалось, будто лопнула веревка, будто свободны руки!

Показалось?

Нет.

Свободны руки!

И забылась горькая обида на молочного брата. Ушла.

Плотнее прижался спиной к борту Трама. Затих, чтобы собраться с мыслями. Затих, чтобы не заподозрил чего Аслан.

Теперь, когда бросало на ухабах, Трама изо всех сил сжимал руки, прятал таким образом свою свободу. Свободу, за которую еще надо было бороться. Теперь только выбрать удобное для побега место, соскочить на ходу и уйти от пули Аслана. Километров через шесть опять начнется лес. Вот там и можно попытаться счастья. Только бы добежать до кустов. Лесом, лесом, а дальше есть дуплистый осокорь, в его дупле заряженный наган.

Толкнул Аслан Трама в бок и спросил:

– Теперь понял?

– Да.

– Чего молчишь? Отвечай, зачем тебя носило в Пседах?

– Просто так ездил. К одному своему приятелю.

– А он знал, что ты абрек?

– Знал...

– И не заявил куда следует? Хорош дружок, видно, сам такой, как ты. Как его фамилия?!

– Прочти за третье число газету и узнаешь его имя. Там написано на первой странице, он пал смертью храбрых в бою.

– Значит, его нет в живых. Тогда зачем ты ходил в Пседах?

– Э-э, друг мой Аслан, я вижу ты совсем стал забывать обычаи своих отцов. Я хотел поклониться его семье, его памяти... Упокой Аллах его душу. Он один только и понимал меня, сочувствовал тяжкой доле.

– Чем же она тяжкая? Мотался, как ветер по степи, – вот и все.

– Эх, Аслан...

Спросить бы Аслану у друга помягче, заговорить с ним, и Трам рассказал бы ему о своей несладкой доле, рассказал бы, что сам шел домой, чтобы проститься с семьей, и потом уйти на фронт.

Не хотел почему-то по-братски спросить Аслан. А раз не хотел, как ему расскажешь? Как в бурю шепотом заговоришь?

И все-таки заговорил.

– Ты помнишь мою Малышку? Кобылку, у которой на пожаре бок обгорел?

Прислушался Аслан, заинтересовался.

– Э, какая лошадь из нее получилась. Ветер! А верная, эй, какая верная.

– Где же она сейчас? У кого?

– Третий день не кормлена. В лесу в землянке осталась. И воды, наверно, у нее уже нет.

Рассердился Аслан:

– Как же ты, растяпа, мог бросить ее, а? Вот и получается, она верная, а ты... И не жалко?

– Жалко. Думал, улажу все, вернусь попрощаться и выведу ее из лесу. Теперь хоть бы самому остаться живым. Эх, бедная моя Малышка.

Впереди показалось четыре грузовика с брезентовыми тентами, с пушками на прицепе. Выскочили они из-за поворота и остановились. Из передней машины вышел на дорогу лейтенант.

– Куда вас несет?! – закричал он хриплым, простуженным голосом. – Куда вас несет нечистый?! В Армавире немцы!

Аслан поднялся на колено, оторопел от неожиданности. Только и нашелся спросить:

– Как же так?

– А так! Говорят же вам! Поворачивайте назад!

Аслан растерялся. Вопросительно посмотрел на Трам, будто искал у него нужного ответа. Вихрем пронеслись мысли в разгоряченной голове: «Что мне делать теперь с Трам? Что делать? И отпустить не могу, к немцам попасть может. Майор сказал – опасно. Все дороги, тропинки внает этот Трам...»

Он рассердился:

– Ладно, на Армавире страна не кончается. Дело у меня. – Выхватил из кармана свое удостоверение, зачем-то показал лейтенанту.

Тот удивленно пожал плечами и махнул рукой, мол, валяй как знаешь.

Машины с пушками, набирая скорость, понеслись дальше.

– Поехали! Да побыстрее! – скомандовал Аслан и сел опять рядом с Трам.

Удалялись машины, на Аслана смотрели пушки, и от этого ему становилось жутко. Чудилось, что с этими машинами уходит что-то такое, без чего неизвестно как и прожить-то можно. Чтобы отогнать эти мысли, он стал насвистывать песенку, но губы у него потрескались от солнца и ветра, мелодия получалась нескладной и противной.

Солнце все выше и выше. Его горячие лучи касались земли, жгли ее и заставляли созревшие пшеничные зерна слезами падать на пашню.

Жарко становилось.

Жарко и душно. Машина бежала ходко, навстречу ей бил горячий ветер.

Справа от дороги, где-то уже совсем недалеко, слышались оружейные раскаты, рвались бомбы.

«Э-э, Трам, мой бедный брат, что же нам с тобой теперь делать? Вот тебе и письмо, вот тебе и Лиуан».

Скорее бы добраться до Заурхабля, а там все прояснится. Скорей бы добраться. И жену с дочкой надо бы отправить в дальний аул. Обязательно надо отправить. Придут немцы, замучают, шайтаны, жену и дочку. Служба у Аслана такая, что кое-кто на него обижается. Уж такая она, милицейская служба. Да и другое сказать – для всех хорошим может быть только ишак... Не трудно отправить жену с маленькой Зурой в аул. Возьмет жена за руку дочку и марш. А за спиной уместится весь скарб – не нажил Аслан еще богатства, не старался наживать, так что получается по пословице: нищему пожар не страшен – за посох, да в другой аул. Вот только поскорее добраться домой.

Из марева над пшеницей вывернулся самолет. Он так низко летел на бреющем полете, что, казалось, плыл по полю, колыхался на его тяжелых пшеничных волнах.

Аслан вскочил и забарабанил по крыше кабины:

– Самолет! Немецкий самолет! Сворачивай к лесу!

Не успел Аслан шофера дозваться, не успел ничего сообщить, а самолет с черными крестами уже коршуном валился на машину.

Шофер резко затормозил.

Аслан упал на борт кузова.

Как раз в это мгновение навалился Трам на своего друга. Прижал его шею к борту, пытался отнять у него наган.

Самолет ударил из пулемета по машине и пошел на разворот, чтобы еще раз полить ее свинцом.

Аслану удалось изловчиться и стукнуть Трама головой о кабину, навалиться на него.

Но разве справишься с тем, кто стал похожим по ловкости на барса, по силе на медведя? Трам так саданул коленом по спине Аслана, что тот застонал и разжал руки.

Этого было вполне достаточно. Трам спрыгнул и побежал к лесу.

Самолет зашел на машину второй раз, ударил из пулеметов.

Аслан прижался к борту и закрыл от страха глаза – огненные струи пуль летели прямо на него.

Миновало.

Открыл глаза и увидел Трама, подбежавшего к кукурузе. Положил ствол нагана на левую руку. Целился в ногу. Промахнулся.

Заглянул в кабину. Лицо шофера – в крови. Звал, тормошил... Убили шофера.

Трам огромными и легкими прыжками уже почти добрался до кукурузы.

Аслан от досады чуть не до крови прикусил губу. Еще раз выстрелил и еще промазал.

Третий выстрел – мимо!

Трам – в кукурузе.

Аслан за ним.

«Не уйдешь, собачье отродье! Беги хоть на конец света – и я за тобой».

Трам знал, что у Аслана осталось в нагане пять патронов. Всего пять. А если в кармане есть запасные? «Ничего, или ты выпалишь свои последние патроны и станешь мне совсем неопасным, или устанешь бежать, задохнешься. Эх, добраться бы до леса, только до леса...»

В высокой кукурузе Аслан не видел Трама, но слышал его по шуму. По быстрому и тревожному шуму. Выстрелил еще два раза, поверх головы, просто, чтобы напугать, – может быть, остановится. Убивать Трама никак нельзя.

«Если он добежит до леса... Плохо мне будет, ой, как плохо!»

Между кукурузой и лесом тянется широкий пустырь. Если Трам не остановится, что же делать тогда? Что?

«Вот они как переплелись наши дорожки, мой брат. Вот она какая жизнь. Эх, какая!»

Там в машине Аслан сильно ударил Трама по носу. Лицо его в крови, нос распух и болел. Бежать с открытым

ртом было трудно. Споткнулся Трам и упал. На мгновение приник к земле, замер. Только на мгновение замер и услышал – близко шага Аслана, совсем близко.

Вскочил и – бежать.

Кукуруза в этом месте низкая. Оглянулся.

– Остановись, Трам, стреляю!

«Но разве ты сможешь убить меня? За что? Я же ничего не сделал тебе плохого. Не-ет, ты меня не убьешь. Спаси и помилуй меня, о Аллах, до леса совсем близко, дай мне еще немного сил, отведи его руку...»

Не прибавил сил Аллах. Совсем не прибавил. Пот застилал глаза. И сердце уже надрывно стучало. Подумал: «Настоящий джигит Аслан, бегают лучше меня. Выносливый, как ишак... Не лучше ли мне остановиться, чем принять смерть? Ну, что он мне сделает? Ударит наганом сгоряча, а потом свяжет руки и поведет. Хорошо если так, но кто может поручиться за Аслана, за его гнев. Разозленный человек на все способен».

И до леса осталось всего шагов сто, пусть тогда стреляет. «Есть ли у него еще патроны? Если сейчас не выстрелит, прощай, Аслан... Эй-ей, интересная штука эта жизнь – жить не вмоготу, а умирать не хочется. О Аллах, не дай ему попасть в меня».

Аслан уже слышал тяжелое, со свистом дыхание Трама. «Надо бы тебе, Трам, не петлять, а бежать прямо, не бояться моей пули, а прямо бежать, одолел бы дорогу, теперь же, наверно...»

– Стой, Трам! Стреляю!

– Стрелял бы, проклятый, стрелял бы, шайтан!

Выстрелил Аслан.

Выстрелил!..

Трам почувствовал, как обожгло его шею. Будто бы кипятком. Со страхом схватился руками и почувствовал теплую кровь. Бежал и думал, что сейчас упадет замертво... Но не падал. Значит – жив! Значит – быстрее бежать надо. И рванулся. Прибавилось сил.

Уж совсем близко лес – уйдет Трам, в лесу не догонишь.

Аслан выстрелил еще раз и не попал! Чуть не зарычал от злости, чуть не взвыл от досады... Где Аскер с Мурадином? Зачем он их отпустил? Не случилось бы этого, если б они были с ним. И обессилевшим голосом закричал:

– Остановись, Трам!

6

Аскер и Мурадин, конечно, не слышали ни криков Аслана, ни его выстрелов. Довольные хорошим утром, тихим лесом, они неторопливо скакали и болтали о том о сем, а больше молчали.

Повстречались четыре машины с пушками.

– Пушки без чехлов, – сказал Аскер.

– И порохом от них пахнет.

Аскер вопросительно посмотрел на Мурадина:

– Как ты думаешь, видел Аслан эти пушки?

– Наверно. Дорога на Заурхабль одна. В лесу одна.

– Если видел, – знает, что близко фронт, близко война.

– Знает... Но почему пушки идут нам навстречу?

Неужели?..

– Э, Мурадин, ты же так хотел попасть скорее на войну, вот и попадем.

Палило солнце, а Мурадину вдруг стало холодно. Лес, которым он совсем недавно любовался, который казался ему понятным и добрым другом, теперь вдруг стал вызывать страх. Среди этих могучих деревьев он почувствовал себя таким одиноким и беспомощным, хоть плачь. А тут еще Аскер – про войну, про немцев. Где они, немцы? И справа слышна канонада и сзади... Как там дома? Как мама? А что с Симой, где она? Сима – младшая сестра Аслана. Они выросли с нею вместе, все было, как бывает, у детей. Но вдруг в прошлом году Мурадин заметил, что она – девушка с красивыми глазами, с красивой фигурой. Взгляд у нее тоже стал совсем другим, чем был раньше. Она теперь стала стесняться своих встреч с парнями, краснела в разговорах с ними. Перестала с ними играть в догонялки. Мурадин и Аскер считали ее своей сестрой. Когда

Сима училась в медучилище, они ездили к ней – возили продукты. Однажды она им сказала, чтобы они к ней больше не приезжали, не нужны ей никакие продукты. Почему не нужны, как не нужны? Сима призналась: над нею посмеиваются девочки, ребят женихами называют. Они больше не ездили к ней, но Мурадин не перестал думать о Симе. И думал теперь совсем не так, как думают о сестре. Правда, об этом не знала ни Сима, ни тем более Аскер. Никто.

Жарко, душно в лесу. И жутко.

Лошади шли неторопливой рысью, пофыркивая от жары, старались держаться поближе к деревьям, в тени.

Аскер заметил, что погрузился его друг Мурадин. Что с ним? Неужели испугался войны, которая сегодня так приблизилась к ним? Нет, не может этого быть. Конечно, Мурадин писал стихи, играл на мандолине и хорошо пел, конечно, но он не был трусом. Нет. Мужчина он. Ничего, это пройдет у него, пройдет робость. Слышал Аскер от бывалых солдат, как страшно идти в первый раз в атаку, как кланяются новички каждой пуле. Да и сам Аскер чувствовал – ныло у него сердце от непонятной боли, тревожно становилось на душе. Если немцы близко, значит – близко. Если встретятся и здесь, в лесу, что ж, значит – встретятся. Хоть одна на двоих, но винтовка у них с Мурадином, есть. Просто так в руки фашистам не дадутся. Да в лесу и легче будет. Лес-то им с Мурадином родной, а не немцам. Винтовку бы только надо взять у Мурадина. Аскер спросил:

– У тебя не устало плечо, а то давай мне винтовку.

– Не устало.

Вскоре лес кончился. Поехали степью. Рядом с дорогой шумела Лаба. Аскер предложил другу:

– Давай лошадей напоим. Да и сами искупнемся, дышать нечем.

Мурадин на это строго ответил:

– Забыл приказ Аслана? Поторапливаться надо. Напоим лошадей и прибавим шаг. Уж очень мы спокойно, по-княжески едем. Купаться будем после войны.

– Хватит тебе. Разворчался. Любишь ты длинно говорить. Тебе надо учиться на прокурора.

Стали поить лошадей. Аскер не выдержал и плюхнулся в воду. Поплыл по быстрому течению. Плыл и визжал от удовольствия.

– Ты вот как? Да?.. Плевать тебе на боевое задание? Да?!

Это кричал Мурадин, но Аскер, конечно, не слышал его. Мурадин замолчал, поразмыслил немного и, положив винтовку в куст, тоже бросился в воду. Прямо в одежду.

...Солнце миновало полдень, стало клониться к закату.

Друзья проскакали молча километров пять. Скакали и думали. Скакали и ждали. Ждали встреч с людьми: с друзьями или врагами.

Никого они не встретили. Только парили в небе два орла. Один из них над головами, другой – поодаль. Тот, который был поближе, сложил крылья и камнем ринулся вниз. У дороги схватил свою жертву и снова взмыл. Было слышно, как отчаянно кричала пичужка в его когтях.

Аскер отстал. Смотрел, как легко и красиво сидел в седле его друг, каким джигитом он выглядел... Перед тем как уйти им с Асланом, его встретила на улице Сима. Увидела, покраснела и протянула записку:

– Возьми и прочти... Посмотри, что пишет твой негодный друг.

Он стал читать и тоже покраснел. Мурадин писал Симе, что любит ее. Совсем растерялся Аскер, не знал, как поступить. Наконец протянул ей записку обратно.

– Не надо мне записки. Отдай ему, негодному, – почти выкрикнула Сима, заплакала и убежала прочь.

Не думал Аскер, что так все получится.

Они ведь, еще когда учились в седьмом классе, дали клятву считать Симу своей сестрой. Хотел напомнить об этом Мурадину, но решил, что ссора может вспыхнуть, помешать выполнению такого важного задания, и потому промолчал. Промолчал, но обида жгла ему сердце. Посмотрел он сейчас на скакавшего Мурадина и решил, что самое

время поговорить об этом с другом. Догнал его и заговорил:

– Ты помнишь, мы поссорились немного с тобой. Назвал я тебя трусом, потом доносчиком. Я был, наверно, неправ, совсем неправ, но сейчас хочу тебе сказать – не мужчина ты, не умеешь мужское слово держать.

Мурадин рассмеялся:

– Послушай, Медведь, пройдет несколько дней, и ты опять скажешь, что был неправ. Не замечал я за тобой раньше горячности. Но скажи сначала, какое слово я не сдержал?

– Мы клялись, что Сима нам только сестра?

До корней волос покраснел Мурадин и, чтобы этого не заметил Аскер, отвернулся, вроде бы стал смотреть на парившего орла:

– Как же не клялись? Но кто тебе сказал, что я нарушил свое слово?

– Да уж сказали. Верные люди сказали.

– Хотел бы я видеть этих верных людей и хорошенько с ними поговорить. По-мужски...

Мурадин уже смотрел прямо в глаза Аскеру – справился с собой. Но все-таки мысли застучали в голове, забились. Неужели проболтался мальчишка, относивший Симе записку? Но он такой маленький, никак проболтаться не мог. А если Сима потеряла записку? Или сама сказала Аскеру? Нет, скорее всего, Медведь хочет прощупать меня. Сам, наверно, влюбился. Видел Мурадин, как Аскер поглядывал на Симу. Э-э, только этот номер у Медведя не пройдет. Мы тоже кое-что соображаем, мы оттуда давно вернулись, а ты еще туда только идешь.

– Глупости ты говоришь, Аскер. Не надо слушать всяких сплетников. Если бы я слушал их, давно бы мы не ходили одной дорогой, не пили из одной кружки.

– Помолчал бы, негодный, – сердито сказал Аскер, – если я говорю, значит, знаю. Твердо знаю.

– Перестань сочинять, Медведь, в такое время это никак не годится... Скажи мне честно, в прошлое воскре-

сенье разве ты не ходил к Симе вечером с Ламоковым? Скажи, чего же ты молчишь?

И рассмеялся Мурадин: вот он как ловко поставил на свое место Медведя!

Аскер позеленел от злости. Ну, давали слово. В седьмом классе, сопливыми мальчишками были. А теперь что ж такого, если он влюбился в Симу? В такую хорошую девушку каждый может влюбиться. И люби, люби себе на здоровье, но зачем же обманывать друга? Это больше всего и обижало Аскера. Он подъехал к Мурадину и дал ему такого тумака, что тот едва удержался в седле.

– Ты с ума сошел!

– Не сошел, презренный... Возьми-ка вот лучше записку и посмотри, от кого она и кому.

Мурадин сразу узнал свой конверт, но все-таки подумал: может, ошибка?!

Не было ошибки. Мурадин яростно поддал каблуками под бока коню, дернул поводья и понесся. Рысью, потом галопом.

– Подожди, Мурадин! Подожди меня! – кричал Аскер. Скакали они недолго.

За поворотом наткнулись на автомашину с убитым шофером.

Зафыркали тревожно, заржали лошади, почуяв смерть, ударили о землю копытами.

В стороне от дороги ребята привязали за деревья лошадей и не сразу решились подойти к машине, к покойнику. Мурадин делал вид, будто поправляет уздечку, Аскер возился у седла.

Аскер первый пошел к машине. Мурадин – за ним. Всего лишь на один шаг, но все-таки шел сзади, за другом, за его спиной.

Подошли и опять остановились в нерешительности, не знали, с чего начать.

Есть ли что-нибудь труднее, чем закопать в землю человека? Как подойти к нему, как выкопать могилу, а потом как нести и опустить его в сырую землю? Да если еще мальчишкам по восемнадцать лет, если у них еще

розовые пальцы, а бритва не трогала их усов?.. Как зарыть им в землю человека? Лучше бы никогда и никому не доводилось этого делать.

Мурадин достал из кармана носовой платок и закрыл лицо покойника, потом полез в кузов посмотреть, нет ли там лопаты.

Нашлась лопата. Старая, ржавая шоферская лопата с грубым держаклом.

– Кто это сделал? Неужели абрек? Это он, змеиное отродье... Значит, у него был еще наган?

– Нет. Трам здесь ни при чем, – ответил другу Мурадин, – посмотри на кабину, – это из пулемета. Наверно, немецкий самолет.

Теперь они увидели настоящую войну и примолкли. Примолкли и почувствовали, как в груди закипала новая ярость, новое желание мстить за горе своей земли...

Мальчишки по наивности думали, что Аслан с Трам, может быть, находятся где-нибудь поблизости. Мурадин забрался на кабину и, сложив руки рупором, кричал.

Долго звали они Аслана и Трама, надеялись, что те откликнутся. Думалось им, может, примирились Трам с Асланом и теперь делают одно дело. Вдруг Аскер замолчал, словно понял что-то, посмотрел на Мурадина.

– Как они могли уйти, не похоронив шофера?

– Это правда, – не могли они так поступить. Выходит, случилось что-то такое, что помешало им предать тело земле?

Аскер стоял, понурив голову. Ему вдруг вспомнился отец: возможно, вот так же... и некому было похоронить? Кто знает, где его тело?

Каждый человек приходит на землю, чтобы открывать ее заново. Первый шаг по ней. Первый цветок. Первая любовь, первый поцелуй... До самой смерти он будет открывать для себя землю. И сама смерть его тоже будет открытием. Первым и последним.

Похороны человека – всегда печаль. И когда приходят к покойному люди, когда говорят ему последние слова, когда они на своих руках провожают его в последний

путь – все это имеет глубокий человеческий смысл для всех живущих. Это последний долг перед тем, кто жил на земле, кто сделал ее хотя бы на самую малость лучше, чем она была, сделал ее теплее и уютнее для тех, кто идет следом за ним.

Лучше бы Мурадину писать стихи или выхаживать в саду розы – для этого создано его сердце, но надо было ржавой лопатой копать могилу, брать на руки мертвого, неизвестного человека, чтобы засыпать глаза землей... Мурадин стоял в кузове машины и не решался двинуться с места. Спрыгнуть на траву, ему казалось, все равно, что прыгнуть в пропасть.

Аскер был потверже, помужественнее. У него нервы покрепче. Похоронить человека, предать его тело земле на вечный покой – это была для него сейчас единственная и самая важная задача. Он попросил у Мурадина лопату и пошел искать место для могилы. Долго бродил по лужайке, долго выбирал.

Хоронить решили под старым осокорем, расщепленным грозой, что стоял недалеко от дороги, у края пшеничного поля.

Копали долго, хотя земля была и мягкая, – первую могилу всегда копать очень трудно...

Вырыли яму, а потом по обычаю адыгов у самого ее дна сделали в стене нишу. Теперь оставалось самое трудное – перенести тело шофера и уложить его в нишу...

В изголовье могилы ребята вкопали доску от машины, положили валун, который прикатали от дороги.

Раздувая ноздри, ржали тревожно лошади. На осокоре, на самой его верхушке, заливалась песней маленькая славка.

7

Трам словно сквозь землю провалился. Ни за кустом, ни за толстым корявым дубом, ни за бугорочком Аслан его не нашел. Замер, притих – не слышно шагов. Но вот, вспугнутая кем-то, взлетела с дерева птица. Аслан вздрог-

нул и пустил наугад пулю в сторону огромной муравьиной кучи.

А неподалеку от кучи и лежал, затаившись, Трам. «Еще три патрона осталось у него в этом нагане», – подумал он и прижался к земле, втиснул в нее свое тело. Отдохнуть, отдышаться бы пока. «Еще три патрона у тебя, Аслан!» За пнем не было видно Аслана, но Трам слышал его тяжелое, с хрипотцой курящего человека дыхание, слышал, как осторожно ступал он по валежнику, и, казалось, видел его длинную, гусиную шею, большие, жадно искавшие глаза – настороженные и испуганные.

Не держали больше ноги Аслана, дрожали в коленях. Он привалился спиной к карагачу и с наганом наизготовку высматривал Трама. Чуть шевельнется веточка, дрогнет лист – он замирал, напрягал до боли глаза и уши.

Тихо в лесу. Видно, далеко ушел Трам, не найдешь его теперь. Подумал так Аслан и дал волю своей слабости, опустился на землю, не отрываясь спиной от карагача. Сел, скрестив ноги, на мягкую, поросшую мхом землю. Смахнул пот со лба, блаженно закрыл глаза. Хорошо сидеть вот так, с закрытыми глазами, ощущать покой леса. Ах, если бы не этот черный, вороненый наган!

Трам тоже, прикинув грудью к мягкой и прохладной земле, как в детстве к груди – к той же груди, что и Аслан, – отдыхал. Запах мха, поздних лесных цветов давал ему силу, как молоко матери. Надо было Траму бежать другой тропой, тогда наверняка бы Аслан отстал, но Трам соблазнился тем, что эта тропа короче, по ней скорее добежишь к дуплистой вербе. А в том дупле – наган, патроны, добрый нож. Э-гей, только бы добежать туда, только взять бы в правую руку наган, а в левую нож. Конечно, не стал бы он его убивать, хотя и следовало бы: ведь Аслан-то палил по нему из нагана, ранил в шею. Ну и ладно, а Трам не стал бы его убивать. Только бы поскорее оторваться от Даримок, скорее бы попасть к своим, в армию. Вон как грохают пушки и рвутся бомбы! Но далеко еще до спасительной вербы, а Даримок с наганом и тремя патронами в нем совсем рядом.

Слышно, как он дышит открытым ртом, слышно, как ворочается у дерева...

Где-то спрятавшись в чаще, кричала иволга. Аслану чудилось, что она говорила ему: «Эх, ты, бедолага! Вон куда завела тебя твоя незадачливая судьба, вон какую тропинку бросила тебе под ноги. Сумеешь ли ты выкрутиться, выпутаться? Не перехватила бы тебе смертельной петлей горло эта лесная тропинка. Смотри, Даримок, смотри, лейтенант!».

Отдышался Аслан, почувствовал в плечах силу, и ноги снова твердыми стали, упругими.

Глянул на часы – четверть седьмого. До заката оставалось еще добрых два часа, а в лесу стало заметно темнеть. Да и небо над головой в разрывах между веток потемнело. До вечера рукой подать. Искать Трама ночью все равно что иголку в стоге сена.

Если будешь сидеть, даже твои собственные ноги отсохнут. Поднимайся, Аслан, поднимайся, горемыка, и поищи другую, более счастливую для тебя тропинку. Может быть, она совсем рядом, может быть, только ногой ступить.

Поднялся Аслан и увидел невдалеке грушу со спелыми, ярко желтевшими плодами. Решил набрать в карманы душистых груш, и только направился к дереву, услышал торопливые шаги, побежал кто-то.

Это был, конечно, Трам. Аслан увидел войлочную шляпу, подвязанную к подбородку шнурком, и выстрелил.

Мимо!

Ожил Аслан Даримок, ожил лейтенант: смилостивилась над ним судьба, бросила под ноги верную тропинку. Большими, легкими шагами, будто прыжками, побежал он. И сердцу было легко: «Ну, держись! Дай бог легкость и твоим ногам, бедный Трам!»

Петляя и прячась за деревьями, Трам набирал скорость – ноги несли его быстрее и быстрее... «У него осталось всего два патрона. Два патрона! Промажет еще два раза и конец ему! Совсем стрелять разучился Аслан. А может, не хочет убивать?» Выбежал на дорогу и решил

поднажать по ней до поворота, а там опять в чащу и напрямик к гнилому болоту. И только он добежал до поворота – увидел Аслана, бежавшего ему наперерез. Увидел горевшие его глаза, увидел дуло нагана и вспышку.

Мимо!

«Один, один-единственный патрон остался у незадачливого брата моего!»

С новой силой бросился бежать Трам.

И вот оно, спасительное болото! Надо туда, к тропе. Кинулся Трам, а у тропы стоял с наганом наизготовку Аслан.

Прыжок, и Трам укрылся за вековым дубом.

Что делать? Спасительная тропинка перехвачена Асланом. Что делать?!

Наступали сумерки. Солнце уже закатилось за камыши болота. Трам увидел у своих ног двухметровую, в руку толщиной палку, будто подброшенную ему судьбой. Взял ее – добрая. Тяжелая и ухватистая. Вышел он из-за дуба: будь что будет, хватит прятаться...

Аслан растерялся от неожиданности, оторопел от страха – таких свирепых, налитых кровью глаз он никогда не видел у Трама.

– Ты оставишь меня в покое, проклятый! – и Трам вскинул палку.

Аслан выстрелил.

Мимо!

Палка хнула над головой Аслана. Он увернулся от удара.

Защелкал наган, но выстрелов не было.

Трам с усмешкой смотрел на Аслана:

– Эх, ты! Я всегда говорил, что ты недотепа.

Даримок стал белым как мел. Он понимал, сменились у них с Трам позиции. Теперь в обороне – лейтенант. Поторопился радоваться, поторопился благодарить свою судьбу. Он стоял напротив Трама и понимал, что если тот саданет палкой, голова его расколется, как орех. И палка добрая, дубовая, и рука у него – не дай Аллах никому попасть под нее. Не было бы у него палки, совсем другой

бы разговор пошел, Аслан отлично знает самбо. Не успел бы Трам опомниться, как он швырнул бы его наземь, завернул руку и – будь здоров. Если бы не было палки. Правду говорят старики, в лесу опасность кроется за каждым деревом, стелется по мягкой траве...

Даримок очень хорошо метал ножи. Решил метнуть в голову Трама наган.

Взмах!

Трам кошкой увернулся:

– И тут тебе не повезло, брат мой. – Трам подошел к кусту, поднял наган, положил в карман и пошел к вербе, к тому месту, где начиналась тропа через болото.

– Куда же ты уходишь?! – спросил Даримок и пошел за Трам.

Тот остановился, глянул через плечо.

– Вернись, Даримок. Не ходи за мной, погибнешь в болоте. Иди обратно. Иди домой. Расстанемся миром. Уходи.

«Ничего, – подумал Аслан, – еще не окончена борьба».

Трам пошел к вербе, где начиналась тропа через болото. Перейдет, и в третьем дереве, в дупле, – наган, патроны и нож. Правда, Даримок теперь не опасен, но с оружием все-таки спокойнее, увереннее себя чувствует мужчина. С оружием увереннее. На то он и мужчина, чтобы быть сильным. Ведь все на земле защищает мужчина – и доброе, и злое.

Сзади раздался треск. Трам оглянулся и увидел: Аслан сломал сук вербы. «Э, глупый Аслан, теперь тебе это не поможет».

– Не ходи, Аслан, пожалей свою жену и ребенка – не оставляй их сиротами, не ходи за мной – погибнешь!

8

Раздвинув руками густой камыш, Трам посмотрел назад: Аслан все-таки шел за ним следом.

Начиналось самое опасное место на тропе. Здесь он сам в прошлые годы три раза тонул, едва спасся.

Третий раз на коне решил пройти, думал, что знает тропу уже на ощупь. И все-таки попал трясине в лапы. Спасся чудом. Коня засосало, а он спасся. Потом еще сколько раз изучал эту тропу смерти – шаг за шагом, кочку за кочкой. С закрытыми глазами, наверно, смог бы пройти, и все-таки она каждый раз страшила его своим коварством.

– Прошу тебя, Аслан, вернись.

– Не уговаривай, все равно пойду. Ты же знаешь, другого пути у меня нет... Вон ты какой, а еще сочинял что-то о письме.

Аслан включил карманный фонарик, выхватил из темноты узенькую, шириной в какую-нибудь четверть, щель в высоком камыше.

Траму показалось, что Аслан просил его. Слышно было в его голосе что-то такое, похожее на просьбу: а что ему оставалось? Сила теперь не на его стороне. Понимал Трам и другое: сообщил Аслан по телефону о нем, а как теперь быть? Куда бы ни шло, если б это в мирное время. В войну же дело другое. Законы совсем другие. В войну эти самые законы становятся страшными и беспощадными, как и сама война. Сходят с ума законы, потому что сошли с ума люди. И тут уже тоже ничего не поделаешь – такова жизнь.

Быстрыми, решительными шагами пошел Трам по тропинке. По такой узкой тропинке, словно лезвие кинжала. Шел, помогая себе палкой, – чтобы не оступиться. Палка ему была все равно что шест канатоходцу.

Поспешал, запыхавшись, за ним Даримок, освещая тропинку фонариком. Хлюпала под его ногами болотная жижа. И как ему удавалось не промахнуться, не оступиться? Везучий этот Аслан. Везучий, а счастья нет... Ну что будет с ним у того поворота, на самом опасном месте? Трам десятки раз переходил его, а все равно боится. Очень боится. Именно там пропал его конь и сам он едва выскочил.

Вот он, поворот!

Вот оно, самое гиблое место!

Осторожно ступая, затаив дыхание и помогая себе палкой, Трам перешел его. Слава Аллаху, перешел! Теперь он спасен.

Сделав несколько прыжков в сторону по кочкам, пробрался по камышу и притих. Мелькал свет фонарика, приближался Аслан.

Комары роем гудели и грызли руки, лицо, но терпел Трам, умел терпеть – такую долю себе выбрал. Все против него – даже комары.

Ближе, ближе молочный брат. Пошатнулся, хотел схватиться за что-нибудь рукой и удержаться, но ничего не вышло – рухнул и тут же погрузился по пояс в черную вонючую жижу. Фонарик выскочил из его рук и лежал на тропинке, светил в небо.

Рванулся Аслан за фонариком и тут же увяз еще глубже, по самую грудь. «Эх, чудак, разве можно в тине так резко двигаться? Несчастный».

Аслан растерялся и стал суетиться – хвататься за камышины, за кочки, отчаянно пытался выскочить из омота, но его словно кто-то тянул за ноги в глубину. Липкий холод стал просачиваться к груди, к животу...

В небе мигали звезды, висела яркая луна.

Поднял Аслан к небу испуганные глаза и не своим голосом закричал:

– Тра-а-а-м-м!..

Трам будто не слышал этого крика. Целый день, почти сутки он боролся за свою жизнь. Сколько раз она висела на волоске, сколько раз висела дрожащей каплей над пропастью, и наконец – все, нет больше опасности, перед ним свобода! Трам глубоко вздохнул и почувствовал слабость во всем теле – опуститься бы прямо здесь, на землю, припасть к ней грудью и забыться. В сладкой истоме забыться... Засосало под ложечкой, заныло от голода. Ну что ж, в дупле есть и еда, чтобы насытиться, а в землянке есть добрая медвежья шкура, чтобы на ней растянуться усталым измученным телом и уснуть.

Скорее в землянку. И будь проклято все. Пусть тонет этот безумный человек. Пусть даст Траму отдохнуть, он так устал, а ведь завтра снова дорога – дорога на фронт.

– Тра-а-а-м-м!.. Молоком моей матери, которое дало тебе жизнь, заклинаю, спаси меня!

Холодный пот покатился по лицу Трама при этих словах, сердце надрывно застучало в груди. Ноги резко повернулись и понесли его к омуту.

Быстрее и быстрее шел Трам. Теперь он боялся, жив ли Аслан, не захлебнулся ли он?

И бросился бежать по тропе, раздвигая жесткий камыш.

«Только бы не оступиться, только бы не упасть в болото».

Но фонарик по-прежнему лежал на тропинке и жалко светил в небо.

Трам остановился и стал присматриваться, искать Аслана. Присел на корточки. Услышал грозное шипение омута и тут же увидел голову Аслана, увидел, как судорожно хватал воздух его рот, к которому уже подступилась черная жижа. И широко открытые глаза его увидел – опустошенные страхом.

– Я ведь предупреждал тебя... Где твои руки? Хватайся за палку. Ну же!

Болотный смрад шибанул в нос Траму – это Аслан выпростал из жижи руки – черные, трясущиеся. Схватился за палку. Предсмертная дрожь брата передалась по палке Траму... И его руки застыли мертвой хваткой. Ничто, даже смерть не смогла бы теперь разжать их.

От напряжения и голода кружилась голова у Трама. Он боялся, что не выдержит и сам упадет в омут.

Почти до пояса уже выбрался из болота Аслан и тяжело, со свистом дышал.

– Отдохни, Трам, – с теплотой прошептал Даримок. – И не бойся, вытацишь, я тотчас отпущу тебя.

Лежа на тропе вниз лицом, сотрясаясь всем телом, Трам смеялся:

– Аллах милостивый, Аллах милосердный, ты посмотри на этого сумасшедшего – он отпустит меня, он меня прощает!..

– Разве я так сказал? – с удивлением спросил Аслан. Трам продолжал смеяться.

– Если я так сказал, прости меня – глупые слова сами выскочили. Прости, пожалуйста.

– Нет, не сами. Ты такой человек. Твоя натура так сказала. И другим ты никогда не будешь, разве что заново родишься!

– Как можно родиться заново, мой брат?

– Можно. Родиться заново никогда не поздно. Такое можно пережить, что оно наизнанку вывернет. Ну хватит болтать, примемся за дело.

Напрягся Трам, всю свою силу собрал:

– Грудью вперед, грудью работай. И ногами теперь можно. Осталось совсем немного...

Но что это?! Аслан вдруг отяжелел и перестал двигаться.

Трам осветил его фонариком и увидел – лежал Аслан ничком с закрытыми глазами. Иссякли, видно, его силы.

Трам бросил палку, подошел к Аслану, перевернул его на спину. Расстегнул воротник рубашки. Ладонью вытер грязное лицо, похлопал по щекам, потер уши.

Сел рядом с ним. Его ладони хранили тепло щек Аслана.

Недолго был в забытии Аслан. Медленно открыл глаза и смотрел в небо. Потом глянул на Трама:

– Это ты?

– Я. Лежи, собери хоть немного сил.

– Именем твоей матери, не бросай меня. Я совсем ослаб.

И опять закрылись глаза Аслана. Должно быть, забылся.

Надо бы подняться и уйти Траму. Это было бы самое лучшее. Брат его теперь вне опасности – отлежится до утра, а там выберется из леса на дорогу, и дома. Сейчас

самый бы раз расстаться им, по мужскому счету, они, получается, квиты.

Хорошо бы, но жизнь по-своему судила. Не любит она, видно, чтобы все было кругло да гладко, чтоб все получалось просто. Только поднялся Трам, только хотел идти, как услышал медвежий рев. Медведица шла, оказывается, следом за ними...

Услышал Трам грозный рев и понял, что дело плохо. Страшнее медведицы, когда она с детенышами, нет зверя. Даже вооруженному человеку лучше с нею не связываться, а безоружному тем более. Надо было уходить, но как? Аслан все еще не пришел в себя. Трам хлопал его по щекам, тер уши – безуспешно. Тогда снял свою войлочную шляпу и стал махать ею, обдуть лицо и грудь его ветерком.

Наконец, Аслан открыл глаза.

– Вставай быстрее. Нам надо торопиться.

– Что случилось? – Аслан попытался встать, но не смог.

– Медведи идут. Надо уходить.

Трам присел, подставил свою спину:

– Цепляйся и держись крепче... Вот так, за шею держись.

Могучим был Трам, и Аслан оказался для него не тяжелой ношей. Довольно ходко он шел с ним тропой, вскоре добрался до края болота, а там и к заветному дереву. Осторожно посадил Аслана на землю и метнулся к дуплу. Достал наган, горсть патронов, сунул их в карман.

9

Аслан хотел разуться, снять мокрую одежду, но не смог, так и уснул, сидя у дерева. Ему снилось, будто он летел на быстрых крыльях над землей. Летела с ним и медведица, летели медвежата. Земля вся была в весеннем цвету. Медведи махали приветливо лапами и улыбались. Трам тоже летел с ними. Только он держался поодаль,

сзади. Вид у него был унылый. Глаза печальные и крылья какие-то вялые. Аслан хотел сказать ему, мол, не унывай, держи голову выше, миновала нас беда, выпутались мы из сетей, которые расставила нам хитрая жизнь, перехитрили мы ее, на то мы и люди. Хотел так сказать, но почему-то не мог. Видел суровое лицо майора.

Спал лейтенант Аслан Даримок.

Траму спать не хотелось.

Подошел он к спящему своему молочному брату и улыбнулся – каким мирным и добрым был Даримок, как беспечно он спал, этот упрямый человек. Не мог же он пустить мимо все пули. Не мог. Стрелял-то Даримок здорово.

Много ночей провел Трам под открытым небом. Видел всякие ночи. И в зимние морозы, когда звезды здесь бывают яркими и крупными, и весной, когда в лесу все цветет, все одето в белые душистые одежды. И хмурые осенние, непроглядные ночи в дождях и туманах, и грозные летние, и вот такие – лунные. Но сегодняшняя ночь была особенной.

На небе ни облачка. Луна была похожа на кораблик, плывший по звездному синему морю. Бесшумно плыл кораблик и расплескивал серебряные лучи. Спали деревья, спали травы и птицы. Не спал только он, Таусов Трам.

Зачем он, собственно, здесь торчал, что караулил? Ведь в трех километрах отсюда в сторону гор его землянка. Там в сарае его ждет Малышка. Когда уходил он в аул, дал ей сена, налил воды в бочку, но все это, наверно, кончилось. Да и скучает Малышка по Траму. Он, бывало, еще далеко находился от нее, а она уже чужала его и приветно ржала, а когда заходил в сарай, била копытом, тыкалась мордой в его плечо, в лицо – очень радовалась.

Почему он должен беречь сон этого Аслана? Совсем этого не надо делать. Утром проснется и пойдет восвояси. Найдет дорогу, не заблудится.

Трам встал, надевая шляпу, дотронулся до раны на шее. Злоба в нем вскипела. Еще бы! Чего доброго, придет Даримок и станет всем рассказывать, как ловил Трама

Таусова, присочинит что-нибудь – он на это мастер. Нет, так нельзя. Нужно хотя бы поговорить.

Подошел, взял Аслана за плечо...

– Эй-эй, что задумал?! – вскричал проснувшийся Аслан.

– Хотел разбудить тебя. Земля сырая, ты весь мокрый, смотри не простудись.

– Спасибо. А мне показалось...

– Думаю, надо тебе уходить. Выведу я тебя обратно через болото – и с богом.

– Не говори так! Я же совсем не знаю этого леса. Неужели ты спас мне жизнь, чтобы я сам потерял ее потом в этой чащобе?

– Ничего, найдешь дорогу.

«Конечно, – думал Аслан, – Трам по-своему прав – ему надо освободиться от меня. Он силой и хитростью взял свое. Он даже спас мне жизнь. Но и я ведь тоже здесь не по своей воле... мне нельзя возвращаться в Заурхабль без него. Совсем нельзя. Э-э, позор тут не самое плохое. Позор бы такой я смог пережить, но как быть с долгом? Как быть с присягой? Да-а-а, плохо твое дело, Даримок...»

Нет, надо выполнить задание майора. Нельзя отпускать Трама. У Трама есть наган, но без патронов. В этом случае лучше вон та длинная суковатая палка. Куда лучше. Она и оружие обороны, и оружие нападения. Ведь Аслан знает отличные приемы самбо. Только надо выждать, надо набраться терпения.

– Если ты не хочешь, чтобы я тебя сейчас отвел обратно через болото, тогда как хочешь. У меня нет времени. Прощай.

Аслан рванулся за Трам:

– Именем Аллаха прошу, не оставляй меня на растерзание зверям, на голодную смерть. Давайждемся утра, а там посмотрим, ведь недаром старики говорят: утро вечера мудренее.

– Каким ты несчастьем ко мне привязался, какой болячкой? Будь по-твоему, – смягчился Трам. Взял сначала свою палку, потом – палку Аслана и обе забросил в болото.

– Значит, подписан мир?

– Какой мир?

– Ты забросил палки, наше оружие. Значит – мир. Мы больше не враги.

– Я никогда и не был твоим врагом. Я ничьим не был врагом. Никогда никому я не делал зла. А сейчас время, видишь, какое. Фашисты на нашу землю пришли, мы все должны заодно драться. Ну, ушел из аула – по глупости или еще по какой причине, сейчас не время выяснять. Теперь-то иду в армию, хочу драться. Зря мы время теряем, этой возней занимаемся. Ты видел, я забросил наши палки. Будь они прокляты!..

– Успокойся, Трам, я понял.

– После того, как израсходовал последний патрон?

– Угадал.

– Но ведь ты хотел убить меня?

– Если бы хотел, еще в кукурузе бы прикончил.

– Ну?

– Да. Думал, все-таки догоню или ты испугаешься и остановишься, покоришься мне.

– А когда в шею поранил?

Аслан помолчал, опустив голову:

– Сильно рассердился на тебя.

– А два последних выстрела?

– И два последних. Ты же мужчина, джигит и должен меня понять. Как мне вернуться без тебя в Заурхабль? Как могу не выполнить приказ? Разве может пережить такой позор мужчина? Скажи, может?

– Да-а, это большой позор. Тебя все назвали бы теленком. Я бы на твоём месте сам снял петлицы и забросил в это болото...

– Вот она жизнь какая, вон какие у нее тропинки.

– До рассвета еще далеко, – сказал Трам, – пошел бы к ручью и выстирал одежду.

– Правда твоя. А где ручей?

– Видишь дуб? Прямо от дуба впадина, и там увидишь.

Аслан стоял, раздумывая: не хитрит ли, не убежит ли Трам?

Тот язвительно усмехнулся:

– Чего же ты ждешь? Или я тебе должен стирать?

Аслан пошел, а у дуба, у спуска вниз еще раз оглянулся, пытливо посмотрел на Трама.

Тот улыбался.

Вскоре послышался плеск воды. Аслан стирал и говорил Трамму, какая теплая и хорошая вода. Надо бы искупаться, освежиться.

– Спускайся сюда, искупаемся.

Молчал Трамм. Уж не убежал ли он? Наспех выжал рубашку, штаны, выполоскал сапоги и пополз наверх.

Трам спал.

Но не успел Аслан сделать и двух шагов, как Трамм спросил:

– Выстирал уже?

– Да...

– Наверно, плохо выстирал, – сердито сказал Трамм.

– Почему ты не спишь?

– Разве сон придет, если рядом такой человек!

– Зря ты так говоришь, Трамм! Э, совсем зря! На что я теперь способен? Совсем ослаб, ветром свалить может.

– Брось болтать! Не мужское это дело. Я вижу тебя насквозь. Лучше тебе бросить свою затею, лучше хорошенько выстирать штаны... Что же ты стоишь? Иди!

Таяла в рассветных лучах луна. А звезд уже не было – утонули они в синем утреннем небе. Где-то далеко на востоке взошло солнце, но его еще не было видно за густыми деревьями. Даже на высокой верхушке дуба не видно.

С болота потянуло прохладой. Пропали комары. На траву пала роса.

Зябко.

Трамму собирал валежника и развел костер.

Поднялся Даримок от ручья, увидел веселый огонь:

– Ей-богу, ты хорошо это придумал...

– Повесь на дерево свои тряпки. Вот сюда, поближе к огню, и их быстро протянет жаром. А ты сходи за дровами.

– Как же я в одних трусах?

– Иди, иди.

Принес Аслан большую охапку дров. Костер со звонким шумом взвился вверх – закачались ветки дуба не то тревожно, не то приветливо.

Трам достал кисет, свернул сигарку, предложил закурить Аслану, тот качнул головой:

– Не курю.

– Правильно делаешь. А когда-то ты был заядлым курцом.

– Бросил теперь. Кашлять стал. Врачи говорят – вредно.

– Молодец, молодец, – пробормотал Трамм, а сам опять подумал: или в самом деле бросил курить, или не хочет «выкурить мировую»? Читал Трамм в какой-то книжке о «трубке мира». Может, и Даримок читал?..

Хорошо горел костер – весело. Тепло разморило Трамму, кровь к лицу прилила, отяжелели веки. Но спать-то ему нельзя. Совсем нельзя. Дремать и то нельзя. Человек, когда дремлет – ненадежный человек. Аслан вот он, рядом. Его тоже морит сон, размягчает тепло, и он тоже борется с самим собою.

Такова жизнь, таковы ее хитрые тропинки.

А лечь бы этим парням, этим молочным братьям на мягкой моховой подстилке у огня, по-братски обняться и уснуть крепким сном, после которого силы вдвое больше становится, глаза веселее смотрят вокруг, лучше видят доброту земную.

Но нет, нельзя им спать. Никак нельзя.

Чтобы не уснуть, Трамм старательно поправлял огонь, а брат его сушил одежду.

Звезды уже потухли в синей глубине неба, но одной, видно, немоготу было тонуть, видно, другого захотелось ей, и она – большая, яркая – ринулась вниз, оставляя за собой яркий зеленоватый свет, и сторела, рассыпалась – пеплом легла на землю.

Увидели эту звезду и Трамм, и Аслан. Каждый увидел, каждый проводил ее грустным взглядом. Оба глубоко и печально вздохнули.

В стороне болота закричал фазан, ему откликнулся другой, третий. Фазаньи петухи ночами спят, а свои мужские песни поют по утрам.

Добрый утром начался день и пошел, пошел. Кому-то он принесет счастье, а кому-то и беду. Кому-то откроет глаза на белый свет, а кому-то и закроет.

10

Совсем разгорелся день. Пламя костра побледнело, стало почти невидимым. Трам палкой собрал головешки в кучу.

Аслан снял с дерева высохшую одежду и, одеваясь, спросил:

– Ты как, хочешь есть?

– Очень. Выкладывай, что там у тебя в сумке.

– Я у тебя в гостях, а не ты у меня. Угощай.

– Э-гей! Лейтенант! Не приведи Аллах мне такого второго гостя – небо и совсем с овчинку покажется.

Аслан больше ничего не стал говорить об этом. Стал обуваться, с трудом натягивать хромовые сапоги:

– Плохо высохли. На ногах досохнут.

Встал, прошелся по мягкому мху и опять сел к костру, привалившись спиной к дубу.

Солнце все выше поднималось над лесом. Его лучи, проникая сквозь листву деревьев, высвечивали обомшелые пни, буйную темно-зеленую листву фиалок, ландышей.

На краю болота скрипуче кричали камышовки.

Привалюсь спиной к дубу, Аслан вроде бы задремал, но Трам не верил ему. Стерег, ощущая в кармане наган и тяжелую россыпь патронов. Потом достал часы.

– Э-ге, седьмой. День будет сегодня очень хороший.

– Ты так считаешь?

– Мало ли, что я считаю. Вижу – так Аллах сделал.

Поднялся Трам. Решил помолиться. И пошел вниз по ручью, чтобы перед молитвой совершить омовение. Иногда на него находило такое, хотелось, чтобы понял хоть

кто-то душу его. И сейчас ему надо было все обдумать, все обрешить.

Старый, мудрый дедушка Исхак, иссеченный на войне вражескими шашками, битый пулями, говорил маленькому Траму, что все сущее на земле создал Аллах, над всем Он властен, только нельзя Аллаха уподоблять посоху или щедрому дяде, который все может дать, во всем может помочь. Неправда это. Аллах создал человека сильным и гордым. Человек, помня о высшем благе, все должен делать сам. Аллах создал человека, чтобы он творил на земле добро. И когда молишься, говорил старый Исхак, ничего не выпрашивай у Аллаха, не превращай молитву в попрошайство, это слабые люди выдумали, будто молить – это значит просить. Неправда. Молиться – это значит, прежде всего, остаться один на один с самим собою, а потом, если тебе удастся это, – остаться один на один с Аллахом. И творить молитву – означает думать, советоваться, размышлять о самом главном, а не о суете, не о грязи, что налипает на стопы человека...

Давно это было, так давно, что Траму иногда чудилось, будто этого и вовсе не было, просто привиделось во сне или родилось вместе с ним, как его руки, ноги, глаза и сердце. Пока ходил в школу, рос, как и все мальчишки в ауле, совсем забыл о тех словах деда, а когда ушел из аула, когда потянулись бесконечные дни и ночи одиночества, когда незаслуженная обида требовала выхода, разрывала его сердце, вот тогда-то и вспомнился ему дед Исхак, вспомнилось, как ночью, закутавшись в бурку, смотрели они на звездное небо, слушали немолчный звон сверчков и печальные крики филина, вспомнились тихие и необыкновенные слова старика о боге, о добре, о нартах...

Он не молился, а забывался, уходил от своей горькой доли и говорил с Аллахом о разных красивых делах, которые обязательно должны свершаться на земле, о доброте людской, которая обязательно победит зло. А то и просто закрывал глаза, прикладывая руки к бьющемуся сердцу и замирал, превращаясь в лес, в пение птиц, в ветер, шумев-

ший сверху, в траву и цветы, которыми он дышал, которые видел даже с закрытыми глазами...

Стал осматриваться, выбирать место. Решил отойти поодаль, под черноклен. Там можно молиться и наблюдать за Асланом. Иначе нельзя. Шайтан его знает, чем его башка сейчас занята. Лучше поостеречься.

Снял Трам рубашку, постлал ее перед собой вместо циновки. Разулся, сапоги поставил слева. Вытащил наган из кармана и положил справа, под рукой. Хотел было положить поближе, прямо перед собой, да побоялся: молитва – и оружие перед глазами. Нельзя. Положил сбоку – это не будет большим грехом. Ведь и в Коране сказано, надо поступать по обстановке. Простит ему этот грех Аллах и примет молитву.

Э, удивительно, совершенно удивительно устроен мир!

Помнит Аслан, будто вчера или позавчера это было, – бегали они с Трам в медресе. Как они там веселились и озоровали, хотя иногда приходилось и плакать от строгого эфенди.

Аслан считался прилежным и способным мальчиком. Он легко и быстро заучивал аяты из Корана, хорошо читал. А вот Трам не любил заучивать непонятные слова, не любил читать бессмыслицу, поэтому ему частенько попадало. Отец, приводя сына в медресе, заранее приносил с собой и гибкую, хлесткую лозину, другую для него же припасал сам эфенди.

Однажды совсем заупрямился Трам, отказался читать. Эфенди велел читать Аслану, сидевшему впереди Трама. И пока тот неторопливо, с расстановкой читал, эфенди мял, крутил уши Трама, пытаясь выжать из него слезы, но это ему, однако, не удалось. Трам был крепок на слезу.

Так было на другой и на третий. Эфенди был упрямым человеком, решил добиться-таки своего. Если эфенди был упрямым, то мальчишка мужественным и твердым в своем самолюбии.

Аслан однажды, возвращаясь домой, спросил:

– Таусов, скажи, пожалуйста, почему утром, когда мы идем в медресе, у тебя уши прижаты к голове, а вечером они оттопырены и красные? Почему так получается?

– Скажу, Даримок, отчего получается. Когда ты читаешь аяты, очень растягиваешь и заикаешься, а у меня из-за тебя и краснеют уши. Понятно?

– Понятно, – наивно поверив, ответил Аслан. Трам остановился, вынул из-за пазухи кожаную плеть, ткнул ее под нос Аслану и угрожающе сказал:

– Если быстро будешь читать, это хорошо, а если опять будешь тянуть, смотри, походит плеть по твоей спине. Ведь пока ты читаешь, эфенди выкручивает мне уши. Смотри у меня!

И опять Трам потряс у Аслана перед носом плетью.

С того дня Аслан Даримок перестал в медресе совсем читать, как и Трам. Теперь и отец Аслана приносил с собою в медресе добрую лозину для своего сына. Теперь каждый вечер оба друга возвращались домой с красными оттопыренными ушами.

Э-гей, и как же возненавидели друзья Коран и злого Аллаха, который разрешал взрослым ни за что и ни про что наказывать маленьких...

...Разве не удивительно устроен мир, если безбожник Трам теперь стал религиозным? Видно, правду говорят: одинокий человек и с тенью своей заговорит...

Только Трам опустил на колени, Аслан с усмешкой спросил:

– А зачем ты положил рядом наган?

– Чтобы ты никакой глупости не сделал, пока я буду говорить с Аллахом.

– Пустая железка. Много она тебе поможет?

– Очень поможет.

– Аллах тут тебе не помощник, если нет патронов.

– Есть.

– Я никогда не знал тебя вруном, Трам, зачем же ты им сейчас становишься?

Рассердился Трам, но не показывал виду, хотел хорошенько проучить Аслана.

– Если хочешь проверить, поднимись и стой спокойно... Вот так. У тебя над головой висит дубовый листок, я пробью его пулей? Хочешь?

– Но из этого нагана я вчера все пули выпустил в тебя.

– Посмотрим, все ли?

Аслан улыбался. Он был твердо уверен, что сейчас Трам скажет: садись, я пошутил, наган, конечно, не заряжен. Поэтому подзадорил:

– Чего же ты не стреляешь? Пробей листок.

– Смотри, Аслан, наган заряжен.

– Неправда.

– Заряжен!

– Пусть будет как будет.

Трам поднял наган. Черное дуло глянуло на Аслана. Черное и беспощадное. Дрогнуло у Аслана сердце, похолодел лоб: а вдруг и в самом деле заряжен наган?! Крикнуть бы Траму: хватит, я пошутил, опусти оружие так, как ты его поднял. Надо бы крикнуть, но разве Аслан не мужчина, зачем же ему срамиться, зачем показывать свою слабость?

– Чего же ты медлишь? Или уж скажи, что пошутил.

Трам поднял наган, прицелился...

Раздался выстрел.

Листок, висевший над головой Аслана, упал ему на лицо.

На болоте с криком взлетела стая уток. Покатилось по лесу эхо.

Удержался-таки на ногах Аслан Даримок, даже не перестал улыбаться.

Сдержался, только холодный пот пробежал по ребрам струйками, под сердцем застрял колючий ком... Постоял несколько мгновений, потом негнущейся холодной рукой снял с лица листок, посмотрел на дырочку, пробитую пулей, и, продолжая улыбаться, сказал:

– Разве так можно шутить, Трам? Ты чуть не убил меня.

– Не убил бы, – решительно и даже немного сердито ответил Трам. – А надо бы.

– Не говори так!

– Садись. Ко мне спиной. Дай побыть наедине с Аллахом. Это тебе, отступнику, не о чем с Ним говорить, а мне есть о чем. Есть о чем посоветоваться.

Даримок не слышал его последних слов, он думал, откуда взялись патроны у Трама. Ведь его очень хорошо обыскали. Может быть, ему удалось припрятать один-единственный. Патрон такой маленький, что при обыске могли и не заметить. Но еще больше Аслана мучил другой вопрос: один патрон у Трама или еще есть? Как выпытать, высмотреть? Дорого бы дал он, лишь бы это узнать... Хорошо, что он ночью не кинулся на Трама, тот прожег бы его насквозь. Ух, какой стрелок! Да-а-а, с ним надо быть ох каким осторожным, ох каким хитрым. Как сто шайтанов.

Слышал Аслан, как опустился Трам на колени, как поудобнее устроился и затих.

«Такой этот человек Таусов Трам, – думал Аслан, – ведь я его поймал, а он из болота меня вытащил и сейчас мог всадить пулю в лоб, и дело с концом. Война идет. Тысячи и тысячи людей гибнут. Кому дело до какого-то затерявшегося в лесу лейтенанта милиции. Теперь, может быть, и совсем уже из Заурхабля ушли наши. Где теперь майор, помнит ли он о своем задании? Ах, Трам, Трам, смешной ты человек! Молится Трам, видите ли, беседует с Аллахом. Смешной человек...»

...Давно это было.

Девчонки, мальчишки пошли в лес за терном. Не доходя до Бешузской долины, сели отдыхать. Отдохнув, начали баловаться. Аслан с Трамом решили помериться силами – начали бороться.

Долго они петушками налетали друг на друга, не решаясь хорошенько приняться за дело, а потом распалились и сошлись.

Трам изловчился и повалил Аслана, прижал лопатками к земле.

– Есть победа! – закричал судья.
– Я еще хочу, еще! – требовал Аслан. Глаза его загорелись обидой.

Он кинулся на Трама. Хотел дать подножку, но сам не удержался и упал.

Трам тут же очутился наверху, опять придавил лопатками к земле.

Победа!

Аслан от обиды укусил Трама за щеку. До крови.

Трам вскочил и стал ладонью зажимать ранку. Мальчишки собрались вокруг него и сочувствовали ему, кричали на Аслана, который поступил так не по-мужски.

Аслан оправдывался, сквозь слезы кричал:

– Он меня ущипнул, поэтому я его и укусил. Он первым нарушил правила!

– Я не щипал тебя. Ты говоришь неправду!

– Дать хорошенько этому негодяю, чтобы не кусался!

– Намять ему бока!

Ребята обступили было Аслана и наверняка бы поколотили, но вмешался Трам:

– Кровь уже перестала идти. Не надо его бить.

Не стали бить Аслана товарищи, но весь день, пока собирали терн, никто с ним не разговаривал. Когда шли домой, Аслан сказал Трам, тихонько, чтобы другие не слышали:

– Я никогда не прощу тебе этой обиды. До самой смерти.

Трам засмеялся. Ему смешно было слышать от мальчика, от своего сверстника такие страшные слова, которые обычно произносили в гневе взрослые...

Вспомнил Аслан тот давний день, и его щеки ожег огонь обиды. В другое время, возможно, и не ожег бы, но сейчас, когда он сидел, можно сказать, под дулом пистолета Трама... И это после того, что он, лейтенант Даримок, связал ему руки!.. Да, выходит, плохо связал. Вон он сидит, молится, видите ли, «беседует с Аллахом». Оглянулся Аслан.

– Ты не уснул, мой брат? – спросил Трам, надевая рубаху.

– Не такое время, чтобы спать. Слышишь? Это бомбы врываются. А возможно, и снаряды. Война на нашей земле. Нам надо торопиться. Разве у нас нет детей и родственников, которых мы должны защитить от фашистов? Горы наши защищать...

– Правда твоя. Мы мужчины и должны думать об этом вместо того, чтобы сводить глупые счета. Говорил я тебе уже об этом, душа у меня вся изболелась.

«Вон он куда гнет. Для него это глупые счета. А для меня – нет. Я обязан доставить тебя органам власти. Это мой долг. Так что уж извини, – не глупые это счета». Подумал так Аслан, а вслух сказал:

– Святые твои слова, нам пора бросать эту глупость.

– Что же ты собираешься делать?

– Приказывает тот, у кого оружие... и патроны. (Может, проболтается Трам, может, и патронов-то никаких у него нет.) Ты решай. Но решай разумно. Нам не пристало шататься в лесу, когда умирают наши люди.

– Правда твоя.

11

Над болотом поднимался белый туман. Поднимался туман и украшал собой это гиблое место. Наперебой кричали камышовки, крякали, крякали утки, и лягушки завели свой хор.

Решено было идти обратно через болото.

Аслан встал, но тут же медленно стал сползать на землю, привалившись спиной к дубу. У него потемнело в глазах, на бледном лице выступил пот.

Когда он очнулся, увидел над собой Трама. Тот растегнул Аслану ворот рубашки, ослабил поясной ремень.

– Вытяни ноги и сиди спокойно. Это у тебя обморок. От усталости и голода. Да и нервы – мы вот уже больше суток играем в жизнь и смерть... Лежи, отдыхай. Я пойду попробую подстрелить что-нибудь... Иначе мы никуда не уйдем. У меня тоже ноги дрожат и голова...

– Только не уходи далеко. Я буду волноваться.

Долго был слышен треск валежника под ногами Трама, шелест камыша, а потом все стихло. Потянулась долгая, томительная и тревожная для Аслана тишина.

Наконец она лопнула, раздался выстрел и тут же другой.

Стая уток с криком взлетела и ушла в сторону болота.

Аслан лежал под дубом и, услышав выстрелы, вздрогнул. Еще бы! Выходит, есть патроны у Трама. И, конечно, не последние он израсходовал на уток. А что может сделать безоружный человек с вооруженным? Что?

Осталась только хитрость у Аслана. Пусть все, что угодно, – лишь бы не упустить. Ничего, ничего, надо потихоньку, не спеша делать это трудное и важное дело. Может быть, притвориться тяжелобольным и, как только Трам попытается оказывать помощь – компресс, воды напиться – дать ему под дых и обезоружить?.. Только не торопись, Аслан, не горячись. Не будь подобен спичке или щепотке пороха... Ну да, все просто, совсем просто! Чтобы выполнить свой долг, надо только «дать под дых» Траму, обезоружить его и потом связать руки, «скрутить».

Но ведь он спас меня, он – брат мне. Пусть всего лишь молочный, но брат. Он еще и человек... Просто. Эй, Аслан, не торопись. Ведь и перестараться можно так, что потом будешь всю жизнь стыдиться самого себя... Что он там делает, мой брат?

Приподнялся Аслан.

Одна подстреленная утка упала почти к ногам Трама, другая зависла на кизиловом дереве. Полез туда Трам, заодно набрал карман кизила: пусть покислит во рту Аслан, освежит свой рот, это помогает. Привязав уток к поясу, чтобы не терять зря времени, он занялся тут же дровами. Набрал добрую охапку и пришел к дубу. Стал снова раздувать огонь.

Аслан лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал.

– Как у тебя дела? Хорошо?.. Сейчас накормлю тебя жареной уткой. Ты такой утки никогда и нигде не пробовал...

Уже загорелся костер на горячем пепелище, затанцевало веселое пламя.

– Съешь утку и сразу станешь богатырем. Правду говорю. А что ты молчишь? Почему я не слышу твоего голоса? Или ты не рад моей удаче?

Посмотрел на Аслана:

– Э, да тебе, видно, совсем плохо? Скажи хоть бы слово.

– Очень мне тяжело дышится, – с трудом подняв веки, тихо сказал Аслан, – и сердце так стучит, будто хочет разорваться.

– Э-э, возьми себя в руки! Ты мужчина и кинуть тебе никак нельзя. Мы же не дома. В лесу. Принимайся за дело. Быстрее оциплем уток – быстрее изжарим.

Аслан приоткрыл глаза, покосился на Трама и тут же опять опустил веки:

– Трудно дышать.

– Помни, что мы в лесу, и крепись, мужчина... У, какая жирная, отбелась на болоте.

Аслан не притрагивался к утке, так и сидел с закрытыми глазами, изредка поглядывая на Трама. А тот так быстро и ловко щипал утку, что ему позавидовала бы любая хозяйка.

Потом Трам с такой ловкостью выпотрошил утку, нанизал на палку – «шампур». Уворачиваясь от жаркого огня, забил в землю рогатку и на нее пристроил шампур. Стал вертеть его, подставляя жирные утиные бока жаркому пламени. Ее быстро охватило огоньком, зарумянило. Закапал жир, запахло жареным.

Не выдержал голодный Аслан: открыл глаза, судорожно сглотнул слюну:

– Ей-богу, от такого вкусного запаха умереть можно!

– Э, сколько живу на свете, ни разу еще не видел, чтобы от вкусной еды умер хоть кто-нибудь... Потерпи немного.

Трам жарил утку, а Даримок был занят своими мыслями: если он и осилит Трама – сумеет ли потом выбраться отсюда? Через болото не рискнет идти Трам, завести в

такие гиблые места, что костей оттуда своих не унесешь. И опять – будь здоров, лейтенант Даримок.

Что же делать Аслану? Что делать лейтенанту Даримоку?

Утка в руках Трама стала уже совсем румяной и издавала такой сильный и такой вкусный запах, что Даримок больше не мог заниматься своими тревожными мыслями. Поесть, скорее бы поесть! Но вот он увидел вторую утку, лежавшую у его ног. Ее же надо было ошипать и зажарить, а не ждать Трама. Конечно же, тот жарил себе... Аслан взял утку и стал ее щипать, но у него ничего не получалось – перья выдергивались плохо, вместе с кусками кожи. Вот уж досада! И от этой самой досады, казалось, еще сильнее хотелось есть.

Трам рассмеялся:

– Оставь ее в покое – испортишь только... Не вышел бы из тебя абрек.

– Э! Тоже придумал! Хватит с нашего района одного абрека.

Не обиделся Трам на разгорячившегося своего брата:

– Хе-хе, видно, что тебя не мяла жизнь. Не знаешь вкуса ни соли ее, ни перца. Ни коленей не сбивал о камни, ни ногтей на пальцах не обрывал. Счастливчик. Если бы удалось тебе так дойти до самой могилы. Хорошо бы. Вот только о чем я подумал, брат мой молочный: не скучно ли тебе будет умирать? Не умрешь ли ты от тоски? А?

– Болтаешь ты, Трам, всякие глупости.

Аслан опять принялся за утку. И опять его остановил Трам:

– Не надо. Я сам. Сейчас съедим эту, потом примусь за вторую.

– Твоя уже готова, – робко сказал Аслан.

– Что ты! Еще совсем сырая. Только сверху зарумянилась. Терпи, терпи, джигит.

Аслану пришла в голову мысль: надо ошипать утку, а потом попросить у Трама нож, чтобы распотрошить ее. И когда нож будет в его руках!..

– Ну вот, мой брат, вот, мой красавец, утка готова. Сейчас мы ее... Как жалко, нет у нас с тобой чеснока. Соли немножечко есть – у абрека всегда есть соль в кармане. А чесноку нет. Ладно уж, съедим без чеснока. С чесноком – в другой раз. Зарумяню еще посильнее это крылышко и начнем... Потерпи минуту. Одну минуту.

– Посмотри, Трам, зря ты смеялся. Я все-таки справился с уткой. Осталось ее только выпотрошить. Дай-ка на минуту нож.

Трам глянул на утку, пристально посмотрел на Аслана и подумал: «Э, всегда глупее себя ищет этот Аслан». Глянул на утку, на Аслана и будто не понял его, усерднее стал поворачивать, поджаривать свою.

– Нож мне нужен. Распотрошить.

– Нож? Зачем?

– Я же сказал – сделал утку. Не хуже твоего. Теперь надо распотрошить.

– Зачем потрошить? Можно и так жарить.

Аслан не решился поднять глаза на Трама, выщипывал последние перышки из тушки и продолжал свою игру:

– Смешной ты человек. Раньше я что-то не замечал за тобой такого. Зачем так нехорошо шутить?..

Протянул Аслан руку, не поднимая глаз на Трама, и ждал.

Трам вложил нож за голенище, а Даримоку дал утку на шампуре:

– На, возьми, ешь на здоровье. Нас ждет трудная дорога.

Аслан вскинул голову, увидел утку и оторопел. От злости. И улыбнулся. Кислая какая-то получилась улыбка:

– Спасибо, брат, а как же ты? Давай разломаем эту утку пополам, а потом и другую...

Досада мучила Аслана, что сорвался его план, но поджаристая утка ослабила его злость, и он решил: пока надо есть, надо хорошенько наесться.

Трам тем временем уже жарил на шампуре вторую утку:

– Ничего, ешь...– хотел еще сказать, что сил у него пока больше, но не сказал: зачем обижать Аслана.

– Нет. Я так не хочу.

Аслан разломил пополам вдоль хребта утку и протянул кусок Граму...

...Потом они съели и вторую.

Пока ели, пока запивали холодной ручьевой водой, уже совсем высоко поднялось солнце и припекло по-настоящему.

Догорал костер. Трам собрал оставшийся валежник, сложил у дуба:

– Для доброго человека. Такой у нас закон.

Потом палкой собрал в кучу угли. Пошел к ручью и принес в своей войлочной шляпе воды. Сходил второй раз:

– Огонь и лес – большие враги.

– Боишься загорится?

– Такой жаркий день.

Еще несколько раз сходил Трам со шляпой за водой, и лишь когда убедился, что в кострище остались только черные холодные угли, успокоился:

– Вот теперь мы можем спокойно уходить отсюда...

Что же, Аслан, я вижу, ты подкрепился – пора нам кончать наше дело. Слишком оно затянулось. Не время нам глупостями заниматься.

Даримок насторожился:

– Как же ты его хочешь закончить?

– Садись, стоя такое важное дело не решить. Именем покойной матери твоей и отца прошу тебя: давай расстанемся по-хорошему. Разойдемся в разные стороны. Я тебя не обижу, не обижай и ты меня... Эй, не кипятись, Аслан, выслушай меня до конца. Нам нельзя опозорить молоко матери, которая кормила нас с тобой одной грудью – это великий грех. Проведу тебя через болото, выведу на дорогу, и если ты не поленишься, к обеду будешь на большаке. Он приведет тебя в Заурхабль или куда тебе захочется. Уходи добром и не мешай мне. Сколько наших мужчин уже никогда не вернутся в аул, сколько их зарыто на чуж-

бине – их прах не ляжет рядом с прахом отцов и дедов, не успокоится в родной земле. Я должен идти туда, где мои братья воюют. Я поклонюсь тебе, и мы разойдемся каждый своей дорогой.

– Хорошие, мудрые слова сказал ты, брат мой. Очень мудрые. Таких я давно ждал от тебя...– Аслан замолчал, замялся, он, казалось, не находил нужных ему слов.

– Чего же ты замолчал? Скажи, что хотел сказать. И не надо хитрить. Мы ведь здесь только вдвоем с тобой, а лес и небо не в счет – они всегда добрые свидетели, никогда и никому не делали зла.

– И опять правду ты говоришь, добрые слова говоришь... Мы с тобой не враги. Мы сидели на коленях одной женщины и сосали одно молоко, росли вместе и первые слова учились говорить от одних и тех же людей. Мы, Трам, даже любили одну девушку, хотя об этом не время сейчас вспоминать. Но ничего – здесь только лес и небо... Эй-ей, Трам, до чего же интересно и неожиданно складывается человеческая жизнь, до чего она запутана. Кто бы мог подумать, что у нас будет с тобой сегодняшний день? Такой день, какой бывает у людей редко... Э, Трам, тебе очень повезло, что ты попал в мои руки, в руки твоего друга и брата, так что тебе нечего бояться... Даже когда дезертиры выходят из леса и приходят с повинной, их прощают. Им дают оружие, их ставят в один ряд с настоящими мужчинами. А тебе и вовсе бояться нечего. Мы пойдем с тобою вместе, тебя никто не посмеет обидеть не только словом, но и взглядом. Мы пойдем в военкомат вместе, и я скажу о тебе самые лучшие слова.

– Ты, значит, такое дело мне предлагаешь? Думаешь, так будет лучше?

– Конечно, Трам.

– Если ты веришь во все, что говорил, если не осквернишь ложью молоко нашей матери, святое имя брата – пойдем.

– Как можно, Трам?! Я даже вот еще что тебе скажу: мы придем в военкомат и скажем, что ты сам явился, никто тебя не ловил.

– Но ты уже доложил, что поймал меня.

– Э, по телефону говорил, было плохо слышно. Так плохо слышно было, что ничего не понять. Да и майор, где он теперь? А если правду сказать, слова людские – нитки. Человек такое наговорит, такое наплетет, таких узлов напутает, таких клубков наматает, что потом всей жизни не хватит, чтобы их размотать... Ты тверди свое, мол, сам вышел с повинной. Конечно, скажешь, лейтенант Даримок пришел ловить тебя и поймал, но поймал, когда ты сам вышел. Я тут же все и подтвержу. Все будет очень хорошо.

Улыбнулся Трам, стрельнул лукавым глазом в Аслана. Заложив руки, прошелся перед ним, задумался, а потом остановился, широко расставил ноги, обутые в сапоги, глянул исподлобья:

– Смотрю я на тебя и совсем не узнаю. Другим ты человеком стал. Настоящий усареж-ясновидец, сквозь землю видишь, все наперед знаешь!

– Ты не веришь мне? Ты передумал?

– Зачем передумал. У меня крепкое слово. Пойдем. Нам надо торопиться. Я пойду впереди – ступай след в след, чтобы мне снова не пришлось тянуть тебя из болота.

Аслан обрадовался, он был уверен, что перехитрил Трама, уговорил его. Значит, все будет отлично.

До самого болота они шли молча. Каждый думал о своем.

Слушали птиц, слушали, как по верхушкам пробегал первый ветерок, забавлялся с листвой, шептал им что-то – наверно, о вольных степях, о высоком, голубом небе.

У тропинки через болото Трам остановился, повернулся к Аслану. Лицо его было строгим и жестким:

– Я тебе уже говорил, что пойду в военкомат. Пойду воевать. Но из лесу мы выйдем врозь. Переведу тебя через болото, выведу на дорогу, а там – гуляй, как знаешь. А я сам по себе... Не надо слов, Аслан. У тебя их очень много, ты умеешь их так ладно, так красиво плести, что мне с тобой не тягаться. Да и плохо, когда мужчины слишком много говорят.

Даримок еще раз пытался что-то сказать, но Трам только строже сдвинул свои черные брови и предостерегающе поднял ладонь.

12

Аслану болото показалось совсем не таким страшным, каким оно было вчера ночью. И камыш меньше шумел, а в разрывах между зарослями лозы, камыша и чакана проглядывали веселые голубые плесы тихой воды. Поджав одну ногу, стояла на кочке цапля, резвились кулики.

Мирным и даже красивым выглядело болото.

Аслан пытался найти ту самую тропинку, по которой шли они вчера, но тщетно. Вправо и влево уходили развозья, прогалины, и не видно местечка, где бы могла ступить нога человека.

«Интересно, что же все-таки за мысли у Трама? Что он задумал? И как оно обернется на болоте? Сам он пойдет впереди, а меня пустит сзади? Нет, он не дурак, чтобы так сделать...»

Уже над лесом поднялось солнце и принялось за свое дело – ему нужно было светить пожарче, чтобы скорее созревал виноград, зарумянивались яблоки, чтобы кукуруза силу набирала. И еще светило солнце для леса – обливало его красками под стать краскам радуги. Осень делало красивой, уменьшало людскую тоску по уходившему лету и напоминало о грядущей весне – о ее цветах, песнях, о ее радостях.

За болотом ударила, видно, тяжелая бомба. Столб черной земли поднялся к небу.

Дрогнула от взрыва вода, побежала по ней зябкая рябь. Стая грачей, сидевшая на сухом дереве, с граем поднялась и закружила над болотом, не решаясь снова сесть на свое место.

Снова раздался взрыв.

Загалдели грачи, закричали и, вытянувшись в черную полосу, улетели в сторону степи.

Над болотом с ревом пронеслась шестерка двухмоторных самолетов с черными крестами. Низко пронеслись, хвастливо.

Близко война.

Вслед за бомбовыми разрывами послышалась артиллерийская канонада.

Совсем близко.

– Теперь ты видишь, рядом фронт? – спросил Трам.

– Э, какое там рядом. Самолеты куда хочешь прилетят!

– А пушки? Разве ты не слышишь, как бьют пушки?

– Может быть, наши, – упрямо сказал Аслан.

– Правильно, наши. Нечего им делать и решили: давайте, ребята, постреляем, набьем себе к завтраку уток.

– Перестань зубы скалить! – вспылил Аслан. – Нам тоже надо что-то делать!

– Вот и будем!

Трам раздвинул высокий, густой камыш и сказал:

– Пошли. Нужно поторапливаться. Ты пойдешь впереди.

– Ты что! – испугался Аслан.

– Говорю – иди. Так будет лучше тебе и мне.

Аслану послышалась в голосе Трама угроза. Глянул на правый карман, в котором лежал наган.

– Но ведь я не знаю тропы, могу оступиться, и тебе снова придется тащить меня...

– Вытащу... Держись ближе к этим камышинам без вертушек. И возьми палку. В случае чего она тебе поможет.

Они тронулись. В нескольких шагах сзади Аслана шел Трам со своей вчерашней тяжелой палкой. Даримок слышал, как под его ногами шипела и булькала болотная жижа...

Наконец они перешли болото, ступили на твердую землю, покрытую первыми желтыми листьями.

Близко осень.

Трам оглянулся на болото и, размахнувшись во всю мочь, далеко забросил свою суковатую палку.

Аслан тоже забросил, но пожалел: не надо бы бросать.

– Фу, проклятое болото! – выругался он. – Я так измотался, словно прошел тысячу километров с мешком соли на плечах. Все болит – голова, плечи, ноги, И сердце, будто оно распухло, волдырем стало.

– Не притворяйся, ты здоров и силен. Видишь вот то коряжистое кизиловое дерево. От него идет хорошая тропа, она выведет тебя прямо на дорогу. Прощай, будем торопиться.

– Значит, ты не идешь со мной?

– Нет. Я пойду один.

– Но ведь мы договаривались идти вместе!

– Нет. Ничего такого я тебе не говорил. Если бы не ты со своим упрямством, я б уже воевал под Армавиром. И будь уверен, не один фашист поймал бы своим лбом мою пулю.

Аслан понял – это последнее слово Трама.

Но что делать?! Что?!

Трам повернулся и пошел с такой решительностью, словно сзади никого и ничего не было – только дорога вперед.

«Аллах! Если Ты действительно есть, то почему же не смотришь за порядком на своей грешной земле?!» – с ядовитой насмешкой подумал Аслан и пришел в отчаяние: уходил Трам, уходила его надежда, его мужская честь, лейтенантское достоинство. И это после всех мук, после всех терзаний. Неожиданно для себя он закричал, что было силы:

– Тра-а-а-м! Разве ты не слышишь меня?!

Твердыми шагами шел Трам. Оттого, что почти все дни своей жизни провел в седле, шел он вразвалку, а из-за привычки держать повод в левой руке правое его плечо немного выдавалось вперед.

– Тра-а-а-м! Остановись же на минуту.

Трам не останавливался, тогда Аслан побежал следом за ним.

Услышав за собой шаги, Трам резко обернулся.

– Прошу тебя, молоком нашей матери заклинаю, не делай этого. Пойдем вместе.

– Нет. Ты знаешь мое слово. Нет. Уходи от греха. Именем наших детей прошу – уходи! Так будет лучше для всех.

Поник головой Аслан.

– Ты хочешь моего позора, брат. Зачем тебе это нужно? Если ты уйдешь один, ничего тебе от этого не прибавится. Совсем ничего! Ломаного гроша не прибавится в твоём кармане, капли мужества не прибавится. А мудрость? Что мудрого в твоём решении? Объясни мне. А если мы придем вдвоем, ты не дашь пасть позору на мою голову, на род Даримокых. Ты разоряешь наш род. Подумай об этом.

– А когда ты пришел за мной, когда стрелял в меня, разве не думал, что разоряешь мою семью, губишь род Таусовых?

– Но разве я мог не выполнить приказ? Я обязан!.. Но, Трам, послушай, Трам! Все, о чем ты сейчас говорил осталось позади. Мы придем с тобой вместе в военкомат, и обе наши семьи будут счастливы. Ты же понимаешь это?

– Понимаю, – мрачно ответил Трам.

– Так почему же ты не хочешь пойти со мной?

– Я не верю тебе.

И еще что-то хотел сказать Трам, но в это время Аслан камнем бросился ему под ноги, сбил его, успел из кармана выхватить наган.

И опять просчитался, опять не справился с Траммом. С ловкостью кошки Трам очутился на Аслане.

Еще раз Даримок попытался взять верх. Ударил Трама коленом по спине, сбросил с себя, но в тот же миг Трам сумел выхватить у него наган, да еще поранил ножом его руку.

– Встань!

Трам достал из кармана носовой платок и перевязал пораненную руку Аслана.

– Спасибо тебе, Трам...

«Он родился в рубашке, этот Трам. Жизнь ему все дала, не дала только мудрости. Э, какой из него мог выйти красивый и достойный человек. Какой мог выйти джигит!» – думал Аслан.

А Трам уже шагнул тропой через болото и тоже думал. Свою думу.

Улегся гнев, успокоилось сердце, и он подумал об Аслане: «Ты подумай, ты посмотри, какой это человек! Сколько раз я мог его убить, а он все не унимался, все лез на острие ножа, на пулю. Лез, чтобы сделать дело, на которое его послали. Э-э, крепкий он мужчина. Повезет тому, кто с ним пойдет на войну. С таким иди хоть на край света, иди не бойся, не оглядывайся. Настоящий он солдат... Но все-таки хорошо, что я избавился от него, и теперь надо скорей, скорей в военкомат».

Дошел Трам до большой кочки, поднялся на нее и оглянулся. Аслан увидел своего брата, поднял сжатый кулак и погрозил. Трам расхохотался: «Чудак, зачем надевать бурку после дождя?»

Подходя к зарослям орешника Трам всегда был осторожен, как олень. Затаясь в кустах, прислушался.

Все спокойно.

Неподалеку от землянки шумит ручеек – ни летом он не пересыхает, ни зимой не замерзает. «Теплое сердце земли питает его», – думал о нем Трам и относился к нему, как к доброму живому существу. Когда бывал в землянке, приезжал тайком проведать Курину, здоровался с ним. А если случалось, после сильного дождя в ручейке мутнела вода, Трам его успокаивал: «Не сердись, нужно же кому-то делать землю чистой. Не ленись, и большое спасибо тебе скажут люди за это».

Когда подходил к землянке, слышала его Малышка – звонко, приветливо заржала.

– Подожди, – ласково сказал он, – больше ждала, теперь уж немного осталось. Покормлю тебя, свежей водой напою.

Зашел в землянку, вдохнул запах сена, из которого была собрана его постель, неторопливо осмотрел всю, от пола до потолка, каждый ее угол, и ему захотелось

прилечь, полежать часок, уснуть – забыться хоть на короткое время от всего, что было с ним в эти последние дни. «Э, нет, Трам, теперь у тебя нет для этого ни одной минуты».

Он пошел в конюшню. Корм у Малышки еще был, и вода осталась. Хорошо. Она не голодала.

Вошел он, и лошадь еще звонче заржала, стала тереться головой о его спину, тыкалась влажными губами в шею. Соскучилась.

Выпустил Трам ее на лужайку. Она бегала, взбрыкивая, каталась по траве и все ржала, ржала.

Трам вычистил конюшню, хорошенько вымел. Потом собрал в угол лопату, вилы, метлу.

В землянке тоже навел порядок. Оправил постель, спрятал в самодельный грубый стол казан, ложку, тарелки. Коптилку тоже убрал. Медвежью шкуру повесил на оленьи рога, чтобы не отсырела на земле весной. Снял со стены винтовку, проверил, не заржавела ли? Нет, смазана была надежно. Набрал полные карманы патронов. За голенище сунул ложку.

Вынес из конюшни седло, уздечку и заколотил дверь большими гвоздями. Молоток отнес в землянку. Потом и ее запер на замок.

Позвал Трам Малышку. Она послушно подскакала к нему, немного поиграла с ним, не даваясь под седло, не давая накинуть уздечку, а потом осмирела.

Вскочил Трам в седло, поклонился на три стороны своей полянке и пришпорил Малышку.

13

Когда Трам помахал с кочки рукой и потом скрылся в камышах, Аслан кинулся за ним следом. Бежал по зыбкой тропе, раздвигая камыши. Все быстрее и быстрее. Совсем не боялся, что может оступиться и рухнуть в омут. Даже не то чтобы не боялся, а просто не помнил об опасности. Догнать Трам! Догнать – больше ничего не существовало для него на свете. Но чем дольше бежал, тем

больше уставало сердце и трезвел разум. Наступила такая минута, когда он увидел окровавленными свои руки – порезал об острые листья камыша. Вытер ладонью лицо – оно тоже оказалось в крови. И от комаров было в крови лицо, и от порезов.

Он остановился, медленно повернулся и побрел обратно.

Шел и шел.

Будто в забытьи.

Вышел из болота, поднялся на пригорок, наткнулся на грушу и сел на ее могучее корневище, как на стул.

Плакучие ивы у болота. Огромная, засохшая наполовину верба.

Небо.

Услышал запах сырого мха.

И стрельбу.

Дорогу из леса он найдет, это совсем нетрудно. Но зачем ему дорога, которая приведет в Заурхаль? Зачем ему дорога, которая приведет его к собственному позору?.. Э, может быть, у других это и не так страшно, а у адыгов! Лучше не рожаться на свет, чтобы закончить свою жизнь таким позором. Пройдут годы, уже Аслана в живых не будет, а в Заурхале все будут говорить: «Это когда случилось? Уж не в тот ли год, когда растяпа Даримок поймал абрека и упустил его?» А то еще и так может быть: «Инженер Даримок? Уж не сын ли это Аслана, ну этого, который...»

Считал себя джигитом Аслан. Никому, конечно, не говорил, а про себя считал. И по стрельбе занимал первые места в Майкопе, и в самбо ему не было равных, и в джигитовке на коне был не хуже других. Это все на соревнованиях, в играх, а в жизни-то оказался хуже мокрой курицы.

Называли его в детстве хвастунишкой. Не хвастуном, а хвастунишкой. Правильно называли. Зачем, зачем звонил майору? Зачем, как сопливый мальчишка, нахвастался, хотя дело было еще совсем не сделано! Конечно, докладывал и видел себя уже старшим лейтенантом. «Эх, был бы жив теперь мой отец, он задал бы мне перцу».

Вернется в Заурхабль и доложит майору: втроем ловили Таусова, а упустил он его один, потому что уши развесил. И еще неизвестно, как к этому отнесется майор. Если бы он сам был на месте начальника, отдал бы такого вислоухого под трибунал, не раздумывая.

Артиллерийская пальба теперь уже почти не прекращалась. Она то дальше слышалась, то ближе. Видно, правы были и убитый шофер, и лейтенант. Похоже, фашисты уже у берегов Кубани, а может, и к Лабе вышли. У них танки, автомобили. Сотня километров для них ничего не составляет. Выходит, что в любую минуту, за любым кустом он может встретить врагов. И что он им скажет? Ведь у него даже ржавого ножа нет.

Что же делать?

Куда идти?

Где теперь Мурадин и Аскер?

Кто в Заурхабле? Наши или враги?

Вот об этом надо было ему думать, а не о своем «позоре». Дурак. Вот уж дурак! Да плюнуть бы на Трама и заняться делом. Наверняка у Трама нашлась бы и лишняя винтовка, и патроны. Они вместе пошли бы лесом и пришли к своим. Если бы он сам не хитрил с Трамом.

Но теперь делать нечего.

Поднялся Аслан и пошел к воде. Разделся до пояса и вымылся. Смыл грязь, пот, смыл кровь с рук и лица.

Вспомнил схватку с Трамом и пошел к тому месту, долго шарил по траве и нашел свой наган.

Незаряженный наган, несуразный кусок железа.

Положил его в карман: кто знает, может быть, патроны лежат где-нибудь ближе, чем ты думаешь?..

Он опять сел под дерево.

Зачем ушел обратно через болото Трам? Если он там нашел патроны к нагану, значит, есть у него еще и посерьезнее штучки? Другого пути с той стороны болота нет, он так говорил. Выходит, он будет возвращаться этой же тропой? Не подождать ли его? Ведь он сказал, что пойдет воевать.

Сказал.

А где же раньше он был? Почему не явился? Где теперь Лиуана найдешь, как проверишь? Мало тут похожего на правду. Не пойдет он в военкомат. Знаю я эту хитрость: он туда еще только едет, а я уж вернулся оттуда.

Аслан решил подождать, не пойдет ли здесь Трам?

Высмотрел хороший сук на вербе, что росла у тропы. Не минет этого места Трам. Залез на дерево и устроился на суку, будто в кресле, которое стоит в кабинете у начальника милиции.

Устроился поудобней, пришла к нему истома. Расслабли руки, ноги – стало ему легко и приятно. Но не долго – такая уж у него беспокойная душа.

«Эх, Трам, обошелся ты со мной хуже, чем с бездомной собакой. Когда приставил нож к горлу, почему не вонзил его, не лишил меня жизни? Не было бы у меня теперь никаких страданий, не терзался бы вот так, как сейчас. И все-таки ты бы убил меня, тебя мучила бы совесть всю жизнь. А если бы люди узнали, что ты сжил со свету молочного брата, они никогда не простили бы не только тебе, но и твоим внукам».

Долго так сидел и размышлял, сплетал свои мысли. Долго, пока не задремал. Возможно, и вздремнул он минут десять, а показалось ему, что долго спал. Возможно, и Трам уже прошел?

Чего же теперь здесь сидеть? Надо идти. Слез с дерева, натряс груш, набрал полные карманы и пошел.

Аслану всегда было жутковато одному в лесу, за каждым деревом, кустом, под каждой корягой чудилось ему что-то недоброе. Сейчас было все совершенно иное. Ничего не чудилось за деревьями, не было жути. Просто он чувствовал себя таким одиноким, что от этого становилось холодно. Если ты один во всем лесу, на всей земле, что тебя может испугать? Ведь страшнее одиночества нет ничего. Наверно, поэтому он не шел, почти бежал. Бежал, чтобы уйти от одиночества, уйти от самого себя.

Задыхался и переходил на быструю ходьбу.

Били по ногам груши, которыми были полны карманы.

Потом ему пришла в голову мысль: а что если Трам обманул его, послал не по той тропе, которая должна вывести на большак?

Захотелось пить. Он стал жевать душистые, жесткие и вязавшие во рту дикие груши.

Все-таки влага.

И пахло лесом, солнцем, ручьевой водой и еще чем-то таким, чего не выразишь словами.

С быстрого шага Аслан перешел на бег. Бежал трусцой. Перепрыгивая через канавку, он почувствовал, что по ляжке его ударило что-то.

Наган!

«Зря, Аслан, ты прикидываешься таким уж беспомощным. Если направишь на человека наган, если ему глянет в глаза черное дуло, разве он будет размышлять, есть ли патрон в стволе? Такое не бывает!.. Смелее, джигит, выше голову!» – подбодрил он себя и еще быстрее, энергичнее затрусил по тропинке, на ходу отстраняя от лица ветки.

Быстрее, быстрее!

Скорее вырваться из одиночества. Даже если у тебя будет тысяча заряженных наганов и ни одного живого существа, ты все равно одинок.

Аслан вспомнил Мурадина и Аскера.

Шайтану бы на аркан тех четырех лошадей, а пусть бы Мурадин и Аскер остались в машине. Теперь все было бы хорошо.

Где-то близко разорвался снаряд. Теперь Аслан уже научился отличать взрыв снаряда от бомбы. Совсем близко разорвался снаряд.

Аслан остановился, прислушался.

Тихо.

Потянуло гарью. Пахло горелой пшеницей. Значит, где-то близко поле? Где-то близко люди?

Легче от этого стало на душе у Аслана, но и тревожнее.

И груши перестал жевать. Выбросил их из правого кармана, взял в руку незаряженный наган, крепко сжал его рукоятку.

Глянул на ручные часы – десять минут шестого. К девяти начнет смеркаться. Это в степи, а в лесу темно станет раньше.

Старался держаться на запах горелой пшеницы. Может быть, ее зажгло снарядом, а может – люди. Немцы могли зажечь. Или, если совсем нашим плохо, если оставляют эту землю врагу, значит, сами зажгли свое поле.

Скорее, скорее, Аслан! Ты нужен там. Ты умеешь хорошо стрелять, хорошо скакать на лошади и ножом владеешь не хуже Трама. Скорее!

И он снова стал торопиться, бежать трусцой.

Посветлело впереди. Думал, конец лесу, оказалось – ложбинка с мелколесьем.

Потянуло прохладой и влагой. Значит, есть где-то пониже ручеек. Есть вода. Тут уж он ошибиться не мог. Как-никак – в этих местах родился и вырос. Носом чувствует, всей своей кожей чувствует воду.

Ниже, ниже.

Быстрее, энергичнее шаги. А в горле совсем пересохло. Журчит что-то! И печально кто-то попискивает. Конечно, журчит водопадик, а попискивает трясогузочка. Там, где вода, там и трясогузочки.

Едва сдерживаясь, чтобы не покатиться по крутому склону, едва успевая отбиваться от веток, Аслан стремглав кинулся вниз.

С ходу повалился на землю, грудью – в ручей. И пил, пил, пил. Думал, что никогда не напьется. Еще пил бы без остановки, но не хватило дыхания. Приподнялся и, закрыв глаза, тяжело дышал.

Отдышавшись, снова напился. Отвалился от ручья, упал на спину и смотрел в небо, смотрел на верхушки верб.

С подветренной стороны все сильнее и сильнее пахло горелой пшеницей.

Сейчас, сейчас, еще минутку, еще одну. Будет ли такая другая?

Ему почудилось, будто кто-то скачет.

Припал ухом к земле. Да, так и есть, кто-то скакал.

Выхватил из кармана незаряженный наган, спрятался за кустиком, приник к траве и стал ждать.

Вот топот уже рядом, вот между деревьев замелькал всадник.

Выскочил из-за куста орешника.

Трам!

Конечно, Трам!

– Посмотри! Опять так счастливо сошлись наши пути с тобой. Э! Как я рад тебя видеть и верю – к добру сошлись наши дороги.

Трам натянул поводья. Малышка загарцевала на месте.

– Послушай, брат, неужели это та самая кобылица, что чуть не сгорела? Неужели она?

– Да. Она самая. Малышка. Вылечил я ее. Травками лечил, в море купал. Ты помнишь, слепой Паго тогда еще сказал, что кобылица эта будет особенная. Правду сказал старик. Помнишь разговор?

– Как не помнить!

– Если бы не обгорелый бок, ни за что не поверил бы, что эта красавица – та самая кобылка. Маленькая, чуть живая от ожогов.

Вспомнился пожар, вспомнилось детство, родной аул... Ах, лучше бы этого совсем не вспоминать, не такое сейчас время. Конечно, лучше бы не вспоминать, но разве все подвластно холодному разуму? Разве всему можно сказать – замолчи, сгинь? Нет. И это хорошо. Это очень хорошо, хотя сейчас для Аслана нехстати. Вот какие бы слова найти, как изловчиться, чтобы поверил ему Трам, чтобы пошел с ним? Нет таких слов. Но ведь они должны быть. Значит, есть и еще нечто, неизвестное Аслану? Половина жизни прожита, почти половина, а самого главного так и не постиг он? Половина. А если вся жизнь? Если сейчас вырвется из-за куста пуля!.. Печальный стоял Аслан Даримок. Эту печаль заметил Трам:

– Видишь, Аслан, надо нам разойтись. Что нам с тобой новая встреча – только новая боль сердцу. Давай на прощанье пожмем друг другу руки... Может, и навсегда рас-

стаемся. Давай. Подходи ближе. И выбрось плохие мысли из упрямой головы.

Аслан подошел.

– Хярче – будь счастлив, брат, – сказал Трам и пожал руку.

Дал Малышке шпоры, и она взвилась на дыбы, с места взяла прыжком хороший ход. Будто взлетела на пригорок и пошла, едва касаясь земли.

Лихо сидел в седле Трам. До того красиво, что залюбовался им Аслан. Опомнившись, крикнул:

– Подожди, Трам! Подожди, брат мой! Давай пойдем рядом, давай вместе!

Понимал, что не надо бы этого кричать, знал, что зря сотрясал словами лесную тишину. Знал. Но этот последний призыв, как просьба о помощи, вырвался сам.

Услышал на скаку крик брата Трам – придержал Малышку, обернулся и сказал:

– Не сердись. Не носи для меня камня, не точи кинжал. Я всегда желал тебе только добра... А сейчас я не могу поступить иначе. Прощай, брат!

Секунда, другая, и пропал за кустами Трам. Будто просто привиделся.

14

Постоял, широко расставив ноги Аслан, немного успокоился и подумал: не бывает худа без добра. Выходит, Трам направил его правильной тропой, не в гиблые места. И на том спасибо. Тут же сел на траву, снял сапоги и заново переобулся, оделся и зашагал, по-прежнему чутко прислушиваясь ко всему, что творилось в лесу – вблизи и вдали. Ночью трудно идти в лесу. Тропы не видно, хотя и светила луна. Ее больше приходилось отыскивать на ощупь. Ногами. А иногда и руками – плохо набита тропа, местами совсем заросла.

Шел Аслан таким образом час или два и наконец решил заночевать в лесу. Совсем темно стало. Луна зашла за облака и не показывалась.

Благо, ночлег долго искать не пришлось – у самой дороги стоял добрый ветвистый дуб. С детства еще привык лазить по деревьям. Спорили с товарищами, кто выше заберется. Случалось, Аслан забирался на самую вершину, на такую тонкую вершину, что чуть ли не вдвое сгибалась она под тяжестью мальчишеского тела. Однажды вершина обломалась... Две недели провалялся в постели Аслан, пока зажили его большие и малые царапины, но от этого не перестал лазить по самым высоким деревьям – любил раскачиваться на ветвях вровень с птицами.

Повыше залез на дуб и нашел там удобное место для ночлега. Две толстые ветви расходились от ствола. Они были такие толстые и так изогнуты, что на них можно было растянуться не хуже, чем на кровати.

Аслан думал, как только приклонит свою голову, сразу же уснет – так он устал, так намучился за последние трое суток. Но сон не шел к нему. Веки не слипались, а мысли не сплетались в умиротворенные сны.

Стихли птицы. Только где-то далеко то плакал, то смеялся, а то угрожающе ухал филин.

Небо стало проясняться. Одна за другой появлялись звезды. Они словно сидели в своих невидимых домиках и потом выглядывали из них и застенчиво моргали. Больше и больше становилось звезд, и наконец их стало так много, что совершенно не было свободного места для новых. А они все появлялись, теснили другие и тоже застенчиво моргали синими ресницами.

Потом показалась луна. Сначала краешком показалась из-за черного облака, а потом и вся объявилась. Ее свет залил все небо, и оно из черного стало блекло-синим. Стало мягким и волнистым, как шелк под легким ветром. И ближние деревья, и дальние холмы, видные Аслану, и лужайка, и звезды – все превратилось в нечто такое, к чему нельзя прикоснуться, не разрушив его, не осквернив.

Застонал Аслан от сильной боли в сердце, от тоски: зачем так нехорошо устроены люди в таком прекрасном мире! Когда же они сделают себя достойными этой кра-

соты? Этой великой тишины и великой тайны, созданной для него же, для его счастья?..

Зашуршало что-то внизу. Шаги послышались.

Нет, не человечьи это были шаги – Аслан сразу узнал. Осторожно повернувшись, чтобы взглянуть в ту сторону, откуда слышались шаги, он увидел ланку с олененком. Вышли они на поляну, не чуя близости человека, который сидел почти над их головами.

Аслан улыбнулся и затаил дыхание, чтобы не спугнуть тонконогих красавиц, чтобы не лишиться себя радости видеть их...

Ушли олени. И филин умолк.

Звезда скользнула и рассыпалась огненной пылью над дальним холмом...

...Летними вечерами Аслан бегал к отцу на пастбище, что недалеко от аула. Там отец пас табун лошадей. Иногда они ходили туда с Траммом. Возьмут с собой сыру, тхуже – лепешек, жаренных на масле, захватят старую дедовскую бурку и – на холм, к отцу. Постелят свою бурку рядом с отцовской, лягут все втроем и слушают сказки, рассказывать которые отец Аслана был большой мастер. Никто в ауле не знал больше его сказок, никто не умел так красиво рассказывать их, а еще он пел старинные песни адыгов. Лежат они на бурке, слушают сказки, песни, а потом начнут разные вопросы отцу задавать. Таких назадают, что и ответить-то, кажется, невозможно на них, а отец все равно отвечал:

– Если хочешь, все можешь знать. Если не успеешь всего узнать за свою жизнь, никому об этом не говори... Не знаешь, как ответить, сам придумай ответ. Лишь бы он был красивый, тогда все в него поверят. И плохого никому не будет от такого красивого ответа.

– Скажи, тат, – как-то спросил у отца Аслан, – а правду говорят, что у каждого человека есть на небе своя звезда?

– Кто тебе это сказал?

– Все говорят. Трам говорил.

– Ты говорил так, Трам?

– Говорил, тат.

– Откуда узнал об этом?

– Все говорят. А если и не правда, то все равно – красиво. А если красиво, надо верить. Дедушка Паго так сказал.

– Правильно дедушка сказал. У каждого человека есть своя звезда. Родился человек, с ним родилась маленькая звездочка. Человек растет, и звезда становится ярче. Сделает человек доброе дело, она еще ярче разгорается. А плохо сделает – тускнеет звезда. Тускнеет и тускнеет, если плохой человек. Совсем может погаснуть – тогда пропал тот несчастный. Лучше ему умереть. Да и умрет он тяжелой, нехорошей смертью... Что бы ни делал человек, он ничего не может утаить от своей звезды.

Притихли мальчишки. Страшновато им стало.

Аслан спросил:

– А у меня тоже есть звездочка, тат?

– Есть.

– И у Трама?

– Да.

Совсем плохо мальчишкам стало – много наозорничали, не погасла бы их звезда.

Понял ребят отец и успокоил:

– Безобидное озорство не в счет. Пока не в счет. Маленькие вы еще, а когда подрастаете, смотрите! Не делайте людям того, чего не сделали бы для себя...

– Где моя звездочка, тат? – спросил Аслан.

– Э, сын, никто не знает, где его звездочка. Если бы каждый знал, каждый видел ее, получалось вроде бы у него весы есть. Получался бы магазин, а не жизнь. Сердцем своим должен ты жить, понимать. Сейчас видел, какая яркая звезда упала? Видел, каким красивым светом она землю осветила? Хороший человек, значит, умер. Очень хороший. Понимаете, мои маленькие джигиты, когда умирает мудрый батыр, то он и своей смертью украшает землю.

– У-у, сколько людей умирает каждый день на всей земле, а звезды так редко падают.

– Э, Трам, ничего ты не понял, – сказал отец и обнял обоих мальчишек, – если плохой человек, если так себе человек, и звездочка у него – пылинка, не увидишь, как сгорит.

– А учитель в школе говорил, что это сгорают метеориты, – сказал Аслан.

– Но я же не сказал, что учитель не прав. Конечно, метеориты. Только запомните, мои славные, у каждой вещи на нашем круглом голубом дунее¹ есть несколько назначений. Даже вот простая ярлыга – она не только палка, ярлыга. Во всем есть мудрость, красота, счастье и беда. Чем мудрее человек, тем лучше он понимает все, что находится вокруг него, в нем самом, в его товарище, побратиме...

...Рано умер его отец, не успел ему передать своей мудрости, многому не сумел научить. Как бы он поступил теперь с Трамом? Он любил его и частенько ставил в пример Аслану. Пусть бы он посмотрел на нас теперь и рассказал нам сказку о звезде, о добрых делах... Отцам всегда легко, когда они учат уму-разуму вообще, а вот когда дело, когда ты сходишься с ним лоб в лоб, нельзя свернуть с пути, некогда рассуждать о звездах и добре, как тут быть?

А если Трам попадет к немцам?

Правду сказал Трам или нет?

Говорить правду – это великое мужество. Но разве знал Даримок Трама как трусливого человека? Может, он припомнит хотя один, хотя бы самый ничтожный случай? Нет, не мог он припомнить ни одного случая, чтобы можно было упрекнуть Трама в слабости, в неверности. Правда, он стал совсем другим – упрямым и хитрецом. Но и разве слышал он от кого-нибудь, что Трам Таусов обидел человека, украл, сделал подлость? Не слышал ни разу. От народа ничего не утаишь, как не утаишь от своей звезды.

¹ Д у н е й – мир, свет.

Правда и мужество – родные брат и сестра. Родные и навечно неразлучные.

И все-таки с Траммом – нечистое дело. Тем более когда война началась, когда все мужчины на фронте.

Вон оно как, вон какие дела творятся на белом свете. Думает человек – есть на земле только темная ночь и светлый день. Не сразу понимает он, что, кроме них, есть еще и рассветы и закаты. Не сразу свет превращается в темноту, а темнота в свет. Не сразу. Сколько разных оттенков бывает утром и вечером. Даже сами зори – утренняя и вечерняя – совсем разные, так не похожие друг на друга...

И опять вспомнился Аслану отец.

Э, если бы пожил хоть еще несколько годков – все было бы иначе. Не пожил – и его сжили со света баи. Утопили в колодце. После этого ушел из родного аула Аслан. Переехал в Заурхабль и поступил в милицию, чтобы разметать, как грязное воронье, проклятых баев. Он думал, что все так просто – враг есть враг, а кто не враг – друг. Тогда все было просто. А оно вон как обернулось, вон как запуталось – ни сердца, ни ума не хватает порой, чтобы рассудить правильно, так, чтобы уверенным быть в своей правоте.

«Эх, где ты, отец мой мудрый, что ж так рано оставил меня на такой запутанной тропинке?»

Скорей бы Аслану добраться до Заурхабля, до военкомата! Там опять все будет просто и понятно: всю свою хитрость, всю свою злобу, все мужество собери в кулак и бей фашистов.

С запада двигался, все усиливаясь, какой-то волнообразный гул. Летели тяжелые бомбардировщики. На большой высоте летели, потому, наверно, и получался гул волнами, морским прибоем.

Аслан решил слезть на землю – кто знает, где начнут ронять свои бомбы немцы? Стал слезать и почувствовал, не может владеть своими ногами, совсем затекли.

Спустился на одних руках и улегся на землю между мочучими корневищами, стал оттирать ноги.

Оттер.

Самолеты уже совсем близко – от гула дрожала земля.

Хотел поискать надежнее укрытие, но решил, если хорошенько втиснуться между корневищами, припасть к дубу, то и тут будет безопасно. Тем более зачем им бросать бомбы в лес?

Пролетели самолеты.

Куда, кому понесли они сотни смертей?

И заснул Аслан. Сам того не заметил, как заснул на обомшелых корневищах дуба.

Так крепко спал, что не видел никаких снов, не слышал разыгравшейся где-то поблизости артиллерийской перестрелки.

Разбудило его жаркое солнце. Оно било ему прямо в глаза. По лицу катился крупный пот, вспотела грудь. Он вскочил и не сразу понял, где находился, как попал сюда – настолько глубоким было забытье.

Потом сообразил. Узнал тропинку, по которой ночью шел наощупь, узнал впадинку и услышал знакомое журчание ручья. Выходит, тропинка так и вилась вдоль речушки, но почему он не слышал ее ночью, почему не слышал на дубу? Мысли другим были заняты или речушка тоже затихала на ночь?

Он улыбнулся.

Спустился к воде, умылся, напился и повеселел.

Когда одевался, мухи вились вокруг него – хорошая примета, жильё близко. И воробьи чирикали. Аульские, наверно, воробьи. Совсем повеселел Аслан.

Тропинка перевела его по жердочке через ручей, вывела на заброшенную дорогу.

Аслан стал раздумывать: пойти заброшенной дорогой или и ее пересечь, пойти тропой? Увидел свежий след коня. Трам проскакал. Решил идти по следу.

Справа вдруг возникла стрельба из винтовок, из автомата. Она то вспыхивала, то затихала. Похоже, кто-то за кем-то гнался.

Аслан на всякий случай залег в осоке. «Уж не Трам ли напоролся на дезертиров? Он-то говорил, что не якшется с ними, называл предателями».

Стихла стрельба. Только Аслан хотел подниматься и идти дальше, опять раздалось несколько винтовочных выстрелов.

«Эй-ей, мой бедный Трам, боюсь, что ты, увернувшись от моих пуль, попал под пулю какого-нибудь дезертира. Вот она какая штука. А я все-таки счастливый человек. Не убил тебя, не принял тяжкого греха ни перед аульчанами, ни перед своей матерью – не осквернил ее молока, не преступил материнских, самых верных на земле слов!.. А если там Мурадин и Аскер? Если они кинулись меня искать, пошли по следу и теперь встретились с Трамом? Хоть ловок Трам, но ребят-то двое! Могут они его и живьем взять, а могут подранить и потом связать».

Подумал так Аслан и немножко пожалел себя: «Как могут эти мальчишки выследить Трама, как могут взять его? Не случится такое. Возможно, наши солдаты наткнулись на него и взяли? Это еще куда ни шло. У меня-то есть свидетели, что свое дело сделал. Мурадин и Аскер подтвердят это. Председатель сельсовета тоже».

Разыгрались, разошлись мысли Аслана Даримока. Лежал он в ококе, зажмурив глаза, и размышлял, а размышлять он умел так живо, что все точно наяву видел.

«Мой добрый брат, мой бедный Трам, ты всегда хотел быть джигитом, а вышел из тебя кузнечик. Ловили тебя, ловили, а ты – раз прыг! другой раз – скок! а на четвертый раз все же попался. Убили тебя и закопают далеко от родных могил. Но разве я тебе не говорил: пойдём со мной, скажем в военкомате, что добровольно ты явился, и как все было бы хорошо!..»

Однако надо поторапливаться. Прислушался, осмотрелся вокруг – ничего подозрительного не слышно.

Заложил руку в карман, взял наган и пошел быстрыми шагами, прислушиваясь и присматриваясь ко всему, что было рядом с ним и поодаль. Шел так ходко и легко, что как-то сама собой запелась тихонько песня. Старинная, походная песня адыгов, которую частенько певал Аслану покойный отец...

И вдруг – выстрел! Второй!

Третий.

Резанула автоматная очередь!

Совсем рядом просвистели пули!

Аслан упал и подполз к кусту боярышника.

И опять тихо.

Смотрели сверху на Аслана алые удивленные глазенки боярышника.

Выругался Даримок, а потом вскочил и закричал:

– Му-у-ра-а-ди-ин!..

– Ди-ин, и-и-ин! – многократно повторило эхо.

– Аскер!!! А-а-ске-ер! – еще громче кричал он, вздевая кверху руки. И опять только многократно ответило ему эхо.

Аслан кинулся бежать по тропинке, ему показалось, что впереди бегут Мурадин с Аскером за Трамом.

Бежал, зачем-то потрясал пустым наганом, угрожая кому-то, а потом остановился и хрипло крикнул:

– Тра-ам! Брат мой!..

Тихо в лесу.

Совсем тихо.

Даже сойки не слышно.

15

Шел, шел и шел.

Ему встречались новые тропинки, встретились две хорошо наезженные дороги. На одной были видны совершенно свежие следы танка. Он ни на что не обращал внимания.

Все равно куда, все равно зачем.

Вместо гнева, страха, ожиданий, жажды мести и прочего, что называется человеческими чувствами, у него в душе остался холодный пепел.

Если пепел, если пустота – не все ли равно какие дороги встречаются тебе, куда и к кому они ведут?

Такого с Асланом Даримоком еще никогда не случилось. Он забыл, что просто надо взять себя в руки, вспомнить, что ты мужчина.

Сзади Аслана слышались торопливые шаги.

– Э-гей, подожди-ка! – крикнул кто-то по-русски. Даримок резко обернулся и выхватил наган. В правой руке у того человека автомат, а левая – ранена. На голове – пилотка со звездочкой. Волосы черные, вьющиеся. Весь он запыленный, грязный, давно не бритый.

Подбежал солдат поближе и по-адыгейски спросил:

– Ты, кажется, адыг?

– Да. А ты кто? – спросил Даримок, не опуская нагана.

– Потом расскажу, – не обращая внимания на наган Аслана, торопливо и взволнованно заговорил парень, – бежим скорее за мной. Там мой товарищ тяжело ранен... Когда мы реку переходили, его и... еле перенес через воду. Тяжело ранен. Ну, чего ты стоишь? Бежим скорее!

Побежал Даримок за парнем и на ходу расспрашивал:

– Кто он такой, твой товарищ?.. А ранил его кто?

– На немецкую разведку напоролись. Никак не ждали мы их, сволочей, в этом месте. Шли себе спокойно, а они – гады...

– Какие гады? – пытал Аслан.

– Немцы же! Разведка.

Не клал в карман Даримок нагана, все крепче стискивал его, обдумывая план действия.

– Немцы, говоришь. Когда же вы на них наткнулись?

– Недавно... А не ты это кричал «Трам»?

– Я звал Трама. Я.

– Значит, я правильно рассудил. Услышал твой голос, адыгейское имя услышал и пошел тебя искать... Перетащил товарища через речку, а больше сил нет. И ему плохо – на спине тащил, очень больно ему. Сейчас сделаем носилки, удобней нести будет. Давай, брат, быстрее.

Добежали они до обрыва. Парень повесил на сук дерева автомат, прыгнул. Побежал к воде и в растерянности заходил по берегу.

Аслан взял автомат, обрадовался: есть оружие!

– Где же твой товарищ? – властно спросил парня. Тот все бродил по берегу, окончательно растерявшись.

– Вот на этом самом месте я оставил его. Видишь, и кровь.

Спрятав наган, с автоматом наизготовку, Аслан спустился с обрыва и привычно, как место происшествия, тоже стал осматривать берег.

– Куда же он делся, если, говоришь, тяжело ранен? Уползти, значит, не мог?

– Не мог, конечно, – подтвердил солдат, – а может быть, уполз? Петро! Петро-о-о!.. А не упал ли в воду? Попробовал ползти, повернулся неловко и... У него одна дорога, а у нас десять дум.

Обыскал солдат берег, облазил прибрежные кусты – нет товарища.

– Год мы с ним воевали, понимаешь, год! Эх, чего только не натерпелись. Нахлебались горя вдоволь. Сколько раз к фашистам в тыл ходили – все благополучно, а теперь, видишь, беда какая.

Полз солдат в речку и пошел вниз по течению, шарил по дну ногами, искал. В одном месте угодил в яму и едва выбрался из водоворота. Выскочил на берег и закричал Аслану:

– Вот и автомат его... Видно, в беспамятстве полз, а потом в речку... Эх, Петро, говорил же я тебе, жди меня, а ты!..

И перехватило у солдата дыхание, будто кто-то сдавил ему горло. Опустился он на сырую землю у воды, уткнулся головой в колени и затряслись его плечи – рыдал солдат.

Плачет мужчина по своему другу, а кто его друг, кто он сам? Говорит, разведчики. Говорит, советские. А может, нет? Это все надо проверить. Хорошенько проверить. Лес, война. Много разных людей бродит. Плачет мужчина, плачет по другу. Э, сколько слез на земле...

Даримок подошел сзади к сидевшему у воды парню, взял второй автомат, повесил его себе на шею. Проверил диски – почти полные патронов.

– Оттого что сидеть мы с тобой тут будем, жизнь тому солдату не возвратится. Поднимайся, парень... Не слышишь, что ли?

Солдат не обращал внимания на Аслана. Разулся, вылил из сапог воду, выкрутил портянки. Потом стал выкручивать брюки, гимнастерку.

– Ты что, на свадьбу собираешься?! Говорят тебе, торопиться надо.

Солдат оделся. И опять, на всякий случай, позвал своего друга Петра.

Шумела в крутовертях и на перекате вода.

Две вербы склонились почти до самой реки и роняли в нее желтые листья. У тихой заводи покачивались мохнатые чижики. Покачивались, печально кланялись. Тосковали трясогузки, прыгая по песку, и задумчиво стоял на одной ноге куличок. Прозрачная вода тихонько плескалась и мыла его лапку.

Где теперь плавало тело друга Петра? Куда понесла его неистовая вода?

– Ну чего стоишь, как камень придорожный? Пошли!

Солдат наконец внимательно посмотрел на Аслана и, недоумевая, спросил:

– Что случилось? Чего ты хочешь от меня?

– Говоришь, советский разведчик? – строго спросил Аслан.

– Да, говорил же! – нервно ответил солдат.

– Хорошо. Покажи мне свои документы.

– Подожди, а кто ты такой, чтобы меня проверять? Кто?! Да я тебя!..

Аслан вскинул автомат:

– Назад!.. У меня оружие, вот я и спрашиваю – уж такой закон на войне. И не горячись, так лучше будет. Покажи документы.

– Да ты в своем уме?! – продолжал нервно солдат, – мы же были с Петром в разведке. Или не знаешь, что не положено брать с собой никаких документов! Сразу видно, не нюхал ты порошу, не хлебал супа из солдатского котелка.

«Так, голубчик, так. Хорош разведчик».

– Вот видишь, нет документов. А как мне проверить, правду ты говоришь или нет? Поэтому совету подчи-

няться мне беспрекословно. На войне не шутят. И стрелять я умею. Так что – шагом марш!

Солдат пожал плечами, мол, что сделаешь с чумовым? У обрыва он протянул Аслану здоровую правую руку:

– Помоги подняться.

Аслан хотел было это сделать, но тут же отдернул протянутую руку. Хватит с него одного позора, знает он таких голубчиков.

– Вылезай сам. Да поторапливайся. Время не ждет.

Он с трудом, но все-таки вылез. Здоровой рукой оббил прилипшую к мокрым штанам грязь и потом спросил:

– А дальше что, сумасшедшей матери сумасшедший сын?

– Зачем хамишь? Спокойней. Стань лицом к дереву.

– Стал. А дальше что? У меня раненая рука, а у тебя два заряженных автомата, чего же ты боишься?

– Еще одно слово, несчастный, и ты уже не сможешь ни возмущаться, ни радоваться... Видишь ты, какой герой нашелся. Посмотри – настоящий джегуако! Но ты не на танцах на аульской свадьбе, а на войне... Выверни карманы.

– Один вывернул, а другой как смогу, если рука перебита?

Даримок подошел и пощупал левый карман. Он был пустым.

– Та-ак. Говоришь, с немцами воевали? – голос у Даримока стал густой и строгий.

– С немцами. Сто раз тебе об этом говорить, что ли? И чего ты ко мне привязался?

– Помолчи!.. Фамилия?

– Самогов.

– Имя?

– Зубер.

– Так. А твоего товарища как фамилия?

– Да перестань ты, слушай, перестань!

– Отвечай на вопросы, а не командуй! – вспылил и Аслан. – Некогда мне с тобой возиться! Отвечай. И спокойнее.

Зубер махнул рукой, мол, совсем чумовой, и стал спокойно объяснять:

– Ты, наверно, знаешь, позавчера немцы заняли Армавир и сейчас рвутся на Майкоп, на Туапсе. Нам с Петром было приказано разведать, какими силами и в каком направлении они сейчас движутся. Мы все разузнали, теперь во что бы то ни стало об этом надо доложить командиру полка. Доложить, понимаешь, а иначе будет совсем плохо нашим. Если ты наш человек, то перестань играть в эту дурацкую игру. Меня ждут в части!

– Дождутся, – рассеянно сказал Аслан, а сам с тоской подумал: «Опять судьбина подсунула мне задачку. Как решить ее? И вот ведь, окаянная, опять такое подсунула, что он, видишь ли, этот парень, на меня в обиде, вроде бы я над ним стою с автоматом, но в самом-то деле – он надо мной со своей совестью... Хороша штука – совесть. Но как с ней быть на войне да и вообще-то как быть, если – долг и совесть, если славные глаза этого парня вместо документов?! – И опять – не хуже, чем с письмом Трама, – чтобы остаться в живых, чтобы доказать свою правоту, ангелом станешь улыбаться, цветочком расцветешь, хотя ты и змея». Подумал так Аслан и твердо повторил свое:

– Дождутся.

– Так надо идти. Чем быстрее мы пойдем, тем будет лучше для всех нас. Пойдем же!

– Помолчал бы. Здесь командую я. Не прикидывайся дурачком и не сочиняй разные небылицы о немцах. Вот придем на место и во всем разберемся.

– Но все-таки куда ты хочешь меня вести? Уж не в ту ли сторону? Там немцы!

– Не болтай глупостей, паникер! Уже за эту твою болтовню тебя надо шлепнуть.

– Ты кто? Наш ты или предатель? Я тебе говорю, что в той стороне немцы. Они уже рвутся на Майкоп. Заняли Армавир.

– Замолчи! Из-за таких презренных паникеров, как ты, мы терпим поражение! Вы – трусы без чести и совести!

Не расстреливать вас надо, а вешать, чтобы не расходовать зря пулю.

– Э, братишка, ты меня в самом деле принимаешь за кого-то другого. Путаешь меня с кем-то.

– Нет, не путаю. Хватит разговоров, а то мы уподобились базарным бабам. Поворачивайся и марш вперед!

– Никуда я не пойду. Мне нужно в часть.

– Не пойдешь, значит?

– Не пойду. Потому, что ты, может быть, сам – дезертир или немецкий диверсант.

– Тогда я вот что тебе скажу: считаю до четырех. «Пять» ты уже не услышишь. Понял?

Что мог поделывать разведчик с этим человеком в штатском, у которого два автомата? Вон как все плохо получилось у Зубера. Вчера они с Петром набивали диски своих автоматов, каждую пулю готовили для врагов, а сегодня получилось... Смотрел Зубер на Аслана и понимал, что тот в самом деле по счету «пять» даст очередь. И потом доказывай на том свете свою правоту! К тому же, этот человек по-своему прав: ведь сейчас столько всяких шляется по этому лесу, хватает, наверно, и немецких диверсантов. А ведь у Зубера нет никаких документов, и случай с Петром, конечно, для этого человека тоже подозрительный. Что ж, надо идти с этим парнем. Ничего другого не придумаешь. Нажмет он сейчас на спусковой крючок и сделает из одного Зубера двух. Перережет очередью и глазом не моргнет.

– Ладно, пойду. Упрямый ты...

– Не болтай... Пойдем. И не балуйся, стрелять буду без предупреждения, сам знаешь законы военного времени.

И пошли молча. Умиротворенные, довольные, что остались живыми оба, что договорились хоть о чем-то. Э, как часто люди говорят об одном и том же, вроде бы и хотят одного и того же, а договориться не могут!

Долго они шли молча, потом Зубер спросил:

– Все-таки за кого ты меня принял, за дезертира или диверсанта?

– Откуда мне знать, если сам не говоришь, документов у тебя нет никаких?

– Не об этом я. Как бы не пришлось тебе за свою ошибку расплачиваться.

– Не пугай, я уже пуганный.

– Печалюсь, а не пугаю... Скажи, добрый человек, кто этот Трам, которого ты громко звал, почему-то искал в лесу? Он друг твой, ты потерял его?

– Э-э, Трам!.. Другого такого джигита нет на всей земле. Если бы не его глупая ошибка и не упрямство, хорошим человеком мог быть. А теперь, видишь, как получилось.

– Какую он глупость сделал, какую ошибку? Кто он такой, почему ты все загадками говоришь?

– Так ты не знаешь Трама? Не слышал ничего о нем? – насторожился Аслан. – Какой же ты адыг, если не знаешь Трама? Странно. Уж не с той ли ты стороны, парень? А?

Зубер засмеялся.

– Постарайся быть серьезным – трибунал не любит шутников. Значит, ты не знаешь и не видел Трама?

– Нет.

– И не он тебя ранил в руку?

– Нет.

– А по-немецки ты, случайно, не говоришь?

– Я – адыг!

– Ну и что ж? Адыги, к сожалению, не только на этой земле живут. Сколько их разбросано по свету.

– Да-а, сейчас я точно вижу – ты в самом деле принял меня за кого-то другого.

Зубер зашагал быстрее, размашистее стал его шаг.

– Как тебя зовут? – спросил он через плечо.

– Зачем тебе это знать? Аслан я из рода Даримоковых. Слышал?

– Красивое у тебя имя. Фамилия тоже.

За рекой послышалась автоматная и винтовочная перестрелка.

– Ложись! – скомандовал Аслан Зуберу. – И не вздумай сделать какую-нибудь глупость!

Мурадину с Аскером, после того как они похоронили шофера, встретились солдаты. Четверо солдат с младшим лейтенантом и старая довоенного образца пушка, запряженная совсем истощавшими лошадьми. До того они были тощими, что, казалось, могли свалиться в любую минуту, и солдатам пришлось бы тащить пушку на себе.

Солдаты молоденькие, чуть постарше Мурадина и Аскера. Видно, недавно в армии, но уже побывали в боях, понюхали пороху.

Мурадин и Аскер посоветовались между собой и решили отдать своих коней солдатам – им они нужнее.

Солдаты обрадовались, стали давать ребятам тушенку, табак, сахар, а младший лейтенант даже предложил флягу с водкой.

Ребята замахали руками: ничего этого не надо. Есть у них одна просьба к младшему лейтенанту, да не знают, как с нею и обратиться.

А младший лейтенант-то и сам не намного старше их. Только в нем и солидности, что гимнастерка на спине, седая от пота, рыжие густые волосы на голове – непонятно, от чего больше были рыжими: от природы или от красной пыли. А что плечами, что не бритыми ни разу усами и юношескими пытливыми глазами – этим был точь-в-точь похож на Мурадина с Аскером.

И все-таки он младший лейтенант, офицер, так сказать, отец солдатам, потому и подбодрил ребят:

– Хоть птичьего молока просите, все можем. Смелее!

Аскер толкнул Мурадина, мол, ты у нас первый говорун, давай.

Мурадин, заикаясь, заговорил:

– Возьмите нас с собой. У нас среднее образование, хорошая военная подготовка. Самбо... Закопаться в землю за десять минут можем, а мой друг Аскер – еще быстрее. А местность здешнюю во как знаем!

И он протянул младшему лейтенанту раскрытую ладонь. Еще совсем не мужскую, еще почти розовую.

– Давайте возьмем!

– Пушке я их быстро обучу!

Это солдаты – тоже еще с розовыми ладонями, только уже грязными от первой фронтовой грязи – просили командира.

Да что ж его просить-то! Он сам бы рад взять этих ребят, разве такие хлопцы, да еще местные, кавказцы, не находка на войне?.. Прошелся младший лейтенант, вздохнул.

– Рад бы, ребята, да не имею права. Спасибо за все доброе, спасибо, орлы, но... через военкомат или в партизанский отряд. И опять же, ребята, сходите домой, попрощайтесь со своими матерями – перед тем, как идти на войну, это обязательно нужно делать. Да поторапливайтесь. До свиданья, хлопцы! Спасибо за коней и за добрые ваши... как это попроще бы сказать... да уж ладно – за добрые сердца.

Распрощались.

Застучали копыта лошадей. Загромыхала выдавшая виды пушчонка.

Мурадин и Аскер с тоской смотрели вслед солдатам. Эх, как хотелось бы им идти рядом с пушкой, рядом с парнями, пропахшими порохом, уставшими от трудных дорог, счастливыми настоящим мужским счастьем, хотя на войне за него часто приходится платить кровью, а то и жизнью. Пусть! А как же иначе?..

Вскоре друзья были на холме у Заурхабля. Они смотрели на свой родной аул и не узнавали его.

Улицы – мертвы. Даже у клуба и магазина – ни души. Пустынно.

Ни лая собак, ни крика петухов.

В домах закрыты ставни. Затворены калитки и двери в сараях. Не дымились трубы в домах.

Оробели ребята от этой непривычной тишины и пустынности. До того оробели, что и не знали, как быть, что делать дальше? Стоило ли заходить в мертвый аул?

– Тебе не кажется, – спросил Мурадин, – что в ауле нет ни единой живой души?

Пригибаясь, короткими перебежками они спустились к роднику, выбивавшемуся из-под нависшей каменной глыбы, а от родника тропинкой между зарослей терна с крупными сизыми ягодами и отцветшего шиповника пошли к районной больнице.

Окна и двери больницы были раскрыты настежь, в палатах стояли, зияя проволочными пружинами, кровати. Валялись мятые газеты, пустые консервные банки, разбитые пузырьки и бутылки. Гулял по больнице сиротский ветер.

Гонял ветер по палатам и врачевным кабинетам запахи разорения и горькой людской печали.

Сжались у ребят кулаки, слезы навернулись на глаза. Но нельзя мужчинам давать волю своей слабости. Вышли на улицу.

Остановился Мурадин, стал прислушиваться, присматриваться к мертвому аулу.

Опять рассердился Аскер:

– Чего ты крадешься зайцем? Чего принохиваешься?

– Принохиваюсь, не печет ли моя нана лепешки. Они такие вкусные со сметаной!

– Э, послушай меня, Мурадин, ей-богу, я тебе сейчас дам такую лепешку, что на ногах не устоишь!

– Опять ты ругаешься, Медведь. Ругань плохой спутник солдату.

– Помолчи, краснобай, помолчи, несчастный джегуако.

– Молчу, мой повелитель. Я весь – серьезность. Веди меня, мой командир.

До поворота улица просматривалась хорошо, потому смело шли вдоль плетней. Подходя к повороту, замедлили шаг, посматривали на огороды, заглядывали в опустевшие сады.

Из соседнего дома вышел хромым Лиуан, тихий, можно сказать, совсем незаметный в ауле человек. Теперь же, опираясь на кизилковую палку, он стал будто выше ростом, шел большими шагами, и его хромота была почти незаметна. Хромым Лиуан работал сторожем в МТС. Пришел он в аул много-много лет назад. Так много, что мало кто

помнил, в каком это было году. Откуда пришел, зачем? Никто не спрашивал. Пришел человек, и люди обязаны принять его. Он был немощен, и все обязаны были помогать ему. И помогали. Устроили на легкую работу. Школьники кололи ему дрова, копали огород, сажали картошку, кукурузу. Девочки или соседские женщины стирали ему белье.

К каждому празднику Мурадин и Аскер по просьбе своих матерей носили ему разные подарки, вкусную еду. Даже в мусульманские праздники, которых в доме Мурадина не праздновали, все равно мать посылала Лиуану что-нибудь вкусное – «он глубокий старик, – говаривала нана, – не нам его перевоспитывать, отнеси, пусть порадуется».

Когда старик стал подходить к друзьям, они уступили ему дорогу, остановились.

И он остановился. Сдержанно улынулся ребятам:

– Волею Аллаха и вы вернулись в родной аул? Похвально, похвально, молодые джигиты.

– А мы куда и не уходили, – растерянно ответил Мурадин.

– Тогда совсем молодцы, – похвалил Лиуан. В его голосе появился басок, которого раньше никто не слышал в ауле. – Совсем молодцы... А если и уходили, а потом вернулись, в этом нет ничего плохого. Некоторые достойные люди аула именно так и поступили: ушли, а сегодня вернулись. Куда уходить от родной земли? Зачем уходить? Но на всякий случай – я вас не видел, а вы не видели меня. Хитрость мусульманина – хороший помощник Аллаху! Если все обойдется, потом, как и в других местах, из достойных стариков будут выбирать старосту, думаю, вы вспомните обо мне. А я, как подобает мудрому человеку, забуду, что вы комсомольцы.

Аскер сдержанно спросил:

– Выходит, дедушка Лиуан, ты дожидаешься немцев? Дожидаешься фашистов?

Как посмел сопляк этот дерзить ему, одному из старейших мужчин аула? Следовало бы дать ему палкой.

Следовало бы. Но еще не все решено. Далеко не все твердо определил Аллах в этом грешном ауле, так что надо бы помягче.

Надо бы помягче, но не сдержался старик. Далеко не всегда старость приносит человеку мудрость, степенность. Лиуан резко сказал:

– Жду. Обязательно дождусь. Как только придут немцы, я все им расскажу о Даримоковых. Я попрошу сжечь гяурский дом вместе с выродками. Потом я примусь за вас. А пока идите домой, щенки!

Аскер не выдержал:

– Ах ты, хромой пес! Ах ты, фашистский шайтан!..

Он снял с плеча винтовку, загнал в ствол патрон и пошел на хромого.

Откуда и прыть взялась у Лиуана – он кинулся в дом. Бегом, какими-то дьявольскими прыжками.

Аскер, конечно, достал бы его пулей, но на руках повис Мурадин:

– Не надо, Аскер!

– Согласен.

– Он от нас куда не уйдет. Давай сначала узнаем, что происходит в ауле.

– Узнаем... Но мне не жить на белом свете, если не пристрелю этого хромого шайтана!..

Они пошли.

У школы их окликнула Сима.

В цветастой косынке, трепетавшей под ветром, с чемоданчиком в руках, она стояла и чуть не плакала.

Они бросились к ней бегом.

– Что с тобой?

– Что случилось?

– Где Аслан? Куда вы все пропали? Из-за вас я отстала от всех своих и теперь не знаю, что делать.

– Разве Аслан не приезжал на машине с Трамом?

– Нет.

– Тогда мы ничего не знаем о нем.

– О мама, о бедный Аслан! – закричала Сима, слезы брызнули из ее глаз.

– Ты успокойся, Сима, – сказал Аскер, – раз он сюда не приехал с Трамом, значит, повез его прямо в Майкоп. Мы так условились.

Говорил он, по своему обыкновению, неторопливо, обстоятельно и с такой убежденностью, что это не вызывало у Симы сомнения. Она вытерла платком слезы и постепенно успокоилась. Ей тем более стало спокойно, что теперь она не одна, а со старыми своими друзьями.

– Хорошо, если все так, как вы говорите.

Парни ничего не сказали Симе ни о машине, ни о шофере, которого они схоронили: пока не надо ей этого знать.

– Теперь расскажи, что делается в ауле. Почему он какой-то мертвый? Почему закрыты все окна?.. – спросил Мурадин.

– Вчера ушли из Заурхабля наши последние войска. С ними уехали на машинах работники райкома, райисполкома. Увезли всех раненых. Милиция, райкомовцы и все коммунисты ушли в лес, в горы. Там организовываются партизанские отряды.

– Много осталось людей в ауле?

– Много... Машин, лошадей где набраться? А пешком куда уйдешь с ребятишками?

– Почему ты не ушла с госпиталем? – спросил Мурадин.

– Я же сказала: вас ждала... Сейчас на улицу едва вырвалась. Невестка такой скандал в доме подняла! Чтобы сидели в погребе, никуда не выходили. Говорят, немцы сегодня войдут в аул. А другие рассказывают, будто их остановили. Фронт остановился. Много пришло наших танков и пушек. Видели, как ночью шли «катюши». Говорят, они огнем сжигают не только людей, но и землю плавят. На Армавир дорога уже перерезана, все идут на Майкоп, а оттуда к морю. Горы, конечно, не пустят фашистов.

– Ты говоришь, в ауле много осталось людей, но где же они? Мы только и встретили Лиуана-хромого?

– Все попрятались в подвалы, в погреба. А наши соседи вырыли себе бомбоубежище. Другие тоже. У них там и вода, и еда. Неделю могут жить, никуда не выходя.

– Та-ак, – протянул Мурадин, почесывая за ухом, – дела наши совсем не такие сладкие, как горный мед. Совсем не такие сладкие. Но нас теперь уже трое, значит, каждому из нас в три раза легче, чем если бы мы были все врозь. Давайте думать, что делать дальше.

Аскер покосился на друга, нахмурился:

– Мы плохо просили тех солдат. Были бы теперь артиллеристами, а теперь вот... И все из-за тебя.

– Как из-за меня? Что сочиняешь, безумный ты человек?! – воскликнул Мурадин.

– Из-за тебя, – неторопливо, но уверенно напирал Аскер, – надо было хорошенько попросить их или просто идти за ними и все, а ты – ля-ля-ля, лю-лю-лю. Скис и согласился с ними сразу.

– Перестань сочинять, Медведь, иначе я!..

– Ну что ты, что ты?! – Аскер подался к нему плечом.

– Хватит вам, петухи! – вмешалась Сима. – Я, я, мы, вы, а обо мне вы подумали? Эгоисты несчастные.

Рассердилась Сима, отвернулась от ребят и бросила им через плечо:

– Идите к своим артиллеристам. Идите куда хотите. До свиданья.

Парни растерялись. Им не хотелось обижать Симу.

– Да что ты, Сима, я!..

– Да мы!..

– Опять – я, мы. А я?

– Конечно, конечно, только давайте отойдем в сторонку, а то стоим посередине улицы. Пойдемте сядем на лавочку и все хорошенько обсудим.

Это торопливо говорил Мурадин. Ему и в голову не приходило, чтобы он куда-то пошел без Симы. Он был так рад этой встрече.

Сима все еще сердилась:

– Сначала пойдите домой и успокойте своих матерей тем, что вы живы и здоровы. И не обманывайте их больше.

Они так страдали, так страдали! Э, да разве вы, мужчины, способны понять трепетные сердца матерей.

– Гм, тоже мне – женщина, – пробормотал Аскер.

– Что ты сказал, негодный?

– Я... так.

– Ваши матери приходили ко мне и спрашивали, где вы, будто я ваш начальник... кажется, где-то гудит самолет.

В самом деле, невысоко над холмом шел самолет. Ребята в нем сразу узнали немецкого разведчика – «раму». Двухмоторный самолет с раздвоенным фюзеляжем.

Сима схватила парней за руки и потащила их к плетню:

– Ложитесь!.. Ложитесь, вам говорят!

Неловко было ребятам: девчонка их тащила, девчонка им приказывала. И совсем уж нехорошо, будто испугались они этого самолета. Мужчины...

Прилегли на колючей, запыленной траве, закинув головы вверх.

– Вчера этот самый тоже прилетал, покружил, покружил над аулом, а потом как налетели бомбардировщики, как начали бомбить и стрелять из пулеметов, из пушек! Ой, мальчишки, что тут было! Что было!..

Самолет покружил над Заурхаблем, совсем низко пролетел над ним, поблескивая на солнце стеклами кабины, и улетел туда же, за холм, к западу.

Сима встала, отряхнула юбку, победно посмотрела на ребят:

– Напугались? Скажите честно.

– Ты, Симочка, веселая девушка, – сказал Мурадин, – и довольно остроумная. Правда, Аскер?

Тот отряхивал брюки и не знал, что ответить Мурадину, и вообще, что он молот, этот краснобай, вот уж любит красивые и запутанные слова. Мурадин между тем продолжал:

– Мы, дорогая Симочка, так, можно сказать, поймали абрека, а ты нам про эту «раму» сказки рассказываешь. Если хочешь, я могу назвать тебе и мощностность ее моторов, и вооружение, и состав экипажа, и марки аэрофотокамер, которыми она снабжена...

– Ладно, довольно хвастаться. Во всей Адыгее знают тебя как исключительного юношу. Но все-таки чего мы здесь стоим?

Недолюбливал Аскер Мурадина за его «легкий как ветер язык», а втайне завидовал ему. Немного, но все-таки завидовал. Вот и сейчас, вон как он поет перед Симой, вон разливается соловьем. Аскер решил тоже поговорить, сказать свое веское слово:

– Спрашиваешь, чего стоим? Ждем твоей команды, – сказал и улыбнулся, распрямил плечи.

– Домой будете заходить? – спросила Сима.

– Если зайдем, матери наши не отпустят нас, так я говорю, Мурадин?

– Как же не отпустят? Разве наши матери меньше нас с тобой понимают?

Все трое договорились, что дома побывать обязательно надо. Побывают и через час встретятся на этом же самом месте.

Аскер через полчаса вернулся к скамейке у плетня. Вскоре за ним пришла и Сима. Теперь у нее, кроме чемоданчика с медицинскими инструментами и лекарствами, была еще и сумочка с едой. У Аскера заплечный мешок тоже полон всякой снеди – еще бы, воина в дорогу собирали, как в далекую старину собирали нартов на рать. Конечно, воина – ведь у него была настоящая боевая винтовка и были патроны.

Прошел условленный час, а Мурадина все не было. Заволновалась Сима, что это могло значить, уж не передумал ли он, не поддался ли уговорам матери?

– Не мужчина он, что ли? Быть такого не может. Не из таких он. Подождем еще с полчаса.

Это сказал Аскер в защиту своего друга. Сказал, как всегда, спокойно, твердо, а в душе сомнение шевельнулось-таки: кто красно говорит, тому может твердость изменить.

Подумал он так, но Симе и виду не подал – такой уж мужской порядок: «Врагу с первого слова не верь, а другу верь до самого последнего, если не хочешь опозорить

самого себя своим непостоянством». Эти слова любил говаривать покойный дед Аскера.

Подождали еще с полчаса, говоря о том о сем. Все труднее было находить тему для «того и сего». Наконец замолчали.

Сима прохаживалась вдоль скамейки, поглядывая в ту сторону, откуда должен был показаться Мурадин.

Аскер робко сказал:

– Лучше мне сбегать за ним. А? Как ты думаешь, Сима?

– Он еще не генерал, чтобы у него были свои адъютанты или как они там называются по-военному.

Сердилась Сима на Мурадина, но знала его маму, знала, что у нее большое сердце и... ведь она уже отдала войне своего мужа, теперь отдать и сына? Это так тяжело. Может быть, надо Мурадину остаться со своей больной мамой? Наверно, так будет лучше. Надо ухаживать...

Так бы нужно и объяснить Аскеру, но Сима не может этого сделать. Не станет показывать своей женской слабости Аскеру, не скажет, что ей жалко маму Мурадина...

Нет!

Сима решительно сказала:

– Хватит ждать! Мы ему не няньки.

– Идет, идет Мурадин! Он бежит! – обрадованно сказал Аскер.

Мурадин бежал босиком, с туфлями в руках. Даже без фуражки.

– Если бы ты опоздал ко мне на свидание, и то я обиделась бы на тебя, дорогой Мурадин, но мы ведь идем воевать.

– Э-э, Сима, ведь это ты женщина, а не я. Ты бы должна лучше понять мою маму, чем я. Зачем ты на меня сердишься?

– Я не сержусь. Просто война есть война, – немного смягчившись, сказала Сима.

– Но почему ты ничего с собой не взял? Можно подумать, что ты собрался к соседям в гости.

– У, какой ты непонятливый, Аскер. Я же тебе сказал, что самому едва удалось убежать.

– Уж очень ты долго убегал.

– Вы плохо знаете мою маму... Ведь она не сказала, что не пустит меня воевать.

– Так в чем же дело? – недоуменно спросила Сима. – Почему же ты сразу не ушел?

– Вы совсем плохо знаете мою добрую маму. Она сказала: прежде чем уйти, наколи мне, пожалуйста, дров. Я колот так, что боялся, как бы не разлетелся в куски топор... Потом она попросила меня наточить серп и убрать во дворе остатки кукурузы. Если бы вы видели, как я рубил эти... кукурузные стебли. Я уже падал от усталости. Тогда нана подошла, положила мне руку на плечо и сказала: «Ты так устал и сегодня еще, как надо, не позавтракал. Зарежь нашего старого петуха, я хочу накормить тебя хорошенько. Ведь воин не может идти в поход голодным». Нана стала щипать петуха, который будет вариться не меньше трех дней, а я схватил свои туфли и к вам. Вот и все. А как у тебя было, Аскер?

Медведь солидно вскинул на плечо винтовку и, налегая на еще не совсем уверенный бас, сказал:

– У меня просто. В нашем доме уважают волю мужчин.

Сима не удержалась и так заразительно стала смеяться, что за нею рассмеялся Мурадин, а потом и сам Аскер.

– Тоже плакала нана. Очень плакала, – сказал он, – но что делать, война есть война.

Друзья тронулись в путь. Они решили тоже пробиваться в сторону Майкопа, а еще лучше, если бы попасть в партизанский отряд или в какую-нибудь воинскую часть – ведь в Заурхабле уже не было никакого военкомата, ничего.

Когда они проходили мимо двора Лиуана-хромого, Мурадин толкнул локтем в бок Аскера и подмигнул:

– Проходим. Хромого.

Аскер щелкнул языком:

– Я совсем забыл. Нам надо зайти к Лиуану.

– Зачем он тебе понадобился? – удивилась Сима.

– Этот хромой!.. – сердито начал Мурадин, но Аскер перебил его:

– Понимаешь, Сима, у него есть хорошая двустволка. Она ему ни к чему, а у нас на троих всего одна винтовка. Старик обещал отдать нам свое ружье, вот и надо забрать его.

– Так иди же, чего стоишь?

– Понимаешь... – замялся Аскер.

– Ничего не понимаю. Обещал он тебе или не обещал?

– Обещал.

– Так иди же! Размазня, мамалыга ты какая-то, а не мужчина. Мурадин, скажи, что тут у вас за секрет?

– У Лиуана очень злая собака, видно, Аскеру не хочется воевать в рваных штанах, – пошутил Мурадин.

Аскер вспылал:

– Замолчи, трепач несчастный!.. Понимаешь, Сима... Никакой собаки у Лиуана нет. Откуда у него собака, если самому есть нечего?.. Дело тут такое. Потом я тебе все объясню, а сейчас пойдй к нему в дом и скажи, что его зовут. Скажи, Хатит зовет. Про нас ни слова, иначе он и носа не высунет.

– Да объясни мне...

– Потом! Иди же, иди!

Сима смущенно пожала плечами и пошла. Постучала в дверь. Старик открыл ее:

– Какая милость Аллаха прислала тебя ко мне?

– Хатит просил вас выйти за ворота, – сказала неправду Сима и покраснела от стыда. Закрыла лицо платочком и пошла к воротам.

Только спустился с крыльца Лиуан, Аскер выскочил из-за плетня:

– Получай, фашистская сволочь!

И выстрелил из винтовки, но не попал в старика. От волнения не попал или от того, что стрелял на бегу. Пуля ударилась о валун у крыльца, срекошетила и с визгом улетела в кукурузу.

Лиуан с перепугу грохнулся наземь и завопил:

– Адыге-е-е! Убивают! Своих убивают!

Сима тоже, наверно, упала бы с перепугу, от неожиданности, но ее поддержал Мурадин.

Аскеру бы перезарядить винтовку и прикончить хромого предателя, но когда человек первый раз пытается убить человека, это оказывается совсем непросто. Очень даже непросто. Наверно, поэтому-то Аскер и стоял бледный с опущенной винтовкой, не соображая, что же делать ему дальше.

А тем временем на выстрел и на вопли Лиуана стали сбегаться соседи.

Хромой уже сидел на крыльце, зажал голову в ладони и все кричал, что его убивают, несчастного беззащитного старика убивают сопляки. Разве знали когда-нибудь адыги такой позор?..

Приковылял с посохом и Джамбор Амзанов. Борода у него белая. Черные смоляные брови почти совсем закрывали глаза. Подошел он к Аскеру и, постучав о землю посохом, сурово спросил:

– Кто научил тебя поднять винтовку на старца? Мать или отец?

Аскер стоял бледный и не знал, что ответить.

– Отвечай же, поганец?!

Во дворе собралось уже много женщин, ребятишек и стариков – они такой шум подняли, такой хал-балык, что, казалось, белый свет помутнел.

Аскер собрался с силами, одолел свою робость перед древним законом и твердо сказал:

– Лиуан ждет немцев. Он сказал мне и Мурадину, что как только в аул придут фашисты, он станет старостой и велит сжечь дом Даримоковых вместе с живыми людьми.

У Аскера дрожали губы, дрожали руки и ноги, но он твердо сказал то, что хотел сказать.

– Врет он, брешет, как бездомная шелудивая собака! – закричал Лиуан и бросился было на Аскера.

Джамбор преградил ему дорогу. Потряс над головой посохом, требуя тишины, и потом приказал всем уйти со двора, попросил остаться только стариков. Аскеру и Мурадину он сказал так:

– Аллах не дал вам преступить древний закон дедов ваших. Хвала ему. До нас и раньше доходили слухи об этом Лиуане с тех мест, откуда он к нам пришел, но мы не верили. Всегда злу веришь труднее, чем добру. Но теперь... Идите, дети наши, своей дорогой, а мы с Лиуаном разберемся сами. Он уже никому не сможет сделать зла.

17

Ярко-оранжевое солнце висело над холмом, над пшеничным полем, которое убрали только наполовину и забросили...

Неубранный хлеб, когда на земле столько голодных!

Скоро вечер. Это чувствовалось не только по заходящему солнцу, а и по прохладе, что поднималась из долины речки, и по расплывчатым теням, которые отбрасывали холмики, и по устало кружившему в небе коршуну.

Мурадин нес чемоданчик Симы. Аскер – две сумки с едой и винтовку, а Сима, широко размахивая руками, шла между ними.

Они все думали и думали.

Думали о домах, которые оставили, о своих родственниках и знакомых, о войне, которая идет им навстречу.

Голубое небо на западе стало оранжевым, а на востоке было серым. Темно-серым, будто натягивало на себя темное покрывало, чтобы крепче уснуть.

– Аскер, скажи, сколько у тебя патронов? – спросила Сима.

– В магазине четыре и в кармане две обоймы.

– Ты, кажется, у Мурадина научился так говорить. Я же не про магазины спрашиваю, а про патроны!

Парни засмеялись, а Сима смутилась:

– Это совсем не тот магазин, где продаются духи. Покажи ей все это, Аскер. Как-никак она все же идет на войну.

Сима, к удивлению ребят, не рассердилась. Она осмотрела магазин винтовки, попробовала сама открыть его, закрыть, попросила научить, как зарядить винтовку.

Аскер показал.

Сима загнула патрон в канал ствола, приложила и выстрелила вверх. Больно было плечу, еще больнее щеке от толчка, которого она не ожидала. Больно, но она даже не сморщилась. Аскер забрал у нее винтовку:

– У нас совсем мало патронов, а ты палишь попусту.

– Но ты же еще говорил о каких-то обоймах. Покажи... Ого! Еще десять патронов. Я-то выстрелила, чтоб научиться воевать, а ты зачем испортил? Я бы не промазала в хромого... И вообще, зачем я с вами связалась? Вам не стыдно? Мужчины? Выдумали какую-то глупую хитрость и послали с нею девчонку. Эх, вы!

– Если мы тебе не подходим, можешь вернуться домой! – сказал обиженный Мурадин.

– Ва! Негодный!

Она остановилась, подбоченившись, и с едкой усмешкой смотрела на Мурадина:

– Посмотрите, люди добрые, он еще пытается здесь разыгрывать роль командира. Смотри, чтобы я тебе не скомандовала: марш домой!

Пришлось вмешаться Аскеру:

– Вам больше делать нечего? Я найду хорошую работу – идите и считайте шаги. Так окажется путь короче, и ругаться не будете.

– Согласна. Только давайте вернемся в аул. Старики помилуют Лиуана. Они расчувствуются, пожалеют его. Надо было написать приговор и привести его в исполнение, как это делают партизаны в Белоруссии.

Мурадин почесал за ухом, засмеялся:

– Ты забыла, как убежала из дома, когда во дворе резали курицу или овечку?

– Если ты еще раз меня обидишь, негодный, я дам тебе пощечину! Честное слово.

Сима взяла у Аскера свою сумку, перекинула ее через плечо и прибавила шагу. Пошла впереди ребят.

Молча они поднялись на холм, молча спустились в степную долину.

Солнце уже село. Только горели вершины гор, за которыми оно спряталось. Так ярко горели, что казалось, вот-вот расплавятся и потекут. Но свет слабел, и горы остывали, затвердевали, заострялись.

Не оборачиваясь к ребятам, уже успокоившись, Сима сказала:

– Пусть будет так. Но мы никогда не забудем и не простим подлости Лиуана.

– Нет.

– Не забудем. Разве такое забывается?..

– Нет, – сказала Сима.

– Вечер. Тихо. Устали, наверно, солдаты, – ответил ей Мурадин.

– Закат тоже совсем мирный. Такой покой в небе, посмотрите.

– Лирика, – недовольно пробормотал Аскер, – вам бы все лирика. Надо думать, что дальше делать. Куда мы идем и зачем?

– Я думаю, пока нам нечего особенно рассуждать. Доберемся до Майкопа, там все и выяснится. Ты согласна со мной, Сима? А ты?

– Согласен. Но если Майкоп уже занят фашистами?

– Что мелешь?! – возмутилась Сима. – Как это занят?

– Просто. Еще несколько дней назад они были у Ростова...

– Не паникуй, Аскер.

– Я совсем не паникую, Симочка. Просто мы должны быть готовы ко всему.

– Успокойтесь и послушайте, что скажу вам я. Если в Майкопе уже фашисты, мы идем в лес, в горы. Разыскиваем партизан и присоединяемся к ним. Если же и это нам не удастся, организовываем отряд. Нас трое, к нам присоединятся другие! Мы будем взрывать мосты, нападать на обозы!

Ребята не поддержали Симу. Она поняла это, решила не говорить больше ни слова. Пускай сами думают, что делать. Они же мужчины.

Поправила на голове платок, заложила руки за спину и пошла быстрее. Чтобы впереди мальчишек. Возможно, им надо пошептать?

Аскер шел и шмыгал, шмыгал носом. Значит, волновался.

Мурадин шепнул ему: «Перестань хрюкать. Неприлично».

Аскер перестал, а через несколько минут опять зашмыгал и наконец не выдержал, заговорил:

– Мы же взрослые люди, идем на войну, а ведем себя, как на классном собрании. Можем говорить по-деловому или не можем? Если не можем, не лучше ли вернуться в Заурхабль. Наши наны уже напекли лепешек. Они так вкусны со сметаной. Потом придут немцы, и мы от них тоже будем получать лепешки. Только уже без сметаны. Со слезами...

Сима молчала. Откуда у этого Медведя появилось такое красноречие?

– Хорошо, Сима, – продолжал Аскер, – мы организуем свой партизанский отряд. К нам придут другие ребята. Но что мы будем делать с одной винтовкой и тринадцатью патронами? Против немецких танков, броневиков, против пушек?

– Ты знаешь, Аскер, – возразил Мурадин, – если из тринадцати патронов убить только десять немцев, так у нас уже будет десять автоматов и куча патронов. А потом мы добудем гранаты, добудем взрывчатку!

«Молодец, Мурадин. Он – настоящий парень!» – думала Сима, но все еще продолжала молчать. Она ни за что не заговорит с ними, пока они сами не попросят ее.

Аскер помолчал – он не такой быстрый на сообразительность, как Мурадин. Ему всегда нужен, хотя бы маленький, но разбег...

– Ты знаешь, как это наш кузнец Брыкайло говорит: «Дурак думками богатеет». Так и ты...

– А ты – курица! Вроде и крылья есть, а летать не можешь.

Аскер остановился и пошел с кулаками на Мурадина. Вероятно, и стукнул бы его, но помешала Сима:

– Напрасно ты, Аскер, так говоришь. Помнишь Василисиху? Из тысяча восемьсот двенадцатого года? Тогда партизаны начинали воевать вилами, а мы...

– Хорошо, – согласился Аскер, – но сначала мы все-таки идем в Майкоп. Согласны?

– Согласны.

...Теперь Аскер шел впереди. За ним – Мурадин, а за Мурадином – Сима.

У нее устали глаза, может быть, потому что тропинки под ногами уже не видно. Да и не только глаза у нее устали. Ныло плечо, на котором висела сумка, а ноги совсем не слушались, плохо гнулись. Наступала Сима на пятки, и боль отдавалась в спине, в голове. И так хотелось пить, что кружилась голова, только стоило вспомнить о воде.

Очень измучилась Сима. Упасть бы прямо на обочину и уснуть. Но этого никогда не будет. Сима ни за что не скажет первой об усталости. Да и как она проведет одна ночь с ребятами в степи? Конечно, они для нее братья, и не больше. Мальчишки. И тем не менее почему-то ныло сердце. Думала об этом и чувствовала, что у нее загорались щеки. Ругала, называя себя глупой трусихой, сопливой девчонкой, а все равно – горело лицо, мучила стыдливость... Уйти в сторону от них, подальше? Но это так страшно. Ночью, в степи. И война.

Настоящая война, хоть весь вечер не слышно выстрелов и самолетов.

Все равно – настоящая война.

Как же быть? Набраться храбрости? Но где ее набраться? У кого одолжить, хотя бы на одну ночь?

– Сколько времени, Аскер? – спросил Мурадин.

– А ты что, устал?

Сима облегченно вздохнула.

– А ты?

– Сима устала.

– Откуда ты взял?

– Я слышу по твоим шагам, я вижу твои ноги...

– Не смей смотреть на мои ноги, бесстыдник!

Ребята засмеялись.

– Можно подумать, что я никогда не видел твоих ног и теперь вижу их первый раз.

– Не болтай!

– Извини.

– Галантный медведь, – рассмеялся Мурадин.

Но на него уже никто не способен обижаться – все очень устали.

Всходила луна. Показался край ее огромного диска. И он был багровый. Как и солнце вечером, как и зарево войны на западе.

Друзья отошли подальше от дороги, почти у самого леса нашли местечко с высокой и густой травой, очень удобное для ночлега.

Сима разостлала что-то вроде скатерти, разломала вареную курицу, стопкой сложила вместо хлеба жаренные в масле шеляме¹, достала бурдючок с айраном. И когда все было готово, она позвала ребят:

– Прошу вас к столу богов. Я знаю, что вам должен по обычаю адыгов прислуживать красивый, стройный юноша, но за скудностью двора нашего я сама стану служить вашим светлостям!

Ребята были очень довольны шуткой Симы, а еще больше их прельщала добрая еда и отдых.

Луна осветила степь и ближний лес. Сделала все таинственным и красивым. Такова уж жизнь – каждый ее видит такой, какой захочет...

После ужина стали готовиться ко сну. Казалось, минута, другая – и друзья просто повалятся на траву и заснут тут же. Но Сима была настороже. Она взяла у Аскера винтовку, положила рядом с собой, с другой стороны положила прошлогодний подсолнух:

– Это мой дом. Никто не может войти в него без стука и приглашения. Понятно?

¹Ш е л я м е – лепешки из муки.

В старину случалось такое, мужчина между собой и женщиной клал меч – неодолимую преграду даже для самого пылкого мужского сердца.

Не было у друзей меча, его заменила трехлинейка и прошлогодний подсолнух.

Мурадину хотелось как-нибудь сострить по этому поводу или просто сказать что-либо заковыристое, но у него не хватило на это сил. Он, как сидел за «столом», так и повалился на траву, даже не улегся поудобней – лежал неловко, на подвернутой руке.

Сима свернулась калачиком, голову положила, как на подушку, на кочку, поросшую мягкой травой, и совсем уж было уснула, но вдруг услышала шедший из-под земли не то гул, не то стон – далеко рвались бомбы и снаряды – это и есть гул войны, а стон – это, наверно, стонали люди, убитые и раненные этой войной. Так подумала Сима. Возможно, это стонет и ее старший брат Аслан? Где он, ее единственный брат... Выскользнули из глаз Симы две слезинки и скатились в траву.

Уснула Сима.

Аскер услышал, как, уснув, глубоко и ровно задышал Мурадин, как уснула Сима, отошел в сторонку и стал прохаживаться, прислушиваясь к глухой ночной тишине, присматриваясь к загадочным теням лунной ночи. И только убедившись, что все спокойно кругом, он прилег рядом с винтовкой и заснул, но в отличие от Симы и Мурадина спал сторожким, чутким сном. Он даже слышал во сне, как в лесу всхлипывал сыч.

18

Как говорят мудрецы, жизнь полна неожиданностей и таких случайностей, что даже самый отчаянный выдумщик не придумает. А когда люди покидают свои поля и аулы, когда их гонит ураган боев, тогда и вовсе – столько происходит непонятного и неожиданного, странного и удивительного, смешного и жестокого, что даже не стоит

и пытаться угадать, какое диво или беда ждут тебя сейчас, через пять минут, через пять дней.

Не будь войны, разве встретились бы Зубер и Аслан? Э-э, жил бы каждый в своем ауле, радовался бы здоровью своих детей, тихой старости своих родителей, глазам своей жены. Каждый стремился бы получше работать, чтобы стать в своем деле первым. Так уж устроена жизнь – строчка начинается с одной, с первой буквы, аул – тоже с первого дома. Даже в винтовке из пяти патронов лишь один – первый, его пуля – первая. Конечно, пятая пуля иногда может настигнуть самого страшного и опасного врага. Пятая, а не первая. И тут опять стариковская мудрость: все в жизни имеет начало и конец. Они равны и равнозначны между собой. Но есть и такая пословица: лиха беда – начало, другая: конец – всему делу венец...

...Война похожа на лес, над которым разгулялась шальная буря. Ветер треплет косматые верхушки деревьев, ломает их и уносит прочь, забрасывает в далекие черные овраги. Достается от бури не только слабым верхушкам, часто ураган выворачивает с корнями могучие деревья, повергает их на землю.

Зелеными слезами, чистыми, как солнце, падают листья.

Но есть в лесу и такие деревья, которые умеют спрятаться за купой могучих дубов и выстоять, какой бы страшной ни была буря.

Если спросить и слабые верхушки деревьев, и могучие бесстрашные деревья, и тех, которые хитрые, – все они ответят, что одинаково боролись с бурей, что они достойны друг друга.

Но ведь из этих троих, как про то говорит народная мудрость, кто-то должен быть и первым?..

...Зубер Самогов не обижался на Аслана, что тот вел его под дулом автомата, как преступника, может, и прав лейтенант. Выйдут они из леса, спустятся в долину реки и найдут полк, где в разведке служил Зубер. Он доложит командиру взвода... расскажет и о смерти Петра... Только быстрее, быстрее надо идти. Командир полка должен знать,

что немецкие танки уже вышли к Лабе и идут вдоль берега. Танков много, наверно, бригада, а то и больше.

Зубер шел так быстро, что Аслан едва успевал за ним и про себя ругался: «Вот черт длинноногий, вот размахался своими жердями!»

– Эй, переключи-ка скорость, не на пожар бежим! Зубер усмехнулся и пошел тише. Подумал: «Горячий парень и бдительности на троих у него. Это хорошо».

Не сердился Зубер за строгость на Аслана, другое разозлило и сильно озаботило: Аслан не хотел идти той дорогой, какой надо бы, которую хорошо знал Зубер. Опять, должно быть, из-за своего упрямства решил сделать по-своему, сказав, что здешние дороги знает не хуже своего родного дома.

По расчетам Зубера, они должны были уже давно выйти из леса, а ему еще не было видно конца. И солнце находилось совсем не в той стороне, где должно ему быть. Зубер попробовал сказать об этом своему конвоиру, но тот промолчал, ровно бы не слышал ничего. Но было заметно, что он и сам уже сомневался в себе, сомневался в дороге, по которой они шли: может, где-то незаметно свернули на другую или прозевали нужный поворот?

Сомневался Аслан, но ему-то никак нельзя сомневаться, и он, чтобы уверенней выглядеть, сначала насвистывал что-то, а потом и вовсе запел: «Легко на сердце от песни веселой...»

Зубер оглянулся, удивленно пожал плечами: или сумасшедший, или в самом деле такой отчаянный, никогда не унывающий парень. Вот только скорее выбраться бы из леса, скорее в полк!

Выбрались!

Окончился лес на взгорке, с которого хорошо была видна просторная впадина, налитая синеватой предвечерней дымкой.

Справа все тянулся лес, а слева медвежьей хребтиной лежал холм. Конца ему не было видно, он растворялся, таял в бездонной синеве.

Когда вышли на опушку, когда огляделся Аслан, понял, что заблудился, сбился с дороги. Подумал, что, вероятно, и прав был Зубер, указывая свою дорогу, но как ему поверить, как согласиться с человеком, о котором ничего хорошего не знаешь. В такой обстановке только на себя надеяться можно.

Понял Аслан, что был неправ, понял свою ошибку, но признаться в этом Зуберу не хотел, потому съязвил:

– Где же твои немцы? Все пугал меня: вот они, рядом! Где же?

Зубер остановился. Он тоже понял, далеко они ушли в сторону, не успеет теперь командир полка вовремя узнать о фашистских танках. Горько ему стало до слез: съездить бы по скуле, а потом по другой, дать между глаз этому... ретивому... Да что толку теперь? Да и как дашь, если у того два автомата. «Не надо ссориться. Этот малый тоже по-своему прав, и незачем его злить».

– Мы в другую сторону пошли. Немцы за лесом за Лабой.

– Много ты знаешь! «В другую сторону»! – передразнил Аслан своего пленника и стал прикидывать, как быстрее, как короче пройти к Заурхаблю.

Закурил папиросу. Подумал и Зуберу дал закурить – пусть, шайтан его побери, подымит, все и мне веселее будет.

Сели и долго молчали. И курили долго, неторопливо затягиваясь. У Аслана даже два раза гасла папироса.

Солнце село. :

Синева в падине быстро темнела, превращалась в темноту – густую и холодную.

Аслан встал. Поднялся и Зубер. Молча указал рукой на тропинку, дескать, сюда идти?

Аслан кивнул, и они пошли. Зубер впереди, Аслан с автоматом – сзади.

Извилистой тропой, которая петляла то по стерне, то по низкорослой кукурузе, то по полынному пустырю, они поднялись на самую хребтину холма.

– Ты, может, все-таки скажешь, куда мы идем? – спросил Зубер. – И долго ли нам еще идти?

– Не торопись, успеешь, – с тоской ответил Аслан, помолчал, а потом добавил, бодро добавил, чтоб ступевать свое кислое настроение: – Вот только поднимемся на гору, оттуда и увидишь, куда идем. В Заурхабль. Может, слышал такое селение?

– Как ты сказал?! Заурхабль?! Но там уже немцы!

– Замолчи! Паникеры! Болтуны!..

– Зря ты так, парень, я ведь хочу...

– Еще раз говорю – замолчи!.. Кому и парень, а для тебя я – лейтенант Даримок.

Хотел добавить – лейтенант милиции, но почему-то промолчал.

Зубер удивленно глянул на Аслана, одетого в штатское:

– Извините, товарищ лейтенант... Так вы из Заурхабля?

– В Заурхабле теперь я живу, а родился и вырос в ауле Пшаде.

И опять остановился, опять удивленно глянул на лейтенанта Зубер:

– Заурхабль?! – радостно воскликнул он. – Тогда вы должны знать моего дедушку Амзанова Джамбора.

– Кто же не знает в Адыгее этого почтенного старика?.. На каком-то большом празднике мне даже была оказана честь стоять у него за спиной и прислуживать ему. Но ты-то тут при чем?

– Я же сказал – это мой родной дедушка.

– Несчастный! Думаешь меня так легко провести?!

– Товарищ лейтенант, меня, как и вас, родила женщина, я вырос в доброй и честной семье адыгов. Дед Джамбор научил меня уважать себя, и я не испугаюсь двух ваших автоматов, не посмотрю, что вы лейтенант!..

Аслан проворчал:

– Такого деда позоришь. Что он сказал бы, если б узнал, что ты дезертир? Расстрелял бы тебя!

Зубер засмеялся:

– Он даже стрелять бы не стал, не стал пачкать свои руки. Он дал бы мне кинжал и сказал бы: «Уходи, от меня уходи, от отца с матерью уходи, из жизни уходи. Сам уходи».

Аслан опять встревожился: «У, проклятье! За что же мне такое?! За что? Если все, что он говорит, окажется правдой? Окажется! Но ведь пока не оказалось. Оно только окажется там, впереди, когда придем к своим. Скорей, скорей надо идти».

...Поднялись на хребтину холма и увидели Заурхабль. Не столько даже увидели, сколько почувствовали. Огней, конечно, не было – война. Дома, сады своими расплывчатыми очертаниями, темными купами только угадывались. И несколько рядов пирамидальных тополей – их острия вырывались из туманной мглы и выделялись на фоне неба, первых ярких звезд.

А что, если Зубер окажется прав? Что, если в райцентре немцы? Как он посмотрит этому парню в глаза? Как разойтись им и куда идти?..

Зубера беспокоило другое. Целый день шли они лесом, степью и не встретили ни одного человека – ни солдата, ни мирного. За весь день ни один самолет – ни свой, ни вражеский – не пролетел у них над головами. Не слышно рева моторов. Что-то, а танки в степной тишине за десятки километров можно услышать. Неужели так стремительно ушли наши в горы? Ну а немцы пошли за ними следом, и здесь нечего делать ни танкам, ни самолетам?.. Паровозные гудки в этой местности тоже были бы слышны. В Заурхабле большая станция. Но не гудели паровозы. А что, если они с этим злополучным лейтенантом уже находятся на оккупированной немцами земле? Как будет тогда? Где и у кого лейтенант узнает о правде, которую говорил ему Зубер?.. Э, в таком положении самому себе и то очень трудно найти подходящее место, а еще таскаться с пленным?! Даст лейтенант короткую очередь, и спи спокойно разведчик Зубер Самогов.

Аслан тоже насторожился. В такой тихий вечер – особенно в осенний – в этих местах даже слышно, как

стучат колеса вагонов. Неужели немцы?.. Нет, не может быть. Просто, наверно, взорвали или разбомбили мост через Лабу. Вот и все. Поэтому и не ходят поезда. Конечно, если бы это была тихая северная река, через нее навели бы понтонный мост дня за два, а через Лабу как наведешь? Она сорвет эти понтоны и унесет их в Кубань, как спичечные коробки. Ничего, главное – не паниковать. Есть ведь такая народная мудрость: «Верь только тому, что сам увидел, сам услышал и пощупал руками».

– Эй, садись. Отдохнем немного, – услышал Зубер голос Аслана.

Сели.

Аслан в сторонке от Зубера. Один автомат за спиной на ремне, другой он положил рядом с собой.

Неподалеку чернел лес.

Степь под лунным светом блестела старой позолотой, облезшей, там где овраги, урочища, распаханые поля.

Зубер решил разуться, чтобы хоть немного отдохнули измученные ноги. Он начал стаскивать сапог, но сделать это оказалось нелегким делом – болела раненая рука. С трудом сдерживаясь, чтобы не застонать, он стянул один сапог и принялся за другой.

Аслан видел – очень трудно Зуберу стаскивать сапог. Помочь ему? Ну да, поможешь на свою голову. Он ведь разведчик, если ему верить. Знает, как одним ударом ноги можно оглушить человека или сделать так больно, что белого света неувидишь.

Нет, все-таки надо помочь.

– Давай!

Разулись.

Зубер лег на спину, раскинул ноги, отбросил в сторону здоровую руку и отдыхал.

Аслан тоже прилег, приятно потянулся – устал он. Душой и телом устал. Похлебать бы теперя горячего лилепса¹ с перцем, с чесноком, погрызть баранью косточку, а потом запить калмыцким чаем и лечь спать. Вот так же

¹Лилепс – мясной суп.

растянуться бы на перине рядом с женой, слышать ее дыхание и уснуть. Уснуть бы и уснуть! А проснуться утром на заре, услышать птиц...

То, что вчера было самым обычным и даже неинтересным, сегодня кажется почти сказкой.

Вот она какая жизнь.

Неожиданно и для самого себя попросил:

– Рассказал бы все-таки, чем у вас дело кончилось с Траммом?

– Что же тебе рассказать? Не знаю. Давай полежим, помолчим... Ты еще не был на фронте?

– Нет.

– А я от самой границы. В окружении был. Давай помолчим... На войне тишина самое большое счастье для солдата.

«Конечно, тишина – это счастье, – подумал Аслан, – тишина, тишина. В могиле тоже будет тишина. Вечная, непреходящая... И еще хорошо бы побаловаться с дочкой Зурой. Посадить ее на грудь, и пусть бы она посмеялась, поколотила кулачком меня по носу. Маленьким, пухленьким кулачком».

У Зубера зачем-то опять спросил:

– Не знаешь, жив Трам или нет?

– Не знаю я никакого Трама.

– Понимаю, лично не был знаком, – усмехнулся Аслан. – А жалко. Он родился в том же ауле, что и я. Мы вместе учились, воровали арбузы, ухаживали за одной девушкой. Он женился на той девушке, а самым близким шеогом-дружком на свадьбе был у него я. Ну и, как водится, парни подшучивали над нами. Пока мы ходили за невестой, пока вели ее, они сняли колесо с тарантаса. Э-э, как рассвирепел Трам! Я думал, что он наделает беды, но Трам... Э-э, какой это человек! Он поймал одного из тех ребят, что сняли колесо, стащил на виду у всех с него штаны. Трусов у того парня не оказалось, и ты представляешь, какой смех стоял по всему аулу. Деревья качались, и абрикосы осыпались...

Аслан увлекся рассказом, а что еще может так успокоить, как воспоминания об удалой юности? Что дает людям больше силы, чем доброе и веселое слово?

– Трам, – продолжал Аслан, – посадил Курину верхом на коня и увез с собою, а я пошел искать по аулу колесо. Но когда я вернулся, колесо оказалось на месте, тарантас был полон кизяка. Они думали так с нами подшутить. Идиоты! Я запряг пару лошадей...

– А разве вожжи они не утащили?

– Не догадались. Запряг я лошадей в тарантас и привез кизяки в дом к молодоженам. Э, как весело они горели в печке зимой!..

– Так вот ты о каком Трамe все говоришь? О Таусове?

– А ты его знаешь?

– Кто его не знает в Адыгее. Слышал. Значит, он еще жив?

– Если вы его вчера не убили.

– Я же говорил тебе, что я разведчик из пехотного полка. Мы с моим покойным другом дрались с немцами. Я видел, как проскакал адыг на кобылице с обожженным боком.

– Так это и был Трам!

– Значит, не убили его? А в наших краях – в Бжедугии – столько о нем рассказывалось разного, но считали его давно убитым.

– Э-гей!

– У нас говорили, что он был добрым и честным человеком, говорили, никогда никого не обижал. Да, печальная это история. Хочешь знать, как я отношусь к ней?

– Скажи.

– Абрека Таусова я не считаю...

– Он не абрек Таусов, он – Трам Таусов, – сам еще не зная почему, поправил Зубера Аслан.

– Пусть будет Трам. Никакой он не враг. И не один он виноват во всей этой истории. Да и вины-то нету. Глупо получилось. Это просто беда.

– Согласен, – задумчиво сказал Аслан. Помолчал и добавил:

– Но что делать? Что? Я только выполнял задание. Если бы Трам сейчас появился здесь, а ты занял бы его сторону, я дрался бы с вами двумя. Понял?

– Чего уж не понять.

– С тобой тоже... У тебя только слова, слова и никаких доказательств. Но ты же сам знаешь, рыскают в лесу всякие диверсанты.

– Рыскают.

– Не могу я тебя отпустить, пока не выясним все до ниточки, хоть ты и внук самого Джембора Амзанова.

– Понимаю.

19

Спряталась за лесом луна. Наступила глухая, как говорили в старину, воровская ночь.

Еще раз закурили Аслан с Зубером, долго молча курили, наслаждаясь тишиной, ночной прохладой, звоном кузнечиков и курлыканием лягушек, доносившимся из ближнего болотца. Потом Аслан молча встал. Поднялся и Зубер.

Побрели неторопливо – после отдыха ломило ноги, спины. И вообще все стало им казаться чуточку иным: и то что идет война, и то что они находятся, наверно, в тылу у немцев, и то, что они чужие друг другу. Во всем этом произошло почти незаметное, но все же изменение в сторону тишины, некоторого умиротворения. Им просто хотелось идти, идти и идти, ни о чем больше не разговаривая.

Правда, длилось такое состояние совсем недолго.

При ходьбе, при малейшем резком движении в раненой руке Зубера так дергало, что ему стоило большого труда, чтобы не застонать.

Аслан смотрел на широкие плечи своего пленника, смотрел, как тот спокойно, уверенно шагал.

Заурхабль приближался, но Аслану хотелось теперь, чтоб он подальше отодвинулся, а еще лучше, если б его вовсе не было. Все вдруг стало казаться ему таким запуг-

таннным узлом, как тот гордиев узел. Разрубить, сжечь бы его! Вчера, когда Аслан взял Зубера, ему было намного легче. Тогда было столько неясного с этим парнем, столько всяких улик против этого «разведчика», а сейчас они все даже растерялись. Вон как уверенно шагал он под дулом автомата! И бежать совсем не собирался – тут уж глаз у Аслана наметан, сразу бы понял. Еще вечером думал, может попытаться улизнуть, а сейчас – нет. Не может. Проклятая интуиция! А если Аслан сейчас – повинуюсь своей интуиции – отдаст Зуберу автомат, если Зубер убежит и в конце концов выяснится, что это был опасный человек? Вот уж тогда он получит за свою интуицию все, что полагается по законам военного времени.

– Ты можешь потише идти?! – снова не выдержал и крикнул Аслан, – я до крови растер себе ногу.

– Извините, лейтенант.

От Заурхабля до Майкопа сотня километров, если бы ударить через лес напрямик, можно бы завтра догнать своих. Но как объяснить это лейтенанту, как заставить его поверить?.. Пока этот упрямый человек сам не увидит, что в Заурхабле немцы, никому не поверит, не свернет со своей дороги.

Быстрее, надо быстрее идти.

– Ты чумовой, что ли? Я же тебе сказал, нога у меня болит, не беги так... Да и куда ты спешишь?

– Туда, куда ты ведешь меня.

– Думаешь, там тебя мед с маслом ждет?

– Правда меня там ждет.

Хмыкнул Аслан, хотел съязвить, но вдруг учуял запах горелого. Стал осматриваться, не покажется ли в темноте огонь. Может быть, это тянуло дымом из Заурхабля? Так нет же, не тот запах. Ни кизячным, ни дровяным дымом пахло. Каким-то другим.

– Постой-ка, разведчик... Мне кажется, или в самом деле что-то горит?

– Несет гарью.

– Что бы это могло гореть? А?

– Пшеницей горелой пахнет.

Ну да! Именно пшеницей. Вспомнил этот запах Аслан. Не сразу он угадал его, потому что не часто жгут люди свой хлеб.

– Давай-ка побыстрее двинемся, – заторопил Аслан Зубера, – давай побыстрее поднимемся на курган, может, с него и увидим, где горит хлеб. Надо же потушить его.

Зубер своими быстрыми размашистыми шагами пошел так ходко, что Аслану чуть ли не трусцой пришлось за ним поспевать.

– Горит хлеб, – выдохнул Зубер, так тяжело выдохнул, как это может сделать только крестьянин, тот, кому ведома истинная цена каждого зерна, кому ведомы бессонные ночи в ожидании дождя, – горит хлеб, и тушить его мы с тобой не будем.

– Что ты болтаешь! Как это не будем?!

Зубер остановился:

– Не оставлять же фашистам свой хлеб?!

– Не понял я тебя, – недовольно проворчал Аслан.

...Поднявшись на курган, они увидели у подножья среди молодых деревьев ток. На току-то и горели бурты пшеницы.

Пригляделись, огляделись – кругом тихо и пустынно. Только стлался по стерне едкий дым.

Под развесистым тутовым деревом стоял домишко, сложенный из самана. Видно, контора тока.

Подошли ближе к конторе. Аслан с автоматом наизготовку стал за деревом и громко спросил:

– Эй, есть тут кто живой?!

Трещала горевшая пшеница.

– Гей, есть тут хозяева?! – снова спросил Даримок. И опять ему никто не ответил.

– Все ушли, – сказал Зубер. – Дня два назад зажгли хлеб.

– Ух, какой ты быстрый! Откуда ты взял, что два дня?

– А чего ж тут хитрого? Видишь, какие печки в пшенице выгорели. Далеко уже в глубь буртов ушел огонь. Керосин сверху пообгорел, а теперь хлеб – видишь, какие огненные дыры. Дня два как подожгли, а то и три.

Трещала горевшая пшеница, стреляли, разрываясь, зерна.

Аслан поднял несколько растрескавшихся зерен:

– Посмотри, – сказал он Зуберу, – посмотри, какая белая, какая хорошая мука вышла бы из этой пшеницы.

Зубер не обратил внимания на эти слова Аслана.

– Послушай, лейтенант... Когда я говорил тебе, что в Заурхабле уже немцы, говорил просто так, чтобы свернуть с твоей дороги и поскорее пробиться в наш полк. Теперь точно скажу: в Заурхабле немцы.

Они постояли, помолчали, слушая, как потрескивала пшеница, глядя на огненные жерла в буртах черного зерна. А кое-где, куда не достал керосин, пшеница лежала нетронутая огнем. Зернышко к зернышку.

Горела пшеница, распространяя по пашне ядовитый дым и печаль.

Не знал, что делать дальше, Аслан. Не знал, и спросить не у кого.

– По-твоему, в Заурхабле немцы?

– Да.

На проселке со стороны хутора показались трое. Издалека в робком свете утра трудно было узнать, что за люди. Аслан на всякий случай спрятался за дерево и позвал к себе Зубера.

– Что случилось?

– Прячься скорее, а потом будешь задавать вопросы!.. Ты видишь на тропинке людей?

– Вижу.

– Ты можешь понять, кто они?

– Пока нет. Но они идут сюда, подойдут поближе и разберемся.

Затаившись за старым тутовым деревом, ждали.

– Гражданские, – сказал Зубер, – одна – женщина.

– Э-гей! – вдруг закричал Аслан, – ей-богу, в этом мире долго скучать не приходится!

Побежал навстречу тем троим. Это были Мурадин, Аскер и Сима.

Хоть и не принято у адыгов показывать восторг, оттого что встретил свою сестру, Аслан не скрывал его – обнял Симу. А потом и ребят стал тискать, хлопать по плечам, хотя и этого не следовало бы делать – старший должен быть с младшими сдержан и даже немного суров. Но до этого ли было Аслану?

Он стал расспрашивать их: откуда и куда идут, что видели.

Вдохновенно и витиевато начал было рассказывать обо всем Мурадин, но Сима остановила его:

– Для военного времени твои красивые речи слишком большая роскошь. Пусть расскажет Аскер. Так будет лучше.

Мурадин хотел обидеться на Симу, но не стал, Сима была права.

Для Аслана круг замкнулся: если уж и Аскер, и Мурадин, и Сима тоже говорят, что Заурхабль занят врагом, то это уж так и есть.

Сдвинулись широкие брови Аслана, наморщился лоб:

– Вы-то сами видели немцев? – спросил он строго у Аскера.

– Да, Аслан.

– Как вы их видели? Где видели?

– На мотоциклах, Аслан. И на машинах...

– Они, будто на парад, катили в Заурхабль и распевали песни, – добавил Мурадин.

– Он говорит правду, – подтвердила Сима, – пели какую-то хвастливую песню. Я не смогла понять всех слов.

– Та-а-ак, – протянул Аслан, – правду говорят, у страха глаза велики. И песни они слышали, и парад видели...

– Все-таки давайте уйдем отсюда под деревья, а то мы как на выставке.

Это сказал Зубер.

– Эй, Грам, ты тоже боишься немцев? – спросил Мурадин.

Зубер удивленно посмотрел на Аслана, думал, тот поправит Мурадина. Но нет, он будто не слышал. Что ж, возможно, и в самом деле Мурадин оговорился, а этого

никто не расслышал. Возможно, не до этого им всем сейчас. У них есть посерьезнее дела.

– Ты знаешь, Аслан, – сказал Аскер, – когда мы увидели разбитую машину, убитого шофера, подумали, что случилась какая-то большая беда... Шофера похоронили... Думали, сбежал Трам, а теперь видим, – не удалось.

– Не так просто уйти от лейтенанта Даримока, – Сима с гордостью посмотрела на брата.

«Э-гей, – подумал Аслан, – я не ослышался, ребята и в самом деле Зубера принимают за Трама. Вот чудачки». И только он хотел объяснить, что это не так, что ошибаются они, Зубер отошел немного в сторону, чтобы всем хорошо было видно его и сказал:

– Посмотрите внимательнее, я совсем не тот человек, за которого вы меня принимаете. Посмотрите, пожалуйста.

«Конечно же, конечно, ребята если и видели Трама, то очень давно. Они не помнят его. Где им? Совсем маленькие были. А когда связывали, потом скакали ночью на лошадях – в темноте, в схватке, что можно рассмотреть?.. По голосу тоже, как они его узнают? Трам почти и не говорил. Вон как складываются дела-то!» – думал Аслан, но почему-то все-таки не поправил Аскера и Симу, почему-то смолчал.

Ребята рассмеялись. Они думали, что шутит Трам.

– Товарищ лейтенант, я еще раз прошу рассказать им все, как было, сказать, что я совсем не Трам, – Зубер все больше сердился на Аслана.

Аслан молчал.

Зубер не верил своим глазам. Ведь перед ним были наши, хорошие ребята, лейтенант тоже парень ничего. Все четверо, как и он, адыги, говорят на одном языке, но что это такое? Что это? Возможно, он в самом деле сходит с ума?!

«Эй, Аслан, лейтенант Даримок, перестань дурить! Еще один шаг и тебе некуда будет отступать. Эта маленькая смешная ложь потянет за собой другую. Перестань!»

– Ведь у тебя в руках мой автомат, а за спиной автомат моего товарища. Разведчика.

– Не болтай, – только и сказал Аслан, – на войне автомат легче найти, чем кусок хлеба.

«Хорошо, хорошо, – лихорадочно думал Даримок, – пока то да сё, а ребятам незачем знать о моем позоре, о бегстве Трама. Пусть все будет пока, как есть, а там посмотрим. Возможно, эта маленькая ложь послужит большой правде. Пусть мальчишки верят в мою правоту, в мою силу. Это им пригодится. На войне нельзя без сильного командира. А если потом все и выяснится, так это уже будет потом, летом. Я растолкую им. А сейчас пусть верят. Пусть все будет, как будет... Хорошо об этом рассказать бы и Зуберу. Если он действительно советский разведчик, если наш, он меня не только поймет, но и одобрит. Надо при удобном случае сделать такую проверку, прощупать его...»

Зубер думал свое: «Ребята принимают меня за Трама. Но ведь Аслан-то уверен, что я не Трам? Зачем ему нужно обманывать ребят? Зачем?.. И они верят ему, он для них, похоже, очень большой авторитет. Получается – молчи, Зубер, до времени. Может, того требует дело? Надо поговорить с Асланом. И вообще, кто знает, чем кончится эта глупая история?»

20

Всякое бывает на белом свете. Разное и непостижимое. Все зависит от того, какой тропинкой пошел ты, какой дорогой повела тебя жизнь. И опять же мудрость: повела или сам пошел?

Есть дороги короткие, да идти по ним долго и нудно, а есть, наоборот, хоть и длинные, а идти по ним коротко и легко.

Есть дороги, похожие на палки о двух концах. Ты по ней туда, ты по ней обратно, а она с обоих концов обрублена, пропастями кончается. Ходит человек по такой дороге, ходит, и нет ему ни счастья, ни радости.

Вот и получается – дорога ведет человека по жизни, дорога любит, чтобы по ней ходили люди с добрыми серд-

цами и крепкими ногами. Тогда дорога покоряется человеку.

Пятеро под командой Аслана Даримока покинули ток, когда солнце вырвалось из облаков, висевших над горами, и осветило всю землю нежаркими лучами. Под ветерком преданно кланялись солнцу подсолнухи.

Где-то за бесконечным подсолнечным полем послышался гул автомобиля.

Зубер, идущий впереди, остановился, прислушался:

– Две тяжелые немецкие машины идут. Дизеля.

– Почему ты так думаешь? – спросил Аслан.

– Не думаю, а знаю. Машины груженные – это я хорошо слышу, – может, с солдатами, советовал бы не шутить с ними.

– Э, спрячь в карман свои советы! Все в подсолнухи! – приказал Аслан.

Залегли, припали к земле. Изготовились к бою. Как-никак, у них теперь два автомата и винтовка.

Вот они и грузовики с брезентовыми тентами. В кузовах сидели солдаты в касках. Их было не меньше сотни. Машины-то огромные.

Сима глянула на Аскера, на Мурадина: не смотрят ли они на нее, не видят ли, как ей страшно?

Они не смотрели.

На повороте машины сбавили ход. Не к току пошли, а в сторону хутора.

У Аслана вспотели руки, так крепко он сжимал автомат. Выступил пот на лбу, жарко ему стало. Не был трусом Аслан Даримок, но он впервые видел врагов и чувствовал свое бессилие перед ними: «Видишь, как получается? Эти гады едут по нашей земле, а ты лежи и не шевелись. Дрожать и то не смей, чтобы не заметили! Ну подождите, сволочи, подождите!»

Машины, подняв тучи пыли, скрылись за поворотом дороги, за деревьями лесопосадки.

Аслан взглянул на Зубера. Тот смотрел вслед машинам и был совершенно спокоен. «Кто этот человек, кто он? Может быть, и в самом деле разведчик? Видно, ему

не привыкать к таким встречам с немцами... Ну ничего, ничего, все обойдется, все станет на свои места».

Зубер улыбнулся Симе, лежавшей с ним рядом:

– Испугалась? Видела, какие у них свирепые рожи? Это эсэсовцы. Лютые мерзавцы. А ты их не бойся. Нет, бойся, но не очень. Их бить надо. Еще немного, и мы научимся это делать здорово...

– Нет, совсем не испугалась, – выпалила Сима, но тут же покраснела, смутилась и, виновато улыбнувшись, призналась: – Очень испугалась. Их так много, они такие страшные. Я думала, что они нас заметили и машины сейчас остановятся.

– Понимаю, что страшно. А ход они просто на повороте сбавили, – сказал он и опять улыбнулся Симе.

И снова они двинулись дальше.

Кукуруза.

Подсолнечник.

Солнце.

И снова кукуруза да далекие горы. Такие далекие, что кажутся просто нагромождением облаков.

Кричали перепела, стрекотали кузнечики.

Впереди шел Зубер, за ним – Аслан, за Асланом – Сима, а уж за нею ребята.

– Эй, люди! Неужели у вас нет охоты пожевать чего-нибудь? – спросил Аслан и скомандовал: – Сворачивай к кустам. Отдохнем немного.

День выдался жаркий. Ни ветерка. Тяжелым пластом лежал на степной равнине раскаленный воздух, казалось, ударь конь копытом покрепче, высеки из камня искру – и запыляет степь, небо запыляет. Вот какая стояла жара.

Позавтракали всухомятку. Из бурдюка еще вчера выпили айран, а воды ни у кого не было.

В такую-то жару да после сухой еды очень всем захотелось пить. Хоть бы по глотку прохладной воды. Все думали так, но ждали, что скажет старший, Аслан.

А разве от того, что он старший, ему было легче от мучительной жажды? И он, конечно, сказал:

– Напиться бы теперь родниковой воды. Сколько бы сил нам прибавилось, как повеселели бы наши ноги.

Аскер, поднявшись, огляделся хорошенько по сторонам, присматриваясь к степи:

– Вон у тех трех верб родник есть. В прошлом году был. Хороший такой родник. Если не пересох, можно напиться. Пойдемте. Туда не больше километра будет. Сходим и вволю напьемся. Искупнуться можно.

– Некогда нам раскупываться, – строго возразил Аслан, – возьми бурдюк и сбегай побыстрее.

– Можно, Аслан, и мы с Мурадином пойдем? Больше воды будет у нас. Можно? Ну не хмурься, брат.

– Идите, – все же не переставая хмуриться, сказал Аслан, – только быстро. Ветром туда и обратно.

– Сима, возьми и мою флягу, – попросил Зубер. И опять они встретились взглядами.

21

Аслан с автоматом на коленях сидел в тени, а лежавший на спине Зубер почти весь был на солнцепеке.

Колокольчики уже отцвели. Начали желтеть их листья. Пожелтел и полевой клеверок. Зато еще был зеленым и весело-шелковистым типчак.

Аслан сорвал тернину, думал покислить ею во рту. Раскусил – и свело его скулы, будто кислотой. Он выплюнул и выругался про себя. Увидел это Зубер, засмеялся. Уж очень смешно сморщился Аслан. Будто не от кислоты, а от страшной зубной боли.

– Ты чего? – спросил Аслан.

– Так. Просто так. Терн хорош, когда его уже морозцем прихватит. Сладкий становится.

– Угу.

Закрыв глаза Зубер. Может быть, вздремнется, пока ребята сбегают за водой? Хотя Аслан и велел им быстро сбежать, чтоб ветром туда и обратно, но мальчишки есть мальчишки.

Аслан вспомнил жену и дочку. Все эти дни как-то забыл обо всем – другим была занята голова, а теперь вот получилась минута какая-то вроде бы свободная. Неужели они не ушли из Заурхабля в Пшаде? В родном ауле они были бы, как за каменной стеной. Там не только каждый человек для них свой и помог бы в беде, а, как говорят, и плетень, и дерево, и придорожный камень тоже помогают, когда бывает трудно – ведь они родные... А если они остались в Заурхабле? А если старики оставили в живых Лиуана и не сумеют укоротить его язык? Что тогда? Он и в самом деле донесет немцам, а те уж... Зябко стало Аслану. Он посмотрел на Зубера, не увидел ли тот на его лице тревоги?

Нет. Лежал с закрытыми глазами. От жары на его бледном лице выступили мелкие, как бисеринки, капли пота.

«Спит он, что ли?»

Не спал Зубер Самогов. Он тоже думал о своем родном ауле, о близких родственниках...

Над самой Кубанью, у ее крутого берега стоит его родной аул. Кривые и узкие улицы ручейками сбегают к реке. У самой воды, где причаливает паром, две ивы полощут свои косы.

Сейчас в ауле немцы. Недели две назад Зуберу довелось увидеть его через реку. Довелось увидеть домишко под камышовой крышей, над которым склонились две высокие груши. Дым шел из трубы, значит, бабушка готовила обед. Бабушке сто восемь лет, но еду для всей семьи до сих пор готовит она. И в доме раньше нее никто не поднимается. Она Зуберу говорила: кто рано встает, тому Аллах дарит жеребенка. Значит, дарит счастье. Когда проезжали мимо аула, Зубер закричал своим товарищам: «Смотрите, все смотрите, – на той стороне мой родной дом. Вот который под камышом и дымит. Это моя бабушка готовит обед!» Солдаты смотрели на ту сторону, махали руками, и Зубер видел, что они волновались, вспоминая свои дома, своих бабушек и матерей... Машина завернула в лес, быстрее побежала по хорошей дороге, и Зуберу

показалось, что его дом, дым над трубой, груши над крышей – все это было только видением.

И вот теперь он здесь. С ним произошло что-то странное. Сначала он думал: сейчас они добегут с Асланом до полка и все выяснится, а сейчас...

– Скажи, Аслан, зачем ты меня перед этими детьми называешь Траммом? Зачем, а? И что ты им скажешь, если твоя ложь обнаружится? Как ты объяснишь это ребятам?

Аслан словно бы не обращал внимания на слова Зубера. Снял сапоги, поставил их на солнце, на сапоги повесил портянки.

«Эх, как все мальчишки торопятся стать воинами, носить форму, но ведь они совсем не знают, что такое тяжелые сапоги в летнюю жару. А мне бы вот теперь или босиком, или хоть в сандалях побегать».

– Почему же ты молчишь, Аслан?

– Понимаешь... ведь я все еще не знаю, кто ты такой. Знал бы, что наш, советский, – было бы другое дело. Не могу пока объяснить тебе ничего и скажу вот что: если ты в самом деле наш человек, делай, как я велю, меньше спрашивай. Потом все узнаешь. Но сейчас надо пробиться к своим – это самое главное. Понял меня? Чего же ты теперь молчишь?

– Понял.

– Не будешь мутить воду?

– Нет. Слово солдата.

Поговорил Аслан с Зубером, и опять у него тяжело стало на душе.

Конечно, в командира должны верить. В его силу, мудрость. И хорошо, если все будет хорошо, тогда этот обман ребятам покажется мудростью Аслана, они весело будут смеяться над своей легковёрностью и всякое такое. Но если!.. Плохо, туго тогда придется лейтенанту Дари-моку. Очень туго. А что делать, что делать? Будь что будет, время покажет. Есть такая пословица: семь бед – один ответ. Ох, уж эта проклятая война, сколько сразу разных рогаток она разбросала по земле, сколько проволок ключей и потайных мин на ее тропинках.

Вернулись от родника ребята с Симой.

Мурадин протянул бурдюк Аслану, Аскер флягу – Зуберу.

Вода была холодной. Даже ломило зубы. И такой вкусной, что, казалось, вкуснее воды вообще не бывает.

Зубер напился и стал пристегивать свою флягу к поясу. Мурадин, обращаясь к Аслану, сказал:

– Лучше будет, если Траммом отдаст нам флягу с водой... Вода на походе, как нас учили, очень важная штука.

Зубер усмехнулся: опять «Траммом».

– А вас не учили, что на походе и иголка бывает очень тяжелой? – спросил Аслан.

– Учили.

– Вот и пусть он несет флягу. Тебе же легче будет. Да и не в пустыне Гоби мы находимся. Без воды не пропадем. Сима, перевяжи-ка руку ему. Думаю, в твоём чемодане все есть? Ведь ты шла на войну.

– Да, Аслан.

Сима развязала руку Зубера и удивилась – рана была не огнестрельной, а типично резаной. Чем-то острым, ножом нанесена рана, а не пулей, как сказал Аслан.

Что бы это могло значить?

Брат сказал ей неправду или просто оговорился?

22

Уже спала немного жара. Идти было легче. Легче-то легче, но поход всегда есть поход, он не бывает легоньким, поэтому, наговорившись обо всем вдоволь, шли молча. Конечно, каждый плел паутину своих мыслей – без этого как обойтись?

Сима тоже думала о своем.

Она была рада, что встретила брата, что он рядом. Сильный у нее брат. Вон какая у него широкая спина. Раньше она этого как-то и не замечала.

Кончился подсолнух, и потянулось справа и слева пшеничное поле. Тяжелые колосья клонились долу, словно бы тосковали, что люди забыли о них.

Разрывалась где-нибудь поблизости бомба или снаряд, налетал на ниву порыв ветра – сыпалась на землю пшеница золотыми слезами.

Тосковали тяжелые поля пшеницы, рослой кукурузы по человеческим рукам. По добрым человеческим рукам.

– В этом году вы закончили школу? – обернувшись к Мурадину, спросил Зубер.

Мурадин сделал вид, что не слышал абрека. Не хотел ему отвечать.

Аскер был добрее своего друга, ему показалось, зачем обижать человека в таких мелочах:

– Мурадин у нас немного глуховат, не обижайся, что не отвечает. Мы в этом году закончили школу. В одном классе учились.

– Ты тоже? – удивился Зубер.

– А что? – в свою очередь удивился Аскер.

– Да ты просто богатырь. На тебе уже пахать можно.

Или в пушку запрягать.

Аскеру была приятна похвала:

– А нана все меня маленьким считает, – и он захохотал.

– Когда я тебя первый раз увидел, подумал, почему такой детина не в армии?

– Брат у меня еще повыше, посильнее меня был.

– Почему был?

– Погиб...

– Извини, что боль напомнил. Извини.

Мурадину очень не нравилось, что Аскер разболтался. Нехорошо это. Тихонько сказал об этом Аслану, но тот только махнул рукой, мол, пусть поболтают. Дорога дальняя, ее надо одолеть. Если им за разговором легче, пусть разговаривают, большой беды в этом не будет. Пусть поболтают.

Уже давно остались позади поля заурхабльского колхоза.

Кончилась степь.

Шли мелколесьем напрямик, не разбирая дорог и тропинок.

Падины, холмы и снова падины.

Шли по падинам, сверялись по солнцу. Поднимались на холм и сверялись по горам.

Чем ближе к вечеру – тем меньше жара. Чем ближе к вечеру, тем больше усталость. И ущелье казалось дальше, и близкие горы – далекими.

Зубер видел, как устали его юные попутчики, и решил поддержать их силы – стал рассказывать им об этих, знакомых ему местах.

Аслан немного отстал, шел сзади, шагах в двадцати. Думал о Зубере, думал, если завтра они выйдут в горное ущелье и этот парень будет себя вести так же спокойно и ровно, как сейчас, можно будет поверить ему. И тогда все будет отлично. Два автомата и винтовка – это уже кое-что, а если к ним еще прибавить опыт разведчика, то, смотришь, и на немцев напасть можно...

О чем он рассказывает?

– Наш аул, – слышался голос Зубера, – стоит на левом берегу Кубани. С берега на другой берег, если надо ехать в город, мы переправляемся на пароме. А года два назад в газете было написано о проекте моста, который сделал ученик школы из Заурхабля. И фотография в газете была – красивый такой мост. Помню, у нас в колхозе даже заговорили, мол, давайте у себя такой вместо парома построим...

Ребята и Сима переглянулись: это на выставке детской технической станции был макет моста Мурадина, о нем и писали в газете.

– Конечно, мы понимали, надо инженера в помощь тому мальчику, но уж очень красив мост был. Возможно, и построили бы, да помешала война.

«Выходит, этот человек живет на берегу Кубани, а совсем не в нашем ауле? – думала Сима, – какую-то историю скрывают от меня».

Сима замедлила шаг. Решила отстать и немедленно поговорить с братом. «Так дальше нельзя», – сказала она себе.

Сима решилась, но чем ближе слышались сзади шаги старшего брата, тем менее решительной становилась она, а когда Аслан пошел с нею рядом, она и совсем оробела.

Аслан спросил:

– Что случилось, сестренка? Ты что-то хотела мне сказать?

– Нет... Я ничего не хочу.

– Нет, меня не обманешь. Я твой старший брат. Здесь я тебе и отец, и мать. Говори все, не стесняйся.

– Лан, – осмелилась Сима, – скажи, кто этот мужчина?.. Разве это Трам?

– Кто же еще? Я уж думал, у тебя и в самом деле что-то случилось. А почему ты об этом спросила?

Вот как получилось! Не надо бы Симе лезть в мужские дела! Что она в них понимает?.. Обидела брата. Обидела. У него все-таки рана не такая. Сказать об этом Аслану или нет? Не обидится ли он еще больше? Выяснится, что и должна быть ножевая, что тогда?

Сима молчала.

– Не молчи, сестричка, говори. Мы не дома у матери, а на войне. Почему ты решила, что это не Трам?

– А на току, как только встретились с ним, он назвал себя другим именем.

– Если ты будешь верить всему, что тебе будут говорить, э-гей! Сто мудрецов в этом не разберутся.

– Хорошо, – опустив глаза, прошептала Сима, – а рана на его руке не пулевая, как ты сказал, – ножевая.

На! Получай пиллюлю, лейтенант милиции Аслан Даримок!.. У-у, шайтан! И чем соблазнился?! Перед этими сосунками, видите ли, позора не мог вынести... Хорошо бы завтра со всем этим покончить.

Аслан улыбнулся:

– Хм, а другой раны ты не заметила?

– Нет, Лан, не заметила.

– Вот, когда будешь перевязывать его следующий раз, посмотри внимательнее: рядом с ножевой раной есть и пулевая. – Ты мне лучше скажи, как ты решилась уйти из дому? Сама или парни уговорили? Все равно молодец.

Вот только бы мне узнать: остались мои в Заурхабле или ушли в аул? Ты не знаешь?

– Не знаю... Лан, почему Трам не узнал меня. Нана рассказывала, что он любил играть со мной...

– Да! Любил! Но ты тогда была маленькая. Да и это чепуха. Ну хватит об этом. Не женское это дело. Вот придем к нашим, сдам его военным властям, а они уж пусть сами во всем разберутся.

– Если сдашь, что с ним будет?

– С Трам?

– Да.

– Не знаю. Как посмотрит трибунал.

– Военное время. Расстреляют.

– Это ты правильно сказала. На войне не может быть жалости.

Сказала так Сима, а самой жалко стало этого человека, и как-то сами собой у нее выкатились из глаз две слезинки. Она отвернулась, чтобы брат не увидел их, – рассердится. И правильно сделает, что рассердится, – на войне, конечно же, никакой жалости быть не может. Фашисты ведь вон что делают в Белоруссии, на Украине. Страшно что делают.

«Наверно, Аслан прав, – этот мужчина и есть Трам, – думала Сима. Про мост он выдумал. Приходил ведь домой иными днями, наверно, и видел газету, а теперь сочиняет. Должно быть, прав брат, и нечего над этим больше голову ломать».

«Ну что ж, – думал Аслан, – сомнения, разговоры, укоры совести – хорошо, а дело лучше». Он догнал мужчин и приказал:

– Сворачивайте вон туда, под боярышник.

– Ночевать будем здесь? – спросил Мурадин.

– Тебе только бы поспать. Это известно всему Заурхаблю, – сказал Аскер.

Мурадин вскинулся, хотел, видно, «отбить удар» Медведя, но Аслан поднял руку:

– Замолчите вы, петухи... За кукурузным полем километрах в двух должно быть небольшое селенье. Через

него лежит наша дорога. Правда, можно пойти и другим путем, но и тут есть перекресток, мост. Значит, надо узнать – есть немцы в селении, нет ли немецкого поста на перекрестке, на мосту. Вы поняли задачу, ребята?.. Хорошо. За старшего будет Аскер. Идите.

Аскер с Мурадином шли быстро. Шли молча. А в кукурузе, когда отдышались немного от быстрой ходьбы, ломая початки, Мурадин вдруг спросил:

– Откуда Траму известно о моем макете моста?

– Попалась под руку газета, и узнал. Что ж тут такого. В каждом доме выписывают газеты. Приходил же он домой. Ну и прочитал.

– Ты прав, Аскер. Но он что-то говорил, будто его аул стоит на берегу Кубани...

– Тише! – громким шепотом сказал Аскер. – Я слышу голоса.

Прислушались.

Шелестели под ветром листья кукурузы.

Но вот послышались и голоса людей.

Ребята, бросив кукурузу, сняли с плеч оружие и присели.

Замерли.

Мурадин надавил на плечо Аскера, мол, ложись. И сам лег.

Двое немецких солдат в касках ломали кукурузу и о чем-то переговаривались.

Мурадин взвел автомат:

– Я их сейчас!..

Аскер поднес к его носу увесистый кулак и прошептал:

– Дурак, мы же не знаем, сколько их. А если много?!

Немцы наломали кукурузы и пошли.

Ребята – тихонько, перебежками – за ними.

У края поля, в ложбине, стояли три танка.

23

Пока не зашло солнце, двигались уверенно и быстро. Держались края мелкоколосья вдоль речушки.

Потом село солнце, быстро стемнело, и дело пошло хуже.

По расчетам Аслана, они должны были пройти вблизи селения, но его не было слышно. Вместо него слева объявилось другое – неизвестное.

У Аслана оставался один выход – довериться Зуберу. Но легко сказать – довериться. Конечно, принять решение можно было и на ходу, но Аслану казалось, что обязательно надо сесть и сосредоточиться, закрыв глаза. Возможно, это и не поможет, но тогда уж он скажет себе – я сделал все, что мог, я основательно обдумал...

– Привал! Всем отдыхать! – сказал Даримок. Подошел к сестре, положил ей руку на плечо. – Отдохни, сестренка. Тебе ничего не надо бояться, пока я с тобой.

Ребята приуныли, без слов понимали Аслана, понимали отчаянность своего положения на своей родной земле.

А тут еще этот неизвестный человек. Видишь ли, он и отсюда хорошо знает дорогу на Майкоп, дорогу в горы, к морю...

Сказать Аслану, пусть попробует довериться, но как скажешь старшему? Стыд один и только. Надаёт пощечин при всех и будет прав – уж таков суровый закон предков.

Еще не села луна. Под дубами было светло и уютно.

Птицы лесные то ли уже спали, то ли и на них действовала война – ни филинов, ни сов не было слышно, не скользили по небу летучие мыши.

Все сидели кружком на полянке и молчали.

Прошли над головами тяжело груженные бомбардировщики.

Где-то совсем недалеко, надрывно звеня, проехал автомобиль.

– Немецкий броневичок, – сказал Зубер, – видно, попал на плохую дорогу и ноет. Думал я, засядет, оказывается – прошел.

Аслан встал, подошел к Зуберу. Тот тоже встал.

– Вот что я тебе скажу, если ты благополучно проведешь всю нашу группу в расположение советских войск, тебе это зачтется.

– Понял. Тогда слушайте. Немцы кругом здесь шныряют. Поменьше надо нам говорить и помягче шагать. Луна скоро сядет, совсем темно станет. Можно и на боевое охранение напороться, на каких-нибудь часовых. В случае чего, – без паники, сразу падай на землю, прижимайся к ней получше, а уж наш командир потом примет решение и отдаст команду.

«Вон как он хорошо говорит, толково говорит, – подумал Аслан, – видно, знает дело».

Пошли, вытянулись гуськом на тропинке.

Впереди – Зубер. Он сразу взял такой быстрый шаг, что даже ребятам было трудно поспевать за ним. Аслан тронул его за плечо:

– Потише, с нами девчонка, не успеет.

Убавил.

Шел легко и бесшумно, как кошка. Аслан подумал о нем: ловок, ловок ходить.

Тропа повела вниз, в крутой овраг. Луна пропала. Темно стало – ни зги не видно. Зубер замедлил шаг, чтобы уверенней идти, чтоб не ошибиться. И все-таки оступился, потом зацепился за корневище и у него получилось нечто вроде прыжка, а потом упал.

Над его головой лязгнул затвор автомата.

Это Аслан.

Зубер думал, что ему уже совсем не страшна смерть, но, оказалось, от лязга затвора у него на миг помутилось сознание. И земля будто расступилась пропастью, могилой. Это, наверно, потому, что уж очень бессмысленной могла быть такая смерть. Он поднялся и почувствовал дрожь в ногах.

«Придется уходить от Аслана, пожалуй, ему ничего не стоит меня убить». Да и не только в этом дело – он, рядовой Зубер Самогов, обязан быть в своем полку и воевать, а не ходить с этими мальчишками, не ждать, пока пристрелит его Аслан. Или чего доброго, переловят их

немцы, как куропаток. Он уйдет и к утру уже будет у своих. Это точно. Ноги у него хорошие, глаза острые, уши чуткие. Конечно, жалко и этих ребят, и Симу, и Аслана, но есть армейский устав, есть присяга...

Вот так родилась у Зубера мысль о побеге. А родившись, стала жить и расти, как все живое... Пока темно, конечно, можно просто броситься в сторону – только выбрать поудобнее место, – и пусть он потом палит из автомата. Да нет, не станет стрелять, побоится вызвать на себя немцев. Но просто убежать Зубер не может – он, обязан вернуться в полк со своим оружием.

24

Они поднялись из оврага и теперь шли дорогой между кустарником и старым лиственным лесом. Зуберу послышался шорох. Он остановился:

– Тс-с-с!

Точно, кто-то крался. Зубер бросился на землю, все остальные последовали его примеру.

Аскер дышал тяжело, прерывисто. Непокойное дыхание Мурадина тоже было слышно. А Симы словно не было, – может быть, она так испугалась, что и вовсе не дышала?

Зубер спросил у Аслана:

– Ты слышишь что-нибудь?

– Слышу. Кто-то крадется, – прошептал Аслан.

Из-под куста боярышника выполз еж.

Поднялись все, кроме Симы.

Аслан склонился над нею и увидел, что, подтянув коленки к подбородку, она спала, сладко посапывая.

– Уснула... Бедная девочка. Подождем еще немного.

«Вот и настала моя минута, – подумал Зубер, – только не надо торопиться. Чтобы наверняка. Наверно, плохо, что я брошу их здесь, но как поступить иначе?»

Зубер прилег у куста, на горюшку приспособил голову, руку положил на грудь и закрыл глаза, мол, сплю. Да не пришлось ему особенно долго вести эту игру. Минут через

пять он услышал храп Аслана. Не выдержал Даримок – несколько бессонных ночей его настолько утомили, что, как он ни противился, не мог устоять, не мог побороть самого себя – уснул.

Восток начал светлеть. Не загораться, а только светлеть.

Зубер решил проверить, как крепко спал лейтенант: закашлялся, повернулся с боку на бок. Спал Аслан.

Спала Сима, прижавшись к брату.

Спали ребята.

Поднялся Зубер. Несколько мгновений постоял, словно выжидая удачу, а потом подошел к Аслану, осторожно снял автомат, висевший у него на шее, и бросился в лес!

Аслан открыл глаза и не сразу сообразил, где он, что произошло.

Наконец понял – убежал Зубер!

Не было на груди автомата!

Не отдавая себе отчета, нужно это или не нужно, Аслан во всю глотку закричал:

– Стой, мерзавец! Стой, сволочь, стрелять буду!

Но стрелять-то было не из чего. Он подскочил к Мурадину, выдернул из-под него автомат и дал очередь по лесу.

– Стой!

Вскочила испуганная до смерти Сима, вскочили ребята.

Еще послал две очереди из автомата Аслан в сторону леса. Прислушался, не слышно ли? Нет, лес будто вымер, был тихим, молчаливым.

Слева, со стороны пшеничного поля, раздалась пулеметная стрельба, потом несколько коротких автоматных очередей.

Ударил крупнокалиберный пулемет.

В начавшее светлеть небо поднялись три разноцветные ленточные трассирующие пули.

Залаяли собаки.

– Ложись! – командовал Аслан. – Ближе к кустам!

Заухала автоматическая зенитная пушка. Опять ударил крупнокалиберный пулемет.

Потом стрельба пошла на убыль и вскоре совсем утихла.

Значит, немцы были кругом: и в степи, и в лесу, и в хуторе. Были на западе и на востоке.

– Сбежал, собачье отродье! – зло сказал Аслан.

Мурадин с Аскером лежали у куста и чувствовали себя, конечно, преступниками. Упустили, проворонили. Чем теперь искупить свою вину. Пусть Аслан приказывает, что хочет. Они пойдут и, если надо, погибнут, только бы смыть с себя этот позор.

25

Летние зори в этих местах быстро вспыхивают и быстро перегорают, превращаясь в яркий день.

Солнце уже приподнималось над лесом и сулило быть жарким.

Аслан пошел в лес, полазил там поблизости – нет ли каких следов бегства. В другую сторону подался – там все оглядел, вроде как ощупал.

Нигде, ничего.

Вернулся. Пошел вдоль кустов боярышника.

Шел тропинкой, шел, хотел уже назад повернуть – увидел кровь. Много крови на траве. Стреляные автоматные патроны и винтовочные. Наши, советские. Рядом – еще одна лужа крови и от нее в лес – кровавая тропа уходила.

Похоже, вчера здесь стычка была. Кровь засохла, но еще свежая. Вчера тут дрались наши с фашистами.

Аслан по кровавому следу пошел в лес: может быть, есть там кто-нибудь из наших раненый?

Идет, а сам настороже. Война. Кровь свежая.

Много в лесу следов крови, стреляные патроны, бинты.

Тихо. Мертво в лесу. Ушли, значит, наши. Если у них и был кто убит, с собой взяли – могилы не видно. А может быть, никого фашисты не убили, а только ранили.

Война.

Зябко стало Аслану, оттого что он прикоснулся к ее жестокости, услышал ее смертные запахи. Постоял немного под старой осиной, опершись о нее лбом, успокоился и пошел обратно. Успокоился только внешне. Стало уже совершенно ясно, что встретиться со своими войсками – дело трудное и рискованное. Правда, одной обузой, этим Зубером, меньше, но вот еще Сима, ребята. Что делать с ними? Они же ведь совсем дети. Разве с ними проврешься? То они есть хотят, то спать, то устали, то задают всякие дурацкие вопросы. Лучше для них будет, если они вернуться домой. Немцы долго на Кавказе не продержатся. Отправит он ребят, а сам через горы, быстро доберется к своим. Так и решил Аслан: сейчас он напишет записку, а потом пусть ребята идут на русский хутор, где живет один знакомый старик-пчеловод. Он и накормит ребят, и в дорогу снарядит харчами, и всякую другую помощь окажет. А если круто придется, спрячет их у себя на пасеке. У него есть где спрятаться.

Странное дело, Аслан не страшился одиночества, которое ему предстояло в лесу. Одиночества очень опасного – ведь на каждом перекрестке лесных дорог, на любой поляне его мог встретить враг. Да и не только случайно встретить – Аслан сам пойдет на сближение с ним, чтобы перейти линию фронта... Не страшился он этого одиночества, наоборот, оно теперь ему казалось необходимым, казалось спасительным. Для себя и для всех спасительным.

– Мы тебя заждались, куда ты пропал? – увидев наконец брата, спросила Сима.

– Что ты там нашел, Аслан? Что разведал? Может, тебе нужна наша помощь? Говори! – горячился Мурадин.

– Успокойтесь все. Садитесь и не трещите, как сойки. Дайте еще минуту и узнаете мой план.

Аслан вырвал из блокнота листок бумаги и написал записку пчеловоду.

– Возьми эту записку, сестра, и спрячь. Хорошенько спрячь. Когда вы с ребятами придете на пасеку, отдашь ее Ивану Ивановичу. Ты знаешь этого доброго старика. Помнишь, он у нас раза два ночевал. Мед привозил. Отдашь

ему эту записку, и он сам решит, как вам быть. Если все будет хорошо, проводит вас в Пшаде, если плохо – поживете у него временно. Тут все написано.

Сима не понимала своего родного брата. Что он говорит? Зачем? Совсем не об этом надо. Совсем. Он уходит, бросает их. Как так можно?

– Смотри, Сима, будь осторожней с людьми. Не верь их словам. Верь, да не сразу. Всюду и во всем нужны доказательства. Так уж устроена жизнь. Если ты научишься видеть людей насквозь, научишься требовать от них доказательства...

– Ты не можешь уйти, – сказала Сима, – я не хочу...

Аслан так посмотрел на сестру, что она умолкла, не стала договаривать того, что хотела сказать. Он спросил у нее строго:

– Где записка?

– Какая?

– Я же тебе дал записку и все объяснил.

Сима виновато смотрела на брата ничего не понимающими глазами, из которых вот-вот могли снова хлынуть слезы.

– Баба и есть баба, – рассердился Аслан и пошел к тому кусту, где они разговаривали с сестрой.

Так и есть – записка валялась на траве.

Даримок отдал ее Мурадину, все рассказал ему о пасечнике, о своем плане.

Мурадин с Аскером заговорили наперебой, что они не хотят домой, не хотят ни к какому пасечнику. Надо воевать, а не сидеть дома...

Аслан остановил их и сказал, что не просит, а приказывает. Они должны идти домой и ждать от него сигнала. Не исключено, что в горах будет организован партизанский отряд. Зачем же сейчас всем ходить взад-вперед через линию фронта? Зачем подвергать себя такой опасности?

– Вы слышите, кругом немцы! Надо уходить. Я уже узнал место, где мы стоим. Эта тропа приведет вас к оврагу. Там повернете влево и оврагом дойдете до самой пасеки Ивана Ивановича. Все.

Ребята, понутив головы, переминались с ноги на ногу. Сима смотрела на брата и, кажется, не верила его словам.

Аслан нахмурился:

– И не вздумайте мудрить! Это приказ. А вы взрослые люди, и за невыполнение его будете отвечать по законам военного времени. К пасечнику! И подчиняться ему, как и мне.

«Так будет лучше. Возможно, и в самом деле придется организовывать партизанские отряды. Ведь сейчас ничего не известно. Ничего».

Аслан обнял сестру, сунул руку растерявшимся окончательно ребятам и зашагал тропой вдоль леса на восток.

Сима, видя, что брат в самом деле уходит от них, от нее, вдруг испугалась и закричала, как кричала в детстве, зовя его на помощь:

– Ла-а-а-ан! Иди сюда-а-а-а!

Он оглянулся.

Худенькая, она стояла с протянутыми к нему руками. Как ему стало больно, от того что он оставлял ее на этих мальчишек, как ему хотелось вернуться и забрать ее с собой. Но не мог он этого сделать, не имел права, а потому, круто повернувшись, пошел, почти побежал, чтобы не услышать ее нового призывного крика.

26

Аслан свернул в подсолнух, и над их золотом была видна только его голова, а потом, видно, сошел в ложбинку и пропал.

Ушел Аслан.

Ушел ее старший брат.

Сима опустилась на траву, села рядом со своим чемоданчиком и уткнулась подбородком в колени. Ее душили слезы. Они будто затвердели в ней и тяжелым камнем давили на сердце... Сколько она знала в городе, в Заурхале мужчин, но ни один из них не мог сравниться с ее братом. А теперь он вдруг стал совершенно другим. Другим и, значит, чужим. Может быть, и в самом деле с ними

был просто другой человек, а не Лан? Нет, на земле не бывает чудес. Все было как было.

Правильно старики говорят, если хочешь узнать человека, возьми его с собою в дальнюю дорогу. Почему он такой? Почему?

Аскер подошел к Симе:

– Вставай. Нам надо идти. – Голос у Аскера какой-то глухой, будто слышен был из далекой лесной чащи. – Вставай, Сима. Аслан правду сказал – нельзя нам здесь больше оставаться. Идти надо. Все время идти. Аслан велел идти к пасечнику.

Встала Сима. С большим трудом встала. Ноги у нее были слабыми, как после тяжелой и долгой болезни. Даже боязно ей было – не удержится и упадет.

Понял это Аскер. Поднял с земли чемоданчик, взял Симу под руку, за локоть, чтобы поддержать, помочь.

– Не надо. Я сама.

Аскер отпустил ее руку.

Мурадин достал из кармана записку, которую дал ему Аслан, и изорвал ее на мелкие кусочки:

– Ни на какой хутор мы не пойдем. Будем идти вон к тому большому лесу, в горы. Там наши войска. Мы должны воевать, а не сидеть на пасеке и есть сладкий мед. Так думаю я. Если кто иначе, пусть скажет. Давайте обсудим.

– Помолчал бы, негодный. Глаза бы мои вас не видели, уши не слышали, – сказала Сима.

– Нам нельзя ссориться, – вмешался Аскер, – если мы хотим остаться живыми и воевать с фашистами.

– Навоюешь с вами. Видела. Помолчали бы уж, вояки.

Опять примирительно заговорил Аскер:

– Мурадин прав. Я тоже думаю – нам надо идти в горы, а не на пасеку.

Друзья договорились, что надо непременно идти в горы, пробиваться к своим. По дороге нужно собирать груши, орехи – что попадется, – чтобы не заходить в селения за едой и не подвергать себя риску. Идти нужно быстрее.

Впереди, справа, слева от них слышалась артиллерийская канонада.

Солнце взбиралось все выше и выше над лесом. Становилось жарко.

Аскер шел впереди. За ним – Сима, а прикрывал их с палкой в руках Мурадин.

Из-за кустов терна и боярышника неожиданно показалась шоссе́нная дорога.

Не успели выйти на ее середину, как услышали гул автомобиля.

Бросились обратно в кусты и залегли.

Машина проскочила на большой скорости мимо них. В кузове сидели немцы.

Ребята подождали, пока она скрылась за поворотом, поднялись, чтобы перейти дорогу и идти своей тропой, но в это же время услышали автоматную стрельбу.

Стреляли совсем близко.

Выходило, машину с немцами встретил кто-то. Вот и завязалась схватка.

– А вдруг это Аслан с ними воюет?! – закричала Сима и бросилась на дорогу.

Мурадин успел ухватить ее за руку и повалить в траву:

– Глупая! Чем ты можешь ему помочь?! Да и откуда ты взяла, что там именно Аслан?

– Слышите, слышите, какая стрельба! Настоящий бой! А мы тут лежим и не можем помочь своим.

– Лежи, – успокаивал и Аскера Мурадин.

– Как лежи? Там наши дерутся!

– А чем мы им поможем? У нас всего одна винтовка и десяток патронов.

Сима никогда не слышала, чтобы вот так близко стреляли, чтобы так много стреляли. Звуки ей казались необычайно яростными, и, чудилось, они одни, без пуль могут убить человека, стоит ему только подойти туда поближе... Страшно Симе, и все-таки она сказала:

– Я думаю, нам надо идти туда. Надо пробираться. У меня есть бинты, йод, а у Аскера – винтовка.

Ребятам нельзя было не соглашаться с Симой – они ведь мужчины и обязаны были идти впереди.

Пониже пригибаясь к земле, стараясь не показываться на полянках, перебегая от куста к кусту, они побежали туда, где шел бой.

Первым добежал туда и увидел немцев Мурадин. Он подал друзьям знак, чтобы те залегли.

Аскер с Симой подползли к Мурадину. Немцы втаскивали в грузовик своего солдата. Мурадин шепнул:

– Это они уже третьего грузят.

– Где же наши?

– Не знаю...

Немцы уехали. Ребята выждали минуту-другую и, крадучись, вышли на поляну. У старого полусгнившего пня лежал человек. Подбежали к нему. Аскер перевернул мертвого на спину – это был тот, кого они называли Траммом. Тот самый солдат, без имени и фамилии. Сима вскрикнула и зарыдала:

– Я же говорила, я же говорила, что он – настоящий...

Она опустилась на траву и легла ничком, словно ожидала удара, пряталась от смерти, которая еще бродила по этой поляне.

Аскер и Мурадин будто окаменели от беды, от горя, так неожиданно и жестоко настигшего их, не могли сдвинуться с места, не могли сообразить, что им делать.

Аскер нашелся первым – он опустился на колени и стал гладить плечи Симы. Потом и Мурадин понял: надо сейчас успокоить Симу. Но как это сделать?

Если у человека сердце навывлет пробито бедой, чем помочь тому человеку? Наверно, просто надо подождать – пусть все уляжется, пусть остынет, а потом и зарубцуется.

Но может быть, это не так? Может быть, надо искать добрые, успокаивающие слова и врачевать ими?

Мурадин тоже сел рядом с Симой. Самому-то теперь как ему быть? Как выстоять перед своей совестью, хотя он, кажется, ни в чем перед нею не виноват...

Когда перестала рыдать Сима, когда успокоилась немного, Мурадин сказал негромко:

– Аскер, посмотри, возможно, у него есть какие-нибудь документы? В маленьком кармане брюк посмотри.

Нигде ничего не было. Это и понятно: если бы у Зубера были с собою хоть какие-нибудь документы, у них с Асланом не случилась бы печальная история.

Мурадин хотел отвести Симу в тень подальше от дороги, но она попросила его подождать. Ей очень плохо. Она посидит еще минутку и потом уйдет сама.

– Посидим и мы минутку. Одну минутку, – попросил Мурадин. Его уже не страшила сама смерть – так, как тогда, когда они хоронили шофера, – хотя смерть всегда есть смерть и к ней никогда и никому не удастся привыкнуть, как к чему-то обычному, повседневному...

Эта смерть уже не страшила Мурадина сама по себе. Потрясло другое. Ведь ее могло не быть...

Может быть, чтобы помочь своему сердцу, успокоиться, Мурадин и попросил минуту отдыха.

Всего лишь минуту.

Все трое настолько были потрясены случившимся горем, что не заметили, как из-за поворота шоссе выскочили два мотоцикла с колясками.

Немцы увидели ребят на поляне, ударили из автоматов. Аскер упал, не вскрикнув, Мурадин и Сима бросились к кустам.

27

Трам собирался, не заходя домой, двинуться на Армавир, но не удалось – дорога была уже перерезана, а вскоре и в Армавир вошли немцы. Тогда он решил двигаться прямо к морю. На Туапсе.

Война заполонила горы и лес – пахло больше гарью и взрывчаткой, чем травами и цветами, разрывы снарядов и мин, стрельба из пулеметов и автоматов заглушали пение птиц, дремотный осенний говор леса, а Трам все равно слышал птиц, слышал, как, падая, шелестели желтые листья. Малышка тоже, казалось, прислушивалась к лесу –

неторопливо, с полузакрытыми глазами шагала и шагала. Мягко, чтобы покойнее было сидеть хозяину.

Вдруг невдалеке застрочил автомат – коротко, зло. Остановилась, наострила уши Малышка. Трам привстал на стременах, прислушался: у шоссе, похоже у старого дуплистого дуба, шла перестрелка. Эй! Если бы ему вместо этого старого нагана автомат да мешок патронов! Запомнили бы фашисты Трам! Но ничего, он и с наганом кое-что сумеет сделать.

Дал Трам шпоры, и Малышка поняла его, поняла, как всегда понимала: тихонечко гоготнула и с места взяла хорошую рысь, чутко прислушиваясь к поведению хозяина.

Стихла стрельба.

Трам не сдерживал Малышку – временно стихла, наверно. Кто-то куда-то перебегает, от кого-то прячется... Видно, кончилась драка...

Что ж, Трам все равно должен побывать на том месте, посмотреть. Не надо ли помочь раненому, не нужно ли предать тело земле?

Но вот опять вспыхнула стрельба.

Одна автоматная очередь, вторая! И женский крик! Кричали совсем рядом, но чтобы попасть туда, Трам надо было сделать большую петлю вокруг глубокой и обрывистой балки, поросшей непроходимыми тернами.

Он понесся во весь опор. Хлестали его по лицу встречные ветки, пригибала шею, вытягиваясь в линию, Малышка. Вот она пронесла его мимо рыжей скалы, вот, будто качнуло ее на волне, перелетела через падинку и взбежала на лысый холмик. С холмика видна шоссе-сая дорога. По ней уходили два мотоцикла с колясками.

Фашисты.

На полянке у дороги лежали двое. Напряг свои глаза Трам, чтобы рассмотреть, живые те двое или нет, и решил – мертвые. Но где женщина, которая кричала? Немцы не увезли ее с собой. Значит, она должна быть там. И снова заторопился Трам.

Быстрее, быстрее: обидели женщину. Может быть, ей еще можно хоть чем-нибудь помочь?

Добежав почти до самой поляны, Трам остановил Малышку у куста шиповника, а сам осторожно стал пробираться к тому месту, где лежали двое. Осторожно, потому что неизвестно, все немцы уехали на мотоциклах или еще кто-то из них остался. Вот и поляна.

Вот те двое убитых. Один в гражданской одежде, в сером пиджаке, а другой – в военной. В такой же вылинявшей гимнастерке, как и у него, у Трама.

Прислушался – тихо.

Озираясь, вышел на поляну.

Подошел к убитым и обмер: в гражданском парне узнал Аскера. Трам снял войлочную шляпу и не заметил, как она упала на землю, выскользнула из его похолодевшей руки.

Аскер. Тот самый, что связывал ему руки, обыскивал, мешки во двор отвез. Такой добрый, спокойный мальчик. Не успел Трам сюда ко времени, не смог помочь своему младшему брату... А этот второй? Тоже адыг. По лицу видно – адыг. Не сумел солдат защитить мальчика, себя не сумел защитить. «Вот оно как получилось, вот как закрутилось и раскрутилось... А где же тот, другой парнишка, Мурадин? А где же теперь Аслан?»

За кустом послышался шепот. Одним прыжком Трам очутился за деревом. Прислушался.

– Эй, кто там?! – спросил Трам. Опять за кустами пошептались, и теперь Трам явно услышал – адыги разговаривали.

– Почему вы не откликаетесь? Я не желаю вам зла.

Трам вышел из-за дерева. Опустил наган.

Помедлив, показались и те двое. Девушка и парень.

– Это мы, – робко сказал Мурадин, – я и Сима.

«Э! Мурадин. Конечно, Мурадин. Но он меня, кажется, не узнает. Молод еще. Не научился еще остро видеть и чутко слышать». Подумал так Трам и спросил как можно спокойнее:

– Почему вы здесь?

– Были вместе с ними... Мы, трое, нашли мертвым этого военного и хотели его похоронить, но нас увидели немцы. Они убили Аскера...

– Немцы, значит, ушли?

– Наверно. Когда я очнулся, их уже не было.

– Кто этот другой? Военный?

– Не знаю.

– Как не знаешь? А говорил, были все вместе.

– Сначала вместе. Вчера. Но кто он такой, мы не знаем. Правда. Аслан называл его Трамом. А сам он называл себя Самоговым, Зубером Самоговым. Потом он убежал от нас и сегодня... когда мы пришли, он был уже мертв. Убил троих немцев. Они были на машине...

– О каком Аслане ты говоришь? Не Даримок ли?

– Да. А ты откуда его знаешь?

Трам привязал к поясу свою шляпу:

– Как мне не знать Аслана Даримока... Где он сейчас?

Мурадин посмотрел на Симу, мол, не знаю, рассказывать этому адыгу или не надо?

– Аслан торопился в Майкоп. У него очень важное дело. Он велел нам возвращаться в аул, а сам направился в город. У него очень важное дело. А ты-то кто такой будешь?

– Если разговариваю так хорошо по-адыгейски, выходит, адыг, а если еще и знаю вашего Аслана, получается, что и совсем я свой вам человек.

Сима стояла у куста орешника, зябко скрестив руки на груди, не слушала, о чем говорили мужчины, неподвижным взглядом смотрела куда-то в сторону.

Трам глянул на Симу и спросил у Мурадина:

– Что с девушкой? Ей плохо? Она больна?

– Да... немного заболела.

– Почему она кричала?

– Испугалась. Сильно испугалась, – сказал Мурадин.

Трам свистнул, позвал Малышку. Она прискакала. Почуяла смерть, захрапела, ударила копытом о землю. Конечно, была в тороках Трама и походная солдатская лопатка.

– Теперь мы должны предать земле наших братьев, – сказал Трам, – девушке грешно это видеть. И не надо, она так больна. Отведи ее за карагач, за кусты. Пускай посидит там...

...Тяжел солдатский труд не только боями и походами, но и похоронами своих товарищей. Тяжело рыть окопы, а могилы тяжелей, даже если земля мягче.

Схоронили Трам с Мурадином своих товарищей. Положили в головах камни – целую гору валунов, чтобы потом можно было найти эту могилу и рассказать о ней тем, кто останется в живых, кто останется растить хлеб и украшать землю цветами, хранить вечную память о былом.

Трам, уставший и печальный, сел под кустом покурить и попросил Мурадина:

– Теперь позови к нам девушку. Расскажи мне о ней: кто она, почему оказалась с мужчинами на дороге войны? Разве это женское дело?

– Если, говоришь, ты знаешь Аслана Даримока, то должен знать и его родную сестру. Она стоит перед тобой.

Трам поднялся, сделал один шаг, другой к девушке, не отрывая от нее удивленного взгляда.

– Это ты, Сима? Маленькая Сима – я так тебя тогда звал. А меня ты узнала?

Она подняла на него глаза, полные страдания, и долго смотрела, напрягая память, потом подошла к нему, прижалась головой к груди, как прижалась бы к своему отцу, если б он был жив, и прошептала:

– Трам... Трам...

Закрыла глаза, и лицо в эту минуту стало спокойным, умиротворенным.

Потом они постояли молча у могил, простились с ними и пошли. У развилки дороги Трам спросил:

– А теперь скажите, куда вы собираетесь?

Мурадин молчал. За двоих ответила робко Сима:

– Мы пойдем, куда ты нас поведешь.

– В Майкоп идти уже нельзя. Надо пробиваться на Туапсе. Там наша армия. Дорогу на Туапсе я знаю хорошо. Не будем напрасно терять времени. Трогаемся.

– Я не пойду с Трам, нам с ним не по пути, – твердо сказал Мурадин. – Ты, Сима, тоже с ним не пойдешь. Аслан мне поручал тебя.

Сима покачала головой и твердо сказала:

– Нет. Я пойду с Трам. Только с Трам. Ты знаешь почему.

– Не надо так, не надо, – вмешался Трам, – я думаю, Мурадину без нас будет хуже, но если он не хочет идти с нами – воля его. Но, может, ты подумаешь немного? Торопливость не самый лучший спутник в таких делах. Мы подождем немного.

– Нет. Не надо.

– Смотри, чтобы ты потом не пожалел о своем теперешнем поступке и не обвинил нас в чем-нибудь. Прощай, мой брат... Иди, Сима, сюда. Малышка довезет нас обоих. Ставь-ка ногу в стремя...

Спокоен полдневный лес.

Примолкли, утомленные жарой, птицы. Лишь кое-где слышен перестук дятлов да неугомонная, сторожкая сойка, увидев человека, оповещала об этом все живое в лесу.

Перестукивались дятлы, а вдалеке, будто вторя им, били пушки...

Не торопилась Малышка, а Трам и не беспокоил ее. Куда спешить? Ведь сзади остался Мурадин. Э, пылкая, молодость, как хорошо, что ты есть у каждого человека. Пусть все идет своим чередом.

Так думал Трам.

– Тебе не кажется, Сима, если мы немного подождем у этого дерева, то скоро увидим Мурадина?

– Правда твоя, Трам.

– Тогда прыгай.

И Трам сошел с седла, сел рядом с Симой в тени под деревом.

Долго им ждать не пришлось.

– Тра-ам! Си-и-има!

Мурадин вывернулся из-за куста и бежал уставший, растерянный. Увидел Трама с Симой и остановился, будто споткнулся о корневище. Пошел неторопливым шагом, застегивая на ходу воротник рубашки, приглаживая развихрившиеся волосы. Вытер вспотевшее лицо кепкой и надел ее на голову. Видно, он долго сидел и раздумывал, идти ему за ними или нет. Догонять или не надо. Когда решил догонять, понял, что они уже далеко ушли, вот и пустился бегом. Теперь ему было стыдно перед Симой, перед Трамом. Совсем он замедлил шаг.

Трам отвернулся – пусть парень успокоится, не надо его смущать своим взглядом.

Подошел Мурадин.

Когда начало темнеть, путники стали выбирать место для ночлега. Облюбовали местечко в излучине ручейка. Там и до них кто-то или ночевал, или просто отдыхал, оставив после себя кострище.

Хотели было уже спускаться к той излучине, как Малышка наострила уши, прислушиваясь, высоко подняв голову.

– Вы ничего не слышите? – спросил Трам.

Они ничего не слышали.

Трам опустил на дорогу, приложил ухо к земле и долго слушал. Стучали колеса. Все ближе и ближе. Значит, подвода приближалась, сюда ехала. Трам дал знак спускаться с дороги к излучине, к кустам калины.

Зашли за купу кустов, Трам опять лег на землю и стал слушать. Подвода приближалась. Потом остановилась. Как ни ждал Трам, она больше не трогалась, выходило, люди с подводой остановились тоже на ночлег.

Трам сказал об этом ребятам.

Сима считала, надо сейчас же уходить, потому что неизвестно, кто те люди – свои или враги. Мурадин согласился с нею, а Трам возражал:

– Они не так уж близко от нас, не страшны нам. Чего уж ночью блуждать по лесу? Отдохнем до рассвета и двинемся дальше. Рассвета ждать-то недолго.

Симе Трам отдал свою бурку. Завернулась она в нее, легла под кустом и вскоре уснула. Мурадин, как младший, предложил Траму:

– Ложись спать, а я посижу.

– Не надо. Я так сплю чутко, что божья коровка мимо проползет и то услышу. Спи, нас не застанут врасплох.

...Проснулись рано. До рассвета.

– Молодцы, солдаты, – похвалил Трам. – Посидите здесь тихонько, а я сбегая, разведую, что там за люди.

Сел он на Малышку и подался в ту сторону, где по его расчетам должны быть люди. Легкой, осторожной рысью проскакали по мягкой мшистой земле леса и только хотел сойти с седла, как вдруг его окликнули:

– Стой, кто идет?!

Трам хотел было кинуться влево, к оврагу, но тут же грянул выстрел. Малышка рухнула на землю. Трам едва успел выскочить из седла.

– Аллах милостивый, за что же Ты разорил меня! – закричал Трам и кинулся к Малышке. Ему не верилось, что ее застрелили, он дергал за поводья, открывал ее глаза. Отпустил подпругу. Убедившись, что лошадь мертва, убитый горем, он сел рядом с ней, заплакал. Ведь Малышка для него все эти годы значила не меньше, чем добрый друг.

Из кустов выскочили двое. Солдаты. Свои. Один – маленький, юркий, другой – саженого роста.

– Уж не ранен ли он? – спросил рослый у своего товарища. – Ну-ка, давай его поднимем, посмотрим.

Взяли они под руки Трама, стали поднимать, но он вырвался и закричал:

– Лучше бы вы меня убили, чем лошадь! У, несчастные!..

– Ну будя, будя убиваться-то так по лошади, – сочувственно сказал рослый сержант. Похоже, он был крестья-

нином и понимал горе крестьянское.— Конечно, горе, да скажи спасибо, не тебе пуля-то досталась!

– Лучше бы мне! – крикнул Трам.

– Да это только так говорится... Сам виноват – когда крикнул я тебе стой, надо бы стоять, а не рыпаться. Кто ж тебя знал, что свой ты?

28

Старый дед Таусов говаривал внуку: «Вечного горя нет – в этом великая мудрость Аллаха, – поэтому ты никогда не убивайся долго». Вспомнил Трам слова деда, но все равно это его не успокоило. Попросил сержанта, чтобы он отвел его к своему командиру.

Повели.

Здесь, в лесу, солдат оказалось много. Трам вчера ошибся, решив, что двигалась всего лишь одна телега.

Его провели мимо походного лазарета, мимо раненых, лежавших в тени, мимо походных кухонь, которые уже дымились.

Трам подумал, что здесь совсем так же, как бывало до войны на учениях. Вот только стоны раненых. Кровь, белые бинты. И на лицах солдат – война. Это верно – в мирное время таких угрюмых и суровых лиц не увидишь.

Война.

Подвели к белобрысому коренастому полковнику с перевязанной головой.

«Помоги мне, Аллах, умиловать этого сурового человека. Помоги мне быть сильным», – твердил про себя Трам.

Полковник сидел на пне с картой в руках. Глянул исподлобья, будто невзначай спросил:

– Кто ты такой? Кто те двое, которых наши ребята только что привели? Они сказали, что были с тобой.

Трам вытянулся по-военному, отрапортовал:

– Фамилия – Таусов, имя – Трам. Те двое – парень и девушка – из нашего райцентра, из Заурхабля.

– Куда путь держите?

– К своим. Думали – в Туапсе.

– А где Туапсе? Ты знаешь?

– Туапсе там, куда сейчас смотрят мои глаза.

Полковник встал, взглянул на Трама:

– Странно. Ты смотришь не совсем туда.

– Так точно. Не совсем. Если идти этой дорогой, что вы идете, можно к немцам попасть. Если и не попасть, то все равно – очень трудная дорога, со всем своим обозом не пройдете.

– Ты отвечаешь за свои слова? Ведь в случае, если ты...

– Я без «если» сказал, товарищ полковник. Адыг я. Слово адыга даю.

– Та-а-ак...

Полковник походил, походил мимо Трама, мимо тех двух солдат, что привели Таусова. Остановился, заложил руки назад и долго, испытываяюще, смотрел на Трама – глаза в глаза.

Не моргнул Трам, не дрогнуло веко.

– Проведешь нас верной дорогой? Сам-то ты ее знаешь?

– Нет в этих горах дорог, которых я бы не знал.

– Ты кто? Кем работал до войны?

– Крестьянин я, – ответил без запинки Трам.

– Колхозник?

– Так точно.

– Покажи свои руки.

Трам протянул полковнику руки вверх ладонями, на которых было достаточно мозолей.

Полковник протянул ему свою правую руку:

– Ладно. Пойдем вместе. Веди. Были у нас ребята. Местные, они бы нас вывели, но... пошли в разведку и не вернулись.

Когда полковник отпустил Трама, он свободно вздохнул. Вопросы, которого он боялся, полковник не задал, не спросил, почему такой здоровый мужчина еще не на фронте. Пришлось бы рассказывать правду. И неизвестно, что бы еще сказал полковник.

Все вроде бы уладилось у Трама, а все ж он побаивался Мурадина, поглядывал на него с опаской, как бы тот не сболтнул чего лишнего. Но и тут обошлось: видно, ничего не сказал Мурадин, когда разговаривал с лейтенантом, с солдатами, когда рассказывал о себе и своих спутниках.

Сима сидела в сторонке и думала, что лучше всего ей пойти бы сейчас к раненым и ухаживать за ними, перевязывать и лечить их раны. Где-то читала она: когда ты лечишь чужие раны, то лечишь и свои.

К лейтенанту, разговаривавшему с Мурадином, подошла девушка в военной форме и доложила:

– Товарищ лейтенант, по вашему приказанию явилась.

– Подружка тебе объявилась. Медицинская сестра. Зовут ее Симой. Иди к ней. Познакомься...

Поздним вечером полк Багрова снялся и пошел лесной тропой за проводником Таусовым.

Солдаты были сильно уставшими, можно сказать, измотанными, но Трам торопил, и полковник согласился с Трамом – слишком большая опасность таилась в каждом часе промедления.

Перед тем как выступить, Трам с командиром разведзвезда лейтенантом Дробным проверили все повозки на ходу, чтобы они не скрипели. Трам показал ездовым, как надо «обуть» лошадей в разное тряпье, чтобы подковы не стучали о камни.

Разговаривать было приказано только шепотом.

Ночь на походе прошла спокойно.

В самую жару следующего дня Трам посоветовал полковнику дать отдых солдатам. Пусть отдохнут все хорошенько, поспят часов пять, потому что следующей ночью предстоял трудный переход через перевал.

Пока полк отдыхал, Трам и лейтенант Дробный верхами осмотрели дорогу, ущелье. Разведали, где расположены немецкие части.

А на рассвете следующего дня полк Багрова встретился на перевале с частями Советской Армии.

...Стояли на поляне повозки с ранеными, вытянулись в строю офицеры и солдаты.

Была подана команда «смирно».

Перед строем появился полковник Багров. Измученный, с глубоко запавшими серыми глазами, он строго скомандовал:

– Рядовой Трам Таусов, ко мне!

Трам никак не мог понять, что это небольшое торжество было устроено прямо здесь, на перевале, для него.

Мурадин подтолкнул Трама:

– Иди же, тебя зовет.

Опомнился Таусов и подошел к полковнику. Замер перед ним, не зная, чего ожидать: должно быть, добра, но жизнь его научила в таких случаях не торопиться, и он ждал.

– Товарищи солдаты и офицеры, наш сложный и трудный переход закончился благополучно. Конечно, мы в любом случае дрались бы до последнего вздоха, чтоб пробиться к своим, и пробились бы, но Таусов очень и очень нам помог. Разрешите мне от вашего имени поблагодарить его.

Полковник трижды накрест поцеловал Трама, а потом снял с себя медаль «За отвагу» и прикрепил к его груди.

Трам знал, по уставу полагалось приложить руку к козырьку и сказать «служу Советскому Союзу». Но он не был военным, вместо пилотки на голове была надета войлочная шляпа – не прикладывать же к ней руку?! Трам благодарно кивал всем и чувствовал, как першило у него в горле, щипало глаза, – за всю жизнь не было у него большей радости.

...Полк Багрова расположился неподалеку от Туапсе. Здесь он должен был отдохнуть, пополниться и потом получить новую боевую задачу.

Все было хорошо у Трама: зачислили его в разведку, относились к нему с уважением. Но старая беда не давала покоя. Такой уж он человек, что не мог с добрыми людьми

быть скрытным. Получалось, что он обманывал их, обкрадывал их доброту. Несколько раз подходил к землянке полковника Багрова, чтобы рассказать ему все, да не хватало смелости. Казалось, тот немедленно сдаст его в трибунал... Но однажды он все же решился.

Обратился, как полагалось, к командиру полка, но вдруг замолчал:

– Ну-ну, смелей, разведчик, что там у тебя заело?

– Я обманул вас, товарищ полковник...

Багров поднял голову, удивленно посмотрел на Трама.

– Когда встретились с вами по ту сторону перевала, тогда еще обманул вас.

Полковник даже встал:

– Как же обманул, если привел нас к своим, привел, можно сказать, на «отлично».

– В другом обманул. Меня, наверно, надо в трибунал. Я был, считают, абреком.

– Э, брат, тут, похоже, наскорях не разберешься. Давай сядем, и расскажи мне все по порядку.

Рассказал Трам, ничего не утаивая, – ни большого греха своего, ни малого.

Долго рассказывал, не торопился.

Дотошно обо всем расспрашивал и выпрашивал Трифон Иванович Багров.

Пачка папирос подходила к концу, а курить меньше или совсем не курить было нельзя – дело такое, рассказ такой. Печальный и долгий. Долгий и трудный.

Все рассказал Трам, ничего не утаил от Трифона Ивановича. Рассказал и умолк, ждал, что еще спросит полковник.

Ничего больше не спрашивал.

Приговора стал ждать Трам.

– Да-а-а, задал ты мне задачку, абрек. Ничего не скажешь, не пожалуешься, что проста. Значит, Мурадин и Сима – твои свидетели и обвинители. Та-а-ак. А я, получается, волей-неволей – адвокат. Точнее сказать, и волей, и неволей. Адвокат и судья.

Встал Трифон Иванович. Трам тоже поднялся.

– Ты сиди, сиди. Это мне надо думать, а тебе теперь уж нечего ломать голову. Сиди, а я похожу, поломаю.

Тесна землянка, шибко не разойдешься: три шага туда – три обратно. Вот и вся ходьба. А все ж не сидя.

– Говорил ты кому-нибудь у нас в полку об этом?

– Нет.

– И то дело... Понимаешь, с одной стороны, я не волен быть тебе судьей, конечно, должен доложить, куда надо, а с другой – волен я тебя судить и миловать. Да и получилось уж так, что помиловал, раз наградил медалью «За отвагу». С командованием согласовал – одобрили мое решение. Большое ты и важное дело сделал. Государственной важности. И скажу прямо: верю я тебе, не сомневаюсь, что еще и не такую награду заслужишь. Нам с тобой еще воевать. Так я говорю?

– Так. Честно говорю – не подведу вас, товарищ полковник.

– Ладно. Значит, решим так. Об этом своем абректстве больше никому не рассказывай. Не надо.

– Спасибо...

Теперь Трам должен написать обо всем Курине. Когда Трам был зачислен в полк, когда уже носил на груди медаль «За отвагу», все-таки еще не решался написать письмо Курине. Думал, еще ничего не известно, вот узнают все, отдадут в трибунал – и крышка, зачем зря травить сердце Курины. Но теперь можно. Трам, конечно, знал, что в Пшаде сейчас были немцы, но он рассудил так: «Пока будет ходить-бродить письмо, смотришь, и немцев уже выгонят с Кавказа». А еще бывает такое, когда человек просто не может не написать письма, как не может не упасть на землю созревшее яблоко. Трам должен был рассказать о себе Курине, а уж услышит она или нет – другое дело. Услышит, все равно услышит. Пусть сын больше не прячет глаза от друзей, пусть знает, что и его отец не хуже других.

Отнес он письмо и, когда возвращался обратно, вспомнил об Аслане. Без злорадства, с добрым душевным покоем подумал: «Хорошо, если б меня увидел сейчас Аслан Даримок. Увидел бы мою медаль, узнал бы, что в разведке служу». Тяжело вздохнул Трам, щелкнул языком, удрученно покачал головой: «Э, где он теперь, этот несчастный? По каким колдобинам треплет его злая судьба? Но уж, если правду сказать, то не такой Аслан человек, чтобы просто дался своей судьбе, голыми руками его не возьмешь. Руки свяжи, глаза завяжи, брось в море – все равно выплывет, берег найдет. Он такой, Аслан Даримок. Эй-ей, а все-таки жалко, что он из-за меня попал в неловкое положение. Надо бы мне с ним вместе выходить из леса. Может, он и не обманул бы, сказал, как обещал».

Уже пришло пополнение в полк, начались занятия во взводе. Обучали новых солдат, как надо ходить в разведку, как по карте ориентироваться, учили, как одним ударом сбить с ног противника. С рассвета до темна шли занятия, передохнуть некогда было, а все ж не было дня, чтобы Трам не вспомнил об Аслане, не думал о его судьбе. Однажды утром проснулся в землянке весь в холодном поту. Увидел в окошечке белый свет и сказал про себя: «Наверно, уже нет в живых бедного Аслана. Где-нибудь прикончили упрянца. Правильно говорится, если из упряма не хочешь остановиться, все равно упруешься лбом в каменную стену... Эх, должно, нет его уже в живых». Сон приснился Трам. Будто встретились они с Даримок, а тот и говорит:

– Здравствуй, Трам. Ты здравствуй, а я уже мертвый.

– Э! Что ты болтаешь?! Живой стоишь передо мной, а говоришь чепуху такую! Всегда ты любил из слов веревочки вить.

– Любил, но в этот раз говорю правду. Видишь, старики направляются в наш дом. Это на мои похороны. Я сейчас войду в дом, лягу и умру. Пришла моя пора. На

прощанье мне хочется тебе сказать: живи честно, как ты всегда жил. Не давай другим обманывать себя. Ты же мудрый человек, но иногда слишком доверяешься другим, поддаешься их обману. Ой, как интересно устроена жизнь. Кажется, чем больше книг прочтешь, тем умнее станешь, тем лучше поймешь главную мудрость, но в том-то и дело, можешь все книги, какие только есть на земле, прочитать, а самого главного так и не поймешь. Сколько я книг прочитал! Сколько! Наверно, в десять раз больше тебя, но и глупостей наделал побольше твоего.

– Неужели ты и в самом деле столько зла людям сделал, что ругаешь себя, будто врага своего?

– Много троп разбежалось в стороны от моей дорожки, а я и до сих пор не знаю, какую выбрать. Измучился, из сил выбился... Если бы я еще раз родился, не дал бы укатанным дорожкам увлечь себя, не покатился бы шаром. Легко ли, тяжело ли, но проложил бы свою. Тогда, может быть, и обо мне сказали бы, как говорят об отце моем: светлая у него тропа. Но что делать, Трам, человек дважды не рождается. Не дожидаться такого.

Еще что-то хотел сказать Аслан, но его кто-то толкнул в бок и сердито сказал:

– Поторапливайся. Опять из слов веревочку плести начал.

В этом месте Трам и проснулся. Ему очень хотелось утешить Аслана, сказать, чтобы не брал он на себя лишнего зла, которого не делал. Хотел сказать, да не успел, почему-то проснулся. И уже не спал, а все жалел, что не сказал, не утешил, не договорил с Асланом. Лежал Трам и думал об Аслане до тех пор, пока взводный не подал команду:

– Подъем!

Несколько раз случалось Таусову ездить в Туапсе и в Дагомыс. Все смотрел он там по сторонам, присматривался, надеялся встретить Аслана. Так сильно было это желание, что несколько раз ошибался, останавливал прохожих мужчин.

Прошло больше месяца. Полк был уже полностью сформирован, вооружен, обучен и готов к боям. Со дня на день ждали отправки на фронт, на перевалы.

Ждал этого и Трам Таусов. Хоть полковник и сказал добрые слова, хоть и есть у Трама боевая награда, но он считал, что это еще не все: он должен воевать, должен бить врагов, должен всем показать, чего стоит разведчик Трам Таусов. Только тогда успокоится, вернется в родной аул и пройдет по нему с гордо поднятой головой. Нет, совсем не для того, чтобы кого-нибудь упрекнуть или унижить, совсем нет – просто он хочет жить со всеми людьми в добре и дружбе, имеет на это право и добрую волю. Пусть его сыновья не стыдятся за своего отца, пусть они тоже будут добрыми и сильными мужчинами, верными своей земле.

Однажды поехал он с товарищами в Туапсе получать продукты для полка. Нагрузили все необходимое в машины, а потом заскочили в солдатскую столовую. Устроились у окна, размачивали в кипятке сухари, ели вяленую рыбу.

За столом напротив сидел человек в гражданской одежде. Трам скользнул по нему взглядом и только было принялся за чай, почувствовал толчок в сердце. Поднял глаза: так и есть!

Напротив сидел Аслан Даримок!

– Эй, Трам! Это, кажется, ты, Трам? Тебя совсем не узнать в военной форме.

Ждал Трам встречи с Асланом, сам искал ее, а вот увиделись, и зашло сердце тревогой, сомнениями. Вначале даже оторопел. Аслан шел к его столу, а он не мог подняться.

Наконец собрался с духом – встал, шагнул навстречу молочному брату.

– Откуда ты взялся здесь, Аслан? Как жив-здоров?

– Спасибо. Как видишь и жив, и здоров.

Секунду постояли в нерешительности, а потом все-таки обнялись по-братски, пожали друг другу руки.

– А ты-то как оказался таким?.. В военной форме, даже медаль вон какая у тебя! – смотрел Аслан на Трама и, казалось, не верил своим глазам.

Трам заговорил по-адыгейски:

– Как говорил тебе, так и поступил. Встретился с полком и служу. А ты не собираешься ли мне навредить?

– Э! Зачем? Живи сто лет, – тоже по-адыгейски ответил Даримок, а потом перешел на русский:

– О, какая у тебя важная медаль. За что же тебе дали ее?

В разговор вмешался сержант:

– Не медаль, а орден бы ему надо, да у полковника не было ордена. Ну да за ним задача не станет. Будет еще и орден.

Смутился Трам, покраснел.

– Эй, хватит тебе, ей-богу! Ну провел через перевал и все! Что ж тут такого. Почему не перевести, если все тропинки знаешь, как свои ладони. Перевел и все тут. Полковник – добрый человек. Вы – добрые люди. Вот и получилось...

– Получилось, получилось, – передразнил Трама сержант, – а у друга спросил бы лучше, может, голоден он? А? Так не стесняйся, присаживайся.

Сел Аслан.

Война есть война – ничем она не балует, ни добротой, ни харчами, ни тишиной, так что уж не отказывайся, если приглашают.

Подкрепились солдаты, закурили махорочки и вышли на улицу, собираясь в обратный путь.

У машины Трам спросил:

– Давно ты сюда пришел?

– Нет. Ночью. Едва ушел от фашистов проклятых, едва ноги унес. Как удалось под самым носом у них пройти, сам до сих пор не пойму.

– Что же будешь делать дальше?

– Завтра пойду в военкомат. Доложу, а там уж – куда направят.

– Э, зачем тебе военкомат?! – выпалил Трам. – Пойдем к нам в полк. Хороший полк, ребята хорошие. А командир знаешь какой! Джигит. Настоящий джигит.

– Не знаю, честное слово, не знаю, как и быть.

Трам рассказал сержанту коротко о своем друге Аслане. Может, его тоже взять во взвод разведки? Ведь он кавказец. Дороги знает, горы знает. С местными людьми поговорить умеет. Он лейтенантом в милиции служил. Документы у него есть. Вот как полковник к этому отнесется?

Сержант подумал и рассудил:

– А чо полковнику-то? Хороший человек – войску прибыль. Айда, парень, с нами. Все будет в аккурате.

Аслан решил. Сел в машину, устроился между мешков и подумал: «Ей-богу, этот Трам в рубашке родился. Не успел в полк попасть, уже у него медаль, уже у него полно друзей. Везет же человеку».

Обрадовался Трам встрече с Асланом, а потом затревожился. Конечно, ему он ничего особенного не сделает, Трам ведь все сам рассказал полковнику, ничего не скрыл от него... Полковнику. А если кому другому? Пусть и другому: «Правда-то на моей стороне». Тут, пожалуй, нет ничего плохого для Трама. В другом загвоздка.

Сима и Мурадин считают, что Аскер, Зубер Самогов погибли по вине Аслана. Ничего другого и слышать не хотят. Что поделаешь с ними? Уж такова молодость – прямая, стремительная и беспощадная, как стрела. Трам, конечно, думает иначе. Просто так сложилась жизнь, война так скомандовала – бывает иногда, что она открывает огонь и по своим. Бывает... Не надо бы обо всем этом говорить в полку – сейчас нужно воевать и все. Мурадин как-то сказал Траму:

– Ты при Симе лучше не заговаривай об Аслане. Ты видишь, как услышит она его имя, ей становится плохо. Сима не может простить ему смерти Зубера с Аскером, и как она напугалась, чуть с ума не сошла.

Осекся Мурадин, понял, что не надо этого говорить. Трам вспомнил, как кричала Сима в то утро, вспомнил ее испуганную до полусмерти.

И вот теперь Трам вез в полк Аслана. Там он сегодня же встретится с Симой, с Мурадином. Узнает о гибели Аскера, Самогова. Сегодня он увидит ненависть своей родной сестры.

30

Все-таки удивительно устроены люди. Иной такую в себе силу чувствует, что, кажется, гору может перевернуть, такая радость и любовь у него ко всему! А в другой раз у того же человека не хватает сил собственные ноги представлять, от любви и радости даже следа не осталось. Э, и если бы в этом были виноваты только болезни и старость?! Чаше они совсем не виноваты, в другом дело – как люди друг к другу относятся. Каждому человеку только человек может дать радость или печаль, любовь или ненависть, может прибавить силы или отобрать последнюю. И чего уж, кажется, проще – дарите друг другу только любовь, радость, дарите добро. Э-гей, в том-то и дело, что только кажется. Делать добро не так уж легко и просто. Оттого-то и сплетаются в тугие петли тропинки людей, путаются так, что не всегда силы хватает распутать их.

Вот взять хотя бы Трама Таусова и Аслана Дари-мока. Сколько между ними было хорошего и плохого. Столько было, что не найдешь таких весов, на которых можно было бы все взвесить. Бывали случаи, когда счастье одного брало верх над счастьем другого, потом случалось обратное, а то и оба попадали в такие переплеты, что и врагу не пожелаешь. А сколько раз они сходились, как говорят, лоб в лоб, но что бы ни случилось между ними, как бы они ни поднимали друг на друга руку, всегда давала себя знать их дружба. Наверно, правильно говорят: старый друг не может быть старым и заклятым врагом. В самые тяжелые минуты дружба становилась между ними. Дружба и молоко матери.

Даже когда они были готовы перехватить один другому горло, она расслабляла их пальцы. Однако она бессильна была примирить их раз и навсегда. У каждого из них был свой берег, который он не хотел покидать, потому что считал своим, единственным, настоящим. Поступая так или иначе, и Аслан, и Трам считали себя правыми. Но что делать, если каждый из них со своего берега видел жизнь иною.

А вот теперь они шли рядом.

Приехали они в расположение полка, и Трам повел Аслана к командиру, к полковнику Багрову.

Не дошли они до землянки, как из нее показался сам Багров. Увидел его Аслан и оробел. Застегнул пуговицы рубашки, кепку поправил.

Остановились в ожидании. Полковник понял, к нему Таусов. Тоже придержал шаг.

Трам обратился к полковнику, ловко взяв под козырек. Даже позавидовал Аслан военной выправке друга: «Подумать только, как у него все ладится. В рубашке, в рубашке родился».

– За человека этого хочу вас попросить, товарищ полковник. В милиции служил лейтенантом, а теперь остался без дела.

– Безработным, – улыбнулся полковник, – только у нас-то лейтенантские места все заняты.

– Какой же я лейтенант, – приободрился Аслан, – рядовым пойду, если возьмете.

Посмотрел полковник документы Аслана, порасспросил о семье, о родном ауле. Согласился:

– Возьмем. Но куда же мы тебя определим?

– Если можно, к нам в разведку, – предложил Трам, – пригодится такой человек.

– И то правда. Пригодится. Передай, Таусов, взводу, что я согласен.

Друзья направились во взвод. Впереди шел Трам, не отставал от него и Аслан. Трам было приятно, что так легко все уладилось, что помог он своему другу, потому шел и улыбался, весело здоровался со своими знакомыми.

А у Даримока было немного тревожно на душе, как бывает у каждого, когда он приходит в новый мир, к новым людям. Волновался и оттого, что Трам о нем заботился, делал доброе дело. Надо бы сказать ему слова благодарности или...

Не ждал Трам ни благодарности от друга, ни того, чтобы он заговорил первым. Нет. Просто ему было хорошо. Хорошо от сделанного доброго дела. Раза два взглянул на Аслана – как он себя чувствует? Ничего. Взглянул, и почему-то вспомнилось, как они в детстве баловались в реке, мерялись силами. Кто быстрее, кто кого мог «утопить», кто дальше мог нырнуть. И если Аслану не удавалось одолеть Трам, он сильно сердился. Случалось, даже с кулаками бросался на своего победителя. А однажды так обиделся, что даже разревелся. Вспомнилось это Трам, и он засмеялся.

Аслан глянул на него тревожно:

– Чего ты смеешься?

– Так. Просто так.

Аслан сверкнул глазами:

– Врешь! Надо мной смеешься.

– Э, что ты такое говоришь, Аслан. Зачем мне смеяться над тобой? И почему я должен смеяться?

– Потому! Ведь все у нас получилось не так, как я хотел, а как ты. Вот ты и посмеиваешься.

– Эх, Аслан, грех тебе такое на меня наговаривать. Видит Аллах, неправду ты говоришь.

– Правду!.. Когда я согласился тебя из абреков выловить, думал, на правильную дорогу выведу, а получается... Ты меня выводешь.

– А-а, ты вот о чем. Постой, Аслан. Пойдем под дерево в тень. Посидим на скамейке. Кое о чем нам нужно договориться. Видно, без этого не обойдешься, хотя мне очень не хотелось.

Сели. Помолчали. Заговорил Трам.

– Если мы начнем вспоминать старое, начнем ворошить его, то нам с тобой опять придется пройти той тропинкой с начала до конца. Давай мы ее сегодня обрубим,

ту тропинку. Я знаю, в каком месте ее обрубить, и ты знаешь. Обрубим и все. Другого выхода нет ни у тебя, ни у меня. Много мы разного на той тропинке напутали, но что сделаешь? Если бы дорога у каждого человека была бы такой простой и понятной, как дорожка во дворе от дома до калитки, люди не стали бы жить, они бы умерли от тоски. Не только плохое было у нас с тобой. Много и хорошего было. От той тропинки давай в нашей памяти только и оставим то, что помогало нам быть людьми. Если ты не согласен со мной, если не сможешь поступить так, то лучше сегодня же разойтись в разные стороны. Еще не поздно. Сегодня не поздно, а завтра уже может быть и поздно.

Замолчал Трам и ждал.

По своему обыкновению хотел Аслан сказать Трам, что все будет так, нечего тут и сомневаться.

Хотел сказать, да не получилось.

– Не знаю, Трам, как тут и быть. Если скажу, что согласен с тобою и обрублю тропинку, забуду ее, будет ли это правдой? Виновен я перед тобой? По-твоему, должно быть, виновен. Но ведь я выполнял приказ. А времени у нас всегда бывало так мало – некогда размышлять. Сам понимаешь – оперативная работа. Мне надо обрубить нашу тропинку. Постараюсь обрубить. Лишь бы хватило силы.

– Говорят, чтобы сделать дело, сначала надо надеяться на его успех. Будем надеяться, Аслан. И еще тебе должен сказать: колесо, хотя и круглое, но спицы по очереди касаются земли, а не все сразу...

Разговор вроде бы смягчился. Друзья будто бы поняли, что на земле для них нет другой тропинки, кроме мирной, братской. Ну и заговорили о том о сем. Вспомнили родной аул, вспомнили своих жен, детей. Как там они сейчас под проклятыми фашистами?

Говорили они обо всех этих семейных делах, а у Трам билась тревожная мысль: как рассказать Аслану, что Сима и Мурадин находятся здесь? Тревожился, вдруг Сима сейчас придет? Она, случается, приходит к нему раза два

в день. Прибегает из медсанбата посидеть с Трам, поговорить с ним – скучает без него. Без родного человека. Однако Трама больше тревожила встреча Аслана с Мурадином. Этот горячий мальчишка может и броситься на него. Броситься и у всех на глазах опозорить себя, Трама, Аслана. Надо бы увидеться с парнем, поговорить хорошенько, объяснить, а уж потом пусть встречаются. Но как это сделать, как оставить Аслана одного? Сказать Аслану, что надо сбежать на минутку в штаб? Правильно, пускай посидит или приляжет.

– Если тебе надо в штаб, иди. А я посижу на улице, около землянки, и покурю.

Вышли они.

А им навстречу Сима.

– Сестра?! – воскликнул Аслан. – Ты здесь? Почему же ты не сказал мне об этом, негодный Трам? Здравствуй, сестра.

Аслан бросился к ней, хотел обнять, но она подняла перед ним ладони и прошла мимо, к Трам.

Задрожали у нее губы, подбородок. Заблестели слезами глаза. Щеки стали бледными.

Трам показалось что она вот-вот упадет, и он взял ее за плечи. Почувствовал дрожь ее тела. Это даже было не дрожь – Сима билась в его руках, как испуганная птица.

Трам подал Аслану знак рукой, мол, уйди, лучше тебе уйти. Но тот будто не верил тому, что произошло, не верил своим глазам. Подумал, возможно, ошибка какая или еще что?

Едва выдавил Аслан из себя слова:

– Сима, разве ты не узнала меня? Своего брата?

– Как не узнать? Узнала... Здравствуй, Трам. Не заболел ли ты? Почему вчера ко мне не приходил и сегодня?

– Спасибо, Сима. Здоров я. Но почему ты своего брата не узнаешь? Почему не здороваешься с ним?

Если бы такое произошло в Заурхабле или в другом адыгейском ауле, то все осудили бы Симу. Нет на земле большего позора, чем неуважение к старшему. Кто не почитает старших, тот сам не достоин почитания. Презре-

ния достоин. А если же такое случилось с женщиной!.. Трам твердо сказал Сима:

– Подойди и поздоровайся с Асланом.

– Есть на свете люди, у которых нет братьев. Я одна из тех людей. Нет у меня брата.

– Замолчи, Сима! Как ты смеешь!.. И пойми, сестра моя, мы не на свадьбе, а на войне.

– Трам, не сердись на меня, – умоляя, сказала Сима, – конечно, мы на войне.

Да, конечно, если бы это произошло в Заурхабле, пусть даже на центральной площади, среди бела дня, Аслан отхлестал бы по щекам эту девчонку и заставил бы говорить с ним уважительно, но... она права – здесь война, большая война, у которой свои законы, здесь не Заурхабль. И дело, наверно, все-таки было не только в этом, а в другом:

Аслан понимал, что у него нет права обвинять, есть только право защищаться.

Аслан сказал:

– Тебе не стыдно, Сима?

Она обернулась к нему. Не билось уже в гневе ее сердце, не дрожали губы.

– Разве это мне должно быть стыдно, мой брат, а не тебе? Не тебе, который старше меня, который был для меня самым дорогим, самым... Я могу тебе простить свои страдания, ты можешь договориться с Траммом, но погибший из-за твоего упрямства и дурацкой подозрительности Зубер, убитый немцами наш Аскер... они никогда не смогут тебя простить.

Сима резко повернулась и ушла.

Аслану казалось, будто его оглушили ударом по голове.

– Пойдем, Аслан, пойдем посидим, – сказал Трам.

На скамейке, врытой под вербой, Аслан спросил:

– Что она говорила о Самогове и Аскере? Разве они погибли? Как?

Трам рассказал ему.

– Но скажи, Трам, разве я виноват, что у Зубера не было документов?

– В этом не виноват. Ладно, не будем об этом. Мы же договорились, что обрубим эту тропинку.

– Обрубим. Я тебе даю честное слово – обрубим, но я должен сказать тебе. Не мерзавец же я... хотел, как лучше. Разве я виноват, что ребята не послушались и не пошли к пасечнику и потом напоролась на немцев? Скажи, виноват?!

– Виноват... Наверно, виноват.

– Э-э, Трам, видишь, как легко валить вину на одни плечи. Как просто сбить с ног человека, падающего под тяжелой ношей. Но скажи, разве не стыдно? Ведь я им велел идти к пасечнику, а они ослушались и поплатились за самовольство. Их надо строго наказать, а они... а Сима... и ты, Трам, тоже с ними заодно. Мы всегда ищем крайнего, ищем того, кто споткнулся, и тогда все в порядке. Тогда легко. Что ж, валите на меня. Валите. Я крепкий. Не свалите, не упаду.

– Зачем ты так, Аслан? Не надо. Я сказал, ты виноват. Сказал – наверно. Не судья я тебе. Сам я в жизни тоже много напутал.

– Может быть, мне лучше уйти из вашего полка? Как ты думаешь, Трам? Только скажи мне, пожалуйста, как тебе сердце велит. Если еще узнают о смерти Зубера Самогова... Скажи мне доброе слово совета. Как ты скажешь, так я поступлю.

– Думаю, тебе не надо уходить, Аслан. Труднее будет с нами, но лучше. Ей-богу, лучше. Уж такая она, жизнь. Такая. Правду говорят старики: сделал добро – молчи, сделал зло – всем расскажи. Пусть все видят и знают о твоём зле, только тогда ты не сделаешь его в другой раз. Ты не станешь его делать. Не сможешь.

– Правда твоя... Мне бы теперь только с Мурадином поговорить.

Все трое жили в одной землянке. Вместе ходили на учения, за одним столом под вербой завтракали, обедали.

Все у них шло добром. Трам был внимателен и даже радужен к своему старому другу, понимал его беду и всячески старался ее смягчить.

Мурадин не высказывал неприязни к Аслану, не чуждался его, но и сердечности между ними, какая была раньше, не стало.

Хуже обстояло дело с Симой. Она по-прежнему не хотела даже здороваться с братом, не то что разговаривать с ним. Если встречалась с ним, отворачивалась или смотрела на него так, будто не видела его, будто сквозь него смотрела. Раньше она бывала частой гостьей у Трама и Мурадина, теперь словно забыла тропинку к их землянке. Если случалось, ей понадобится что-нибудь, она присылала к землякам свою подругу Лену.

Обидно было Аслану и больно. Раза два пытался заговорить с нею, но бесполезно, она проходила мимо. Послал к Симе Мурадина и велел сказать ей, что брат ее тяжело заболел – у него высокая температура, он часто теряет сознание.

То ли Мурадин не сказал Симе правды, то ли сказал как-то не так, только Сима не пришла в землянку и на этот раз.

Не выдержал Аслан, спросил у Трама:

– Не знаю, ей-богу, как мне быть с Симой. Я единственный у нее брат. Скоро пойдем на фронт, и никто нам не скажет, вернемся ли мы домой. Останемся ли живыми? Разве бывает такое, чтобы родного брата не признавать?

– Как видишь, бывает.

– Эй, Трам, ты почему говоришь так, будто не одну грудь мы сосали втроем?! Почему?!

– Не горячись, Аслан... Что я могу сделать, чем могу помочь тебе?

– Ей-богу, не знаю. Наши аульские законы не годятся здесь. Совсем не годятся.

Сердился Аслан. Сердился на Симу, на Мурадина, на Трама. Сердился, но сдерживал себя в разговоре с Трамом.

Оттого что не мог говорить во весь голос, не мог по-мужски открыть своего рта, у него даже начинали болеть скулы.

– Знаешь, Трам, знаешь, чего она может натворить, эта глупая и несдержанная девчонка? Может, нас с тобой впутать в такую историю, что нам ее до смерти не расхлебать. Хорошо, если она еще этого не сделала. Но кто знает, сделала или нет?

– О чем ты говоришь? Я не понимаю.

– Ты уже забыл, как она грозила мне, когда разговаривала первый раз? Грозила Зубером Самоговым.

– Не надо так плохо думать о Симе. Я тебя прошу об этом.

– Эй, Трам, не прикидывайся! Ты же видишь, какая она злая! И смотри, отвечать нам придется за это с тобой вдвоем. Если бы не убежал от меня ты, не было бы этой путаницы.

– Замолчи, Аслан! Ты же обещал не возвращаться на старую тропинку. Будь мужчиной. Если мне не веришь, поверь хотя бы своей родной сестре.

– Э, поверь, поверь. Когда случится беда, поздно уже будет тогда руками разводить.

Трам не выдержал, вскипел.

– Несчастный ты человек, Аслан. Совсем несчастный. Чем тебе помочь? Я не знаю.

– Давно тебе надо бы поговорить с ними. Они тебя лучше понимают в этой трудной для меня обстановке. Ты должен им объяснить, что не только на мне лежит вина. И на них самих, на тебе. На войне большая вина.

– Говорил я. Сима пока за своей большой болью не может ничего видеть. Не может. Ей надо время. Нужна тишина. Ну, а Мурадин, он просто с нею. Он – как Сима. Конечно, я поговорю еще раз, но и тебе, и мне надо быть терпеливей. Ведь мы мужчины, мы старше их.

Сказал это Трам и пошел к ребятам, к взводу. Там было весело. Стоял хохот. Видно, сержант Кратов рассказывал анекдоты.

С самого утра шел по-летнему теплый и крупный дождь. Он стучал по листьям деревьев, шуршал в пожелтевшей траве на полянках.

Далекое море совсем скрылось в темных тучах.

По горным лесистым склонам торопливо бежали белые, казалось, теплые, как парное молоко, облака.

Разведзвод собрался в самой большой землянке. Пришел туда и полковник Багров. Снял он вымокшую под дождем накидку, снял фуражку и обратился к разведчикам:

– Те из вас, кто пришел к нам в полк, не знают, а коренные наши солдаты и офицеры хорошо помнят Зубера Самогова. Еще по ту сторону перевала, когда наш полк был в окружении врагов, Зубер Самогов и Петр Семенов ушли в разведку и не вернулись. Мы послали родителям сообщения, что их сыновья пропали без вести. Недавно я узнал подробности гибели Зубера Самогова... Сейчас вам расскажет об этом очевидец.

Встал Мурадин, вышел к столу.

Аслана бросило в пот.

«Вот как решил Трам расправиться со мной!»

Конечно, не рассказал Мурадин о гибели Петра Семенова, потому что и не знал, как то случилось. Ничего он не сказал о Трам и обо всем, что было связано с ним. Рассказал только, как они с Симой и Аскером увидели машину с фашистами на дороге, а потом услышали перестрелку и бросились туда...

Потом встал Трам, он сказал, что Зубер Самогов был человеком храбрым. Не побоялся вступить в бой с десятком фашистов, одного ранил и троих убил. На карте командира полка показал место, где похоронили они двух адыгов. В тот же вечер Аслан вытащил Трама из землянки:

– Пойдем, надо поговорить.

По-прежнему шел дождь крупный и спорый. Он гулко стучал по брезенту накидок Аслана и Трама.

Темно и тихо. Только шум дождя, который тоже был частью тишины – тягучей и дремотной.

Трам догадывался, куда и зачем вел его Аслан, знал, о чем тот будет говорить с ним, и ждал. Ждал нетерпеливо, досадливо. А тот все шел и шел впереди, в кромешную темень и шелестящую тишину.

Остановились.

– Заставили тебя, что ли, рассказать о Самогове? – мрачно спросил Аслан.

Не видно в темноте глаз его, лица – только расплывчатый силуэт головы, плеч в плащ-накидке. И слова – глухие, чем-то похожие на эту слякотливую, непроглядную темень.

– Заставила совесть моя, – тихо ответил Трам.

– Так это ты начал или Мурадин?

– Я.

– Зачем?!

– Я же сказал – совесть заставила... и ты.

– Как это я? – почти шепотом спросил Аслан.

– Натолкнул меня, что подло мы поступаем, скрывая гибель Семенова и Самогова. Из-за нас, возможно, товарищи считали их предателями, из-за нас родители могли не узнать, как погибли их дети.

– О моей вине тоже рассказал?

– Нет. Я же сказал – не виноват ты. Мы с Мурадином решили, что о себе пусть каждый расскажет сам. Так будет легче всем.

– Кому всем?

– Всем. Другого слова не знаю.

– Значит, решили меня погубить. Я видел, как шепчется Мурадин с Симой. Конечно, вас трое, я – один. Сговорились!

– Говори потише. Никто не сговаривался. Пока сам не скажешь, никто из нас слова не уронит... А Мурадин с Симой шепчутся, э-э, кто в их годы не шептался.

– Сам, говоришь... Хорошо. Я расскажу сам. И о себе, и о тебе. Все расскажу в Особом отделе.

– Обо мне можешь не говорить, я сам рассказал. Все. Совершенно все.

– Врешь!

– Аслан, если ты оскорбишь меня еще один раз, я тебе этого не прощу. Говори, что хочешь, но не оскорбляй. Клянусь молоком матери, я рассказал им все. Все до нитки! Тебе ничего не оставил...

А на другой поляне под старым дубом стояли Сима и Мурадин.

– Завтра я уезжаю в Тбилиси, Сима...

– Ты уже говорил об этом. Для этого позвал сюда под дождь, чтобы еще раз сказать? Или попрощаться?

Сима, конечно, догадывалась, зачем позвал ее в темноту, под дождь Мурадин. Догадывалась и потому была напряжена и строга. Правда, она всегда бывала строгой и с Мурадином, и с покойным Аскером. «С этими мальчишками всегда надо быть построже, а то у них глаза вон как горят, будто угли. Только обойдись с ними попроще, и потом они такое возомнят, такое себе в голову возьмут, что беды не оберешься».

– И долго ты намерен меня здесь держать? Пока дождь не кончится или пока не промокну до нитки? Говори же, не молчи.

– Мы с тобой сегодня видимся в последний раз. Долго потом не увидимся и... война.

– Спасибо за новость! Дальше.

– Ты помнишь, мы давно... Аскер, ты и я пообещали друг другу жить всегда дружно и быть братьями и сестрами... сестрой.

– Как же не помнить? Помню. Ты был всегда мне хорошим братом – я этого никогда не забуду. Спасибо тебе.

– Но я уже не могу быть больше только братом, понимаешь... я...

– Кем же ты еще хочешь быть, несчастный?

– Мои чувства...

– Оставь свои чувства в покое. Ты мне брат. Настоящий, добрый и единственный. На прощанье я тебя обниму как брата. До свиданья. Пиши мне.

Шумел проливной дождь...

32

Осень стояла сухая и веселая, будто и не было нигде войны. Под ярким голубым небом горело далекое море. Полыхал разноцветными кострами лес на горах.

Начинался листопад. И потому что не было дождей и ветров, листья падали на землю лениво.

Ближе к Туапсе придвинулся фронт. В утренней и вечерней тишине хорошо была слышна артиллерийская канонада. Случалось, совсем близко рвались дальнобойные снаряды – вздрагивали деревья, и тогда дождем сыпались листья.

На ближние селения налетали фашистские самолеты – бомбили, обстреливали из пулеметов.

Теперь уж и учения, и вся жизнь полка были совсем близки к фронтовым. Будто полк стоял во втором эшелоне.

Солдаты лучше замаскировали ветками свои землянки. Старались меньше ходить по полянам, меньше блеснуть винтовками и биноклями. Походные кухни топились только затемно.

Занятия у разведчиков шли своим чередом. Учились ориентироваться в лесу, в горах, ходить по компасу, взбираться по скалам. Учились снимать часовых. Приемам самбо учил разведчиков Аслан. Ловкий и сильный, хороший тренер, он пришелся разведчикам по душе. Пришелся по душе еще и потому, что к нему с уважением относился Трам Таусов, которого уважали все во взводе.

Как-то в свободное время под вечер разведчики сидели на громадном обомшелом валуне под «своим» грецким орехом – деревом, под которым мог бы свободно уместиться добрый пятистенный дом. Разведчики его считали своим, потому что первыми нашли его.

Солнце уже угасло, готовясь окунуться в море. И горы, и море, и небо были подернуты первым золотом вечерней зари, еще ослепительным и жарким.

Совсем недалеко били тяжелые пушки.

Трам, сам того не замечая, запел старинную адыгейскую песню о Магомете Коджебардоке. Тихонько, будто про себя, запел с закрытыми глазами:

У Туапсе гром войны гремит,
В долине Жибгу кровь течет...

В песне рассказывалось о тех временах, когда шла война на Кавказе. Рассказывалось, как храбро дрались и умирали в этих местах адыги, защищая свою землю и свободу. Не выстояли адыги. Многим пришлось умереть на берегу, а многие переплыли море, ушли с родной земли. Камни, что лежат на берегу у Туапсе, – это окаменевшие головы погибших адыгов, а когда стонет море, – это стонут погребенные под водой адыги, а в вечернюю зарю их алой кровью пылает вода...

И разведчики сами того не заметили, как притихли и до конца прослушали песню, слов которой не понимали.

С особым вниманием слушал сержант Порфирий Кратов.

Умолк Трам, и Порфирий сказал:

– Старинную ты песню спел. Славную песню. Военная песня. Должно быть, про большое людское горе рассказывает.

– Но как ты об этом узнал? – теперь уж удивился Трам.

– Так ведь Порфирий по-адыгейски только говорить не умеет, а понимать все понимает, – смеясь, сказал Василек, рыжий смешливый и славный парень, – он в Рязани научился.

К Аслану подсел Василек:

– Ты что, парень, как будто приуныл? Ай песня тебя растрогала?

– И песня тоже.

– А что же еще?

– Да ничего, Василек. Просто так.

– Зря ты, Аслан, скрытный. Право слово, зря. Труднее так жить-то. Будь веселее! Запевай-ка, братва, нашу русскую! Да которая повеселее чтобы!..

Возвращались с занятий, когда солнце совсем скрылось за морем и в месте заката пылала вода, будто горн земной кузницы.

Трам и Аслан шли сзади всех, негромко разговаривали.

– Ты заметил, как Василек ко мне хорошо относится? – спросил Даримок.

– Ласковый парень.

– Ласковый... Чужой, а видит, что у меня нехорошо на душе, чувствует мою тоску и хочется ему помочь мне. Чужой человек, а ищет меня. Сима же, единственная моя родная сестра, избегает. Знать не хочет. Разве мне от этого не больно?

– Знаю, больно.

– Не дай бог, случится со мной что-нибудь, не придет она закрыть глаза мои, оплакивать не станет смерти моей.

– Ай, Аслан, перестань так говорить. Разве ты можешь знать, что у нее в сердце?

– По Мурадину тоскует, а не по мне, – сказал Аслан, помолчал и потом обеспокоенно спросил: – А он что, этот поганец, разве не пишет ей?! А?

– Не знаю.

– Ты бы у нее как-нибудь тихонько узнал. Напиши ему, хорошенько отчитай его: почему не посылает мне привета? Или он думает возвращаться в Заурхабль после войны?

Трам подумал, хоть Мурадин и не передавал приветов Аслану, надо было бы как-то ему самому передавать, мол, кланяется тебе Мурадин. Неправда была бы небольшая, но во имя добра. Нехорошо, вот уж нехорошо получилось. Ну ладно, Трам в другой раз так и сделает. Тут ничего трудного нет, а вот вторая задача – потруднее, как ее решить? Какая девушка скажет мужчине о своей переписке с парнем?

Завтра на фронт.

Завтра драться.

Солдатам уже выдали неприкосновенный запас продуктов, выдали полные боекомплекты патронов, гранаты.

Уже не требует взводный, чтобы играли отбой, чтобы все разошлись по своим землянкам и «отходили ко сну».

Над морем, над головой у солдат небо чистое. Черное, в крупных немигающих звездах. Только на западе, над холмами, – тучи.

Где-то в темноте играл на баяне Кратов. Ему подпевали разведчики.

Трам лежал у землянки на разостланной шинели. Лежал на спине, смотрел в небо.

К нему подсел Аслан:

– Отдыхаешь, Трам?

Скользнула по небу звездочка и рассыпалась в искры. Погасли искры, а Трамму все виделись горящими, хотя он и закрыл глаза.

– Чего ты молчишь? Отдыхаешь, спрашиваю.

– А что я тебе скажу... Слышишь, как там гудит?

– Слышу.

– Ухом к земле приляг. Как она стонет, наша земля, – сердцу становится больно.

– Завтра и мы там будем... Страшно тебе, Трам?

– Я не знаю, не об этом думаю. За перевалом наш аул. Наш маленький Пшаде.

– Твой и мой. Наш.

– Если нам удастся сбить немцев с перевала, то до него, Аслан, останется один день ходьбы, а на машине можно доехать за два часа. Как ты думаешь, выбьем мы немцев? Неужели не выбьем – ведь это же наши горы. Посылал я Курине письмо. Отсюда, из полка, посылал. Знаю, не получила она его. А хорошо, если б дома знали, что я в армии. Ждали бы меня.

– Конечно, хорошо. Еще лучше, если б об этом знали во всем ауле, в Заурхабле.

– Ты же видел моего сына. Моего лохматого Мурата.

– Видел двух твоих сыновей.

– Э! Того, который еще в люльке, знает только мать.

Отец узнает потом, когда первый раз посадит на коня... Старший мой – уже мужчина. Бывало, приду ночью, только порог переступлю, а он уже проснулся. Слышал меня, как и Курина. Однажды он спросил, почему я не на фронте. Эх, Аслан, и какие у него были глаза!

– Не надо думать об этом, нам ведь завтра на фронт. Не надо делать свои мысли тяжелыми, а сердце больным. Солдату это может только помешать.

– Думаешь, я этого хочу. Просто не могу. Со вчерашнего дня он у меня не выходит из головы... Вчера ему пошел пятнадцатый год.

– Э-гей, вон в чем дело! – весело воскликнул Аслан. – Пятнадцатый пошел. Мужчина!.. Неужели уже прошло столько лет с того дня, как мы привезли к тебе Курину? А помнишь, парни колесо украли, сняли с нашей повозки? А потом киззяками ее нагрузили? Эй, веселое время было. Неужели пятнадцать лет прошло?

Трамму тоже стало весело. Он пошутил:

– Ты сомневаешься, что пятнадцать? Уж не думаешь ли, что, когда ты привез Курину, она была в положении?

– А теперь разве узнаешь?

Расхохотались друзья. Значит, отлегло у них от сердца, значит, приехала всегда желанная на войне минута облегчения.

Вспомнилась юность, вспомнились добрые годы, и они долго еще разговаривали о той дружбе, которая хранила их обоих до сего времени, как бы круто не схлестывались их судьбы.

Друзья уже собрались идти спать, и Аслан, будто невзначай, спросил:

– Ты не знаешь, что случилось с нашим сержантом? Он стал таким веселым. Слышишь, как на баяне играет, слышишь, как весело подпевает?

– Порфир?

– Да, Порфирий.

– Хороший человек, потому и веселый. Разве ты когда-нибудь видел веселую сволочь?.. Порфир сказал – не сердись, что я убил твою лошадь. Сказал, кончится война, он купит самого лучшего коня и из Рязани приедет ко мне в гости.

– Я бы на твоём месте не взял того коня.

– Почему?

– Э! Какой это будет конь, если он на нём будет ехать из Рязани до самого Пшаде? Две тысячи километров.

– Ничего ты, оказывается, не понимаешь в лошадях. Если конь может одолеть такой путь, – это настоящий конь.

Пододвинулся Аслан поближе к Трам и таинственно спросил:

– Ты сделал Порфирию, что обещал?

Трам прикинулся, будто он не понимает, о чём речь:

– Что я ему обещал?

– Тебе это лучше знать.

– Ей-богу, Аслан, странный ты человек: всегда задашь такой вопрос, на который не знаешь, как ответить.

– Э-э, знаешь. Я видел у Порфирия ладанку. У тебя тоже такая. Это ты ему сделал?

– Тебе зачем это знать? Если ты не веришь, если смеешься, почему об этом спрашиваешь?

– Думаю, если ты дал ему ладанку, думаю, если он поверил в нее, ей-богу, может погибнуть как-нибудь глупо. Будет лезть кругом поперек дороги, будет думать, если пуля не возьмет, зачем ее бояться.

– Неужели ты думаешь, Порфир такой глупый человек?

– Значит, ты дал ему?

Насторожился Трам. Зачем допытывается Аслан? Еще возьмет и навредит как-нибудь Порфирию. Скажет замполиту, а тот начнет сержанта «воспитывать», еще опозорит человека перед разведчиками. А как с опозоренным командиром идти в разведку? А потом и до него, до Трама, могут добраться. Скажут, зачем распространяешь эти религиозные штучки? Да если бы Трам был рядовым,

а то все-таки командир отделения. У него в отделении трое комсомольцев. Василек первым станет смеяться, если узнает. Нехорошо это. Очень плохо. «На старую тропу не возвращается Аслан, новую выдумал. Ай плохо! Завтра в бой вместе идем, а он такое! Э! А может, он и себе хочет такую ладанку?»»

Все эти свои сомнения Трам прямо и высказал Аслану. Тот замахал руками, забожился:

– Разве можно такое зло человеку сделать, если с ним завтра на смерть пойдешь? Ей-богу, Трам, ты с ума сошел... И мне ничего не надо. Я не верю в эти... Хотел только сказать, чтобы другие не заметили. Не надо. Предупредить хотел. Если я сделаю дурное ему или тебе – белого света мне не видать, земли родной не видать! Хватит об этом. Пойдем туда, где поют.

– Я хочу посидеть один. На звезды посмотреть, немножко подумать.

– Тогда я пойду.

Трам придержал его:

– Не уходи от меня далеко...

– Почему так говоришь?

– Лучше, когда вместе. Легче, если земляк, друг рядом.

– Ты об этом?

Хотел еще сказать, мол, на ладанку не надеешься, но сдержался, не захотел обижать Трама. Положил ему руку на плечо, так положил, как уже много-много лет не клал, по-братски положил, услышал ладонью тепло плеча, дал ему тепло своей руки:

– Конечно, будем вместе. Куда же я от тебя денусь?

Пошел Аслан.

Трам посмотрел ему вслед: «Спокойно на душе у моего молочного брата. На Симу меньше злится. Понял, что любовь сестры не вернешь своим крутым словом».

Вспомнил Симу – Мурадин вспомнился. Вчера получил от него письмо. Пишет, учится хорошо. Избрали его комсоргом. В конце письма просит передать привет Аслану и Симе.

Смеется Грам: передал он Аслану один привет, которого не было, передал второй. Аслан попросил передать ответный привет Мурадину – так и пошло.

«Хитрый. Хитрость сделал я не во зло, а в добро. Кто меня за это осудит?»

34

Когда по вечерам смотрел Грам со стороны Туапсе на яростное фронтовое зарево, когда слушал канонаду, думал, что на фронте день и ночь дерутся солдаты: стреляют друг в друга из автоматов, пулеметов, ходят в атаки, а разведчики чуть ли не каждый день добывают вражеского «языка». Когда шла от Туапсе боевыми порядками дивизия, в состав которой входил и полк Багрова, с пушками, минометами, хорошо обученная, думал Грам, навалится она на фашистов и погонит через перевал, по холмам и степям, к Ростову... Но вот уже две недели они находились на фронте, а Граму не удалось еще увидеть ни одного фашиста. Не похоже было, чтобы собирались идти в наступление.

Полк занял позиции в самом начале узкого и каменистого ущелья. Если перейти быструю речушку, перейти через нее, будто зажженные со дна бирюзовым пламенем, воды, на той стороне – немцы. Это недалеко, совсем рядом – человека можно узнать по походке, ворону, сидящую на кусту, увидеть.

Но не видно врага, как и не видно врагу наших, потому что и те и другие успели так спрятаться в каменистую землю, что узкое ущелье кажется совершенно пустынным. Только изредка раздавались винтовочные выстрелы с той и другой стороны – снайперы промышляли.

Над речкой – отвесные скалы, на их уступчиках и карнизах примостились елочки, березки, а над ними, еще выше, – могучие леса.

Ни с той стороны, ни с другой – не обойдешь ущелья, а значит, и не пройдешь к морю. Дорогу к нему наши войска перекрыли.

«Э-э-э, ей-богу, – думал Грам, – если немцам нужно море, почему они не хотят идти к нему? Если мы хотим их прогнать, почему стоим?.. Порфир достал себе губную гармошку и теперь наявливает на ней целыми днями. Эй! ей-богу, нечего нам больше делать!» Подумал так, а вслух зло сказал:

– Чего они, проклятые фрицы, молчат?! Пускай идут к морю. Перестань ты играть, Порфир! Лучше бы сказал, почему сидим, почему они сидят?

Огромный, неуклюжестью и силой схожий с карагачем, Кратов перестал играть, сонно улыбнулся Граму, устроился в расщелине поудобней и мирно ответил:

– Не торопись, адыг. Терпение на войне, брат, – тоже оружие. У кого нервы крепче, тот и победит... Мы все отступали. Теперь надо силы скопить, чтоб уж ударить наверняка.

Разведвзвод устроился за огромным камнем, величиной с хорошую копну. Видно, когда-то камень был наверху, на скалах, а потом как-то свалился и, грохнувшись, застрял на обрыве над речкой. По другую сторону камня – ложбинка, вымытая дождями. Будто специально для разведчиков мыло тысячи лет. Кое-где пришлось подкопать ее, кое-где устроить завалы из камня, и позиция получилась такая, что самый опытный фортификатор не смог бы придумать лучше... Этот же ложок вел низом за скалу, а уж от той скалы можно было совершенно безопасно подняться вверх к лесу. И разведчики ходили за алычой и шиповником, из которых получался вкусный компот, за орехами и за дровами. Кто-то с лета накопил на лужайке сена, но, видать, не пригодилось оно ему, зато пригодилось разведчикам. Спустили они его вниз и устроили себе «царские» постели. Еще бы не царские – душистое горное сено могло потягаться с самыми лучшими перинами. В этих-то «хоромах» и устроились разведчики, две недели маялись бездельем.

Втиснулся поудобней в расщелину сержант Кратов, зевнул:

– Не торопись, дружище. Сейчас время работает уже на нас, а не на немцев. Ты замечал такое дело: немецкие самолеты раньше чуть ли не пешком ходили по нашей земле. А теперь? Сколько их летит бомбить Туапсе? А сколько возвращается оттуда? А? Вот оно и есть, что время на нас работает. Сбивают их теперь – будь здоров! А скоро не только сбивать будут, а и вообще гнать их вон. Не идут фрицы к морю, духу у них не хватает. А мы пока посидим, присмотримся, силушки поднакопим.

Лейтенант Дробный показался на тропинке. Его зачем-то срочно вызвал полковник Багров. Без дела срочно вызывать не станет, потому-то ребята, увидев взводного, вскинули головы в ожидании.

Подошел лейтенант и тоже пошутил:

– Ну что там видно в толще земной, а?..

Комвзвода Дробному еще не было и тридцати, а он уже считался опытным разведчиком. И не только в дивизии, но и в армии. Он еще на финской войне хаживал в тыл к врагу, взрывал огневые точки, приводил «языка». Роста, можно сказать, саженого, а фамилия – Дробный. Профессия делает разведчика грубоватым, молчаливым, а лейтенант любил, когда солдаты песни пели, когда Кратов на гармошке играл. И во взвод к себе подбирал солдат, чтобы один в один ростом, плечами. Один был маленького роста – Васек. За веселость его взял комвзвода.

Сел лейтенант рядом с Васьком, закурил, улыбнулся узкими глазами: мол, заждались?

Ребята нетерпеливо ерзали, ждали, чувствовали – не с пустым делом пришел от полкового Дробный.

Закурил, сладко затянулся несколько раз подряд, а потом спросил:

– Ну что, глаза и уши царицы полей, заскучали от безделья? Чего доброго и в самом деле превратитесь в осенних сопливых мух.

– Не дай бог, такая муха на шею сядет, белого света не взвидишь! – крикнул Васек и захохотал.

– Эк, разносило их, эк, раскудахтались! Вот пойдем к фрицу, посмотрю, как вы там веселиться будете.

Это вмешался Кратов. Сказал не сердито, без обиды, а просто так, мол, мелите, что хотите, а потом обратился серьезно к лейтенанту:

– Какое ж у нас будет задание?

Лейтенант ответил ему так же серьезно:

– Немцы подозрительно молчат. Надо «языка» добыть.

– Когда?

– Хотя сейчас. Сам понимаешь, чем раньше, тем лучше. Разведчики подсели ближе к взводному.

...Если внимательно наблюдать за тем берегом, то можно было заметить, как один и тот же немец ходил за водой. Он появлялся рано утром из-за валуна, делал один-два прыжка к берегу и там за камнями опять становился невидным. Набрал воды, делал обратно те же два прыжка к валуну и там опять пропадал. Между валуном и лесом был пустырь шириной метров сто. Каким образом немец от валуна уходил к себе, к лесу, на опушке которого были их позиции, никто не знал. Заметили немца наши снайперы. Доложили по команде. Им было велено не трогать того немца, а вести за ним наблюдение.

Разведчикам надо было узнать, каким образом немец от валуна добирается незаметно к лесу. Ну и взять самого немца. Группа должна отправиться к валуну ночью. Дождаться там утра, взять «языка» и с ним вечером вернуться к себе.

– Целый день сидеть там с этим паразитом за валуном?

– А что ты предлагаешь, Кратов? – ответил ему вопросом Дробный.

– Ничего. Нудно только больно.

– Это не самое худшее, что ждет разведчика на войне.

Под командой сержанта Кратова пойдут на задание: младший сержант Таусов, Ромин и Васек. За переход через речку будет отвечать Таусов. Норов горных речек он знает лучше нас. Значит, Трам, ты уже сейчас хорошенько присмотришься к речке, выбери наиболее удобное место. Постарайся его запомнить, чтобы в темноте не сбиться, не попасть в какую-нибудь яму.

Сержант приказал ребятам лечь спать пораньше, чтобы успеть отдохнуть. Трам на это ответил:

– Две недели отдыхали, сколько можно. Да и разве уснешь, если такое дело ожидает, если первый раз идешь в разведку, а? Ты спал, когда первый раз шел?

– Не спал, – честно ответил Порфирий, – а все ж хорошенько отдохнуть не грех.

С вечера проверяли свое оружие, взяли побольше патронов, гранат на всякий случай. Захватили еды – ведь за валуном придется сидеть целый день. А потом, не зря ведь говорится, собираешься в дорогу на день, харчей запасай на неделю.

– Документы, ордена и медали сдать Аслану Даримок, – приказал Кратов.

Брал Аслан документы, награды, письма, листки бумаги, и перед его глазами все время стоял Зубер Самогов. «Не виновен я, не знал о таком порядке!» – говорил себе Даримок, а Зубер все равно не уходил.

Трам подошел – подал документы, медаль, письма от Мурадина. Взял Аслан все это, завернутое в носовой платок, и вдруг почувствовал, что краснеет, загорается его лицо. Поспешно отвернулся, чтобы Трам не увидел его смущения.

Вечером посидели разведчики, поговорили о том о сем, но разговор как-то не клеился – думали о предстоящем деле. Волновало оно и тех, кто шел к врагу, и тех, кто не шел, – таково уж солдатское сердце, такова уж ратная жизнь.

Лежали рядом Аслан с Трам. Оба, конечно, не спали. Думали.

Пахло сеном.

Пахло свежим сеном.

Шумела речка. По ее говору Трам понял – завтра погода будет хорошей. И небо не предвещало ничего плохого...

Ворочался Трам, устраивался поудобней, и как-то его рука легла на плечо Аслана, будто обнял его. Немного неловко стало, надо бы убрать руку. Он чув-

ствовал, как вздымалась грудь Аслана, слышал биение его сердца.

– Ты хорошо речку посмотрел? Надежно место выбрал, а? – тихонько спросил Аслан по-адыгейски.

– Э, о чем ты говоришь! На ощупь могу десять раз туда и обратно перейти.

– Холодно уже.

– Ничего. В горной речке вода никогда не бывает теплой... Разведчики мы.

Немцы изредка побрасывали осветительные ракеты, постреливали из автоматов.

– Ракеты – понятно, стреляют зачем? Дурачков, что ли, пугают... Тебе не страшно, Трам?

– Не знаю. Не думаю об этом. Я тебе уже говорил – растерял свой страх. Думаю – как лучше дело сделать. Чтобы хорошо все получилось.

Аслан, когда легла на его плечо рука Трама, подумал: «Какая тяжелая и горячая. Не завидую врагу, который под нее попадет... Тяжелая и горячая рука моего брата».

Где-то невысоко прошел вдоль ущелья немецкий самолет и сбросил четыре «лампадки» – мощные осветительные ракеты на парашютиках. Горы, лес, камни – все стало в этом свете мертвенно-зеленым.

Кратов неслышно подошел, сел в изголовье у Трама:

– Слышу, разговариваете. И мне не спится. Вроде уж сколько раз ходил по тылам, хоть бы хны, а сейчас волнуясь. Похоже, вы тут шушукаетесь по-своему, волнуетесь, и мне ваше волнение передается.

– Мы не волнуемся, зря ты, Порфир, так говоришь. Не спится, хорошая ночь. За перевалом наши родные аулы...

Зажурчал тихонько, зашелестел солдатский разговор. Порфирий стал вспоминать свои знаменитые Мещерские леса. У каждого есть что рассказать о родной стороне, каждый по ней тоскует.

Как тихонько журчал разговор, так же тихонько он и затух – сморил-таки разведчиков сон.

Что-то снилось Аслану – прижался он к Трамму. Беззвучно шевелились его губы. Трамм крепко обнял Даримока и спал, глубоко, ровно дыша приоткрытым ртом.

Без пятнадцати два пришел взводный.

Зашуршало сено.

Тихонько откашливались разведчики, вполголоса разговаривали. Хоть и шумит речка, хоть и не услышат на той стороне в лесу немцы, а все же береженого и бог бережет.

Четверо подошли к лейтенанту, за ними и другие – весь взвод уже не спал. Каждый хотел проводить своих товарищей на первое боевое дело после долгого перерыва.

– Ну что? – спросил Дробный у Кратова.

– Порядок.

– Все сам проверил?

– Так точно.

– Есть ко мне какие вопросы? У тебя, у ребят? Ничего?..

Ну, в добрый час. Таусов, знаешь, как вести? Твердо знаешь?

– Э, ей-богу, товарищ лейтенант, как теперь опять можно такое спрашивать?..

– Понятно. Счастливо!

Лейтенант пожал руку Трамму и трем другим. Весь взвод прощался с первой четверкой. Свалили в темноте руки. Кто-то обнял Кратова. Обнялись и Трамм с Асланом. Как-то в суতোлке столкнулись в темноте и обнялись. Ни Трамм Аслана, ни Аслан Трамма не обнимал, а просто оба обнялись. Аслан шепнул ему:

– Будь осторожен. Помни, пуля никому не кричит – берегись, лечу... Будь осторожен сам.

– Спасибо.

– Таусов, вперед! – шепотом приказал Кратов. Трамм скользнул вниз к реке из-за валуна. За ним – трое остальных.

35

Во взводе, разумеется, спать никто уже не ложился.

Дробный по телефону доложил на КП Багрову, что пока все идет нормально. Четверка переправилась, на той стороне тихо.

Под утро хоть и реже постреливали сонные немцы из автоматов и пулеметов, хоть и реже бросали ракеты, но все-таки не спали, давали о себе знать. Ну и отлично, сказал лейтенант, значит, ни черта не заметили.

Засветлел восток, начал загораться. Дальние вершины, припорошенные первым снегом, вспыхнули плавным золотом. Светлело небо над морем.

В ущелье еще лежал полумрак, но все же разведчики уже различали за валуном своих товарищей.

Валун там такой же огромный, как и на этом берегу, может быть, немного поменьше, похож на уснувшего дикого кабана. На «спине» у него росли ольха и две сосенки. Листья с ольхи уже опали, и она выглядела совсем сиротливой рядом с пышными, зелеными подружками.

У одного края валуна стоял Трамм, у другого – Кратов. Ромин и Василек рядом с ними.

Скоро должен был прийти немец. Он ходил всегда очень точно – чуть только заглядывала в ущелье заря, чуть только начинали первые солнечные лучи спускаться по косогору, по отвесной скале.

Трамм подал рукой какой-то знак своим товарищам. К нему поближе подошли Ромин и Васек. Видно, немец показался. А может быть, Трамм еще только слышал его шаги?

В самом деле, из-за валуна показался с котелком в руках немец в каске, в шинели. Трамм пропустил его мимо себя, а потом кинулся на него сзади. Ему на помощь бросился Васек. Немец не ожидал нападения и, пока пришел в себя от испуга, Трамм и Васек выкрутили ему руки назад и стали связывать. Немец, уже связанный, брыкался, пытался вырваться от разведчиков. Трамм зажимал ему рот рукой, всаживал кляп. К ним на помощь пришел Ромин. Видно было, как он стукнул немца прикладом, и тот затих. Потом Кратов помахал шапкой, мол, все готово.

Дробный скомандовал солдатам, и те «обстреляли» берег из автоматов – пусть немцы подумают, что их солдата заметили с советской стороны и открыли по нему огонь. Подождут они, подождут и решат – конец их водоносу. Поздно вечером или ночью придут за его телом.

Лейтенант доложил о положении дел полковнику Багрову и добавил, что теперь осталось ждать ответных мер немцев. Кто знает, какую они чертовщину могут выкинуть. Полковник приказал на всякий случай посадить еще трех снайперов и двух хороших пулеметчиков – «артистов».

Разведчики на той стороне сели под валуном, изготовились на случай, если кто придет выручать водоноса, но пока было тихо.

В тишине прошло часа два, потом немцы открыли минометный и артиллерийский огонь по валуну на той стороне и по советским позициям на этой. Стреляли просто так, можно сказать, почти бесприцельно. Палили вроде бы в отместку за гибель своего водоноса.

Минут двадцать длился шквальный огонь. Прекратился он так же внезапно, как и начался. Никакого вреда он ни кратовцам, ни солдатам на этом берегу не причинил – тех и других надежно укрывали родные камни...

...Первые часы тянулись мучительно медленно, а потом, когда все улеглось, успокоилось, покатались незаметно и своим чередом докатились до вечерней зари, до сумерек, а там и до темноты.

Наступила темнота и принесла всему взводу тревоги: успеют ли наши уйти так, чтобы их не заметили немцы, которые должны прийти к валуну за телом водоноса, сумеют ли удачно перейти речку? Повезет ли им? И если днем они были на виду у своих, то сейчас их поглотила темнота, даже когда светились фашистские ракеты, в их зеленоватом свете невозможно было увидеть разведчиков. То ли они еще сидели под валуном на том берегу, то ли уже перебирались через речку – сказать было нельзя.

Лейтенант Дробный до боли напрягал слух и зрение, но бесполезно. Темень, темень и темень. Два раза звонил полковник, спрашивал, беспокоился.

– Ничего не могу доложить. Не видно и не слышно. И то сказать – с немцем-то им будет труднее перебираться...

– Идут, товарищ лейтенант!

– Тропинкой уже поднимаются! Кратовцы!

Аслан кинулся с Дробным к тропинке.

Впереди поднимался Трам. Потом шел немец со связанными сзади руками. За ним – лейтенант с Кратовым.

Сержант глухим басом докладывал взводному:

– Все прошло отлично... Немец-то – старый дурак. Бывалый вояка, а мы провели его, как воробья на мякине.

Аслан остался у валуна наверху. Видел, как лейтенант обнял Трама. Потом так же обнимал остальных.

Аслан стоял в стороне: ему стало больно от того, что это был не он на том берегу, а Трам. Ждал Даримок, вспомнит ли о нем друг?

Довольный удачей своих товарищей, лейтенант Дробный говорил:

– Давайте все в штаб. Сами фрица ловили, сами и сдавайте его полковнику. Шагом марш!

– Аслан, эй, Аслан! Где мой братишка?! – спрашивал Трам.

«Э-гей, интересный ты человек, Трам, ей-богу, интересный».

– Здесь, здесь я. Жду, пока тебя все пообнимают, а потом уже я.

Они обнялись. Аслан почувствовал на своей щеке небритую, колючую щеку Трама.

– Товарищ лейтенант, разрешите со мной и Аслану Даримому в штаб? – попросил Таусов.

– Это еще зачем?

– Брат он мой. Разрешите?

– Валяйте.

В штабной землянке сержант Кратов, как полагается, доложил полковнику о выполнении задания.

В накинутаой на плечи бурке полковник выслушал доклад, а потом каждому в отдельности разведчику пожал руку, каждого поблагодарил за службу. Разведчики с удовольствием отвечали ему четко, как положено по уставу.

Щелкнув каблуками, вытянувшись, ответил и Трам:
– Служу Советскому Союзу!..

36

Больше всего на свете люди говорят о счастье. Часто слышишь, об одном говорят – счастливый, о другом – несчастный. И будто это так просто, будто бы этим сказано все. Будто бы. А на самом деле очень не просто. И то, что сегодня называется счастьем, завтра может обернуться бедой, а счастливый станет несчастным. Случается, большое счастье складывается из маленьких радостей, побед, удач, как большая горная река состоит из многих прозрачных и звонких ручьев. А бывает, как из черной земли вырастают веселые красивые цветы, так из бед и неудач, горестей и страданий тоже вырастает большое счастье.

Счастье – это не так просто.

Тридцать лет прожила Курина, а много ли ей досталось счастья? Э, совсем немного, меньше, чем беды.

Началось это ночью.

На другой же день после драки Трама с бригадиром приехали из милиции, но Трам ждал этого, и потому дома его уже не было.

Ночью опять пришла милиция. В доме все перевернули вверх дном – делали обыск. Что они искали в погребе, в сарае, в постели, в шкафу с одеждой, Курина так и не могла понять. Да ее ни о чем и не спрашивали хмурые люди.

Она не знала, когда покажется Трам – через неделю, через месяц или через год. Одно только знала, догадывалась – придет ночью. С тех пор она с нетерпением ждала конца дня и начала ночи. Зарей печали люди зовут вечернюю зарю, а для Курины она была зарею радости. Песней встречают восход солнца птицы, к солнцу тянутся цветы, силою солнца наливаются гроздья винограда и колосья пшеницы, на солнце греют свои дряхлые кости старики. Только Курина не радовалась ему, ждала приближения ночи. Даже мальчишка, когда стал уже побольше, ложился

поспать днем, чтобы ночью повидаться, поговорить с отцом.

С соседями Курина старалась ладить, как они ей ни досаждали: то куры чужие забирались в ее огород, то корова чья-нибудь забредала в кукурузу – не шумела Курина, не бранилась. По утрам не ждала, пока бригадир позовет на работу, как других, сама шла на ферму, где работала все эти долгие годы. Да и на работе, случалось, заленятся женщины, не захотят хорошенько убрать в коровнике, Курина оставалась и делала то, что надо было сделать. И никогда за это никому и словом ни обмолвилась, ни на кого не пожаловалась.

Когда немцы были в ауле, кинулись к ним в услужение бывшие дезертиры, кулачье недобитое. Приходила к ней соседка, жена дезертира, толстозадая Саняйт, мол, иди к немцам, ты ведь жена пострадавшего от советской власти.

– Не на кого мне жаловаться и просить ничего не нужно – все у меня есть, всего у меня хватает, – отвечала Курина.

Один Аллах знает, сколько пришлось Курине переволноваться. Она старалась меньше бывать дома, уходила на другой край аула к верным своим знакомым и там иногда жила по нескольку дней. Целыми днями бывала со своими мальчишками в поле, то запасая на зиму кукурузу, то фасоль, то просо.

Однажды немецкая машина шла в Заурхабль. Шофер согласился взять женщин, но пусть они ему хорошенько заплатят маслом, яйцами. В кузов залезло больше, чем шофер мог взять.

– Пусть Таусова слезает! – зло крикнула Саняйт.

– Побойся Аллаха, – возразила ей маленькая, худенькая женщина без передних зубов, – лучше нам с тобой сойти, чем ей говорить. Она, бедняжка, и так всю жизнь страдает.

– Ну и пусть страдает! – не унималась Саняйт.

– Замолчите, грех вам при чужаке скандалить, – попросила степенная пожилая женщина, – немцы пришли и уйдут, а нам здесь жить.

Тут и вовсе зашумели, загалдели бабы.

Санянт взвизгнула:

– Кто будет хозяином на нашей земле, еще неизвестно, а пока мы тут сами хозяйки. Пусть Курина и та беззубая пигалица слезят с машины.

– Если так, – сказала пожилая женщина, – я сойду первой.

Следом за нею слезла Курина и многие другие, которые не захотели позориться.

После этого скандала Курина и вовсе перестала появляться в ауле. Если кто стучал к ней в калитку, она сначала выглядывала в окно, а уж потом выходила – боялась, не пришел ли дурной человек, лучше не показываться ему на глаза.

Эй, сколько горя повидала Курина за тридцать лет, но пришел к ней наконец и добрый день.

Постучали в калитку.

Курина отвернула занавеску на окне и выглянула – у калитки стояла девушка. Почталъон.

«Ко мне почталъон? Что ей надо? Какую новую беду она принесла?»

Вышла к калитке, накинув шаль на плечи, скрипя по снегу наскоро обутыми туфлями.

– Я принесла тебе радость, Курина! – воскликнула девушка, протягивая письмо в виде треугольника.

– Почему ты думаешь, что радость? – испуганно удивилась Курина.

– Если от солдата письмо, значит, он жив. Похоронки присылают в конвертах.

– Дай Аллах, чтобы в твоих словах была правда. – Взяла она письмо, развернула его... От кого бы оно могло быть? И что это такое – письмо? Ей никогда не доводилось получать писем. Родных не было, все знакомые жили здесь, в ауле, Трам ей не писал.

– Читай же, читай. Это, наверное, очень хорошее письмо. Оно от твоего Трама.

– От Трама?! – совсем испугалась Курина и чуть не уронила письмо... Она подумала о сыне, который бы мог

прочитать письмо, но тот с утра куда-то убежал с мальчишками, сама же Курина читать не умела, не довелось учиться.

Девушка видела, как побледнела Курина, она понимала ее, потому что это письмо было уже далеко не первым в ауле, и почти все вот так же сначала пугались, бледнели. Девушка обняла Курину за плечи и помогла ей сесть на скамейку.

– Мне совсем плохо, не знаю, почему это.

– Наверное, от радости.

Курина горестно улыбнулась, она забыла, что это такое – радость. Знала только бесконечные тревоги и печаль.

– Прочти, пожалуйста, Рая.

Девушка взяла и до конца развернула письмо:

– Здесь вырезка из газеты... фотография.

– Ты сначала письмо почитай, а потом газету. Что пишет Трам?

Рая стала читать.

Как и водится, в первых строках письма Трам сообщил, что он жив, здоров, что служит в армии младшим сержантом, находится на фронте. Это уже второе его письмо, но первое, вероятно, не дошло, написал он сгоряча, не подумал, что аул уже был занят немцами. Но второе-то письмо дойдет наверняка. Ему известно, что вышвырнули фашистов. Пусть жена его не беспокоится ни о чем, к нему в части относятся все очень хорошо, довольны его храбростью. Пусть об этом знают его сыновья, пусть все знают...

Вот и пришел ее день!

Из тяжелой черной земли произросла наконец ее радость.

Пока читала письмо Рая, Курина плакала, вытирая слезы передником, который стал совсем мокрым.

Рая тоже радовалась. Еще бы – наконец бедной Курине улыбнулось счастье.

Потом они стали рассматривать фотографию. Газетную вырезку. Сначала с трудом, а потом уж совершенно точно узнали на снимке Трама с медалью и орденом Красной Звезды на груди. Рядом с ним стоял Аслан Даримок. В

этом тоже сомнения не было. Рая прочитала внизу подпись. В ней говорилось о пятерке боевых разведчиков. Среди других были и фамилии: Таусов, Даримок.

– Герой, герой, настоящий герой твой Трам – и медаль, и орден! – воскликнула Рая. – Побегу, надо рассказать об этом всем. Пусть добрые люди порадуются, а злые – почернеют от злости!

Ушла Рая, а Курина все сидела на скамейке, любовалась фотографией, потихоньку, чтобы никто не увидел, целовала письмо, написанное рукой Трама, и все вытирала глаза совсем мокрым передником.

«Аслан Даримок, Аслан...» Ну да, это же он стоит рядом с Трамом. Но как они очутились вместе? И почему это награды на груди у Трама, а не у Даримока? Мучительно думала над этим Курина, но не могла найти ответа на вопросы. Откуда ей понять, как угадать, если Трам не написал об этом. Замерзли ноги в туфлях. Да и сама она вся до того замерзла, что уже стучала зубами, дрожала.

И мальчишка один остался в доме: «Ах, я глупая баба! Обо всем забыла от счастья!»

Сбегать бы к соседкам, рассказать им о письме, на другой конец аула тоже надо бы к подружке, ну да Рая сама всем расскажет.

Вбежала Курина в дом, взяла из люльки младшего и стала показывать ему письмо, газетную вырезку:

– Посмотри, посмотри скорей на своего папу, посмотри на нашего джигита. У него орден и медаль на груди. Он – герой. Так сказала Рая, а уж она-то все точно знает. Почтальонша.

Мальчишка, разумеется, ничего не понимал из того, что говорила мать, а шмыгал носом и все тянулся к материнской груди.

– Где же это наш старший?! Где он бегаёт и не знает такой радости, не знает, что его отец настоящий герой. Как там сказано – разведчик!

Аул похож на длинную веревку. Дерни веревку за один конец, другой тут же дернется сам. Принеси какую-

нибудь весть в крайний дом аула, тут же о ней будут знать на другом конце. Причем, дурная ли, добрая, весть распространяется с одинаковой быстротой. Идет она от дома к дому, и, разумеется, в каждом доме хоть самую малость, но прибавят или убавят. Смотришь, вместо одной вести бродят по аулу две или три.

Так было и с письмом от Трама.

Одни говорили о нем, как оно было в самом деле. Другие же почему-то передавали своим соседям, будто бы не письмо, а сам Таусов весь в орденах пожаловал домой и скоро будет приглашать в гости всех аульчан.

Третьи говорили так:

– Все твердят, что тихая, добрая Курина, а Аллах все видит, от него ничего не утаишь, вот Он и покарал ее за лицемерие – сообщение пришло. Трама убили.

На ферме шел разговор, будто Трам ранен, ноги ему оторвало, лежит в госпитале и скоро приедет в аул. Наверно, назначат его бригадиром или председателем колхоза, тогда берегитесь те, кто обижал его жену.

Вскоре прибежал домой Мурат. Он услышал о письме, но еще не верил этому. Вбежал в дом, разгоряченный, запыхавшийся, только и смог вымолвить:

– Где? Покажи!

Письмо лежало на шкатулке между двумя горами подушек на кровати, а газетная вырезка была прикреплена к зеркалу, висевшему на стене.

– Почему же ты не показываешь? Или это неправда?!

Он таким вихрем влетел и был таким возбужденным, что Курина растерялась.

Мурат сразу узнал отца, ему бы поцеловать фотографию, но нельзя – он уже все-таки мужчина, должен уметь держать себя в руках. Этому его учил отец... Он стоял и никак не мог наглядеться на своего, мало похожего на газетном снимке, отца. Не мог насмотреться на медаль и орден.

– Муратик, – растроганно сказала мать, – прочти мне, пожалуйста, письмо.

Читал сын взволнованно, но неторопливо, по два-три раза повторяя некоторые слова, а глаза заблестели слезами.

37

Уже сошел снег с полей. Остался лежать лишь по оврагам. Весна двигалась уверенно и быстро.

После фашистского нашествия оживал колхоз. Из Заурхабля привезли семена пшеницы, кукурузы. Старики вздули горны в кузницах и ремонтировали плуги, сеялки...

А от Трама все не было и не было писем. Больше месяца ни слуху ни духу. Мурат за это время написал четыре письма отцу. Только заявлялся из школы, только переступал порог, спрашивал:

– Нет письма от папы?

Мать молча качала головой и отворачивалась, чтобы не показывать сыну своей печали... По ночам просыпалась Курина от тревожной боли в сердце. Плакала и спрашивала Аллаха, за что Он послал ей такое испытание? Лучше бы ничего не знать ей о муже, лучше бы не находить его, чем найти и тут же потерять. И Мурат похудел, глазенки ввалились. Плохо спал – разговаривал и плакал во сне.

...Земля в огороде уже хорошо прогрелась. Курина, разделив грядку, сажала чеснок. Младший сынишка Руслан ковырялся в земле рядом с нею. Что-то копал, что-то закапывал и все бормотал на своем, еще никому непонятном языке.

Разогнула Курина спину, чтоб отдохнуть немного, и увидела Мурата, бежавшего по улице. Екнуло у нее сердце.

Заметив мать в огороде, он закричал, размахивая письмом:

– От отца, мама!

По тому, как сын весело кричал, как бежал вприпрыжку, поняла, доброе письмо.

Перепрыгнул Мурат через плетень, бросил на грядку сумку с книжками и стал читать отцово письмо.

– Да ты хоть отдышись, а то я совсем ничего не понимаю, что ты там лопочешь.

Мальчишке не терпелось, и он, сдерживая тяжелое дыхание, продолжал читать.

О себе написал Трам всего лишь несколько слов: жив, здоров, воюет, бьет фашистов. А потом писал об Аслане. Вон сколько лет они прожили с ним вместе, столько всякого перевидали, испытали, но Трам так и не знал своего молочного брата, не знал его доброй души. Это уж точно – доброй души. Аслан такой человек, что куска хлеба без товарища не съест, спать не ляжет, пока не увидит, что все устроилось, всем хорошо. На задание с ним каждый идет спокойно. Так и говорят, если Аслан Даримок впереди, ни о чем не думай, не беспокойся – глаза у него лучше, чем у рыси, такие же быстрые, так же хорошо в темноте видят, нюх у него собачий, а хватка медвежья. Если сзади идет Аслан, иди, не оглядываясь, надежнее нет щита. И это правда, сущая правда. А вот недавно Аслан спас его, Трама, от смерти, загородил своей грудью от фашистского ножа. Сейчас Даримок лежит в госпитале в Усть-Лабинской. А заканчивал такими словами: «Недавно Аслан получил письмо из Заурхабля. Соседи Даримока пишут, что хромой Лиуан сделал-таки подлое дело, донес на жену Аслана. Немцы ее расстреляли. На целом свете теперь только мы и остались у Аслана Даримока. Хорошо, если бы ты, когда поедешь на базар в Усть-Лабинскую, зашла в госпиталь и проведала его. Очень ты его обрадуешь. Если поедешь, и мне будет приятно, и сделаешь доброе дело человеку...»

Дочитал Мурат письмо и попросил мать:

– Когда будешь ехать в Усть-Лабинскую, возьми и меня с собою. Возьмешь?..

Задумалась Курина... Вот как получилось – Аслан спас жизнь Траму. Собой закрыл, свою грудь подставил и теперь лежал в госпитале. Замучили фашисты, убили его жену Миру. Кто теперь воспитывает маленькую Зуру?..

Что там спрашивает Мурат? Что он хочет? Просит взять в Усть-Лабинскую?

А поедет ли она туда? Надо бы, надо навестить Аслана, облегчить его душу, но нельзя этого делать, засмеют в ауле, скажут, Даримок ее мужа арестовал, а она, дура, поехала к нему в госпиталь. Глупая баба, скажут. Да и Аллах не благословит на такую поездку, к чужому мужчине. Грех. И Трам, если бы он твердо велел ей поехать к Аслану, то она не ослушалась бы, но он-то непонятно написал. Нет, не поедет Курина к Даримоку, незачем ей свое сердце еще раз терзать. Столько раз терзать из-за этого несчастного Аслана! Пусть будет, как будет, не ослушается она воли Аллаха, который на ее стороне.

Прошла неделя.

Хотя Курина и твердо решила не ездить к Аслану в госпиталь, но просьба Трама не выходила у нее из головы. Она вспоминала слова мужа, что Даримок подставил свою грудь под нож, который предназначался Траму, и еще неизвестно, в какое место пришелся бы он, может, вошел бы в сердце, и конец разведчику Таусову, схоронили бы его теперь вдали от родного аула.

В субботу стоял солнечный, жаркий день, совсем как летом. Курина, придя домой с работы, дотемна возилась в огороде, спешила посадить картошку. Уже при лампе накормила ребят, умылась, и как упала на кровать, так и уснула тут же тяжелым сном. Ей приснился Трам. Не приснился, а привиделся. Постучал в окошко, как обычно стучал, она вскочила, шепотом спросила: он ли? Трам тоже шепотом ответил ей, а потом строго спросил: «Ты почему не поехала к Аслану? А ведь он мне жизнь спас...»

В холодном поту проснулась Курина. Зажгла керосиновую десятилинейную лампу. Пошла в сарай, принесла соломы, кизяков, затопила печь и, не дожидаясь утра, стала стряпать. Надо было напечь блинов, лепешек, нужно было приготовить на два дня еду ребятам, ведь за день она не обернется.

Едва рассвело, у Курины уже все было готово в дорогу. В корзине были уложены скудные, но все-таки свои, до-

машние харчишки в подарок Аслану. Рядом с корзиной лежала большая пуховая подушка – продать на базаре.

Разбудила Мурата. Жалко было будить, так крепко спал мальчишка, но ничего не сделаешь – надо.

– Мурат, а, сынок, проснись на минутку.

Не просыпался. Только наморщил крутой лоб под шапкой черных волос. Отцовский лоб. Погладила ладонью, пахнувшей тестом и сыром, лоб, глаза. Щеки – теплые и мягкие, еще совсем детские, хотя парень вон как вырос!

– Проснись, а, сынок...

С трудом открыл глаза Мурат, поднялся и по давнишней детской привычке прижался к матери и, только почувствовав тепло материнского тела, окончательно проснулся, отстранился от нее. Взрослый уже.

– Что случилось, мама? Кто-нибудь приехал? Папа?

– Нет, мальчик. Никто не приехал. Я ухожу в Усть-Лабинскую на базар. Вернусь завтра. Еда на столе. Хорошенько смотри за маленьким и не обижай его. Ты уже большой. Хозяин.

– Ты зайдешь к дяде Аслану?

Он посмотрел на нее вопросительно и по-мужски серьезно.

– Да. Зайду. Только об этом лучше не говорить в ауле.

– Почему, мама? – и он взмахнул большими, густыми ресницами. – Ведь дядя Аслан спас папе жизнь. Они ходили вместе в разведку.

– И все-таки не надо об этом говорить в ауле. Будет лучше.

Мурат удивленно пожал плечами:

– Хорошо, мама. Хорошо...

...Уже разыгралась, развеселилась заря, когда Курина вышла из аула и заторопилась к Усть-Лабинской пешком. Догонит попутная машина – хорошо, а не догонит, значит, и пешком добежит до станицы. Вот только подушка мешает. Хоть и пуховая, а неудобно ее нести под мышкой, рука быстро уставала.

На полпути Курину догнала грузовая машина. Военные ехали. Взяли женщину. Шутить было начали солдаты насчет подушки, но узнав, что Курина направляется в госпиталь к раненому, смолкли.

Подвезли Курину прямо к госпитальному двору.

Слезла она с машины – и опять эта подушка, смеяться ведь будут солдаты, как и те, что на машине. Аслану от этого неудобно будет. Сначала надо бы на базар, но ведь уже полдень, там нет никого. Пропали она пропадом эта подушка. Но и не бросать же такую хорошую, пуховую. Вспомнила о знакомой старухе, но та живет на другом конце станицы. Однако делать нечего – решила отнести туда. Далеко, ох как далеко идти на край станицы.

– Эй, молодница! С подушкой!

Оглянулась Курина. Старик обращался к ней. Русский.

– Чего ты, молодница, так мучаешься с подушкой, неловко тебе нести.

– Нет, ловко. Она легкая, – заторопилась Курина.

– Подожди-ка, подожди, – сказал старик.

Увидев, что старик с палкой направился к ней, испугалась Курина: «Аллах меня наказал, – что этот бородатый человек надумал сделать со мной? Может, скажет, что я спекулянтка и сдаст в милицию?»

Старик увидел, что испугалась женщина, заулыбался, стал успокаивать ее:

– Чего глаза-то забегали, чего напугалась? С добром к тебе. Помочь хочу, а ты испугалась. Хоть и легкая подушка, а нести ее так неловко. Веревкой бы связать, и несли бы ты ее, как чемоданчик. Нет у тебя веревки?

– Нет. Не надо. Я так донесу. Она совсем легкая.

– Э-э, глупая трусиха. Подожди, я сейчас принесу веревку. У моих ворот стоим.

Старик пошел за веревкой, а из дома вышла сутулая, седая старуха и спросила:

– Продаешь подушку?

У Куриной все еще не проходил страх.

– Эх, какая славная подушка. Может быть, продашь?

Пока старик искал в сарае обрывок веревки, женщины сторговались. Старуха дала Курине за подушку три больших куска сахара: «Вот уж ребятам радость будет, они-то уж и забыли, какой он, сахар!»

Вышел старик с веревкой, увидел, чем кончилась его забота, покачал сокрушенно головой – неловко получилось, вроде бы заманил он женщину для сделки. Подошел и спросил:

– Не надула ли тебя моя подружка? Довольно ли дала сахару?

– Спасибо, спасибо, – заторопилась, откланялась и ушла Курина.

В госпитальном дворе было много раненых в серых халатах. Курина растерялась – в ауле-то у них одни женщины да немного стариков, отвыкла видеть столько мужчин.

Оробела, остановилась у ворот. Надо бы подойти к какой-нибудь женщине в белом халате и спросить Аслана Даримока, но ноги не хотели идти. От робости не хотели идти. И не только от робости перед всем увиденным, необычным, от робости перед людскими страданиями, перед этими костылями, повязками, перед безрукими и безногими людьми. Была у нее еще боязнь и перед свиданием, на которое пришла. Страх от того, что не знала, о чем будет говорить с Асланом, как станет смотреть ему в глаза. Ведь с упреком, с болью нельзя – он раненый, он пострадал за ее мужа, а с уважением, с благодарностью смотреть на Даримока она, боялась, не сможет.

Вошла во двор, остановилась недалеко от ворот под кленом, на котором уже распускалась первая зелень, и решила немного успокоиться. Пусть сердце пообвыкнет, пусть перестанут дрожать ноги.

А мимо нее все проходили раненые, посматривали – не угадается ли что-нибудь знакомое или родное?

Только она собралась двинуться в глубь двора и там спросить о Даримокке у кого-нибудь, в ворота въехала санитарная машина. Из автобуса выходили солдаты с

окровавленными повязками. Видно, привезли их прямо из полевого госпиталя.

– Курина!

Она оглянулась.

Перед нею стоял Аслан Даримок.

В сером халате. Без повязок. Грудь забинтована, под халатом не видно. Худой, большеглазый, как в юности, когда парнем был. Только лицо морщинистое и желтовато-бледное, как лежалый воск.

И он не ожидал ее увидеть, и она, хоть и шла к нему, но не такой неожиданной представляла себе их встречу. Он вскрикнул от удивления, спросил, как она попала сюда, и теперь они стояли, смущенно улыбались и молчали, не зная, с чего начать разговор.

Заговорила Курина:

– Если бы ты не окликнул меня, ни за что бы тебя не узнала.

Сказала и спохватилась, не надо бы этого говорить, ведь он раненый, больной, надо бы подбодрить его, а она... Протянула ему руку. Ощутила его ладонь – костлявую и холодную.

– Трам написал мне, как вы были с ним... Написал, что ты лечишься в Усть-Лабинской... Приехала на базар и зашла... увидеться.

Отвернулся в сторону Аслан, чтоб не видеть, как по лицу Курины бежали слезы. Да и у него нехорошо стало на сердце, забило оно, заколотилось:

– Спасибо тебе, Курина. Никогда не забуду этого. Слышишь, никогда не забуду. Спасибо... Много разного такого между нами было... Ну да уж было, теперь не вернешь. Только и могу сказать тебе, прости, если можешь. Обидел я тебя. Но не во всем я бывал виноват – жизнь так складывалась. А в чем виноват – прости.

Немного легче стало Курине, как-то отлегло от сердца: не приходилось ей никогда слышать такое, чтобы мужчина, чтобы адыг просил прощения у женщины. Да еще такой, как Аслан Даримок. Аллах милостивый, ей бы обнять этого несчастного и самой сказать ему добрые слова, но

как это сделать? Курина концом платка обмахнула слезы. Улыбнулась Аслану, как-то виновато и в то же время благодарно улыбнулась:

– Принесла тебе кое-какой еды...

Он тоже улыбнулся ей в ответ и заторопился:

– Ну зачем ты это, зачем? Вам самим бы как-нибудь прокормиться в такое трудное время. А нас здесь кормят хорошо. Мы сыты.

– Знаю, что сыты. Принесла тебе домашнего – лепешек, сыру нашего, помидоров соленых. А мы тоже не голодаем. Что нам делается – мы здоровы, мы у себя дома... Как ты себя чувствуешь, как твоя рана?

– Можно сказать, почти здоров. Через недельку на фронт... Пойдем, посидим на скамейке, поговорим немного.

Он нес корзину, шел рядом с нею.

Она смотрела и теперь уж совсем не узнавала Аслана Даримока, теперь по-настоящему поняла слова Трама, что его брат стал совсем другим человеком, что его все во взводе уважают.

Сидели они на скамейке под кленом, разговаривали. Он ей больше рассказывал о Траме, о разведчиках.

Слушала его Курина, твердо уже смотрела ему в глаза, и ей показалось, будто давно-давно знала этого чуточку седого, мудрого и доброго человека, только откуда он взялся, этот человек, почему давно она знала его и почему только-только сейчас поняла... Надо бы спросить у него о жене, а главное, о дочке Зуре, – но как спросишь? Это же все равно, что сейчас ударить его в раненую грудь. Лучше, если он сам заговорит, сам скажет.

Если бы Аслану вчера сказали, что его проведать придет в госпиталь Курина, он просто усмехнулся бы и махнул рукой... Как поверить, что за его зло она пешком придет из маленького Пшаде платить добром? Правда, у него было предчувствие – должен кто-нибудь прийти к нему. Кто – не знал и уж, конечно, совсем не думал о Курине. Просто сердце чувствовало приближение радости, светлой грусти. И может быть, они должны прийти за его страдания. Он, разумеется, об этом не

думал, не рассуждал, но ведь в черной буре всегда живет тишина и покой, которые спускаются после нее на землю. Ему бы теперь говорить и говорить Курине о ее Тrame, о разведчиках, о полковнике Багрове. Ему смотреть бы в ее печальные глаза под тонкими бровями, на черную шаль, лежавшую траурными складками на седеющих ее волосах.

Говорить бы и говорить, чтобы не молчать, чтобы не остаться одному после такого неожиданного счастья.

А ведь и в счастье тоже живет предчувствие горя.

У них над головами распускались сережки на клене. На ветке сидел скворец и о чем-то беспечно болтал.

Аслан спросил у нее об ауле. Она начала говорить и почему-то умолкла. Наверно, потому что аул Пшаде, Заурхабль – это уже не война, не солдаты, а солдатские жены и дети, отцы и матери.

Она замолчала, прикрылась кончиком шали.

У него сами собой пролились слова о гибели его жены, о дочке Зуру.

Пролились и будто застыли в воздухе, будто повисли перед ними, продолжая звучать болью и едкой печалью.

– Вот и в мою семью война послала смерть, – с мужской твердостью закончил он.

– А Зура где?

– У соседей.

– Пусть тебе поможет то, что ты не одинок в своей беде. Пусть прибавится у тебя силы и ненависти к проклятым фашистам... Сколько девочке лет?

– Пятый пошел.

Курине вспомнилось детство. Пяти лет она осталась круглой сиротой. Воспитывалась в ауле – то в одном доме жила, то в другом. Жила среди людей, была самой одинокой на всем белом свете... Подумала Курина, не взять ли ей к себе Зуру? Пусть растет с мальчишками – дети быстро привыкают друг к другу. Конечно, надо забрать девочку. Но как об этом сказать Аслану? Не обидится ли? Эти мужчины такие, они бывают непонятнее самого непонятного.

– Говоришь, растут твои мальчишки?

– Растут. Хорошие мальчики. Ласковые, добрые... без сестренки скучают... вот я и думаю, Аслан, не забрать ли мне Зуру к себе. И ей хорошо, и мне будет помощница, и мальчишкам сестренка...

«Вон как, вон как поворачивается судьба. Как узнать, как увидеть ее впереди? Плохо тебе, Аслан, от людской доброты. Но ты держись, не шатайся. Эй-ей, еще не было случая, чтобы кто-нибудь умер от людской доброты. Не было и не будет. Спасибо тебе, Курина, спасибо, моя родная. Где найти такую плату, чтоб могла она оплатить твою заботу о моей девочке, обо мне?» Аслан до боли закусил нижнюю губу, поднял вверх голову, будто бы на скворца засмотрелся.

– Э-э, Курина, тебе с двумя мальчишками трудно, а еще и Зура. Трудно будет. Спасибо на добром слове.

– Ты обо мне, Аслан, не беспокойся. Скажи лучше, отдадут мне девочку твои соседи?

– Если напишу записку, отдадут.

– Тогда напиши сейчас же, иди, напиши, – строго сказала Курина.

Он пошел в палату, написал там письмо. Когда вышел из госпиталя, Курина заметила, что Аслан стал опять другим – спокойным и уверенным, будто другую землю почувствовал у себя под ногами. Как немного надо человеку душевного тепла, чтобы он стал счастливым.

Они опять сели на скамейку. Аслан спросил, помнит ли Курина его сестру Симу, видела ли ее взрослой?

– Как не знать! Разве наша Адыгея такая большая, чтобы в ней мог затеряться знакомый человек? Знаю, очень хорошо знаю твою Симу. Знаю даже, что она вышла замуж за Самбирова Мурадина. Читали в газете, как младший лейтенант Самбиров из своих пушек подбил четыре немецких танка. Портрет его в газете видели. Дяде Мурадина принесли ту газету, прочитали о подвиге племянника, старик не выдержал и заплакал.

– Ничего не скажешь – хороший парень Мурадин, но все-таки зря они с женьбой поторопились. Война, это

ой какая штука! Сегодня они в одной дивизии, а завтра разбросает их в разные стороны. Неизвестно, кто из них жив останется. Поторопились они, поторопились. Каждый день столько горя у людей, а они – свадьбу.

Пожала плечами Курина и негромко, будто про себя, сказала:

– Конечно, война – не для свадеб время. Ты прав, Аслан. Но и ждать зачем, чего дождешься? Аллах им судья. Останется жив Мурадин или не останется, а кровь его будет на земле, род будет жив.

Солнце уже клонилось к вечеру, Курина забеспокоилась, ей надо или определяться к кому-нибудь ночевать или отправляться домой. Но как ночью идти одной в степи? Страшно. Надо об этом сказать Аслану, но как бы не обидеть его своей торопливостью.

Поговорили еще кое о чем, и Курина намекнула Аслану, мол, как быстро время в разговоре проскочило, не заметили, скоро вечер. Он спохватился: в самом деле, заговорились, а надо подумать и о ночлеге. Вспомнил Аслан, вечером должна идти в Армавир машина, побежал узнать. Вернулся и сказал, что машина через полчаса отправится, он договорился с шофером, и тот от главной дороги доведет Курину до аула. Принес Аслан с собой узел:

– Мурату здесь гимнастерка, брюки и сапоги. Скажешь, от отца подарок, парень будет очень рад. Есть тут и пилотка со звездочкой – это для младшего.

Смутилась Курина, стала отказываться, но Аслан и слушать не хотел ее. Где она сейчас парню купит одежду, а тут достать легко. Так что и стесняться нечего.

Даримок крепко, до боли пожал ее руку:

– Будешь писать Траму, напиши о нашей встрече. Он будет рад. Если я раньше его увижу, тоже расскажу о сегодняшнем радостном для меня дне. До свиданья, сестра моя.

38

Наверно, правильно говорят, жизнь вечна и бесконечна, но в самой-то жизни все имеет свое начало и свой конец.

Начало и конец – это две пристани, а между ними – море. Жизнь.

Вышел человек со своей пристани в плаванье, и где бы он ни ходил, сколько ни ходил, тонул много раз, а может и без этого обошлось, с компасом ходил или без него, все равно придет к своей второй пристани. И так во всем, в большом и малом.

Начало и конец. Думает ли о них человек, забывает ли напрочь, печется о них или безразличен к ним, но они-то при нем всегда, вечно, как он сам при себе.

Обо всем этом думал Аслан Даримок, когда ехал на тряске грузовичке из госпиталя, где он месяц после выздоровления занимался хозяйственными делами. Помогал начальнику госпиталя добывать для раненых первую редиску, зеленый лук. Мотался по хуторам и селениям на машине, по колхозам и совхозам, «организовывал» для тяжелобольных «витамины», яйца. Несколько раз пытался проскочить в Пшаде, но это ему так и не удалось, не пришлось увидеться с Куриной, с ее парнями и, конечно, со своей Зурой.

Не удалось. Такая она, война. Нет с ней сладу ни в чем.

После ранения отдохнул хорошенько и вот теперь мчался степью в свой полк. Посвежевший лицом, одетый во все новенькое, обутый в хорошие хромовые сапоги, он ехал с нетерпением. Соскучился по Траму, по Кратову. И полковника Багрова хотелось увидеть. А Васька и Ромина уже нет в живых. Погибли оба. Недавно погибли, писал Трам. Славные были ребята. Молодые оба. Жалко.

Не доезжая до Краснодара, машина свернула вправо и пошла проселочной дорогой. Хотя немцы теперь бомбили редко, все-таки лучше не заезжать в большой город. Спокойнее, когда идешь поселком. Так решил шофер.

Отцвели абрикосы, уже видна хорошая завязь. Цвели яблони.

В селах пустынно и тихо. Мало осталось людей. Да и те, которые живут в них, – женщины, дети, старики, – и те

на работе. От зари до зари работают все, не покладая рук. Пащут на коровах. Сеют вручную.

Одно небольшое село было почти дотла выжжено. Может быть, во время боев, а возможно, гестаповцы сожгли за непокорность.

Беда, беда.

Бежал навстречу теплый ветер, щекотал лицо, забирался за ворот гимнастерки, вздувал за спиной пузырь. Аслану даже показалось, что он вот-вот взлетит.

Беда на земле Кавказа, но она уже уходит отсюда, катится на запад. Только нужно ее теперь поторапливать, чтоб скорее катилась туда, откуда пришла, – на германскую землю.

...В штаб дивизии машина с солдатами из госпиталя прибежала затемно. До штаба полка Багрова было еще километров десять. Добираться туда Аслан решил утром следующего дня. Умяв жирную селедку с краюхой хлеба, запив холодной водой из колодца, он устроился на ночлег в колхозном коровнике, в котором давно уже не было коров. От них остался только запах сухого кизяка да прошлогодней соломы.

Из госпиталя с Асланом приехало больше двадцати солдат. Все решили с утра разыскивать свои части, а на ночлег устроились в коровнике.

Темно и тихо. Только шорох соломы да где-то далеко, похоже в саду, кричал сыч.

Войны не слышно, хотя она была всего в нескольких километрах. Хуже нет, когда на войне тихо, когда затаился враг, и не знаешь, что он там делает, к чему готовится. Особенно тревожной и зловещей кажется эта тишина солдату, которого уже обожгла однажды пуля, который метался в жару на госпитальной койке и чуял рядом с собой смерть.

В полночь солдат подняли по тревоге.

– Выходите, выходите на улицу, спокойно выходите! – не то просил, не то приказывал откуда-то из непро-

глядной темноты и глубины глухой, какой-то отечески строгий и в то же время добрый басок. – Прямо в дверях у старшины Сибирцева получайте автоматы, патроны и гранаты. Остальное сейчас объясню.

И не торопились, спросонья толкались в темноте солдаты, ворчали, натываясь друг на друга. Аслан проснулся и не сразу понял, чего от него хотят, не сразу понял, где он находится. Потом, разобравшись, наощупь вдоль стены пошел. Добрался до двери. Там ему в руки сунули автомат, дали патроны и две гранаты. В тумане, в темноте он толком ничего не видел. Только слышал разговор:

– Товарищ капитан, ну как же это так? Как же это получается, раздам автоматы каким-то неизвестным людям, а как отчитываться? – жиденьким голоском спрашивал тот, что раздавал солдатам оружие.

– Помолчал бы, и без тебя тошно, – басил капитан, – не бойся, все на том свете разочтутся с тобой угольками.

– С меня одного уголька хватит, – ныл старшина, – который мне трибунал подарит.

– Отставить разговоры! Не портить людям настроение.

Капитан велел всем садиться на траву и заряжать диски автоматов.

– Командованию недавно стало известно, что немцы готовят сегодня утром штурм наших позиций с последующим их прорывом. Так донесла разведка. Наше командование решило предупредить штурм врага совместной атакой танков и пехоты. В дивизии мобилизованы все возможные резервы. Группе, которой буду командовать я, капитан Селиверстов, отведен определенный участок фронта. Туда мы и отправимся через полчаса. При движении соблюдать полнейшую тишину, не курить и прочее. А уж завтра, после боя, все пойдете в свои подразделения...

– Кому повезет.

– Что ты сказал?

– Говорю, кому повезет, товарищ капитан, тот пойдет в свое подразделение, а кому нет...

– Тот тоже пойдет в свое, – вздохнув, сказал капитан.

Аслану капитан басом и ростом напомнил Кратова. «Э, конечно, лучше идти в любую атаку с тем, кого знаешь, – подумал Даримок, – но ничего не поделаешь, придется идти, с кем судьба посылает». Аслан решил держаться ближе к капитану, все вроде бы получается, будто он с Кратовым вместе. Со своим, не один раз испытанным товарищем. След в след шел за капитаном Даримок, видел его огромную спину, слышал глубокое дыхание, осторожное покашливание, и ему становилось легче перед жестокой, ожидавшей его в темноте неизвестностью.

Туман был теплым, душистым, и казалось, это пахла темнота, пахло невидимое небо. Немцы не стреляли, притаились.

Шли километров пять полем. Полевой дорогой. Потом Аслана хлестнуло по лицу веткой. Он схватился за нее. В руке осталось липкое и душистое. Понюхал. Цветы яблони. Присмотрелся – шли по саду. По старому заброшенному саду. Уж не тот ли сад, в котором немец пырнул его ножом? Может, и тот... Вспомнился Грам, вспомнились разведчики. Тоскливо и одиноко стало у него на душе.

– Осторожно! – негромко предупредил капитан. Аслан наткнулся на его вспотевшую спину. Ткнулся в нее лицом.

– Окопы. Занимайте окопы. До утра отдохнем, а потом подойдут танки.

Аслан устроился в окопе рядом с капитаном. Тот, не теряя зря времени, сел, привалился к стене спиной и, шумно зевнув раз и другой, затих. Аслану тоже хотелось бы уснуть, но ничего не получалось – сон не шел.

Над головой во тьме зашумел ветер. Стало прохладно. Аслан раскатал шинель, накинул на плечи и неожиданно для себя уснул. Сначала сон был какой-то чуткий, будто и вовсе он не спал – слышал, как шумел ветер над головой, как он бросал в окоп холодный, мокрый туман, слышал богатырский храп капитана, а потом будто провалился в яму. Проснулся от гула: тряслась под ним земля, сыпался на лицо песок. Было уже совсем светло, в окопе никто не спал.

– Проснулся, солдат? – весело спросил капитан. – Сладко же ты спал, жалко было будить. Поднимайся, работа сейчас начнется.

И широким, скуластым лицом, большим вислым носом и могучим подбородком капитан был схож с Кратовым.

Туман все валил и валил, шел с моря на таманские лиманы. Яростный ветер рвал его космы и швырял их, гнал по степи на пологую гору, которую опоясала длинная лента окопов.

Сзади в балке, которой шли ночью, ревели танки, наверно выходили на рубеж атаки. От этого-то гула, от тяжелой железной поступи и дрожала земля. Слышал Даримок грозный говор могучей силы у себя за спиной, и у него не только не было страха перед предстоящим боем, а, наоборот, появилось нетерпение: «Э, ей-богу, чего они там тянут? Если идти, так надо идти».

Артиллерийскую подготовку дальнебойными пушками начали немцы. Наши ответили залпами «катюш», а затем и пушек. Сотрясая землю гулом моторов и лязгом гусениц, пошли танки. Сначала со стороны балки показались в тумане едва заметные расплывчатые их силуэты. Потом секунда за секундой они становились темнее, отчетливее, секунда за секундой их грохот нарастал, становился оглушительным, – казалось, нет ничего на земле, есть только туман и этот тяжелый, грохочущий металл. И хотя танки были своими и направлялись они в проходы между окопов, чтобы защитить пехоту, защитить его, Аслана, ему все равно стало жутко от этой неистовой силы.

А капитан потирал руки, глаза его искрились:

– Хорошо, очень хорошо получается, ешь ты корень, господь на нас работает, на фашистов ему надоело. Туманец-то, ох, как кстати нам! Немцы ни шиша не видят. Видишь, пуляют снаряды в белый свет, как в копеечку!

Когда танки миновали окопы, капитан выхватил пистолет:

– За Родину! За мной, царица полей!

С необыкновенной для его роста легкостью капитан выпрыгнул из окопа. Аслан со старшиной, остальные солдаты, пригибаясь на бегу, – за ним.

Ходко шли танки. И хорошо, что быстро, думал Аслан. Скорее, скорее надо туда. Чем быстрее, тем лучше. Жарко ему стало. «Надо было шинель скатать. Надо бы. Всегда у меня так».

Позади разорвался снаряд. Не тронули, помиловали Аслана осколками. Только сбило с ног взрывной волной. Упал он, уткнулся лицом в зеленую густую траву, выросшую на поле вместо пшеницы. Когда пришел в себя, показалось, что слышит тяжелые удары молота по наковальне. Болела голова. Вспомнил, где он. Вспомнил про танки, про капитана. Поднялся, сел.

Танков уже не было видно. Слышался отдаленный гул – далеко ушли. Артиллерийская стрельба тоже далеко. Догадался – контужен. Попробовал встать – получилось. Только дрожали ноги. Повернулся лицом к прохладному ветру, вдохнул глубоко, потом еще раз. Пропал гул в голове. Услышал стон. Стал осматриваться и увидел старшину. Тяжело ранен был старшина. Ранен в плечо и тоже контужен. Стонал. Аслан разорвал на нем гимнастерку, перевязал рану. Подумал, что она не очень опасна, просто потерял много крови старшина, потому и без памяти. «Ночью все о трибунале кричал. Чудак старшина. Хотел расписки от солдат за оружие. Эй, смешной человек».

Старшина был небольшого роста, щупленький, так что Аслану было не очень тяжело нести его на спине в медсанбат, который находился в отделении совхоза, километрах в двух. Санитары указали дорогу.

Сдал Аслан старшину и в дверях столкнулся с Симой.

Увидела она его окровавленного и остановилась с широко открытыми глазами, не знала, что делать. И он растерялся, не знал, как встретит его сестра.

– Ты ранен? – спросила она.

Он покачал головой:

– Нет...

Сима вдруг кинулась к нему на шею и зарыдала.

Потом они вышли на улицу.

– Лан, я хочу тебя попросить... Ты смог бы мне простить...

– О чем ты, сестра?

– Я так нехорошо с тобой обошлась...

– Э, не надо об этом вспоминать. Лучше так будет. Не надо вспоминать плохое, если можно.

Он рассказал о своей встрече с Куриной, о дочке Зуре...

– Ты еще не был в своем взводе? Значит, не знаешь, что Трам тяжело ранен?..

39

Койка Трама стояла у окна. Сима показала койку, а сама ушла в операционную. Потом пусть Аслан найдет сестру, пусть, не увидев ее, не уходит. Ведь она соскучилась по нему.

В зале лежали тяжелораненые.

Стонали солдаты, метались в жару.

Пахло йодом, камфорой и воспаленными ранами. В своем госпитале Аслан лежал «в легкой палате», к тяжелораненым не заходил. Как-то не приходилось. Да и госпиталь – это совсем не то, что медсанбат. Там лежат, кто выиграл первую схватку со смертью, у кого уже есть шансы выжить. А здесь и происходит эта самая схватка. Здесь еще так призрачна солдатская жизнь. Может быть, поэтому Даримок остановился в нерешительности у двери, боялся шагнуть дальше, будто и его тоже здесь подкарауливала смерть.

Снова зазвенело в голове, закружилось. Он закрыл глаза, постоял и, скрипнув зубами, рассердившись на себя за слабость, пошел по узкому проходу между койками.

Издали увидел Трама. Тот спокойно лежал на спине с закрытыми глазами. Увидел Аслан обескровленное лицо Трама. Увидел и узнал вдруг в нем парнишку. Лет четырнадцати. Ну да, того своего молочного брата, который еще не знал почти никаких горестей. И еще увидел, стоя в нескольких шагах от Трама, – не жилец брат, смерть уже

отметила его строгой своей печатью. Не сказал бы он даже, в чем увидел эту печать. Просто почувствовал сердцем.

Сел Аслан у изголовья на табурет, негромко позвал Трама. Тот не отозвался. Он склонился над братом, позвал громче. Дрогнуло бледное лицо Трама, тень страдания отразилась на нем.

– Кто ты, зовущий меня? – еле слышно спросил он.

– Я. Твой брат Аслан.

Сошло с лица Трама страдание, сменилось едва заметной умиротворенной улыбкой.

Открыл глаза Трам и не сразу нашел Аслана, не сразу узнал его. Облегченно вздохнул:

– Вот видишь, и я не лишился последней радости – увидеть тебя. Как умереть человеку, если он не может сказать своих последних слов тому, кому хочет?..

– Не надо так, Трам. Врач сказал, ты поднимешься... Нас ждут с тобой в ауле. Увидишь, мы туда вернемся...

Старался Аслан говорить так, чтобы спокойным и уверенным получался у него голос, чтобы поверил ему Трам, но это ему не удавалось.

– А если не поднимусь, по нашим добрым обычаям будь отцом моим сыновьям, будь мудрым старшим братом Курине.

– Эй, Трам, зачем ты говоришь такие слова? Не надо!

– Скажи Курине, пусть простит меня. Что она видела со мной? Одни беды, одни беды... Тебе одному скажу. Брату моему... Я не хочу умирать. Больно умирать, мне бы сынов своих... рассказать бы им, уберечь...

Закрыв глаза Трам, умолк. Утомился.

На улице не рассеялся еще туман. Казалось, ему не будет конца, казалось, все море исходило туманом, чтобы закрыть от доброго солнца горькую землю.

Серо, печально за окном, только славка на акации заливалась, захлебывалась своей песней.

Не открывая глаз, Трам прошептал:

– Ладанка... ладанка так и не спасла... Закурить мне хочется, затянуться бы раза два. Хорошо бы закурить, Лан...

Разжались, выпрямились его пальцы, и на бледной ладони Трама Аслан увидел ладанку. Влажную от пота.

Аслан подумал, что и треугольник тусклой кожи, и бумажка, зашитая в ней, и темный шнурок были частицей самого Трама, его живой души и плоти, они впитали в себя все его страдания и боль, тяжелые думы и горькие сомнения.

Рука Трама судорожно вздрогнула, и ладанка упала на пол.

Аслан тоже вздрогнул. Холодный пот выступил на его лице.

Лет двадцать не слышал Аслан от Трама своего мальчишеского имени.

Достал кисет. Махорка в нем была, а бумажки не оказалось. Стал шарить по карманам, искать хоть какой-нибудь обрывок газеты. Нашел. Свернул неуверенной рукой сигарку, раскурил ее.

Дрогнули ноздри Трама, учуяв табачный дым.

Аслан взял бледную, бессильную руку Трама и почувствовал, как из нее уходило тепло. Обмякла, стала тяжелой рука. Аслан положил ее вдоль тела, закрыл пальцами глаза Трама.

«Не лежать тебе в родной земле рядом со своим отцом и матерью. Не придут к тебе на могилу твои дети, не заплачет над тобой твоя жена, похоронит тебя только твой брат Аслан. Прощай, солдат...»

ЭПИЛОГ

Лейтенант Даримок, опираясь на палку, шел по госпитальному коридору. Поскрипывали сапоги, гремел орденами и медалями китель. Уже были уложены чемоданы, получен билет на поезд, осталось только зайти попрощаться с Клавдией Алексеевной – начальником отделения госпиталя. В приемной его попросили подождать немного.

В холле Аслан подошел к громадному в тяжелой золотой раме зеркалу.

Совсем седой.

На щеках, на лбу глубокие морщины. Как раны, которые никогда не заживают, только становятся глубже.

Четыре года войны. Э, какие это были долгие, долгие годы. Будто десятилетия. Три года Аслан не был дома. Какой он теперь, дом? Какой – после тяжелых, каменных городов Германии? После бесконечной орудийной пальбы, бомбовых ударов, что до небес поднимали камни домов? Какой он, маленький аул Пшаде над быстрой горной речкой, под крутою горой? Какой? Какая его дочка Зура? А Курина, а Мурат с Русланом?

За окном, пронзая небо, возвышался шпиль католического собора. Он стоял среди руин города и будто взывал к небесам о помощи, взывал к людям, к их разуму и совести. Да, подумал Аслан, а было время, когда в этом самом соборе звали к крестовому походу против большевиков, когда в нем благословляли кровь, гибель городов и сел. Что ж, сеющий ветер жнет бурю.

Клавдия Алексеевна была землячкой Аслана. Здесь, в далекой и чужой Германии, они подолгу просиживали вместе, говорили о Кавказе. О его горах, степях. Аслан все рассказал ей о Траме, Курине. Ничего не утаил, потому что теперь уже не стыдился самого себя давнишнего – ведь между тем Асланом и этим пролегли страдания, кровь, крутые горные перевалы.

– Здравствуй, лейтенант. Пройдись-ка передо мною, еще походи. Так, молодцом, месяца через два и совсем хромать перестанешь и кабардинку сможешь отплясывать. Садись, дорогой мой, джигит, садись, земляк. Закуривай. Подымим на прощаньице. Так-так, так-так. Счастливый ты человек – через несколько дней будешь дома! Будешь бродить по пыльным улицам аула, слушать бляение овец, есть шашлык!

Клавдия Алексеевна, как и большинство кавказских людей, рано поседела, но и как истые кавказцы, была легка в походке, энергична, стройна. Казачка.

– Так-так, так-так, упрямейший человек. Настоящий Аслан Даримок. Ехал бы жить в Краснодар. Отличный город! Мои друзья устроили бы тебя по первому разряду.

– Спасибо вам, добрая вы душа, большое спасибо, я все-таки поеду в свой маленький, самый красивый аул на земле, в Пшаде. Я не хочу в город.

Она села к нему поближе и доверительно сказала:

– Знаете, что я подумала?.. Вам надо жениться на Курине.

Он оторопел, отстранился от нее:

– Что вы!

– Да-да! Обязательно! Конечно, не сразу...

– Нет, Клавдия Алексеевна. У нас так не бывает. Нет у нас такого обычая.

– Нет, так будет! Чудак человек!.. Европу прошел! Так неужели же какой-то... обычай...

Аслан молчал. Кто знает, как оно обернется? Никто ему об этом не скажет. Одно он знал определенно: ему надо ехать в родной аул, на землю его отцов, чтобы там заниматься тем же, чем занимались деды, отец, – сеять хлеб.

Он встал. Попрощался.

Попутной машины не было, и Аслан решил до аула пройти пешком. Если уж до Берлина пешком дошел, то семь километров до родного аула – это не ходьба, а радость.

Солнце уже клонилось к закату и было нежарким.

С расстегнутым воротником кителя шагал он, припадая на правую ногу. Шагал, помогая себе палкой с резиновым наконечником. Шел проселочной дорогой, петлял полевыми тропинками, шел напрямик через пустыри. В одном месте, у лесной полосы увидел женщину, пахавшую на коровах. Он чуть не вскрикнул от удивления. Кинуться бы к ней, крикнуть: «Отойди, не женское это дело. Дай-ка я сам!» Нет, нельзя так, только смутишь бедную.

Все дальше и дальше уходила от него женщина. Он смотрел ей вслед и думал, что кончились женские мучения. Кончились. Уже возвращаются мужчины.

Наклонился, взял горсть мягкой земли. Помял в руке, потом понюхал, как это когда-то делал его отец.

Чем пахла его родная земля? Потом и кровью его друзей, побратимов, прахом предков, печалью осени, радостью весны? Грозowymi тучами и снегами Эльбруса, жгучими ветрами степей и морской прохладой? Может быть, так, а может быть, и нет. Скорее всего она пахла просто землей хлеборобов, каждый в ее запахах услышит все, что сам захочет. Аслану же казалось, он сейчас слышал тоску земли по своим пахарям.

Свернув в сторону от пашни, он вышел к пшеничному полю – ни конца ему, ни края не видно. Где-то здесь должна быть тропка, которой ходили аульчане на станцию. Поискал и нашел. Нашел и обрадовался, как другу своего далекого детства. Широко раскинув руки, пошел тропинкой. Слушал шорох, будто доверительный шепот пшеницы, ладонями касался колосьев.

Сорвал колосок, размял между ладоней, опять так же, как это делал отец, отвеял зерно и бросил в рот. Стал неторопливо жевать его, смаковать. И чудилось ему, ничего-то он никогда вкуснее не ел.

Приподнялся на пригорок и увидел косарей и женщин, вязавших снопы.

Ближе, ближе подходил к ним.

Чаще и чаще билось сердце. Узнают ли его, узнает ли он их? Какие они, люди его родного аула?

Ближе, ближе.

Остановились косцы.

Выпрямились женщины.

Ближе...

– Гой, Аслан, здравствуй! – обрадованно сказал старик с длинной окладистой бородой и пошел навстречу, широко распростер руки.

Это был дед Мурадина. Старший из рода Самбировых.

Не должно старику подходить к младшему, не должно первым ему кланяться, но тут не старший шел к младшему, а старик к своему защитнику.

За несколько шагов остановился, прищурил старческие глаза, и так посмотрел на лейтенанта, и этак посмотрел на его грудь в наградах. Заметил и палку в руках. Все правильно, все так. Тогда уж решительно подошел первым, подал руку Аслану, отечески обнял.

Подходили другие старики – тоже жали руку, обнимали. Подошли два молодых парня в гимнастерках без погон. Видно, успели повоевать вчерашние мальчишки, которых Аслан, конечно, не узнал. Они почтительно поздоровались с ним, обрадовались своему земляку.

Женщины стояли в нескольких шагах. Им неудобно обнять мужчину у всех на виду, пусть он даже будет герой. Поклонились ему, поздравили вразной с добрым возвращением.

Он искал глазами Курину, но не нашел. Всех женщин узнал, всех стариков. Все узнали его.

Он – дома.

Вскрикнула вдруг женщина и бросилась за снопы. Это соседка Даримоковых, у которой не вернулся с войны муж и два сына. Не выдержала, забилась в рыданиях.

К ней пошли женщины. Пошли успокоить ее, но и сами не выдержали – заплакали.

«Сколько вам, живым, еще придется плакать, пока заживут ваши душевные раны, пока хоть немного уймется сердца! Еще будут и будут идти с войны солдаты, и все будете и будете вы плакать, будете встречать их слезами горя и радости... Э, если бы слить все ваши слезы, получилась бы река погрознее Лабы. Плачьте, женщины, только не забывайте своих слез и никому их не прощайте!..»

Так думал Аслан, слушал всхлипывания женщин.

Старик Самбиров нахмурился. Взял в руки косу, начал косить – широко и неистово, будто звоном косы хотел заглушить плач женщин. За ним пошел второй, третий.

Аслан подошел к одному из стариков и взял косу. Взмахнул неуверенно раз, другой, потом уверенней, тверже...

Запели косы, мягко зашумела под ними пшеница, завздыхала, покорно ложась на землю.

Женщины стали затихать – звала работа, дело звало. Размахался Аслан, увлекся косьбой.

«Э-гей, – подумал он, – значит, гож я еще земле, гож!»

Неприлично мужчине входить в дом к одинокой женщине, потому-то Аслан и пошел к Курине со стариком Самбировым.

Спряталось за облака у горизонта солнце, угасал в полнеба зажженный костер.

Возвращаясь с пастбищ, брели по аулу, вздымая густую пыль, овцы и телята. Шумела под горою река.

Три года Аслан не видел Пшаде, ничего в ауле с тех пор не изменилось. Почти ничего. Все те же высокие пирамидальные тополя вдоль улицы, все те же могучие осокори и дома под черепицей, под соломой...

Шел Аслан повидаться со своей дочкой Зурой, с Куриной, с ребятами, за которых он теперь в ответе перед памятью Трама, перед своей совестью.

Шел повидаться, а казалось, будто на суд шел.

Кланялись Аслану Даримому женщины, почтительно здоровались с ним старики, с восхищением смотрели на лейтенантские погоны, на ордена и медали мальчишки. Полный достоинства шел рядом с Асланом старый Самбиров, опираясь на посох, отвечая на поклоны.

И все-таки будет еще один суд. Как его встретит Курина, что скажет, думал Аслан и просил свою судьбу быть снисходительной к нему. Просил о добре.

Подшли к калитке. Старик открыл ее, прошел во двор, а потом пропустил Аслана, легонько подтолкнул его, оробевшего. Положил руку на плечо.

Из дома выскочила Зура. Конечно, Зура! То ли сама она узнала отца, то ли сказали ей, – бросилась к нему на шею. Он поднял ее, и они затихли.

Выбежал Руслан и тоже повис на Аслане, уткнувшись лицом ему в спину.

Вышел Мурат. Рослый, серьезный. Мужчина.

Следом за старшим подошла к Аслану и Курина. Глаза ее были сухими и жесткими. Видно, выплакала раньше все слезы.

Когда опустил на землю Зуру Аслан, когда поцеловал приникшего к нему Руслана, мать подтолкнула старшего.

Мурат глянул на грудь Аслана, уважительно, с достоинством поклонился и протянул руку.

Аслан по-отечески обнял его, крепко прижал к себе.

Курина поклонилась Даримому низким поклоном:

– Здравствуй, Аслан. Поздравляю, что вернулся домой живым и здоровым. Спасибо, что почтил наш бедный дом своим приходом.

– Здравствуй, Курина. Рад видеть вас всех.

Поклонилась Курина и старику Самбирову:

– Проходите в дом, отец, проходи, Аслан... Зура, веди папу в дом. Вот ты и дождалась его...

– Про папу нашего расскажешь, дядя Аслан? – спросил маленький Руслан.

– Все расскажу, все...

Аслан достал из кармана орден Отечественной войны:

– Это тебе, Руслан. Береги его. Орден отца.

ОПЛАКАННЫХ
НЕ ЖДУТ

Исторический роман

ПРОЛОГ

В лесу шел дождь. Шел уже второй день, и серые, похожие на туман тучи клубились на склонах гор, цепляясь за скалы и мокрые ветви деревьев. Дождь был мелкий, как водяная пыль, которая не падает на землю, а как будто висит над нею, пропитывая собой воздух и просветы между деревьями.

Чуть прихрамывая, лесник шел по тропинке, и мокрая отяжелевшая трава да перепревшие листья глушили его шаги. Лес замер под густой сеткой дождя, только откуда-то издалека, словно из-под земли доносился чуть слышный рокот набравшего силы горного ручья, да глухо и неровно стучали где-то вдали топоры лесорубов.

Лес кончился, и открылась поляна, заросшая высокой, поникшей от пропитавшей ее влаги травой. На конце ее поднималась высокая замшелая скала, а за ней был крутой обрыв. На дне его бежал ручей, шум которого и проникал в чащобу леса. А на скале стоял одинокий раскидистый дуб. Могучий и кряжистый, он цепко впился корнями в скалу и, казалось, не скала его, а он держит ее над обрывом, не давая рухнуть вниз, в бурлящий горный поток.

Лесник молча стоял и смотрел на дуб. Он уже обошел участок – все было, как всегда, в полном порядке. Можно было спускаться вниз, где на небольшой поляне за опушкой стоял маленький домик, повесить на гвоздь ружье, снять мокрые сапоги и куртку и вытянуть ноги к огню очага. И отдохнуть, по-настоящему отдохнуть за целый день. Но он все стоял под дождем и смотрел на дуб. Потом вздохнул и пошел к нему через поляну. Положил ладонь

на его влажную шершавую кору. Когда бы он ни заканчивал свой обход, он не мог не повернуть к этому одинокому великану. Дуб будил в нем далекие воспоминания детства, когда отец его отца – тоже лесник, водил его, пятилетнего мальчишку, сюда, к этому дубу. И хотя с той поры прошло около полстолетия, ему казалось, что дуб и тогда был точно таким же, что в нем не прибавилось ни одной веточки, ни одного листика. Для человека в эти полстолетия укладывалась почти вся его жизнь, а лесной великан, казалось, их и не заметил. Он был еще совсем не стар – этот дуб, ему было, наверное, что-то около трех сотен лет. То, что видел и что слышал этот дуб, не могло, наверное, уместиться в самые полные сказания нартов.

В старости человек всегда склонен к размышлениям – именно их и будил в леснике этот одинокий дуб... Продолжая держать ладонь на мокрой коре, лесник все стоял неподвижно, смотря вверх на замерзшую в мелкой сетке дождя крону ветвей. Вот так, наверное, стояли здесь до него сотни и сотни людей. Где они теперь? Давно уже позабыты их имена, а дуб стоит и стоит и, казалось, не замечает движения времени.

Лесник сел на скалу и спустил вниз ноги. Туман все плотнее окутывал вершины гор, и все настойчивее и громче ревел внизу горный ручей.

Была еще одна причина, заставлявшая лесника сворачивать в конце своего пути после обхода. Возможно, именно эта причина прежде всего и заставила его сегодня сойти с протоптанной тропы. Но он с полной отчетливостью вспоминал о ней только здесь. На той стороне ущелья петляла дорога на перевал. Осенью сорок второго года его рота окопалась на ней, чтобы не дать немцам возможности перейти на ту сторону гор. А вон в том окопе, которого уже не было – на его месте лежал белый, покрытый зеленоватым мхом валун, который он давно еще положил здесь как памятник, – были убиты трое из его родного аула, а сам он тяжело ранен в ногу. Потом плен, лагерь, унижения, издевательства. И, наконец, побег. Тогда тоже были горы, лес и дождь. Только горы были чужие и очень дале-

кие отсюда. Но дождь именно такой, какой шел и сейчас. Именно он его и спас, этот дождь. Сбил с толку собак, которые было взяли его след.

Человеку иногда хочется остаться наедине со своим прошлым, как бы тяжело оно не было...

Дождь понемногу усиливался. Туман на склонах гор стал еще гуще. Все громче шумел ручей. Только топоры лесорубов стучали все глуше и глуше. Лесник поднял голову и вдруг вздрогнул: прямо над его головой чуть покачивалась обломанная ветка. И перелом был свежий. Настолько свежий, что казалось, сломали ее только сейчас.

Лесник встал. Вчера эта ветвь была совершенно цела. Ведь он каждый день неизменно подходил к дубу. Это было так невероятно, что он даже сразу не поверил своим глазам. Кто мог это сделать? И, главное, для чего? Кому нужно было ломать ветвь дуба, да еще на краю пропасти? Даже больше, чем на краю – прямо над ней. Поступок этот можно было просто принять за озорство, если бы он не был связан с опасностью для жизни. Да и кто это мог сделать здесь, в лесу? Разве только работники лесхоза. В последнее время их стало очень много. Но тот, кто был связан с лесом, навряд ли мог это сделать без всякого смысла. А посторонних в лесу сегодня не было. Во всяком случае, он никого не приметил. А если кто и был, значит, этому человеку надо было таиться от лесника. И не только потому, что сломал ветку.

Потом он подошел к самому краю обрыва и посмотрел вниз.

Сломанная ветвь повисла как раз над темной пустотой пропасти. А если этот человек сорвался вниз?

Лесник нагнулся еще ниже, вглядываясь вниз, где на самом дне бился в камнях горный ручей, и вдруг заметил что-то не совсем обычное на крутом срезе скалы. Еще не успел разобрать что, как услышал позади себя шорох, и быстро обернулся, положив руку на приклад заброшенного за спину ружья. Позади него стоял человек. На нем были кирзовые сапоги, брезентовые брюки и такая же куртка с капюшоном. На короткой щетине его обветренных щек

блестели мелкие капельки дождя. Наверное, это был один из рабочих лесхоза, потому что лицо его вдруг показалось леснику знакомым, и это как-то сразу успокоило его. С работниками лесхоза он не один раз встречался в столовой лесхозьяства.

– Добрый день, – сказал лесоруб. – Товарищи послали меня, – он кивнул головой в сторону поляны, – в селение за папиросами. Я всегда ходил по дороге, а мне сказали, что напрямик короче. Я правильно иду?

– Почти, – сказал лесник, всматриваясь в его лицо, – вот там немного правее тропинка.

Рабочий перехватил его взгляд, который он снова обратил на сломанную ветку, и спросил:

– Молния?

Лесник покачал головой.

– Тогда, наверное, медведь. – Рабочий показал пальцем вниз. – Если играл, так это уже в последний раз. С такой высоты и медведь в лепешку... Будьте здоровы. – Он повернулся и пошел в сторону, указанную ему лесником, и сейчас же пропал в зарослях молодого орешника.

Лесник смотрел ему вслед, с каждым мгновением убеждался в том, что уже видел этого человека, но теперь эта убежденность странным образом не успокаивала его, а, напротив, вселяла в него какую-то неясную, все возрастающую тревогу. Он хотел пойти следом, сделал уже шаг в ту сторону, но тут вдруг, вспомнив о чем-то, снова вернулся к обрыву. Что же это было – то, что он заметил недавно, стоя на этом месте? Он нагнулся и посмотрел вниз. Опершись ладонями о край обрыва, нагнулся еще ниже. Теперь он увидел это. И увидел не там, ниже по обрыву, а совсем близко от себя. Так близко, что, если лечь грудью на край обрыва, можно достать пальцами. Это было что-то похожее на белую шелковую веревку. Лесник осторожно протянул к ней свободную руку, и в этот момент на его ноги и спину легла тревожная тяжесть. Она толкнула его тело, словно рухнувший с гор валун. И он даже не сразу понял, что летит вниз в туманную и холодную пустоту ущелья...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Владимир Петрович Берузаимский стоял на дороге у остановки и ждал автобуса. Шел дождь или уже перестал, понять было трудно, просто в воздухе висела мелкая, похожая на туман, водяная пыль, и поднимающиеся по обеим сторонам дороги покрытые лесом горы просматривались, словно сквозь густую марлевую сетку. По лоснящемуся от влаги шоссе изредка проносились машины, груженные, по-видимому, зерном, потому что кузова их были затянуты брезентом. Но автобус все не показывался. Берузаимский посмотрел на часы. Еще час, и начнет, пожалуй, темнеть. Кроме него, на остановке никого не было. Только какая-то женщина торопливо спускалась вниз по тропинке, беспокойно поглядывая на шоссе. Там, наверху, откуда она шла, белело несколько домиков.

Снова по самой обочине одна за другой пронеслись две грузовые машины. Берузаимский отошел немного назад и присел на камень, положив рядом свою рабочую сумку.

Тяжело отдуваясь, женщина наконец вышла на дорогу. Черный плащ ее блестел, словно натертый маслом. На полных румяных щеках искрились капельки влаги.

– Давно ждете? – спросила она недовольным голосом, словно Берузаимский был в чем-то перед ней виноват.

– Больше часу, – ответил он и снова посмотрел на часы.

– Господи, – забеспокоилась женщина, – а должен ходить через каждые тридцать минут. Не иначе что-то случилось. Что же нам теперь делать?

– Ждать, – ответил Берузаимский, – может, он скат меняет. Может, у него просто мотор забарахлил...

– А если что похуже? Куда же это я тогда в темень. Вам в райцентр? – женщина вытерла мокрое лицо краями косынки. – Туда вас каждый довезет. А мне – не доезжая километров пять, направо.

– Хутор Рамбесный? – спросил Берузаимский.

– Вы его знаете? – оживилась женщина. – Так я в первом доме у колодца живу.

– Никогда не бывал,– сказал Берузаимский,– живу рядом, а никогда не бывал. Все как-то недосуг. Работа...

– Вы в лесхозе? Что у вас там своей машины нет?

– Есть. Тоже что-то случилось. Не хотелось ждать. Скорее бы лечь, за день так намаешься.

– И не говорите,– охотно поддержала женщина,– и все это возраст. Лет тридцать назад и мне все было нипочем.

– Это когда вы в первый класс ходили? – спросил он.

– Ну что вы.– И без того розовые щеки женщины зарделись еще больше.– Вы такое скажете. Внуков уже жду. Потому к дочке и ездила.

– Наверное, там, где вы живете, воздух особенный,– засмеялся Берузаимский,– я вот вам и сорока лет не дал бы.

– Да будет вам,– с явным удовольствием сказала женщина. – А воздух у нас действительно хороший. Приезжайте как-нибудь, сами увидите.

– Так уж там и хорошо? – поддразнил ее он.

– А почему плохо? – Кажется, она не на шутку обиделась.– Горы, лес, река...

– И кто же там живет? – поинтересовался Берузаимский.– Одни колхозники?

– Почему это.– Голос женщины звучал так же обидчиво.– Врачи у нас, например, живут – и такой, что людей лечит, и ветеринарный. Учитель Касей Касимов – не слышали? Его не только в Рамбесном, его весь мир знает.

– Вот как,– удивился Берузаимский.– И чем же это он так знаменит?

– А вы побывайте у нас и узнаете. Радио он занимается. Переговоры ведет на иностранных языках со всем светом. Мне почтальон, наш Аскер, говорил – открытки ему откуда только не идут. Из Африки, из Америки.

– Ага,– сказал Берузаимский,– значит, он коротковолновик-любитель. Ну теперь таких, как ваш Касимов, много, и не только на вашем хуторе.

– Много, да не очень,– снова как будто обиделась женщина.– На соседских хуторах нет. Да и у вас в рай-

центре не сыщешь. Вот только на птицеферме брат Касимова живет. Так тот тоже этим же самым радио увлекается, но только с нашим Касеем ему не сравниться. Говорю вам, его весь мир знает.

– Ну ладно, ладно,– примирительно сказал Берузаимский,– вы меня убедили – лучшего хутора, чем ваш, не найти в горах. Я почему спрашиваю, покой ищущий. У нас в райцентре слишком стало шумно. Домик я свой почти продал. Хотел бы подыскать где-нибудь в местечке потише. У вас там ничего подходящего не продается?

Женщина задумалась.

– А вам большой дом нужен?

– Зачем же большой,– засмеялся он,– две комнаты вполне хватит. Вся моя семья – это я один и есть.

– Один? – женщина посмотрела на него теперь уже с определенным интересом.– Некогда было и жизнь устроить? И сейчас времени нет? – И так как Берузаимский не ответил, сказала другим тоном.– Все можно найти и купить – были бы деньги. У нас сейчас, кажется, ничего такого нет, а вот в Навесном – это сразу по ту сторону горы, продается. Небольшой домик около самой реки. Это вам как раз подойдет.

– Спасибо,– Берузаимский снова посмотрел на часы.– С автобусом, наверное, случилось что-то серьезное.

– И не говорите,– снова забеспокоилась женщина,– надо будет машину остановить. Может, довезут.

Берузаимский встал и вышел на асфальт, увидев показавшийся из-за поворота грузовик, но прежде чем успел поднять руку, идущая на полном ходу машина вдруг резко затормозила и остановилась на обочине дороги прямо около них. Из окна кабины высунулось круглое, красноватое лицо водителя, со спутанными мокрыми волосами, чуть прикрытыми сдвинутой на самый затылок кепчонкой.

– Куда? В райцентр?– спросил он простуженным голосом.

Женщина быстро оттерла плечом Берузаимского и вышла вперед.

– На хутор, в Рамбесный. Это совсем недалеко, – быстро сказала она. – Три километра по шоссе.

– Знаю, – проворчал шофер, – только мне туда не надо. – Он посмотрел на Берузаимского. – А вам в райцентр? Тогда садитесь.

Шофер открыл дверцу кабины.

– А как же я? Как же так... Женщину, значит, оставишь на дороге. Значит, мне здесь одной, на ночь глядя? Как же так?

Шофер хотел было закрыть дверцу, но потом посмотрел на женщину и спросил:

– А дрова возьмешь? Вон те, которые в кузове лежат. По дешевке отдам. Не пожалеешь. И всю зиму в тепле будешь.

– Дрова? – заинтересованно переспросила женщина. – А ну покажи, какие они у тебя, дрова?

– Возьмешь, до самого дома довезу, – шофер спрыгнул на дорогу. – Хочешь, во двор сброшу. Хочешь, к самой печке...

Берузаимский слышал, как они вполголоса говорили еще о чем-то. Наверное, торговались. Наконец и шофер, и женщина вернулись. Оба были, по-видимому, довольны. Женщина забралась на сиденье и уселась, плотно прижав Берузаимского своими полными литыми бедрами к дверце кабины. С этой минуты она перестала обращать на него внимание, только о чем-то вполголоса переговаривалась с шофером, который сразу же дал полный газ. Они мчались по мокрому шоссе с такой быстротой, что Берузаимский стал не на шутку опасаться, как бы на повороте машину не занесло. Но все обошлось благополучно. Они свернули с асфальта и по крутой, присыпанной щебенкой дороге стали подниматься в гору. Вскоре показались первые домики хутора, и сразу же справа – сложенный из камней колодец.

– Приехали, – сказала женщина. – Вот сюда, направо.

Берузаимский вышел из кабины и помог ей вылезти. Она открыла калитку и вместе с шофером завозилась за воротами.

Берузаимский осмотрелся. Хуторок, как видно, был маленький, не больше десяти-пятнадцати домиков, но расположился он очень живописно – в седловине между горами, густо заросшими лесом. Дорога, проходя через него, шла дальше вверх, наверное к хутору Навесному, о котором только что говорила ему хозяйка. В этот неподвижный еще час Рамбесный казался совершенно пустынным. Только из соседнего двора, из-за штакета, показалась голова в платке, женщина бегло осмотрела машину, потом, заметив хозяйку, крикнула, что в ее отсутствие никто не приходил. Из этого Берузаимский сделал вывод, что попутчица его жила в доме одна или, по крайней мере, в настоящее время с ней никого не было.

Хуторок сразу понравился Берузаимскому. Понравился ему и домик, к которому они подъехали. Он был небольшой, аккуратный, покрытый новеньким шифером. И в маленьком дворике было опрятно и чисто, словно в только что прибранной комнате.

Машина вошла во двор, и втроем они быстро выгрузили дрова. Быстрее всех работал шофер, и, хотя вокруг никого не было, он все время с некоторым беспокойством оглядывался по сторонам. Берузаимский и раньше догадывался, что дрова эти добыты им отнюдь не законным путем, а теперь еще больше в этом уверился. Но ничего не сказал. Такие люди, как этот шофер, ему нравились – как правило, они были решительны и энергичны. И не останавливались перед тем, что задумали. А это качество Берузаимский больше всего ценил в людях, с которыми ему приходилось иметь дело. Он заметил, что новенький скат, который только что лежал в кузове под дровами, очутился теперь вместе с ними в сарае. Шофер незаметно отправил его туда, предварительно пошептавшись о чем-то с хозяйкой.

Наконец дрова были сложены, и хозяйка с шофером отошли в сторону. Она сунула ему деньги, тот быстро пересчитал их и с удовольствием хмыкнул. Спрятал в карман и весело сказал:

– А вообще-то за разгрузку с вас причитается. Пол-литра бы не мешало – если не мне, то гражданину вот.

– Пол-литра не знаю, а с праздников кое-что осталось, – сказала женщина. – Пожалуйста, проходите в дом.

Берузаимский покачал головой: ехать с пьяным шофером ему совсем не хотелось.

– Спасибо, уже поздно. Да и пить за рулем не полагается.

– Ну, по сто граммов можно было бы, – разочарованно вздохнул шофер. – Ну да ладно, отложим. До следующего раза. Бывай здорова, хозяйка, спи в тепле и вспоминай нас добром. Нужно будет, еще подкинем.

Он говорил так, словно Берузаимский стал его компаньоном.

Когда они садились в машину, начало заметно темнеть. Снова посыпал дождь. Теперь он дробно застучал по кабине. Берузаимский, поставив сапог на подножку, спросил:

– А где живет этот ваш известный всему миру Касей? Здесь или в Навесном?

– Почему – в Навесном? – снова как будто обиделась хозяйка. – Я же сказала: у нас. Во-он его дом, с большой антенной. Третий от меня.

Шофер завел мотор.

– Ладно, хозяйка, пол-литра за тобой!.. Не забудь, как-нибудь заедем!..

Пока они спускались вниз к шоссе, шофер не произнес ни слова. Только напряженно всматривался в уходящую вниз неровную дорогу. Когда до шоссе осталось совсем немного, машину вдруг начало как-то странно кренить на левый бок. Водитель резко затормозил и, открыв дверцу, прыгнул на землю.

Берузаимский слышал, как он стучал носком ботинка по скатам. Послышалась приглушенная ругань.

– Что случилось? – спросил Берузаимский, высовываясь из кабины.

– Связался, дурак, на свою голову, – пробурчал шофер. – За тридцаткой погнался. Будь она трижды проклята. Будем теперь здесь в темноте валандаться.

– Да что все-таки случилось? – еще раз спросил Берузаимский.

– Вы что, на машинах никогда не ездили? – озлобленно ответил шофер. – Скот сел, вот что...

– Гвоздь? – спросил Берузаимский.

– Черт его знает, в темноте не разберешь, – он подошел к кабине и мрачно посмотрел на растворяющуюся в темноте громаду горы, на узкую полосу ведущей вверх дороги. – Менять надо. А запасной, как назло, там оставил.

Берузаимский хотел было спросить, зачем же он это сделал, но не спросил. Шофер сплюнул с досады и вдруг решительно пошел вверх по дороге.

– Вы за скатом? – крикнул ему вслед Берузаимский.

– А то куда же! – донеслось из темноты. – Вы тут смотрите, чтобы какой-нибудь шальняга сдуру не врезался. А то мы здесь надолго заночуем.

Шаги его, удаляясь, все глуше и глуше стучали по дороге. Берузаимский прыгнул на землю и захлопнул дверцу кабины. Шофер уже исчез в темноте. Дождь усилился. Темные мокрые ветви деревьев свисали над кабиной. На дороге, ведущей к хутору, было тихо. Только внизу на шоссе пронеслась, дребезжа бортами, порожняя машина. Берузаимский еще раз прислушался. Потом нагнулся и пошарил рукой по осевшему заднему скату. Найдя то, что искал, он с трудом извлек из резины острый трехгранный гвоздь с плоской широкой шляпкой. Берузаимский положил его в карман и снова пошел к кабине. Посмотрел на часы. Стрелки их показывали девять часов семнадцать минут. Берузаимский еще раз прислушался. Наверху было совсем тихо.

Он открыл дверцу кабины, сел на сиденье и, придвинув к себе брезентовую сумку, открыл ее.

В ней лежала деревянная коробка, в которой обычно держат столярный инструмент. Он открыл крышку. Инструменты лежали, аккуратно пригнанные в пазы, тускло поблескивали в полумраке синеватым металлом. Берузаимский привычным движением надавил по выпуклости сбоку. Бесшумно открылась задняя стенка. Он еще раз внимательно прислушался. Вокруг было тихо. Только чуть слышно стучали по кабине капли дождя. Он положил

ящичек на колени. Щелкнул переключатель. И сразу же вспыхнул зеленый глазок индикатора.

...Только минут через двадцать сверху послышались шаги. Спускаться вниз по мокрой скользкой дороге, да еще придерживая перед собой катящийся скат, было куда труднее, чем поднимать его в гору, и шофер, начав чертыхаться, наверное, уже с первого своего шага, ругался теперь так громко, что Берузаимский сразу услышал внизу его голос.

Еще минут двадцать спустя скат был сменен. Шофер все это время был так озлоблен происшедшим, что, кроме проклятий, которые он время от времени изрекал, не сказал Берузаимскому ни слова, хотя тот все это время, чем мог, помогал ему. Лицо его продолжало оставаться мрачным до тех пор, пока они не выехали на дорогу. Но как только под колесами мягко зашуршал асфальт, водитель дал полный газ и что-то весело засвистел, покачивая головой из стороны в сторону. Берузаимского все время удивляло, почему он не побоялся совершить сделку с явно ворованными дровами в его присутствии. Ведь он же не имел ни малейшего понятия, кто находится рядом с ним в машине. Но это обстоятельство, кажется, и сейчас нимало не беспокоило водителя. Или этот парень был очень смел, или просто глуп...

Продолжая насвистывать, шофер вел машину на полной скорости, не обращая никакого внимания на сидевшего рядом с ним пассажира, словно вообще забыв о его присутствии. Скоро они догнали грузовик. В кузове его перекачивалась из стороны в сторону пустая бочка. Шофер пошел на обгон, засигналил. Но водитель впереди и не думал уступать дорогу. Сигнал раздирал тишину гор, машины шли словно привязанные почти вплотную друг за другом, но идущий впереди грузовик продолжал идти почти по самой левой бровке. Шофер выругался и сплюнул.

– Теперь посмотрим, подлюга, – пробормотал он и еще раз сплюнул.

В этот момент впереди показался встречный автобус. Шофер весь сжался, вцепился в руль, словно слился с ним

в одно целое и, когда автобус со свистом пролетел мимо, так стремительно бросил свою машину на открывавшуюся часть дороги, что у Берузаимского больно дернулась голова. Обойдя грузовик, он резко сбавил скорость и повел машину по самой середине дороги, сам не обращая теперь внимания на надрывные сигналы сзади. Он все сбавлял и сбавлял скорость, и чем надрывнее и громче становились сигналы оставшейся за ним машины, тем веселее делалось его круглое красноватое лицо. Он высовывался в окно и что-то с явным удовольствием кричал в него. Что именно, Берузаимский не слышал, звуки голоса относил ветер. Но, несомненно, это было что-то обидное и оскорбительное. Несколько раз он делал вид, что наконец уступает дорогу, но в самый последний момент снова бросал машину на левую сторону шоссе. И, только натешась вволю, дал полный газ и сразу оторвался от преследователя. Лицо его выражало теперь полное удовлетворение.

Все это время, несмотря на то что его раздражало поведение шофера, Берузаимский не сказал ни слова. Этот парень заинтересовал его. По опыту он знал, что именно в такие вот минуты человек раскрывается с полной силой. Годы совместной жизни могут дать иногда меньше, чем один вот такой час. Характер шофера был для него сейчас почти абсолютно ясен. Когда они уже после наступления темноты въехали на главную улицу райцентра, он сказал шутливо:

– Ну, что ж, сделку совершили, столько вместе проехали, а кого поблагодарить, я так и не знаю.

– А это и не надо, – вдруг посерьезнев, сказал шофер, – встретились и разъехались. Такая наша шоферская жизнь.

– Ну как хотите, не настаиваю. – Берузаимский полез в карман, чтобы расплатиться.

– А может, не надо? – нерешительно сказал шофер. – Все-таки помогали.

– Ну, как хочешь, – протянув деньги, Берузаимский задержал руку. – Как хочешь, не насилую.

– Да нет уж, давайте, – шофер торопливо выбросил ладонь. – За работу же сами отказались получить. Я-то тут ни при чем. Ну, бывайте здоровы!

Он захлопнул дверцу и тронулся с места. Берузаимский, усмехнувшись, посмотрел ему вслед. Парень был жаден и все-таки больше неумы, чем смел. Не захотел сказать свое имя? Решил сохранить инкогнито? Забыл, что на машине имеется номер. ЗИС в этот момент поворачивал за угол и под зажегшимися красными огоньками, под его кузовом ясно и отчетливо вспыхнули четыре цифры – «24-48».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Маленькую Саиду нужно было вести в школу. Аминет была в институте. Сегодня у нее был очень важный день – она готовилась к защите диссертации. А мать Лаукана приболела. У нее с самого утра был очень неважный вид, и, хотя она храбрилась, стараясь показать, что все в порядке, Лаукана трудно было обмануть. Он достаточно хорошо знал свою мать, она всегда старалась сделать вид, что с ней ничего не происходило, в каком бы состоянии она не была. Он знал, что у нее неважно и с давлением, и с печенью, но дома она совершенно не желала говорить об этом. Конечно, она и сейчас ответит Саиду в школу. И никто не подумает, чего это ей будет стоить. Только не Лаукан. Его она не обманет.

Саида, стоя у зеркала, тщательно заплетала косички. Это она в свои семь лет умела делать очень неплохо и нескрывая этим гордилась. А бабушка ее сидела в кресле с бледным, но, как обычно, веселым лицом и ждала, пока та кончит свою работу. Нет, конечно, она ни за что не согласится, чтобы с Саидой шел Лаукан.

Майор Лаукан Карабетов надел пиджак и подошел к матери.

– Ложись, нан, – тихо сказал он. – Саиду отведу я.

– Ты? – Мать подняла на него глаза. – Но ведь тебе на работу. Ты же опоздаешь. И потом с Саидой всегда ходила я. Почему я не могу сделать это и сегодня?

«Потому что ты очень плохо себя чувствуешь», – хотел сказать Лаукан, но не сказал. Это было бы бесполезно. Мать бы все равно доказала бы ему, что это совсем не так и, чтобы окончательно успокоить его, непременно пошла бы с Саидой. Поэтому он сказал:

– Сегодня мне не надо в комитет. У меня дела. И как раз рядом со школой.

Саида, закончив плести косички, захлопала в ладоши.

– Ты пойдешь со мной, папа? А то у меня уже спрашивали, какой ты. Всех уже видели, только тебя одного нет.

Лаукан невесело усмехнулся. Это, пожалуй, было справедливо не только для музыкальной школы, куда надо было вести сейчас Саиду, для преподавателей старшей дочери Суры, которая уже училась в общеобразовательной школе, он был тоже лицом неизвестным. А Сура в этом году пошла во второй класс. Работа, конечно, есть работа, но урвать часик для детей он вполне мог бы. Вот сейчас же он сумеет это сделать. Надо просто позвонить своим и объяснить, в чем дело. Сказать, что он немного задержится. Но если сделает это сейчас в присутствии матери, она тут же поймет, что никуда ему идти было не надо и что все это он делает ради нее. И тогда весь разговор начнется сначала. А ему совсем этого не хотелось.

Лаукан поправил галстук и посмотрел на мать. Да, лицо ее было бледнее обычного. И эти мешки под глазами. Надо непременно отправить ее к врачу. Но это лучше всего сумеет сделать жена. Женщины всегда легче находят в таких делах между собой общий язык.

Саида уже была готова. Она стояла у дверей в светлом накрахмаленном платъице и с нетерпением смотрела на отца.

– Только идите осторожнее, – сказала мать таким тоном, словно он тоже был еще совсем маленький.

Лаукан не успел ответить – зазвонил телефон. Он взял трубку. Говорил дежурный.

– Вы еще не вышли? – спросил он. – Сейчас за вами придет машина.

– Что-нибудь случилось? – спросил Лаукан.
– Сейчас за вами придет машина, – повторил голос на той стороне провода и добавил: – Через четыре минуты.

Щелкнул рычажок, трубку положили.

Мать вопросительно смотрела на него. Она сразу поняла, в чем дело. Только Саида продолжала нетерпеливо переступать с ноги на ногу, раскачивая из стороны в сторону папку с нотами.

– Ну идем же, папа, – чуть капризно сказала она, – я же могу опоздать.

– У тебя другие дела, – сказала мать и хотела встать, – я пойду с Саидой.

– Нет, – Лаукан быстро подошел к ней и положил руку на плечо, – нет, нан, сейчас придет машина, и я довезу ее до школы.

Саида захлопала в ладоши.

– Я поеду на машине, я поеду на машине, – почти пропела она, – вместе с папой, вместе с папой. – Она подбежала к окну и приподнялась на цыпочки. – А где же она? Когда она придет?

– Идем, – сказал Лаукан, – она уже вышла. – Он взял ее за руку. – Мы ушли, нан. Пойди ляг, у тебя очень усталый вид. Я позвоню Аминет, на обратном пути она зайдет за Саидой.

К его удивлению, мать ничего не возразила на эти слова. И это еще больше встревожило его. Значит, она действительно чувствовала себя хуже обычного. Мать никогда не спрашивала его, когда он вернется. Она отлично знала, что если он мог сказать об этом, то говорил обычно сам. Аминет, та только недавно поняла эту истину.

Серая «Волга» мягко подкатила к подъезду почти в ту же минуту, когда Лаукан и Саида вышли из него. На заднем сиденье Лаукан еще издали разглядел лейтенанта Арбаняна.

– А, – сказал он, – Саида. Ты тоже с нами? На работу?

– Нет, – солидно ответила Саида, усаживаясь рядом с шофером, – я в школу. В музыкальную. Я учусь музыке.

– Ах, вот как, – притворно удивился лейтенант. – Ты уже учишься музыке? Честное слово, сказали бы, не поверил.

– Почему? – спросила Саида, не спуская глаз с ветрового стекла. – У нас учатся многие. И девочки, и мальчики.

– Что случилось? – тихо спросил Лаукан у Арбаняна. – Что-нибудь срочное?

– Не очень, – так же тихо ответил Арбанян. – Разрешите, довезем Саиду, и тогда...

Лаукан кивнул головой. Тем более что машина уже сворачивала на улицу, где находилась школа.

– Остановите здесь, – сказал он шоферу, когда до школы оставалось еще два дома.

– Это не школа, – запротестовала Саида, – школа вон там! Дальше.

– Но тебе надо немного пройти и ногами, – сказал Лаукан, ему совсем не хотелось, чтобы кто-то видел, как он привозит свою дочь на занятия. Да и девочку совсем не стоило к этому приучать.

Саида выскочила из дверцы и помахала рукой.

– Привет учителю, – крикнул ей вслед Арбанян.

– А у меня и не учитель, – строго сказала Саида, приостановившись, – а учительница. Ираида Ивановна.

– Ну, тогда передавай привет Ираиде Ивановне, – улыбнулся Арбанян. – Только передай обязательно!

– Передам, – крикнула Саида и вприпрыжку побежала к парадному. Взбежав на ступеньки, она еще раз помахала им рукой и скрылась.

Машина свернула за угол и набрала скорость.

– Так что случилось? – снова спросил Лаукан. – Что-нибудь новое?

– Нет, – сказал Арбанян, – старое. В лесу Джамбот обнаружил какую-то вещь. Около старого дуба. Там, где погиб прежний лесник. Иннокентий Терентьевич считает, что нам надо лично осмотреть место происшествия.

– Иннокентий Терентьевич? – переспросил Лаукан. – Разве он не уехал?

– Он звонил с вокзала. – Арбанян откинулся на спинку сиденья. – Перед самым отходом поезда.

– Значит, полковник узнал о находке Джамбота только на вокзале? – с некоторым удивлением спросил Лаукан. – Каким же образом?

– Вот об этом он мне не сказал, товарищ майор, – чуть официально ответил Арбанян. – Кажется, Джамбот сообщил это через своего сына. Но, я думаю, мы узнаем об этом у Джамбота.

Машина уже выходила на улицу, которая вела к проходящей мимо города в горы трассе. Лаукан замолчал. Он знал, что, если бы его подчиненный лейтенант Арбанян знал больше, ему ни о чем не нужно было бы его расспрашивать. Значит, то, что было известно лейтенанту, было бы только повторением давно известного для майора Лаукана Карабетова.

Карабетов и Арбанян работали вместе уже больше года. Знавшие их были немного удивлены тем, что они быстро и легко сошлись и сработались. Люди они совсем разные. Майор внешне очень необщительный и замкнутый, Арбанян напротив – разговорчивый и всегда веселый. Когда работа была особенно напряженной, Карабетов мог просидеть целый день, куря папиросу за папиросой, не произнося ни единого слова. Тогда молчал и Арбенян. И молчание в этом случае, как правило, нарушал Лаукан. Он смотрел в опустевшую пачку папирос, бросал ее на угол стола и произносил всегда одни и те же слова: «Ну, почему бы не захватить вторую пачку». Но это были только слова. Вторую пачку в один и тот же день он никогда не открывал. Как уже заметил Арбанян, этого правила майор ни разу не нарушил за время их совместной работы. Он умел распределять ее равно на все рабочее время, и последняя папироса почти точно могла означать, что их трудовой день подошел к концу.

Сейчас майор думал о том, что это была за находка, сделанная новым лесником, совсем недавно заменившим на этом посту старого, погибшего, как все считали, вследствие своей неосторожности. Новый лесник еще только осваивался, и многие считали его новичком в этом деле. Но Карабетов знал, что это не совсем так. С Джабаевым они родились в одном ауле, только лесник был лет на двадцать старше. Карабетов закончил школу и поступил в институт, когда Джабаев после войны вернулся домой

из Франции, где сражался вместе с французскими партизанами. Потом кто-то стал писать на него анонимные письма, обвиняя его чуть ли не в предательстве, и уже перешедшему работать тогда в органы безопасности Карабетову долго пришлось заниматься их проверкой. Выдвинутые против Джабаева обвинения абсолютно ничем не подтверждались. Был он человек спокойный, уравновешенный и очень приметный. Лицо его было обожжено во время боя, он горел в танке, но чудом остался жив и теперь носил пышную бороду, которая очень шла к его бледному продолговатому лицу. Много раз майор пытался выяснить, кто, по его мнению, мог писать на него анонимные письма, кого он может считать своим врагом? Но всякий раз Джабаев только недоуменно пожимал плечами.

В конце концов Карабетов сам нашел анонимщика. Им оказался парень из их же аула, имевший виды на невесту Джабаева. Неожиданный приезд солдата, которого почти все считали погибшим, нарушил все планы этого неудачного искателя, и он не нашел ничего лучшего, как попытаться запрятать соперника куда подальше. Одновременно Карабетов узнал и историю невесты Джабаева Мерем, историю любви и верности, которую не могли нарушить ни слухи о гибели любимого, ни его долгое отсутствие. И Карабетов тогда подумал о том, как несправедлива жизнь – о выдуманных Ромео и Джульетте знает весь мир, а вот совершенно реальная, переборовавшая все преграды любовь остается достоянием разве только близких родственников.

Карабетов вызвал к себе любителя анонимных писем и имел с ним длинный разговор. Парень был настолько испуган, что признался во всем полностью. Надо думать, что после разговора с Карабетовым у него навсегда пропала охота освобождать подобным способом дорогу к девичьим сердцам. Во всяком случае, больше ни одного письма с обвинениями в адрес Джабаева не было.

Джабаев давно женился на той, которая его так долго и верно ждала, имел двух детей, работал в лесхозе, и, когда Карабетов узнал о том, что именно он принял лесной

участок после гибели старого лесника, это его нисколько не удивило. Джабаев самозабвенно любил горы и лес, в которых вырос и с которыми был дружен чуть ли не с первых дней своей жизни. В редкие свободные дни Карабетов и сам любил брать ружье и уходить в горы. Ружье он брал просто так, на всякий случай, если вдруг придется случайно встретиться на узкой горной тропе с не в меру рассерженным медведем, но такого случая пока не было, и майор, как правило, возвращался домой с нетронутыми зарядами. Жена не раз посмеивалась над его неудачливостью, но он на это не обижался. Никакая стрельба, никакая подбитая дичь не смогли бы заменить ему величественной красоты леса, полного загадочных шорохов и звуков. Прогулка по лесу начисто снимала недельную усталость и делала его свежим и бодрым. После таких прогулок Карабетов не один раз заходил в домик Джабаева, стоящий чуть обособленно от других в поселке лесхоза, подолгу беседовал со своим старым знакомым – опять-таки о лесе, о его жизни, о его обитателях. Но вот с той поры, как Джабаев принял пост лесника, Карабетов не виделся с ним ни разу. В горах после этого он был только однажды, но домик, занимаемый прежним лесником, в который теперь перебрался Джабаев со своей семьей, находился уже не на дороге, ведущей в лес, а значительно дальше, в глубине его, на горе за неглубокой балкой. А в тот раз у майора просто не было времени заглянуть к Джабаеву и поздравить его с новым назначением. Он собирался непременно сделать это в следующий выходной, но вот теперь придется им увидеться уже по службе.

Карабетову уже давно было известно о гибели старого лесника. Он читал отчет участкового уполномоченного милиции и общее заключение по этому делу. Оно сводилось к тому, что, по всей вероятности, виною всему явился несчастный случай. Проще говоря – неосторожность. Сломанная ветвь на старом дубе, который, как все это знали, был предметом особой заботы лесника, по-видимому, привлекла его внимание. Возможно, он хотел разобратся, как она была сломана. Возможно, хотел попытаться

выяснить, нельзя ли скрепить перелом, и для этого поднялся вверх по стволу. Леснику было уже около шестидесяти, в этот день шел дождь, и кора дерева была мокрая. Мокрыми и скользкими от налипшей грязи были и его сапоги. Стоило ноге соскользнуть, и удержаться на мокром стволе не удалось бы и более молодому да крепкому человеку. Ну, а дальше все понятно. Внизу – пропасть в несколько десятков метров. И изуродованное тело лесника нашли уже ниже по реке, выброшенное волнами на камни. Но упал он в пропасть именно с того места, где рос дуб. Следы этого падения участковый обнаружил сразу.

Внешне все выглядело довольно правдоподобно, и только единственная мысль вызвала некоторую тень сомнения у Карабетова: стал бы подобным образом в подобных обстоятельствах вести себя опытный, умудренный жизнью человек, до тонкостей знакомый с лесом?

Однако никаких других соображений по поводу гибели лесника пока не было. Врагов, как все единодушно заявляли, он не имел, жил в полном одиночестве, так как все его близкие погибли во время войны да в оккупации. Правда, иногда ему приходилось задерживать любителей государственного добра – чаще всего шоферов, забросивших в кузов своей машины кое-что из приготовленного к отправке леса, но никогда ни на кого не составил ни одного акта, никого не оштрафовал, никого не привлек к ответственности. Подобная мягкость иногда вызывала даже справедливые нарекания.

Около дуба не было обнаружено никаких следов. Конечно, тут мог сыграть свою роль дождь и то обстоятельство, что следы начали искать только на второй день после трагического происшествия, но факт оставался фактом – ничего не говорило о том, что здесь было преднамеренное убийство. Да и с какой целью оно могло быть совершено?

И вот вдруг какая-то неожиданная находка. И по-видимому, немаловажная, если она заставила Джабаева сообщить в управление и если прямой начальник Карабетова полковник Смирнов отдал распоряжение ознако-

миться с этой находкой, да еще в самую последнюю минуту перед своим отъездом.

Машина шла по шоссе, далеко оставив позади последние домики города. Промелькнули ажурные переплетения нового моста, вознесшегося над рекой, и слева встали покрытые лесом горы. А справа внизу пенилась, пробиваясь сквозь камни, река. Машина могла довести их только до проселочной дороги, ведущей в лесхоз. Домик лесника находился значительно левее и дальше. Туда вели только пешеходные тропинки. Карabetов обернулся к молча сидевшему все это время Арбаняну.

– Мы вот так пойдём в лес? – он показал на их одежду.

– А почему бы и нет? – засмеялся Арбанян. – Почему медведям не ознакомиться хоть раз в жизни с европейской модой? Почему не узнать, что такое галстук и как он завязывается? – И, продолжая улыбаться, закончил, кивнув головой назад в сторону багажника. – Там все лежит, товарищ майор. Останетесь довольны. Сам выбирал. А я вот все думаю о том, с какой стати старому человеку на дерево влезть понадобилось. Решил детство вспомнить, что ли?

– О том, что влез на дерево, никому не известно. Поскользнуться можно и стоя около него. А может, лесник просто уронил какую-то вещь, уронил стоя под самым дубом? Ветер мог отнести ее к самому обрыву. Ну, а дальше уже все понятно...

– И это возможно, – сказал Арбанян, – и другое. Еще многое другое...

– А если многое, значит – ничего... Хорошо, если Джабаева мы найдем сразу.

– Разве он не знает о нашем приезде?

– Иннокентий Терентьевич сказал, что он уже садился в машину, когда сын Джабаева подошел к управлению. Иннокентий Терентьевич его узнал, позвонил к себе. А вот что было в записке – не знаю.

– Если он сразу позвонил – значит, важное что-то.

Машина свернула на проселок, стало трясти. Дорога круто пошла в гору. Над головой, почти сплошь закрывая небо, смыкались густые ветви деревьев.

– Сверните сюда, – Карabetов показал шоферу на открывшуюся слева небольшую поляну.

Арбанян вынул из багажника две пары кирзовых сапог, брезентовые брюки и такие же куртки. Все оказалось почти в пору – у Арбаняна был точный глаз.

Минут через пять, переодевшись, они снова вышли на дорогу и, пройдя сотни две метров, свернули на неширокую пешеходную тропу. Эта тропа так и называлась «тропой лесника». То замысловато петляя, то опускаясь на дно лощины, то взбираясь круто вверх, она шла прямо к домику лесника. Карabetову эта тропинка была довольно хорошо знакома по лесным прогулкам.

Несмотря на то что шел уже одиннадцатый час, в лесу стоял полумрак, здесь все еще веяло утренней прохладой. И как-то не верилось, что всего полчаса назад они были в шумном городе. Когда до дома лесника оставалось примерно столько, сколько они прошли, Карabetова кто-то окликнул. Они посмотрели вверх и в просвете ветвей увидели на склоне лохматую голову Джабаева.

– Там направо тропинка! – крикнул он. – Сворачивайте и поднимайтесь вверх.

Джабаев стоял, опершись рукой о ствол дерева, другой придерживая ремень перекинутой на плечо старенькой берданки. На заросшем редкой рыжеватой бородой лице играли пробивающиеся сквозь листву блики солнца. Лесник смотрел прищуря левый глаз, и можно было подумать, что на лице его играла усмешка. Однако и Карabetов, и Арбанян знали, что это было следствием все того же ожога, изуродовавшего левую сторону лица.

– Так что там у тебя случилось, Джамбот? – спросил Карabetов, подходя и протягивая ему руку.

Вместо ответа лесник махнул рукой вперед, словно приглашая их в глубину леса, и сам, молча повернувшись, пошел вперед по едва заметной тропинке.

– Не знаю, – сказал он чуть позже, все так же не оборачиваясь. – Может, и зря тревогу поднял? Да только не

верится мне, что со старым Мирзабечем такое могло случиться. Как хотите – не верится!

– Не верится? – Карабетов приостановился, но лесник этого не заметил. – А участковый об этом знал?

В том, что в обстоятельствах гибели старого лесника сомневался и Арбанян, и он сам, не было ничего удивительного. Им это полагалось по роду службы. Отсюда для них всегда начинался путь к истине... Но то, что подобные же сомнения пришли в голову человеку, отлично знавшему и обстановку вокруг, и самого погибшего лесника – это уже меняло дело.

Джабаев приостановился, поправляя сползший с плеча ремень карабина, обернулся.

– О чем? – спросил он, глядя на них обоих чуть прищуренным глазом. – О чем, говорите, знал участковый? А, о том, что мне не верится? Да нет. Участковый со мной об этом не говорил. Когда случилось это несчастье, меня вообще здесь не было. Я дочку в город возил.

В самом деле, почему участковый должен был интересоваться мнением Джамбота о происшествии в лесу? Ведь Джамбот был тогда одним из многих рабочих лесхоза, и только. С таким же успехом он мог выяснить мнение каждого из них. Другое дело теперь. Но для участкового происшедшее месяц назад было уже завершённым делом, и у него не было никаких оснований к нему возвращаться. Однако что же заставило Джабаева усомниться в версии гибели лесника? Сделанная им находка? Или что-то другое? Пока лесник не сказал, что это была за находка. И Карабетов пока об этом не спрашивал. Он отлично знал Джамбота, знал, что он скажет все сам тогда, когда об этом будет нужно сказать.

Лесник снова молча шел впереди, раздвигая рукой нависшие над дорогой ветви кустарника. В нескольких шагах позади себя майор слышал шаги Арбаняна. За все время после встречи с лесником он не произнес ни слова. И это обстоятельство удивляло Карабетова больше, чем молчание Джамбота.

Наконец лес стал редеть, и впереди в ярких лучах солнца открылась довольно просторная поляна. На самом

краю ее, вцепившись мокрыми корнями в каменистую почву, стоял старый раскидистый дуб. Если бы даже Карабетов не заметил на одном из его отростков свисавшую вниз высохшую ветвь, он бы все равно, наверное, безошибочно определил, что это и был именно тот дуб, около которого месяц назад произошло несчастье.

Джамбот шел прямо к дубу. Опершись о его ствол рукой, остановился. Остановились и Карабетов с Арбаняном. Вид, открывшийся перед их взором, был удивительно хорош. Внизу за круто обрывавшейся замшелой скалой темнел синеватый провал ущелья, на дне которого глухо шумел горный поток. На противоположной стороне по изумрудной зелени склона петляла коричневатая лента дороги. Она уходила высоко вверх к горным вершинам, над которыми неторопливо плыли льдистые, как будто совсем прозрачные облака.

Чуть в стороне от них за молодым дубняком медленно поднималась в гору большая отара овец. Отсюда она была похожа на белое кучевое облако, неподвижно застывшее на склоне горы. А над ней, над этим облаком, черными точками застыли в небе горные орлы.

Легкий ветерок нес горную прохладу, сыростью тянуло и снизу из ущелья, где все так же глухо и неумолчно шумел горный поток.

Карабетов еще раз заглянул в глубину ущелья и невольно поежился. Да, тот, кто сорвался с этой скалы, не имел ни малейших шансов остаться в живых. Он был уже мертв, как только его ноги и руки потеряли опору – дальше зацепиться было уже не за что. Разве только за пробивавшиеся сквозь расщелины корни дуба. Но удержаться за них мог только, пожалуй, тренированный гимнаст, да и то не более нескольких минут.

Пока Карабетов и Арбанян рассматривали скалу, на которой стоял дуб, Джамбот продолжал молчать, словно ожидая, когда его начнут спрашивать. Наконец майор приподнял голову и вопросительно посмотрел на него. Джамбот так же молча показал рукой вниз.

– Там, – коротко сказал он. – На нижнем отростке корня. Надо лечь на камень. Так не увидишь.

Карabetов понял, о чем говорил лесник. Он лег на холодный замшелый гранит и, упершись руками в него, насколько это можно было, заглянул в пропасть. Арбанян в это время крепко придавил его ноги к земле.

Сначала майор ничего не увидел. Ничего, кроме сизоватой глубины ущелья, кроме пенистого потока, прыгающего по камням в его глубине, да пробившихся на крутом срезе обрыва растений и обнаженных камней. Но потом, повернув голову чуть вправо, он вдруг заметил то, что имел в виду Джамбот. Оно висело в нескольких метрах от головы Карabetова, запутавшись за переплетения обнаженного корня. Это, по всей вероятности, был обрывок тонкой белой веревки, может быть, даже шнура. Достать до него рукой было невозможно, даже если бы удалось опуститься на всю длину туловища. Без хорошей веревки здесь явно было не обойтись.

Карabetов поднялся, отряхивая куртку и брюки от прошлогодней травы.

– Нужно на чем-то спуститься, – сказал он Джамботу. – Здесь нет ничего такого поблизости?

Джамбот молча кивнул головой и пошел к росшим в стороне от дуба кустам. Нагнувшись, он вынул оттуда свернутый кольцом канат. И подойдя, так же молча передал его Карabetову.

– Товарищ майор, – сказал Арбанян, – разрешите мне, я легче.

– Хорошо, – согласился Карabetов. – Белый обрывок шнура на отрожке корня. Правее и метра на два ниже того места, где я лежал.

Джамбот быстро обвязал лейтенанта одним концом каната, обвернул другой его конец за ствол дуба и, набросив несколько витков на свои кисти, кивком головы предложил Арбаняну спускаться. Лейтенант, опершись руками о срез скалы, медленно сполз в пропасть и повис у самого ее верха на туго натянувшемся канате. Он старался не смотреть вниз, но глубина все равно захватила его и на какое-то мгновение он ощутил противную тошноту, однако быстро справившись с ней, огляделся. Скала была крутая

и почти совершенно ровная. Из многочисленных трещин, пересекающих ее, выбивались стебли трав. Зацепиться за них не было возможности. Переплетение корней, вылезших из самой крупной расщелины, было значительно ниже, и лейтенант крикнул Джамботу, чтобы тот немного опустил канат. Через минуту Арбанян уже касался корней руками. Теперь он ясно видел запутавшийся в них обрывок шнура. Еще с десятков секунд, и он дотронулся до него рукой. Шнур был не особенно толстый, шелковистый на вид, по всей вероятности, очень крепкий. Но больше всего удивило Арбаняна, что шнур не запутался за корни, как это показалось ему сразу, он был завязан узлом, тугим двойным узлом. А вот развязывать его у хозяина не было времени. Или это было ему совсем не нужно, потому что шнур был обрезан острым предметом по обеим сторонам узла.

Арбанян не стал развязывать узел. Лежащим в кармане ножом он отрезал корень, к которому был прикреплен узел, и крикнул Джамботу, чтобы тот его поднимал.

Через несколько минут он стоял уже наверху рядом с дубом, рассматривая вместе с майором находку Джамбота.

Шнур был сплетен, по всей вероятности, из синтетического волокна и несомненно обладал большой прочностью. Но кому и для чего с риском для жизни нужно было прикреплять его к корню дуба над пропастью? Случайно ли было то, что именно в этом месте сорвался в пропасть старый лесник? И наконец, когда прикреплен этот шнур – до гибели лесника или после? Это были только первые вопросы, которые сразу пришли в голову Карabetову и Арбаняну. А за этими вопросами могло скрываться еще множество других, которые немедленно встанут перед ними, как только будет найден ответ хотя бы на один из трех первых.

– Как ты его заметил, Джамбот, – спросил Карabetов, – этот обрывок шнура?

– Я помнил, старый Мирзабеч любил этот дуб. Он часто сидел под ним вот здесь, – медленно сказал Джамбот. – Сидел и думал. Я тоже стал приходить сюда и отды-

хоть после обходов. Я знал, почему Мирзабеч сидел и думал всегда именно здесь. На той стороне, где вот тот белый камень, он был ранен в сорок втором, попал в плен. Под этим камнем похоронены его друзья.

Здесь ему хорошо было думать о прошлом. Тихо и спокойно. А на той стороне – горы и дорога. Через перевал. Сегодня утром я сидел здесь и тоже думал. Каким образом Мирзабеч мог сорваться вниз? Что, если он не лез на дерево, а просто что-то уронил, сидя вот так на этом камне, а потом нагнулся, постарался достать и не удержался на скользком камне. Я лег на камень, хотел представить, как это могло произойти, и увидел внизу вот этот обрывок. Я мог бы позвать кого-нибудь из лесхоза и попросить помочь достать его. Но потом решил послать сына за кем-нибудь из вас. Я думал, так будет лучше...

– Очень даже правильно, – сказал Карабетов. – Спасибо. И прошу тебя пока никому об этом ни слова.

– Я потому и послал сына, – сказал Джамбот, – что не хотел, чтобы знал кто-то еще. А теперь я пойду. Мне надо увидеть Мерем, прежде чем она уйдет в лесхоз. Я дойду до дома и вернусь. Если буду нужен – пойдете по той тропинке: или встретите меня на ней или найдете около дома...

Когда он ушел, Арбанян, продолжая рассматривать находку, сказал:

– Очень похожа на обрывок стропы парашюта. Вы не находите?

– Что ж, и это возможно, – ответил майор, – сейчас на стропы идут самые различные материалы. Но, пожалуй, самое интересное – каким образом этот обрывок очутился над пропастью, да еще привязанным к корню?

– Во всяком случае, не для того, чтобы помочь кому-то опуститься в пропасть, – сказал Арбанян. – Сам шнур выдержал бы и два человеческих тела, но корень, посмотрите, переломился бы и от тяжести ребенка. Но для того чтобы завязать этот узел, кому-то надо было спуститься вниз – как мне, предположим. Значит, человек этот был не один... Или у него была веревочная лестница, которую

он мог прикрепить к стволу дуба, а потом спуститься по ней вниз.

– Для чего? – задумчиво произнес Карабетов. – Вот что для нас сейчас самое главное. У вас есть хоть какие-то соображения на этот счет? Лестница, канат, на котором тебя спускают в пропасть... И все это только для того, чтобы завязать узел на отростке корня? Посмотрите, – он показал на концы шнура, – это же следы ножа. Значит, шнур был значительно больше. И когда он выполнил свое назначение, его обрезали.

– Вы хотите сказать, что к нему было что-то привязано? Что корень был использован... вместо тайника?

– А почему бы нет? – Карабетов подошел к самому краю обрыва. – Посмотрите, при нормальном положении человека, стоящего у самого края обрыва, ему ровным счетом ничего не увидеть. Не увидишь ничего даже тогда, когда нагнешься до критического предела. И только, когда лежа на самом краю заглянешь вниз... Но кто и зачем это станет делать? Если на конце этого шнура находился какой-то сверток, то его нельзя было заметить ни отсюда, ни с той стороны ущелья. Так что тайник отличный... но... есть одно но. Слишком сложен к нему доступ. И слишком рискован. Впрочем, вот если бы... – Он вдруг быстро подошел к стволу дуба, еще раз заглянул вниз и посмотрел на Арбаняна. – Послушайте, тот корень внизу какого размера?

– Размера? – Арбанян на мгновение задумался. – Он достаточно спутан, но если вытянуть отросток... Метра два с половиной будет.

– Тогда я, кажется, понимаю, в чем дело. – Майор вдруг быстро развернул оставленный Джамботом кусок каната, обвил им дерево, потом обхватил им свою талию, а оставшийся конец взял в обе руки наподобие скакалки. После этого он осторожно подошел к самому краю обрыва. Канат за его спиной натянулся до отказа. Арбанян сделал невольное движение к майору, но остановился: лицо последнего было слишком сосредоточенно и напряженно. Да и большой опасности ему не грозило – канат не дал бы ему упасть

вниз. Нагнувшись над самым краем, майор медленно опускал петлю каната. Арбанян продолжал напряженно наблюдать за ним. Однако он не мог видеть того, что привлекало такое напряженное внимание Карабетова. Майор продолжал опускать петлю все ниже и ниже. Потом задержал ее на несколько мгновений и с еще большим напряжением и осторожностью стал тянуть ее вверх. Прошло еще несколько секунд, и над краем камня показался конец вдвое сложенного каната, а вместе с ним и захваченный им отросток корня. Карабетов потянул веревку и захватил корень руками.

– Вот, – сказал он, – понимаете теперь, в чем дело, лейтенант?

Арбанян понял это уже до того, как майор закончил свой эксперимент. Теперь и он был почти убежден, что корень дуба служил тайником. И тайником отличным. Но для кого? И что в нем надо было прятать? На эти вопросы ответить гораздо сложнее. Но ответить все равно будет надо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вот уже второй год, как Берузаимский жил в небольшом домике, расположенном на главной улице райцентра. Улица эта была одновременно и основной магистралью, по которой проходил весь транспорт, и местный и транзитный, в какую бы сторону он не шел. Днем над ней почти всегда стояла легкая завеса пыли.

Владимир Петрович неправду сказал женщине на дороге, что работает в лесхозе. Работал он в конторе райпотребсоюза, но так долго и так часто говорил всем о тесноте в бухгалтерии, да о своей тяге к природе, что многие знавшие его были уверены: место счетовода в конторе райпотребсоюза освободится в самое ближайшее время. Но работать в лесхозе и жить в райцентре было делом нелегким. И никто не удивился, когда Владимир

Петрович заговорил о продаже своего домика. Больших денег он за него не запрашивал, но многим покупателям пока отказывал, мотивируя отказ тем, что еще не подыскал себе подходящего жилья где-нибудь поближе к делянкам лесхоза. А перебраться поближе к природе в принципе он решил уже окончательно. Ничего не поделаешь, привычка. Столько лет пробыл на лесоразработках на Севере, что уже не мыслит себя без свежего воздуха да без других прелестей леса. Даже заскучал в последнее время.

Через несколько дней, после того как Берузаимский случайно побывал на хуторе Рамбесном, в конторе уже лежало его заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности. Одновременно он сообщил своим сослуживцам, что подыскал наконец подходящий домик в хуторе Рамбесном и что договорился насчет продажи своего.

Домик он действительно подыскал, но без помощи той самой вдовы, с которой случайно познакомился на шоссе, и у которой так же случайно побывал дома на хуторе. Случилось все это так.

На второй день после знакомства с шофером, довезшим его до райцентра, Владимир Петрович попросил работавшего с ним в конторе счетовода узнать фамилию водителя ЗИСа под номером «24-48». Сделать это было не особенно трудно, так как зять этого счетовода работал в ГАИ. Берузаимский сказал, что шофер этой машины помог большой группе людей, в числе которых был и он, Берузаимский, добраться до места назначения и отказался взять за это какую-либо плату. Дело было в сильный дождь, и шофер этот развез их по домам. И вот он хотел бы от имени случайных пассажиров хоть как-то отблагодарить этого человека. Через день знакомый счетовод выполнил его просьбу. Фамилия шофера была Джаримоков. Звали его Юнус. Передавая эти сведения, счетовод добавил, что водитель этот находится не на очень хорошем счету у инспекторов ГАИ, и потому особенно приятно слышать, что даже и такие люди, как он, могут совершать добрые поступки...

Позвонив спустя день в контору облпотребсоюза, Берузаимский узнал, что водитель Джаримоков вместе со своей машиной находится на отдаленном птичнике и что обычно он возвращается оттуда к концу рабочего дня.

В этот же день около шести часов вечера, стоя у обочины дороги, Берузаимский внимательно вглядывался в номера идущих в сторону райцентра ЗИСов.

Их в этот вечер было не особенно много, шли в основном МАЗы, работающие в горах на прокладке дороги, ведущей к перевалу, а оттуда к морю. Из птицефермы в райцентр можно было проехать только этой дорогой, и Берузаимский был уверен, что знакомый ему ЗИС непременно пройдет мимо. Единственное, чего он опасался, что Джаримоков опять как-нибудь словчит и задержится еще на час-два. Тогда в наступивших сумерках трудно будет издали увидеть номер машины.

Но этого не случилось. ЗИС Джаримокова Берузаимский узнал сразу, как только машина вывернула из-за поворота. По тому как дребезжали его разболтанные борта, Берузаимский понял, что на этот раз кузов машины был пуст. Надвинув кепку на самые глаза, Владимир Петрович шагнул к обочине шоссе и поднял руку. Завизжав тормозами, ЗИС остановился.

– Куда? – спросил из кабины хриплый голос Джаримокова. – Только до развилки, дальше не возьму. Садись, если устроит.

Берузаимский коротким рывком открыл дверцу и поднялся в кабину.

– Устроит, – сказал он, – вполне устроит.

Шофер быстро обернулся к нему на звук его голоса и сейчас же узнал. Лицо его стало отчужденным. Он явно был не рад этой встрече, и Берузаимский подумал, что сделал правильно, надвинув на глаза кепку. Если бы Джаримоков узнал его раньше, он бы, пожалуй, не остановился. Да и сейчас, когда Владимир Петрович расположился уже рядом с ним, прихлопнув за собой дверцу, опустив голову, водитель мрачно смотрел на приборы, словно не зная, оставлять ли ему пассажира в кабине или попросить его выйти. Потом, словно наконец решившись, включил газ.

– Опять вы, – глухо произнес он, не отрывая глаз от дороги. – Что-то часто мы с вами стали встречаться, а?..

Берузаимский, чуть нагнувшись вперед, посмотрел на его лицо.

– А-а, – сказал он весело и, как ему показалось, с хорошо разыгранным удивлением, – и правда, мы с вами встречались! Всего два дня назад. Да тогда было темно – хорошо не разглядел. Вы что, всегда по этой дороге?

– Да нет, – с прежней мрачностью ответил шофер. – Заладили вот лесхоз да лесхоз. Кому подваливают рейсы получше, а мне... – он махнул рукой. – Этому диспетчеру пока не сунешь... Шкурники все, вот что.

«Лесхоз»? – подумал Берузаимский. Странно, ведь ему сказали, что Джаримоков ушел в другой рейс. Ошиблись ли там или шофер почему-то скрывал это? Если скрывал, значит, у него были для этого какие-то основания. Похоже, что его знакомый промышлял не только дровами...

Джаримоков замолчал, продолжая мрачно смотреть впереди себя на дорогу.

Одна за другой их обгоняли машины. Берузаимский заметил, что Джаримоков на этот раз не обращал на них ни малейшего внимания и что ехал он с необычной для него сравнительно малой скоростью. Дважды, когда машину сильно потрянуло на плохом участке дороги и борта задрезжали так, словно хотели рассыпаться, Джаримоков с тревогой оборачивался, лицо его делалось еще более хмурым. Берузаимский поймал на себе его теперь уже откровенно враждебный взгляд. Сделав вид, что он не заметил этого взгляда, Владимир Петрович дружески заговорил о шоферской работе, о трудностях ее да малых заработках. Джаримоков отвечал неохотно, с раздражением. И Берузаимский снова сделал вид, будто не замечает этого. Минут через пять они проехали то место, где в прошлый раз Берузаимский ожидал автобуса с женщиной из Рамбесного. А еще минут через пятнадцать впереди показался отросток дороги, ведущей к этому хутору. Джаримоков, проехав его метров за сто, затормозил машину.

– Все, – сказал он все так же враждебно. – Приехали. Я предупреждал – только до развилки.

Владимир Петрович продолжал сидеть.

– Ну, непонятно, что ли? – уже нетерпеливо и почти злобно повторил Джаримоков.

– Куда же вы едете? – спокойно спросил Владимир Петрович. – Впереди только одна дорога – через райцентр. И мне тоже туда.

– А может, я сверну в город через мост? Вы же не инспектор – какое вам до этого дело?!

– Ну, если на мост, – так же спокойно ответил Берузаимский, – то я там и слезу. Из города в райцентр идет больше машин, чем по этой дороге. Я же вам заплачу.

– Не надо мне вашей платы, – совсем разозлился шофер. – Говорю, выходите, я дальше не еду.

– Вперед или вообще никуда?

– Чего вы ко мне привязались? – почти заорал Джаримоков. – Вам сказано, вылезайте, и все тут. Делаешь людям добро, подбираешь на дороге, а они еще конику выбрасывают. Вылезайте, или я сейчас возьму ключ!

– Тихо ты, – неожиданно для Джаримокова резко и угрожающе сказал Берузаимский. – Прекрати истерику! А то я тебе такое устрою, что навек забудешь левые дела. Понял?

Джаримоков испуганно посмотрел на него.

– Это какие левые дела? – забормотал он. – Ну, подобрал старые ветки, ну, продал за двадцатку, ну что здесь такого? Один раз и было. Что меня, за это судить будут? Да это еще надо доказать. Да, да, доказать надо! А не докажете, так и за клевету привлечь можно.

– Ладно, – тихо и веско произнес Владимир Петрович. – Надо будет, докажем. И поверят. Тебя, Джаримоков, сколько раз уже на мелочах ловили. Забыл? Можно напомнить. А что сейчас у тебя в кузове? Ну-ка, выйдем, посмотрим!

Берузаимский открыл дверцу. Лицо шофера стало совсем серым, особенно, когда он услышал свою фамилию.

– Так это же, – забормотал он. – Это же... Так, товарищи мне кое-что дали, чтобы передать. Я не хотел. И я... – он совсем запутался и замолчал, затравленно смотрел на Берузаимского.

– Так ты не хочешь выходить? – безжалостно спросил тот. – Может, мне посмотреть самому?

– Ладно, – безнадежно сказал Джаримоков. – Ваша взяла. Дурак я, вот что. Тогда еще подумал, что вы из органов, да потом чего-то засомневался...

– Не засомневался, а жадность одолела, – усмехнулся Владимир Петрович. – А жадность, она и не таких, как ты, жуликов до тюрьмы доводила!

Джаримоков включил заглухший было мотор.

– Куда ехать-то? – упавшим голосом спросил он. – В город или в райцентр?

– Туда, куда ехал, туда и езжай. Разворачивайся, немного назад и вверх...

Джаримоков не ответил. Выглядывая в окно кабины, он разворачивал машину и потом, когда она дошла до развилки и повернула, спросил, не поднимая глаз:

– Значит, и ее тоже? – и со злобой добавил. – Ну и правильно – не покупали бы такие вот, так и мы бы меньше химичили. Ведь это она меня. Еще в тот раз... «На ферму едешь,хвати ящичек яиц. От тех курочек, что на индюков похожи. Разведу на зависть соседям. Привези – не обижу». Теперь вот... развози на свою голову! Ведь честное слово, товарищ начальник, не просила бы, никогда бы за это не взялся. Поверьте, ни за какие деньги! И это в последний раз. Больше никогда. Вы уж скажите, что я не стал скрывать, кому вез. Другой бы разбил их, выбросил на дорогу, и все дела. А я ведь органам помогаю.

Берузаимский молчал. В другом случае, возможно, поведение Джаримокова вызвало бы у него чувство брезгливости, но сейчас оно доставляло ему только удовлетворение. Все-таки было у него свойство безошибочно распознавать людей. Впрочем, пожалуй, и он при первом своем знакомстве с Джаримоковым не мог предположить, что человек этот при малейшей для себя опасности будет выглядеть таким жалким и беспомощным. И это обстоятельство тоже надо было учитывать, если их знакомство продолжится и дальше.

Шофер говорил еще что-то, но Берузаимский, думая о своем, почти не слушал его. Только когда наверху впереди

показалась телевизионная антенна, поднявшаяся над одним из домиков Рамбесного, Берузаимский сказал:

– Останови машину.

Джаримоков посмотрел на него, но, не говоря ни слова, повиновался.

– А теперь слушай. В органах я работал, но давно. Ушел. Из-за таких вот, как ты, жуликов. Не доглядывал, не пресекал вовремя... Подожди, не перебивай. Но связи у меня там еще есть, и донести на тебя и твою эту знакомую из хутора мне раз плюнуть. Понял? Я это и хотел сделать. Да теперь повременю. Парень ты, как мне кажется, не такой уж и плохой. А мне как раз из дома в дом переезжать. Из райцентра на хутор. Может, поможешь? Я заплачу, не волнуйся...

Джаримоков продолжал с недоверием смотреть на него. Лицо его выражало такую смесь чувств, что сразу в них не смог разобраться и такой опытный человек, каким был Берузаимский.

– Да что вы... Да я... Пожалуйста, какой разговор, – все еще не совсем веря Берузаимскому, пробормотал Джаримоков. – И зачем деньги? Я так, по знакомству.

– Ну вот и отлично, – кивнул головой Берузаимский. – А теперь давай к покупательнице. Завершай дело. Много закинул? – он кивнул головой на кузов машины.

– Да что там! – снова забормотал Джаримоков, трогая машину. – Так, на дне ящичка. Сотня-полторы, не больше.

– За один день это не так плохо, – усмехнулся Владимир Петрович. – Но бывают дни и пустые, а?

– Еще бы, – кивнул Джаримоков. – Пустых-то куда больше. На пол-литра и то не наберешь.

Он уже совсем успокоился и говорил с Берузаимским как со старым знакомым, хотя нет-нет да и бросал на него настороженный взгляд, словно все еще не совсем веря, что опасность для него миновала.

Джаримоков подвел машину к знакомому уже дому с палисадником и медленно «подал» ее задом прямо к воротам. Машина почти вся потонула в зелени деревьев, росших перед самым заборчиком.

Сидя в кабине, Берузаимский слышал, как шофер открыл задний борт и полез в кузов. Потом до него донесся знакомый голос. Он посмотрел в заднее, забранное мелкой решеткой, стекло. Джаримоков торопливо стаскивал с кузова картонные ящики. Судя по тому, с каким трудом и осторожностью он это делал, ящики были заполнены доверху и яиц там было явно не сотня-полторы, как утверждал Джаримоков.

Голос Джаримокова до кабины почти не доносился, он старался говорить как можно тише, но женщина, ничего не подозревая, вела беседу в полный голос. Она торговалась, пыталась недоплатить шоферу три рубля.

Наконец он получил деньги и пошел к машине. Хозяйка шла за ним.

– Так ты не забудь, – продолжала она говорить громким грудным голосом, – и привези прямо сюда. В такое же время. Получишь все сполна. Все до копейки.

– Ладно, ладно, – бормотал Джаримоков, – а потише можно? Зачем кричать на весь хутор!

– А ты не бойся, – засмеялась женщина, – у нас в такое время все по домам сидят. С работы только вернулись, вечерают.

Владимир Петрович плотнее прижался к спинке сиденья – кажется, женщина подходила к самой кабине.

– Ну ладно, до свидания, – сказал Джаримоков. – Только вы никому ни слова... Человек мне уступил прямо с базы... как для меня уступил, а я отдал вам. Нехорошо может получиться, если он узнает.

– Будет тебе! – засмеялась женщина. – Уступил, и спасибо. Не даром же. Пятерки тоже на земле не валяются. Так смотри, жду.

Джаримоков с мрачным видом вскочил в кабину и, не глядя на Берузаимского, включил мотор. Машина тронулась с места, позади раздался голос хозяйки, что-то снова крикнувшей вслед, но Джаримоков на этот раз не обернулся. Он снова смотрел вперед в ветровое стекло.

– Дрова завез, яйца тоже, что еще требуется? – с усмешкой спросил Владимир Петрович. – Десяток баранов или пару бычков?

– Ей привези, она и от них не откажется, – в сердцах сказал Джаримоков. – Только этого ей не надо. А вот скат ей нужен. Для какого-то своего родственника, что ли...

– И что – пообещал?

– Будет какой-нибудь старый – подкину... Чтоб не в ущерб производству.

– Как в прошлый раз? – снова с усмешкой продолжил Берузаимский.

– Тот на заднем колесе, уже третий день крутится, – не приняв вызова, сухо ответил Джаримоков. – Я его временно у нее хотел оставить. Потом бы вернулся. Лишь бы теперь на гвоздь не нарваться – запасного больше нету. Так когда же вам вещи перевозить? Скажите только заранее, чтобы я мог со своими рейсами согласовать. Вам что, в райцентр, как и в прошлый раз?..

Берузаимский кивнул головой, думая о том, какой предлог ему следует найти, чтобы встретиться с Джаримоковым на шоссе еще до того, как он купит дом и начнет перевозить вещи.

Джаримоков, ничего теперь не опасаясь, вел машину на скорости, на которую она была только способна. Уже две идущие впереди машины остались с правой стороны. Но совсем недалеко от поворота, ведущего в райцентр, позади послышался настойчивый сигнал догонявшей их машины. Джаримоков, по своему обыкновению, сначала не обратил на него внимания и не уступил дорогу. Однако сигналы становились все громче. Джаримоков наконец посмотрел в зеркало, приглушенно выругался и нехотя свернул на правую сторону шоссе. Слева стремительно выскользнул покрытый брезентовым тентом «газик» и, обогнав их, помчался впереди.

– Начальство? – спросил Берузаимский.

– Главный агроном колхоза, – ответил Джаримоков. – Начальство небольшое, но лучше не связываться. Его тут каждая собака знает. Молодой, да ранний.

– А что он делал в горах? Разве там есть колхозные земли?

– Пасека там у них, – нехотя ответил Джаримоков. – Какая-то экспериментальная, что ли. Так он на ней все

свободное время проводит. Говорят, – он усмехнулся, – каких-то особых пчел выводит, что ли. Которые меда в три раза больше дают. Только, по-моему, брехня все это. Очковтирательство. Да и пасеку, слышал, будут переносить в другое место.

– Почему?

– Так там же строительная площадка близко. Машины какие-то новые. Не просто мощные, а сверх-сверх... Так при работе ревут, что, говорят, это плохо на пчел действует. А по-моему, он просто предлог нашел. Ничего не получается, вот и решил свалить на машины.

– Откуда тебе все это известно, – засмеялся Владимир Петрович. – На базаре одна баба сказала?..

– Так уж одна баба, – обиделся Джаримоков. – Шофер знакомый в колхозе работает – он и рассказывал. Сказал, что главный, это Алкес, значит, уже место в горах новое подыскивает. На будущую весну будут перевозить все это хозяйство.

– Так что же этот главный кандидатскую степень на пчелах хочет заработать или как?

– Не знаю, – пожал плечами Джаримоков, – только от него всего можно ждать. Выскочка. Всегда во всем вперед лез. Еще в школе.

– Ты что, с ним учился?

– В одном классе. Целый год. Он и там свои порядки наводил. То ему плохо, это нехорошо. Так делать нельзя. Это его в детдоме научили.

– У него что, не было родителей?

– Были... Почему не было? Только отец во время войны погиб. А мать умерла, когда ему лет пять-шесть было. Мы же в одном ауле жили. Только он теперь вон какой стал, агроном, да еще главный. А я что? Я шофер. На меня кто внимание обращает? Есть люди, которым везет. А которым так, – он с горечью махнул рукой.

– А кто же его отец был? – спросил Владимир Петрович.

– В колхозе работал, как и мой. Слышал, охотник был к тому же. На всю округу славился. Ружье у него, говорят,

было самой известной марки... Три кольца, что ли. Отец как-то говорил, большие деньги будто стоило.

– И теперь оно, конечно, пропало?

– Да нет, – покачал головой Джаримоков, – слышал, сохранили люди, отдали. Да только зачем оно ему? На охоту не ходит. Все со своими пчелами возится. Многие хотели купить, хорошие деньги давали – всем отказывал. Держит, чтоб незнакомым людям пыль в глаза пустить. Вот, мол, какие вещи имеем. Не то, что вы. Алкес, он какой был – такой остался.

– Алкес? Это что? Его имя?

– Ну да, Алкес. Алкес Хаджинароков. Ну вот, мы уже приехали.

Действительно, Владимир Петрович за разговором и не заметил, как они въехали на главную улицу райцентра. Джаримоков затормозил как раз напротив раймага, где и в прошлый раз высадил Берузаимского. Владимир Петрович вышел из кабины.

– Ну, будь здоров, – сказал он. – Обделывай свои дела, да смотри осторожней. Не все такие добрые, как я. Да и я, имей в виду, не всегда добрым бываю. Переезжать буду на этих днях. Найду тебя. Позвоню. Или сам приду. И не беспокойся, за бензин, за амортизацию машины заплачу. В обиде не будешь. Да, – он придержал дверцу, – как звать твою вдовушку? Из хутора? Да ты не опасайся, – усмехнулся Владимир Петрович, видя, что Джаримоков заколебался с ответом. – Ведь если бы я хотел гадость тебе или ей сделать, не так бы с тобой разговаривал. И потом, что мне стоит узнать это без тебя? Ты сам понимаешь. А она мне обещала с покупкой дома помочь. У меня уже есть кое-что на примете, да, может, у нее что лучше. Так я сразу и договорюсь.

– Фамилию не знаю, – сказал Джаримоков, кажется, вполне успокоенный и словами, и тоном Берузаимского. – Сказала, зови тетушка Фамет.

– Ну, бывай здоров. – Берузаимский, наконец, захлопнул дверцу кабины. – Так если надо, я позвоню.

На следующее же утро Владимир Петрович сел в автобус и слез с него на развилке, ведущей в знакомый

уже ему хутор Рамбесный. Ждать попутной машины, которая довезла бы его до самого хутора, он не стал. Хотя дорога почти все время шла в гору, добраться до него можно было и пешком. От асфальта первые домики хутора отделяли какие-то два – два с половиной километра. И Берузаимский, не став раздумывать, пошел.

Только пройдя с полкилометра, он обернулся. Далеко внизу по асфальту в обе стороны проносились машины. Промелькнул красно-белый автобус. Но отросток дороги, ведущий к хутору, был пуст.

Впереди в зелени листья забелели хаты хутора. Как и вчера, первое что он увидел – была высокая телевизионная антенна, поднимавшаяся над домом учителя Касея. Хуторок в этот утренний час казался совершенно пустым. Дети были в школе, одноэтажное здание которой светлело внизу в балочке, а взрослые, наверное, находились на работе. Берузаимский дошел до дома вдовы Фамет и, не останавливаясь, заглянул во двор. Он казался пустым. Да и похоже, что и сам дом был на запоре. Хозяйка, наверное, или поехала к дочери, или тоже была на работе.

Это обстоятельство несколько не огорчило Берузаимского. Напротив, оно как нельзя больше соответствовало его планам.

Владимир Петрович продолжал идти по заросшей густой зеленью улочке хутора, удивляясь тишине и безлюдью, царящему вокруг. Только спустя некоторое время он понял, в чем дело. Хуторские дворы узкими длинными полосками опускались вниз к реке и, по-видимому, именно там, на этих дворах, и находилось сейчас все оставшееся дома население. Пока солнце не поднялось высоко и не стало жарко, люди копались в огородах.

Он уже прошел почти весь хутор, дошел до последнего домика, стоящего поодаль от всех остальных. Это и был дом, над которым поднималась высокая телевизионная антенна. Дом, в котором жил преподаватель английского языка Касимов. Хотя дом этот и находился в самом конце хутора, антенна его была так хорошо видна снизу именно потому, что он находился на возвышенности, на целый

десяток метров поднимаясь над первыми хуторскими хатками.

В доме учителя были открыты окна. Оттуда доносились приглушенные голоса и чуть слышные обрывки музыки. Наверное, из радиоприемника.

Поднявшись на возвышенность, Владимир Петрович приостановился. Отсюда через широко раскрытое настежь окно довольно отчетливо была видна угловая комната учительского дома. За столиком, чуть согнувшись, спиной к окну сидел человек. На ушах его поблескивали черные наушники. Это, наверное, и был сам учитель Касей. Берузаимский посмотрел на часы. Было восемь часов тридцать одна минута. Он пошел дальше.

Сразу за домом открылся колодец. Около него стояла женщина с двумя ведрами. Берузаимский подошел к ней и помог вытащить воду. Женщина поблагодарила его и спросила откуда он идет и к кому приехал. Берузаимский ответил, что он из райцентра, что хочет переехать жить сюда, подальше от шума и суеты и что ему сказали, будто где-то здесь продается небольшой домик. Женщина сразу же оживилась.

– Да, да, правду сказали, – она поставила ведра на землю. – Это Шарифовы продают. У них сын врач, работает на море в большом санатории. Так они к нему перебраться решили. Это вниз по дороге к самой реке. Он уже не к нашему, а к соседнему хутору Навесному относится. Первый дом, который вам встретится. Вы его издали увидите. Около него большой каштан. Самый большой в нашей округе. А Шарифовы... они сейчас дома. Оба. То-то обрадуются покупателю. А то все говорят – глушь да глушь. А какая у нас глушь? Радио есть, телевизор есть, кино тоже – пожалуйста. А надо в райцентр – садись в автобус, за полчаса доведет. Вы правильно делаете, что к нам переезжаете. Не пожалеете.

Поблагодарив за полученные сведения и распростившись со словоохотливой женщиной, он пошел по дороге, ведущей сначала вниз, а потом снова вверх в гору, туда, где на склоне горы виднелись первые постройки соседнего

хутора. Дом, о котором он получил сведения, скрывался, вероятно, где-то за возвышенностью, потому что, как можно было понять из рассказа женщины, он находился где-то у берега реки.

Берузаимский, расспросив мужчину, ехавшего ему навстречу на велосипеде, очень скоро нашел дом и встретился с Шарифовыми. Оба они – и муж, и жена – были уже довольно стары и, как и предсказывала встретившаяся у колодца женщина, очень обрадовались покупателю. Много они не запрашивали, да и Берузаимский особенно не торговался. Так что предварительно все было слажено очень скоро. Назавтра договорились встретиться в райцентре, чтобы официально все оформить. Берузаимскому вполне подходил этот небольшой, стоящий у самой реки домик, а Шарифовы были так рады сговорчивому покупателю, что весь разговор не занял и полчаса. Обе стороны расстались в полном согласии.

Проходя мимо учительского дома, Берузаимский снова бросил взгляд в окно. И опять увидел человека, сидящего в углу с наушниками. Владимир Петрович посмотрел на часы. Стрелки показывали девять часов двадцать минут.

На следующий день с домом Шарифовых в основном все было улажено. А так как и за свой дом, находящийся на главной улице райцентра, Берузаимский тоже не запросил особенно много, то и здесь у него все устроилось очень быстро. И не прошло и трех дней, как Берузаимский стал владельцем домика у реки, а в его дом уже готовились переезжать новые жильцы. Все свои немногочисленные вещи – тахту, кровать, стол, стулья и нечто наподобие серванта – он продал тоже по дешевке и, купив себе в раймаге все только самое необходимое, нашел Джаримокова. В первый же свой рейс на птицеферму тот перебрал все это небогатое имущество в новый дом Берузаимского. Как Джаримоков ни отказывался от денег, Владимир Петрович почти силой вложил в его руки двадцатку да еще пообещал непременно угостить – или когда тот сумеет добраться в Навесной без машины, или при случайной встрече в райцентре.

Только проводив Джаримокова и оставшись один, Берузаимский по-настоящему приступил к осмотру своего нового владения.

Главное, что его сразу же привлекло в нем, это то, что в доме не было подвала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Самолет шел на большой высоте. Приглушенно гудели мощные двигатели. За черной окружностью бортового окна непрерывным потоком летели и гасли в плотной тьме вырывающиеся из двигателей красные искры. Под закругленным потолком кабины тлела мягким синеватым огнем одинокая лампочка.

Тагир полулежал, опершись на мягкую спинку сиденья. Его предупредили, что в их распоряжении целых три часа, и все-таки он не только не мог уснуть, но даже задремать. А вот сидевший напротив него человек, с которым его связывали самые трудные, если не самые трагические годы жизни, спал, удобно устроив русоволосую, на которой не были заметны первые седые пряди волос, голову на подлокотник кресла. Наверное, сказалось нервное перенапряжение того момента, которого они ждали несколько недель. У каждого нервная разрядка проявляется по-своему. Даже у тех, кого так много общего связывает в этом мире.

А может быть, Сергей прав. Спать, это лучше, чем молча ждать, глядя друг на друга. Говорить они все равно не смогли бы. Во всяком случае, о том, о чем хотели. Недаром же все последние дни их держали совершенно отдельно. Да и сейчас, Тагир был в этом уверен, любое их слово будет подхвачено и записано на пленку подслушивающим устройством.

Самолет находился в воздухе уже второй час. И должен был идти к цели еще вдвое дольше. Подумав об этом,

Тагир невольно усмехнулся. Он достаточно хорошо знал географию, чтобы понимать, что от аэродрома, с которого они поднялись, до нужной точки было не более тридцати минут лета. Сейчас, выполнив свое задание, самолет вполне мог опускаться на бетонную дорожку, с которой он взлетел. Машина шла, все время меняя курс и высоту, и, несмотря на непроглядную черноту ночи, Тагир был уверен, что все это время граница была где-то рядом, граница, которую они пока еще не нарушали, но которую должны были все-таки рано или поздно нарушить, – иначе ни ему, ни спящему сейчас перед ним человеку незачем было садиться в самолет.

Тагир посмотрел на темневшую у входа в кабину пилота сигнальную лампу. Первая ее вспышка и легкий звуковой сигнал должны предупредить их: подготовиться. Потом второй. И дальше будет холодная свистящая пустота, рывок, и где-то высоко над головой неясное полукружье шелка. Несмотря на большую высоту, с которой должен быть совершен прыжок, кольцо они должны были вырвать сразу после отделения от самолета. Потом придет медленное раскачивание в бездонной мгле, и где-то под ногами будут идти навстречу им горы и лес. Горы и лес, знакомые ему много лет назад. Их он считал своими. Узнает ли их теперь? Узнают ли теперь они его? И примут ли?..

Моторы продолжали гудеть мягко и усыпляюще. Сергей спал, словно его ожидала совсем другая судьба, чем Тагира. Словно он должен был остаться здесь, в машине, и вернуться снова туда, под горячее сухое небо чужой страны.

Внезапно приоткрылась дверца кабины. Из нее показалась голова штурмана. Прищурясь, он посмотрел на спящего Сергея, потом перевел взгляд на Тагира, и, приподняв палец, сказал по-русски с сильным акцентом:

– Еще час, – он постучал пальцем по руке. – А потом давай... Ищем ветра.

И снова исчез.

Тагир усмехнулся. Час! Значит, половину оставшегося времени сбросили. Но и так не слишком ли затягивается

эта игра на нервах? Но «ищем ветра»! Это, кажется, все объясняло. Они не рискуют все-таки пересечь границу. Боятся. Значит, хотят выйти на участок с благоприятным направлением ветра. При большой высоте, на которой они все время шли, ветер вполне может вынести их за линию границы. Но пересечь границу они все-таки боятся. Даже на такой высоте! Эта мысль вдруг принесла ему удовлетворение. Они боятся! Он даже не попытался разобраться, почему это должно быть приятно ему. Почему он должен быть горд этим. Просто ему доставляло удовлетворение ощущать это. Впервые после многих лет полного отсутствия собственной гордости.

Самолет теперь, по-видимому, шел над морем, потому что вот уже минут двадцать, как он не менял своего курса. И Тагир, закрыв глаза, представил себе, над какой точкой он сейчас мог находиться. Наверное, внизу во всю ширь раскинулось море. А где-то справа, за галечными отмелями, вставали крутые, заросшие кустарником берега, а над ними уходили в черноту неба покрытые лесами горы. Много лет назад он, тогда еще совсем молодой парень, где-то там внизу впервые вступил на качающуюся палубу десантного судна. Была ночь, такая темная, как и сейчас, неясно угадывалась за бортом холодная маслянистая вода. С моря дул резкий пронизывающий ветер, и мелкие хлопья снега, прикасаясь к щекам, оставались на них капельками воды. Рядом в ночном тумане неясно темнели портовые сооружения. Батальон поднимался по деревянным трапам почти без единого звука. Только изредка где-то звякал в темноте неплотно пригнанный котелок, нет-нет да и слышалась вполголоса произнесенная команда. Позади оставался знакомый с детства аул, молодая жена с грудным Алкесом на руках. Впереди была темь, холодное море, и за ним берега Керченского полуострова... Но тогда не было времени переживать разлуку. Шла война, и враг стоял в каких-нибудь четырехстах километрах от предгорий. От земли, где сменяли друг друга десятки поколений адыгов.

Высоко над головой вставал неясный приближающийся гул. Это бороздил небо немецкий самолет-разведчик. Хотя

пилоты его не могли ничего слышать из того, что происходило внизу, на палубе десантных судов стало совсем тихо. Все молча размещались там, где находили свободное место.

Так начиналось первое в жизни двадцатилетнего Тагира путешествие по морю. Путешествие, которое осталось в его памяти на всю жизнь.

Когда под дощатым настилом палубы глухо застучали машины, Тагир перестал думать о том, что осталось позади. Теперь надо было смотреть вперед. Только вперед. Все учения по высадке на берег не могли, конечно, идти ни в какое сравнение с тем, что ожидало их на плоских песчаных берегах, приближающихся сейчас к ним с каждым оборотом винта. Где-то совсем рядом на палубе или на палубах десятка других разрезавших волны слева и справа десантных судов было немало знакомых адыгов из соседних аулов. С ними Тагир не один раз встречался на свадьбах, на празднествах, а то и просто за дружеским столом. Но искать их сейчас было глупо. Да и навряд ли это ему удалось бы. Уж слишком плотно на темной качающейся палубе сидели люди, прижав к себе оружие.

Стучали моторы, шипела за бортом рассекаемая носом самоходной баржи вода, и бил в лицо холодный морской ветер, неся, как и прежде, острые иглы снежной крупы.

Где-то рядом шли миноносцы и катера боевого охранения. На них изредка вспыхивал сигнальный огонек и мгновенно исчезал.

К берегам подошли перед самым рассветом. Что было потом, Тагир не мог после восстановить в строгом хронологическом порядке. Холодная, обжигающая тело соленая вода, скользкий на морском дне камень и вспыхнувший ослепительными вспышками взрывов и линиями трассирующих пуль внезапно оживший, до этого казавшийся совершенно вымершим берег. Линии колючей проволоки в воде и шквальный огонь из притаившихся в нескольких десятках метров за гребнем берега дотов. Но все это поглотил, смял и отбросил куда-то далеко от Тагира могучий порыв тысяч людей, перед которыми, обгоняя их, катилось

многоголосое «ура». Он бежал вместе со всеми туда, где далеко впереди вставали, освещая мечущиеся фигурки людей, огненные фонтаны разрывов – с моря били суда сопровождения десанта. А потом вдруг пришла звенящая неправдоподобная тишина. Противник, сбитый со всех своих приморских оборонительных рубежей, поспешно отходил по всей ширине полуострова на запад. Туда, откуда пришел.

Тогда ни Тагир, ни те, кто находился рядом с ним, не знали, что пройдет несколько месяцев и им снова придется оставить эту изрытую снарядами, политую кровью их товарищей землю. И что день ее полного освобождения наступит несколько позже. Они просто не думали тогда об этом. Была победа, победа полная, одержанная в невероятно трудных условиях, и это в каждого из них вселяло гордость и уверенность в своих силах.

Прошла зима. Фронт неподвижно лежал у самого горла узкого полуострова. И только когда по-настоящему ударило южное горячее солнце, враг, собрав все силы, бросил их в наступление. Снова на узкой полосе земли развернулись жесточайшие бои. Но теперь уже им приходилось отходить назад, отбиваясь от наседавшего со всех сторон врага. Горело солнце над головой, горела степь. Прогорклый запах дыма стлался к самым стенам города, позади которого было только море. Теперь уже теплое, ласковое, ставшее таким близким и родным.

Взвод, в котором служил Тагир, третий день отбивал атаки вражеской пехоты и танков, окопавшись на вершине холма в развалинах старой мельницы. В двухстах метрах позади начинались первые городские строения. С распахнутыми дверями, с выбитыми стеклами окон. Жители или сидели в каменоломнях, или прятались у причала порта, все еще надеясь уйти на Большую землю. Эвакуировали в первую очередь больных и раненых. На второй день для поддержки части, в которой дрался Тагир, подошли два танка. Две машины, покрытые вмятинами от снарядов, царапинами, оставленными осколками. Машины подошли к окопам, где лежал Тагир, давно не бритый, усталый,

забывший, что есть на свете вода, которой можно было ополоснуть лицо. Из распахнутых люков видны были головы танкистов. Они были в темных шлемах, и только один из них стоял, подставив горячему солнцу обнаженную голову с черными спутанными волосами. И как ни коротко было мгновение, которое Тагир смотрел на него снизу вверх, лежа на гребне окопа, он безошибочно узнал в нем Джамбота. Джамбота, с которым они расстались несколько месяцев назад перед погрузкой на десантные баржи.

А Джамбот, смотря вперед, не замечал его. Для этого ему надо было высунуться из люка еще по крайней мере на два десятка сантиметров.

Тагир повернулся на бок и, приподняв руку, крикнул: – Джамбот! Эй, Джамбот!..

Джамбот, кажется, не услышал. Он продолжал напряженно всматриваться куда-то в горячее марево каменистой степи, лежавшей за гребнями окопов в той стороне, куда смотрело дуло орудия его танка. Но там, насколько это мог определить снизу Тагир, все было спокойно и недвижимо.

– Джамбот! – крикнул еще раз Тагир. – Посмотри вниз, это я, Тагир!..

На этот раз Джамбот, кажется, услышал. Он приподнялся и нагнулся над люком. Тагир поднял руку и махнул ею. Лицо Джамбота расплылось в улыбке. Он что-то крикнул и тоже поднял руку. Тагир хотел вскочить на ноги, но в это время кто-то с силой прижал его к земле. Где-то совсем недалеко рванулись в стороны комья земли, и в голову и ноздри ударил резкий перегар разрыва. Уже прижавшись щекой к брустверу, Тагир увидел, как на башне танков захлопнулись люки. Машины, тяжело урча, дали задний ход и пошли вдоль окопов. Тагир только успел заметить, что на танке, в котором находился Джамбот, были нарисованы три красные звездочки. Больше следить за танками Тагир уже не мог. Впереди поднялась и в полный рост пошла на окопы немецкая пехота.

Дважды еще в это утро она поднималась для решительного броска и дважды откатывалась на исходные

позиции. Но после каждой отбитой атаки рядом с Тагиром оставалось все меньше и меньше бойцов. И перед третьей он понял, что больше половины взвода уже вышло из строя.

А потом на них двинулись танки. Помкомвзвода прошел по окопу и молча положил перед теми, кто еще не был ранен, связки ручных гранат. Перед Тагиром тоже. Тагир посмотрел сначала на связку, потом на стальные серые машины, которые переваливались на ухабах, с каждой минутой все приближаясь к нему, и подумал о Джамботе. Где он сейчас со своим танком? Идет ли и тот другой, который был с ним рядом в самом начале боя? Встать и оглянуться Тагир не мог, а снизу с земли ему ничего не было видно.

Серые машины с черными крестами становились все больше и больше. Вот уже из первой блеснуло пламя, и где-то совсем рядом встал косой столб огня и пыли. Теперь танки били поочередно, один за другим. Тагир успел их пересчитать. Танков было пять. Но где же Джамбот? Где?

Танки с крестами на серой броне отделяли от них уже какие-то десятки метров. Теперь они били по гребням окопов из пулеметов. Кто-то лежащий рядом с Тагиром приподнялся, занеся над головой связку гранат, и сник, прошивший очередь. И в этот момент Тагир наконец увидел наши танки. Они вырвались откуда-то справа, оттуда, куда оттянулись несколько часов назад, и шли теперь на полной скорости прямо во фланг находившихся совсем близко от окопов серых машин. Их отделяло друг от друга уже не более двухсот метров. Но они не стреляли. Ни машина Джамбота, ни та, другая, которая шла рядом с ней.

Почему они не стреляли? Ведь пока их не заметили, можно было при удаче поджечь по крайней мере две крайние машины. Почему они теряли драгоценное время?

Тагир не слышал свиста пуль, врезавшихся в бруствер, не видел вспышки рвавшихся по сторонам снарядов. Он смотрел на танки. Только на танки. Почему Джамбот терял время? Сейчас фашисты их заметят! И вот они наконец заметили... Фланговая двойка машин резко затормозила

и стала разворачиваться передом к идущим на полном ходу к ним краснозвездным танкам. Их разделяло уже пятьдесят метров. Тридцать. Двадцать. А танки не стреляли. Ни один, ни другой. Шли на полной скорости и не стреляли. Тагир хотел крикнуть во весь голос. «Стреляй же, Джамбот, стреляй!» – но вдруг понял, в чем дело. У танкистов не было боеприпасов. И им ничего другого не оставалось, как идти на таран.

Даже сквозь грохот взрывов Тагир различил скрежет металла. Первый краснозвездный танк на полном ходу врезался в неуспешную до конца развернуться фланговую машину. Она сразу осела и резко наклонилась набок. Второй танк ударил по гусеницам другую машину. Но в этот момент третья почти в упор послала в него снаряд. Две машины, плотно сцепившись, горели. Черно-красное пламя высоко вставало над ними. И в этот момент Тагир совершенно ясно увидел на иссеченной осколками защитной броне три знакомые красные звездочки. Это горел танк Джамбота. Его друга Джамбота. Самого близкого из его друзей. И враг, который поджег его, находился рядом. Не помня, что он делает, Тагир, крепко сжав в руке связку гранат, вскочил на бруствер и, почти не пригибаясь, бросился вперед. Кажется, его не заметили. Свиста пуль он не слышал. Он продолжал бежать, видя совсем невдалеке от себя серую сталь начавшей снова поворачиваться к нему лобовой бронью машины. И только в этот момент под его ногами ударили фонтанчики пыли. Но он был уже в двух десятках метров от вражеской машины. И, размахнувшись, собрав последние силы, он бросил связку вперед, под черную вращающуюся гусеницу.

Страшный грохот и ослепительная вспышка перед глазами пришли почти одновременно. Какая-то сила толкнула его в грудь и швырнула на землю.

Когда он открыл глаза, над степью висела непривычная тишина. Кто-то стоял над ним. Он увидел сапоги, подбитые железом, с расходящимися раструбом голенищами. И почти безотчетно протянул руку к лежащему рядом карабину. Сапог приподнялся и с силой ударил его

в грудь. И он снова упал на горячую сухую землю. Потом их всех, кто остался в живых, вели по горячей степи. Автоматчики шагали рядом. Тех, кто падал, тут же пристреливали. Тагир, стиснув зубы, шел в общем ряду. Один раз он вспомнил о том, что было в конце боя. О черном пламене над горящим танком. Джамбот погиб. Погиб его лучший друг. В ауле у него осталась невеста. Мерем. Об их любви знали все. Ее ставили всем в пример. Мерем и Джамбот – это звучало как нечто неразделимое. Но война разлучила их прежде, чем они успели соединиться. И Мерем сейчас там, далеко отсюда, ждет своего Джамбота. Сумеет ли когда-нибудь Тагир рассказать ей о том, что произошло с Джамботом?..

...Приглушенный вибрирующий звук отвлек Тагира от его мыслей. Над дверцей кабины пилотов вспыхнула и погасла лампочка. Первое предупреждение. Тагир быстро поднялся и потряс за плечо Сергея. Тот сейчас же поднял голову и осмотрелся вокруг. Счастливый он был человек. Просыпался так же быстро, как и засыпал, и засыпал так же быстро, как и просыпался.

– Пора? – спросил коротко.

– Первый сигнал, – сказал Тагир. – Приготовься.

Открылась дверца кабины, и из нее снова показалась голова штурмана. Он показал пальцем на люк,

– Открыть, – потом указал наверх, – один раз еще, сразу вниз. Кольцо дергать. Понятно? Первый ты, – он показал на Тагира, – потом ты. Через три минуты...

Все эти инструкции были давно и в самых малейших деталях известны Тагиру и Сергею, и ни тот, ни другой даже не кивнули в ответ на слова штурмана.

Только когда за ним закрылась дверь, они встали и посмотрели друг на друга. Сергей, обернувшись назад на закрытую дверь, громко сказал:

– Значит, если все пойдет как надо, через год... А письмо на первое почтовое...

Они еще раз посмотрели друг на друга, пожали руки. Потом Тагир открыл люк. За ним стояла мрачная и, каза-

лось, совсем неподвижная мгла. Но это только казалось. Тагир поправил лямки парашюта и еще раз посмотрел на Сергея. Тот кивнул.

В этот момент приглушенно прозвучал сигнал. Быстро замигал красный глаз лампочки.

– Давай, – сказал за спиной Сергей.

Он подошел к нему вплотную и положил руку на плечо, словно поправляя лямку парашюта. Тагир шагнул вперед в непроглядную темноту ночи и почти в это мгновение он услышал в ушах свистящий шепот Сергея:

– Пиши сразу... Сразу!

Воздушная струя рванула его тело и отбросила куда-то в сторону. А эти слова все еще стояли в его ушах. Наконец вращение тела кончилось. Он рванул кольцо парашюта, раздался знакомый шелест, еще раз тело ощутило рывок, и он повис в бездонной темноте беззвездного неба. Только по тому, как покачивало из стороны в сторону его напрягшееся в стропах тело, он понял, что тугая струя ветра несет его под острым углом к далекой, но с каждым мгновением становившейся все ближе земле.

Через некоторое время внизу он вдруг увидел цепочку огней, полудугой впаявшуюся в землю. А дальше они сбивались в плотный сверкающий узел и снова бежали прерывистой цепочкой. Это несомненно было побережье. На мгновение Тагиру показалось, что его несет именно туда, прямо в гущу этих огней. Но потом он понял, что расчет штурмана на ветер был точен. Огни, приближаясь, уходили все дальше и дальше назад. И вот они остались уже совсем далеко туманным сгустком еле заметных красноватых точек. Навстречу Тагиру шли теперь горы. Заросшие лесом, безлюдные горы. Во всяком случае, под ногами теперь снова была сплошная темнота. Только далеко внизу в противоположную сторону от оставшихся позади огней медленно, но все шире растекалось светлое пятно. Это из-за гор вставал рассвет.

Но пока он придет на ту землю, на которую он сейчас опустится, пройдет еще немало времени.

Где-то в воздухе сейчас находится и Сергей. Он должен был оставить самолет ровно на три минуты позже.

Три минуты при такой скорости и высоте, это очень много. Значит, Сергей висит сейчас в небе не менее чем в двух десятках километров от него.

В воздухе было тихо. Тяжелое тело туго натягивало стропы. Шли минуты за минутами. Наконец, он почти ясно услышал под ногами неясный приглушенный шум. Этот звук был знаком ему с детства. Так мог шуметь, пробиваясь сквозь камни, только горный поток. Он весь напрягся, и в этот момент коснулся ногами ветвей. Они податливо расступились, и еще через несколько секунд Тагир упал на бок, на мягкую траву.

Парашют, к удивлению, легко поддался усилиям. Тагир свернул его на ощупь в темноте и лег на мягкую шелковую ткань, с наслаждением вытянув свое тело.

Наконец за столько лет он был на родной земле. Родной? Имел ли он право называть ее так?

Над головой мягко шелестели листья, где-то, далеко внизу, ровно и глухо шумел горный поток.

Тагир не мог точно определить, где он сейчас находится. Но вполне возможно, что когда-то очень давно, в пору своей молодости, он мог проходить именно по этой земле, мимо этого дерева, под которым сейчас лежал, и мог точно так же вот трогать руками его влажную шероховатую кору. А в той речке, что шумела внизу, мог ловить форель на самодельные, сделанные неумелыми мальчишечьими руками крючки...

Вот тогда все окружающее его и было его собственностью. И его ближайшего друга Джамбота. И всех других, кто жил на этой земле.

Земля пахла перепрелыми листьями и свежей травой. И он вдруг почувствовал, что так может пахнуть только именно эта земля, та, которую он оставил много лет назад. Нигде, никогда за последние два десятка лет он не ощущал подобного запаха.

И ему почему-то захотелось уснуть. Прямо сейчас, на этой траве, вдыхая в себя растревоженные запахи детства.

Пока рассвет придет сюда, пройдет еще не менее двух часов.

Тагир закрыл глаза. И снова закачалась перед ним выжженная солнцем, пробитая пулями земля Керченского перешейка. Снова он шел в расстроенных рядах раненых, еле передвигавших ноги людей. Вода в выдолбленных камнях, из которых пил скот. И одно только слово, которое плыло над колонной – «лос, лос»...

А потом тесный товарный вагон, стоны, прерывистое дыхание и стук колес под ногами. Мертвых выбрасывали на редких остановках, и опять стук колес, и опять стоны.

Лагерь, в который он попал, лежал у самого подножия синих, покрытых дубовыми лесами гор. Издали они напоминали ему родные – Кавказские. Но только издали. На второй день он узнал, что это были Карпаты.

Тех, кто мог работать, гоняли валить деревья. Огромные столетние великаны. Их увозили на какое-то строительство.

Утром и вечером брюквенный суп и сто граммов хлеба, если этот сырой мякиш можно было назвать хлебом. В редких случаях похлебка из внутренностей конины.

Огромная, всегда распахнутая яма-могила для умерших заполнялась быстро. Недавно выкопали одну, через несколько дней уже роют другую.

Тагир был уверен, что не далек и его черед.

А рядом призывно синели горы. Густые леса на их склонах как бы обещали приют и защиту. Но как туда уйти? Как обмануть охрану, преодолеть двойную линию колючей проволоки и главное – как побороть оставшуюся от контузии слабость? Работа отнимала все силы до последней капли.

Тагир уже давно заметил несколько парней из соседних аулов. Кое-кого он знал, кое-кого просто помнил в лицо. Но во время работы трудно было перекинуться словом. Охранники бдительно следили за тем, чтобы никто не отвлекался от дела. А ночью поговорить было совсем невозможно – они находились в разных бараках.

Одного из этих адыгейских парней Тагир знал по имени. Звали его Хасан, в мирное время он работал в райсельторге. Кем – Тагир не знал, но помнил, что тот работал именно там, отлично.

В последнее время Тагир начал замечать, как вокруг Хасана и еще одного русского белобрысого парня во время работы как-то незаметно собираются одни и те же люди. Еще один русский – неразговорчивый и три адыга. Тагир был уверен, что все это неспроста. Во время короткого отдыха он, растянувшись на траве, вяло наблюдал, как они о чем-то вполголоса беседовали. Но стоило приблизиться охраннику, как сейчас же замолкали. Большого Тагир заметить не мог, потому что ценил каждую секунду отдыха – вялость в мышцах и головокружение никак не пропадали.

Однажды, когда они рубили лес в стороне от дороги, Хасан оказался к Тагиру ближе, чем обычно. Показал глазами на срубленную ветвь и взялся за один ее конец. Они потащили ее в штабеля, и, когда укладывали, Хасан, незаметно нагнувшись к нему, тихо сказал по-адыгейски:

– Надо бежать, Тагир. Иначе здесь мы погибнем.

Бежать? Разве Тагир сам не думал об этом? Но как?

Ведь даже сейчас, когда они вдвоем перетаскивали эту тяжелую ветвь, у него мелко дрожали ноги. Нет, в таком состоянии он может стать для других только обузой. Из-за него могут погибнуть и все остальные.

Тагир покачал головой.

– Нет, Хасан, у меня нет сил. Уходите сами... Если удастся уйти, передай привет жене, маленькому Алкесу. На большее я сейчас не годен. Да, – добавил он, поправляя ветвь, – и еще скажи Мерем, если увидишь ее, что Джамбот погиб. Как герой. Я сам это видел.

Хасан больше ничего ему не сказал. И больше не подходил к нему. Поверил ли он Тагиру, что у того действительно не было сил для побега, или решил, что тот струсил? Этого Тагир так и не узнал.

Через неделю всех обитателей бараков подняли на рассвете. Пошатываясь от усталости, от тяжелого, не ушедшего еще сна, они стояли на плацу, прижавшись друг к другу. Рядом с комендантом лагеря Тагир увидел незнакомого человека. У него было бледное невыразительное лицо и тонкие губы. Между ним и комендантом, прижав-

шись к черным раструбам галифе, стоял коричневый, исполинского размера дог.

Комендант поднял руку, после того как капо и начальники блоков установили тишину, поглаживая другой рукой крутую холку дога, что-то сказал незнакомому Тагиру человеку, тот кивнул головой и на совершенно правильном русском языке прокричал:

– Свиньи!.. Вы самые настоящие свиньи! Все. Германское командование проявило к вам величайшее снисхождение, оно сохранило вам жизнь, дало работу. Оно вас кормит. Вы отвечаете на это черной неблагодарностью. Сегодня ночью несколько человек пыталось бежать из лагеря в горы к бандитам, которые называют себя партизанами. Но обмануть нас никому не удастся. Запомните это все. И того, кто попытается это сделать, ждет участь тех, кто сейчас понесет здесь перед вами заслуженную кару!

Комендант снова поднял руку в черной перчатке, и в конце шеренги заключенных показалась группа людей, окруженная автоматчиками. Первым шел Хасан. Остальные были те, кого в последнее время Тагир видел вместе с ним. Не хватало только одного русского, не разговорчивого и мрачного. Но Тагир сейчас же увидел его. Два дюжих капо за ноги тащили его тяжелое тело по земле. Голова с закрытыми глазами качалась из стороны в сторону, подпрыгивая на кочках.

Всех шестерых поставили перед строем. Седьмого бросили около их ног. Тагиру в этот момент показалось, что он был еще жив. Один глаз открылся и смотрел прямо на безмолвную шеренгу пленных. От этого взгляда Тагиру, да, наверное, не только ему одному, стало не по себе. Он словно спрашивал у всех: почему вы молчите, почему допускаете все это?..

– Смотрите же, – снова прокричал в этот момент стоявший рядом с комендантом. – Такая участь ждет всех!..

Наступила тишина. Все опустили головы.

Комендант посмотрел на безмолвные ряды и что-то вполголоса сказал одному из начальников блоков. Тот

отдал короткую команду с угодливым видом окружавшим его капо, и те немедленно бросились к шеренгам.

– Поднять головы! – заорали они. – Поднять головы, свиньи!.. Смотреть туда, прямо на них. Кто отвернется, станет рядом с ними!

Раздались глухие удары палок.

Люди молча и нехотя поднимали головы. И в этот момент один из приговоренных, совсем еще молодой паренек, пошатнулся и тяжело осел на землю. К нему бросились охранники. Схватив за шиворот, они пытались поставить его на ноги. Но они бессильно подгибались. После некоторых попыток они поняли, что тот мертв. У парня не выдержало сердце.

– Свиньи, – снова прокричал тот же самый немец, – трусливые свиньи! На расплату у вас не хватает мужества. Ну, как остальные, может быть, они тоже предпочитают умереть от страха? А?

Все молчали. Тагир видел лицо Хасана. Оно было печальным и суровым. И вдруг их глаза встретились. Тагиру в это мгновение показалось, что Хасан улыбнулся. Ободряюще улыбнулся, словно не Хасан, а он, Тагир, находился сейчас в одном шаге от смерти.

Комендант поднял затянутую в перчатку руку, а тот, кто переводил его слова, снова крикнул:

– Смотреть, всем смотреть, кто отвернется, сейчас же займет их место!

Хасан снова смотрел на Тагира, только на него, он что-то хотел сказать, слова уже были на его устах, это Тагир видел настолько ясно, что даже напряг слух. И в эту минуту раздался голос коменданта. И сейчас же его покрыл треск автоматных очередей. Хасан рванулся вперед, и в этот момент Тагир ясно услышал его голос:

– Тагир, передай, передай...

Он захлебнулся и медленно повалился на землю.

Тагир даже не заметил, как ткнулся в спину стоящего впереди пленного. Кто-то схватил его за руку, больно рванул, поставил в ряд на место. Находишь в этот момент Тагир ближе к коменданту и его приспешнику, он, пожа-

луй, бросился бы на них, не раздумывая о последствиях. Но теперь он опомнился и снова замер в общем ряду. Хорошо, что никто из охранников не заметил его порыва. Пользы бы Тагир не принес никому, но одним трупом рядом с теми, что сейчас лежали, пришитые пулями, стало бы больше.

И он стоял, пошатываясь от ненависти, от бессильной ненависти, чуть ли не до боли впиваясь сжатыми пальцами в ладони рук.

И вдруг Тагир заметил, как Хасан пошевелился. Кажется, он хотел подняться. Первым после него это заметил переводчик. Он вынул пистолет и нагнулся, почти доставая концом ствола голову Хасана. Раздался выстрел. В этот момент вся ненависть Тагира обратилась не на коменданта, не на подбострастно согнувшихся около него капо, не на только что разрядивших в Хасана и его товарищей охранников автоматную очередь. Больше всего и непримиримее он ненавидел сейчас этого человека с бесцветным лицом и тонкими губами, спокойно и деловито рассматривавшего пробитую его пулей голову Хасана. Ему показалось, что он рванулся вперед, что он сейчас вопьется руками в жилистое горло стрелявшего. Но все это ему только казалось, потому что даже ненависть уже не могла придать сил его измученному трудом телу. И он стоял, как и все рядом с ним, покачиваясь на ослабевших ногах.

Два дня все шестеро лежали у края дорожки в нескольких метрах от колючей проволоки, отделявших пленных от воли. И два раза в день на работу и после работы всех их проводили мимо казненных. И тех, кто пытался опустить голову, снова били палками. Но Тагир сам теперь не опускал ее, он смотрел на запекающуюся кровь на голове Хасана, теперь он был спокоен, только левая контуженная сторона лица наливалась острой болью.

Через месяц после гибели Хасана, доведенный до полного отчаяния издевательствами охранников, он все-таки решился бежать. Во время работы ему и еще шестерым удалось перехитрить охрану. Но навряд ли это сулило

бы уйти далеко, если бы не трагическая случайность, ставшая для него счастливой. Когда преследователи находились в каких-то нескольких сотнях метров от них, сверху обрушилась каменная лавина. Их спаслось двое – он и еще один парень с Волги. Но зато преследователи отстали. Решили, наверное, что все погибли.

Спустя некоторое время они встретили еще одного худощавого сутуловатого парня, бежавшего из другого лагеря. Звали его Сергеем. Вскоре они остались вдвоем – третий не выдержал напряжения и умер.

А потом...

Тагир открыл глаза и увидел тонкую ажурную листву над головой. Темнота медленно рассеивалась. Высокое небо становилось серовато-белым. Все так же ровно и глухо шумел где-то внизу горный поток. Но теперь в его неумолчный шум вплетались неясные голоса. Лес медленно просыпался. И вдруг где-то совсем рядом ясно и отчетливо засвистела синица.

Тагир сел и осмотрелся. Он лежал на небольшой поляне, заросшей сочной травой. Со всех сторон ее кольцом окружали молодые дубки. Тагиру повезло – он опустился почти в самый центр этой поляны. А вот Сергею... Сопутствовала ли такая удача и ему?

Он быстро сложил парашют и пошел через поляну на шум потока. Метров через двести перед ним открылась еще одна поляна. На противоположном краю ее лежали большие замшелые валуны. А еще дальше была глубокая расщелина с неровными узкими трещинами. По-видимому, она уходила вниз к ущелью, на дне которого и шумел поток.

Тагир остановился около одной из особенно глубоких трещин и бросил туда сверток с парашютом. Он заскользил по неровным стенкам и застрял между ними далеко внизу. Потом Тагир подкатил к краю расщелины один из небольших валунов и столкнул его вниз следом за свертком. Валун упал точно на него, увлекая за собой мелкие камни и комья земли. Когда рассеялась поднятая им пыль, отсюда сверху нельзя было заметить ни малейших следов

сброшенного свертка. А опускаться вниз навряд ли кому могло прийти в голову.

Первая задача была решена. Оставалась вторая. Тагир еще раз осмотрелся, перекинул через плечо холщовую сумку, какие в этом лесу носили лесорубы, и хотел двинуться снова через лес, чтобы поискать тропинку, ведущую к дороге. Там, где много людей, на него вряд ли кто обратит внимание. Но прежде надо было полностью избавиться от прошлого. Он сделал несколько шагов к лесу. Где-то совсем недалеко от себя он услышал шаги. Кто-то шел через лес, раздвигая шелестящие ветви руками, и что-то чуть слышно пел, пел на знакомом ему с самого рождения адыгейском языке. Звонкий чистый голос с каждым мгновением становился все отчетливее и яснее. Еще десятка два шагов, и человек этот выйдет из-за деревьев.

Не раздумывая, Тагир упал на землю, за первый валун, плотно прижавшись телом к холодному, покрытому зеленоватым мхом камню...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Майор Карabetов постучал в дверь.

– Войдите, – произнес за ней низкий знакомый голос.

Полковник Смирнов сидел за столом и просматривал бумаги. Он приехал ночью, и майор его еще не видел.

– Садитесь, – сказал полковник. – Ну, что с Джабаевым? Не зря вас побеспокоил?

– Пожалуй, даже с некоторым опозданием, товарищ полковник, – ответил майор. – Я думаю, нам надо было раньше заняться обстоятельствами гибели лесника. По-моему, здесь все обстоит не так просто, как это сказано в протоколе участкового уполномоченного. По моему мнению и по мнению лейтенанта Арбаняна, предположение о несчастном случае чрезвычайно сомнительно. Кстати, это мнение разделяет и Джабаев.

– Вот как? – полковник внимательно посмотрел на него. – И на чем же основаны эти соображения?

Карабетов рассказал о встрече с Джабаевым, о его находке и обо всем том, что с ней было связано.

– Ну и что же добавил ко всему этому Джабаев, после того как вы снова встретились с ним? – уже с явным интересом спросил полковник.

– Не очень много, товарищ полковник. Повторил, не верит, что лесник мог сорваться в пропасть, влезая на дерево.

– Подождите, – сказал полковник, – вы уже отдали на исследование найденный кусок веревки?

– Так точно, товарищ полковник, веревка сплетена из синтетических волокон, обладает очень большой крепостью. Но в ней нет ничего необычного. Такие толстые и крепкие шнуры используются сейчас даже в быту. Сделана она, по данным экспертизы, не за границей, а у нас. На парашютные стропы подобные шнуры не употребляются.

– Так, – сказал полковник, – но все-таки что же конкретно опровергает версию о несчастном случае? Не будем пока говорить, каким образом оказалась обнаруженная Джемботом веревка на корне дерева, и о том, кто и для чего ее привязал. Сейчас нам важно установить, какие факты говорят за то, что гибель лесника явилась следствием несчастного случая и какие этому противоречат. И на чьей стороне преимущество. Насколько мне известно, ружье лесника было найдено лежащим наверху около дуба. Значит, в момент падения оно не было перекинуто через его плечо, а вот его палка, с которой он обычно совершал обходы участка, не найдена. Значит, перед тем, как сорваться в пропасть, он снял с себя ружье, но палку оставил при себе. Для чего это было ему нужно? Как по-вашему?

– Ружье он снял для того, чтобы можно было лечь на землю и заглянуть в пропасть, – после короткой паузы ответил Карабетов, подумав в этот момент, что полковник несомненно познакомился с делом о гибели лесника, если ему были известны такие детали. Только когда это он сделал – до своего отъезда или уже после? Но во втором случае ему пришлось бы использовать для этого ночь.

– Допустим, – кивнул головой полковник, – но палка, зачем ему понадобилась в этом случае палка? Ведь, как я понял из вашего рассказа, вам для того, чтобы сделать то, что, по вашим словам, сделал лесник, то есть лечь на край обрыва и заглянуть в него как можно дальше, понадобилась помощь лейтенанта. А ведь вчера еще не было дождя.

– Все-таки он старый опытный человек, товарищ полковник.

– Старые и опытные люди тоже иногда совершают роковые ошибки, майор. С этим я согласен. Любопытство могло на какое-то мгновение взять верх над простой осторожностью. Это бывает и с очень бывальыми людьми. Нет, одних предположений мало. Нужны веские и твердые факты, опровергающие случай. Тогда все это происшествие приобретет совершенно другую окраску. Тогда мы уже можем с полным основанием предполагать, что оставил эту веревку на корне дерева не просто какой-нибудь турист. И делать из этого соответствующие выводы. Я думаю, вам с лейтенантом надо продолжить исследование места происшествия. И вести его до того, пока вы не придете к какому-то одному бесспорному выводу.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – сказал Карабетов. – Разрешите приступить к выполнению прямо сейчас? – Он хотел добавить, что, кажется, знает, почему палку лесника не нашли наверху около дуба. Да, она вместе с лесником упала в пропасть, и поток, по всей вероятности, унес ее. Палка была в руках у лесника. Она заменяла ему веревку, с помощью которой Карабетов подтянул к себе корень. Но он этого не сказал. Надо было все проверить. И потом палка могла еще найтись наверху, где-нибудь в кустах.

– Да, – кивнул головой Смирнов. – Еще одну минуту. Последние дни вдоль нашей границы, особенно в ночное время, отмечаются частые полеты чужих самолетов. Как правило, они курсируют на очень большой высоте и линии границы не нарушают. Однако проходят на очень близком, я бы сказал, критическом расстоянии от этой линии. Возможно, в этом нет и ничего из ряда вон выходящего. Но

в эти дни нам нужно быть особенно внимательными. При благоприятном направлении ветра, благоприятном, конечно, не для нас, вполне можно ожидать с той стороны любые сюрпризы. А такое направление ветра, – полковник пододвинул к себе лежащий на столе листок бумаги, – господствовало во вторник, в пятницу и субботу. Так что в лесу будьте особенно внимательны. И не только к тому, что касается обстоятельств гибели лесника, – он встал. – Ну вот, теперь, пожалуй, все...

Полковник вышел из-за стола и подошел к Карабетову.

– Еще раз напоминаю, будьте предельно внимательны. Если действительно здесь не несчастный случай, а нечто другое. Там у меня на столе записи переговоров коротковолнников, работающих в нашем районе. Всех их мы знаем, всем верим. По крайней мере, должны верить, так как никаких оснований для того, чтобы подозревать кого-то из них в нечестности, у нас нет. Но вот в передачах, идущих на них, есть нечто не совсем обычное. Трижды передается одна и та же фраза на наших коротковолнников-любителей. Позывные радиолюбителя-коротковолновика из Багдада. С ним ведут переговоры, во всяком случае, вели, несколько из наших любителей. В том числе братья Касимовы. Вы их знаете?

– Один из них преподаватель английского языка? – спросил майор. – Что живет в Рамбесном?

– Вот именно, – кивнул головой полковник. – Фраза, которой заканчивается передача, звучит примерно так: «Желаю вам всего самого доброго»...

– Простите, товарищ полковник, – с некоторым недоумением сказал Карабетов, – но это самая обычная фраза, которой обычно заканчиваются все передачи любителей.

– Возможно, – кивнул головой полковник, – но я сказал – фраза эта звучит примерно так, – он подчеркнул последнее слово, – в ней всегда меняется порядок слов. Например: «самого доброго желаю вам» или «доброго самого вам желаю» и так далее.

– Но что говорят по этому поводу сами любители, товарищ полковник? Их об этом спрашивали?

Смирнов покачал головой.

– Пока нет. Если судить по их ответным передачам, никто из них не принимает эти передачи на себя. Во всяком случае, ни один на них не отвечал. Однажды попробовал это сделать учитель, но его запрос остался без ответа.

– Товарищ полковник, – медленно произнес Карабетов, смотря прямо в лицо Смирнова, – вы считаете, что все это имеет какое-то отношение к гибели лесника?

– Не будем опережать события, майор, – полковник снова пошел к столу. – Но если только ваши предположения о том, что эта смерть была насильственной, подтвердятся... Что ж, тогда такая возможность будет не исключена. Ну, а теперь все. Не теряйте больше времени. Желаю удачи, – он протянул Карабетову руку и пошел к своему креслу.

Майор вышел. Лейтенант ждал его в их общем кабинете. Перед ним лежал на столе тот самый обрывок шнура, до которого он с таким трудом добрался вчера утром. Арбанян рассматривал его с таким вниманием, что Карабетов невольно улыбнулся.

– Хотите получить от него ответ, – спросил он, – на все интересующие вас вопросы? Было, если помните, такое письмо: система узелков на шнурках. У древних майл. Но на этом кусочке, к сожалению, только один узелок, да и тот ровно ни о чем не говорит.

– Да, – Арбанян наморщил лоб. – Но кому и за каким чертом все-таки могла прийти мысль завязывать его над пропастью, где проще простого сломать себе шею?

– Вот это нам и придется выяснить, – сказал майор. – Выяснить, как бы трудно это ни было.

– Товарищ майор, – произнес Арбанян, как и прежде не отрывая глаз от обрывка шнура, – а что, если это сделал сам лесник? И в тот самый момент, когда отрезал вторую сторону, потерял равновесие и упал.

– Но если он обрезал шнур, значит, на нем что-то было. Вы полагаете, что оно могло упасть вместе с ним в воды реки?..

– Вот именно, товарищ майор, – подтвердил лейтенант, хотя в голосе его не звучало никакой уверенности. – И тогда...

– И тогда мы отрезаем все пути для дальнейшего расследования, – закончил майор. – Нет, лейтенант, давайте пока оставим все предположения, звоните дежурному, чтобы машина выезжала. Приготовьте всю нашу вчерашнюю спецодежду. Через десять минут мы выезжаем. И ни я, ни вы не сядем за свои столы, пока у нас не будет совершенно обоснованная версия того, что произошло в лесу.

Через пятнадцать минут они проезжали уже по центру города. Смотревший в окно Арбанян вдруг совсем некстати спросил:

– А как Саида? Кто поведет ее сегодня в музыкальную?

– Она уже там, – недовольно ответил Карabetов. Забота лейтенанта о его дочери сейчас показалась ему совсем неуместной, хотя в другое время она, возможно, и была бы приятна майору. Но, когда есть дело – надо жить только делом, пока оно не будет доведено до конца. Таково было убеждение Карabetова, и он старался ему не изменять. Во всяком случае, в тех обстоятельствах, когда это было возможно.

* * *

Машина, оставив их на том же самом месте, что и в прошлый раз, ушла обратно в город. Вернуться она должна была перед самым вечером, когда в наступающей темноте делать в лесу было уже нечего.

Прежде всего Карabetов и Арбанян направились к домику Джабаева. Еще не доходя до него, они услышали пение. Молодой и свежий девичий голос далеко разносился под кронами деревьев. Пела несомненно девушка. Наверное, дочь Джабаева.

Лесника они встретили на тропинке, ведущей к дому. Он шел своей размеренной легкой походкой, и ружье, как обычно, висело за его спиной. Он остановился и, поздоровавшись, сказал:

– Поет, слышите, все время поет. Не знаю, что делать. Только из школы придет, сразу поет. Ей-богу, не знаю, что делать, – повторил он.

– Сколько ей лет? – спросил Арбанян.

– В восьмом классе. Пятнадцать недавно исполнилось. Ей говоришь, уроки делать – это главное. Школу надо кончать на медаль, а она поет. Утром встает – поет. Вечером спать ложится – поет. Бедная Мерем тоже не знает, что делать...

– Значит, призвание, – снова сказал лейтенант. – Надо посоветоваться со специалистами. Пусть проверят голос, слух... Хотите, я поговорю с Ираидой Ивановной?

– С кем? – спросил Карabetов, невольно приостановившись.

– С Ираидой Ивановной, – спокойно сказал Арбанян. – С преподавательницей Саиды.

– Вы с ней знакомы? – майор с некоторым удивлением посмотрел на лейтенанта.

– Пока нет, – так же спокойно ответил лейтенант, – но для такого случая можно и познакомиться. Когда у человека талант – жаль, если пропадет. Разве вы считаете, это не так?

– Нет, – пробормотал майор, – я считаю, что это так. Но только... Однако оставим это пока. Поговорим о деле. Слушай, Джамбот, нам нужна веревка, хорошая крепкая веревка, не та, что лежит у тебя около дуба, а значительно длиннее. Чтобы доставала до самого дна обрыва. До берега реки. Ты мне как-то об этом говорил. Мне кажется, она у тебя есть.

– До самого дна? – переспросил Джамбот, совсем не удивившись этой просьбе. – Это, значит, метров сорок. Правильно я говорил. Есть даже больше. Тут у меня в середине лета туристы останавливались, они и оставили на хранение. И не только веревку. Скобы и все, что нужно для подъема.

– Нам скорее нужно для спуска, – сказал Карabetов. – Если у тебя есть время, пойдем с нами к поляне.

– Обход я уже сделал, часа два имею. А потом надо пройти по участку, что прилегает к дороге. К концу рабочего дня машины в райцентр возвращаются. Порожняком. Так не всех это устраивает. Есть такие, что дровами запол-

нить кузова норовят. Распустил их старый Мирзабеч, да не будет недобрый словом упомянуто его имя!

– Послушай, Джамбот, – сказал майор, когда они, захватив моток крепкой альпинистской веревки, шли к поляне. – Ты и сейчас считаешь, что гибель Мирзабеча не случайна?

– Этого я не говорил, – покачал головой Джабаев, – не говорил... Чтоб так сказать, надо основания иметь. Я только никак не верю тому, что слышал потом от нашего участкового. Что будто Мирзабеч забрался на дерево, чтобы поправить сломанную ветвь, и оттуда сорвался вниз... Я думаю, что он тоже увидел тот кусок белой веревки и хотел его достать...

– Кусок веревки? – спросил майор. – Но зачем ему нужен был простой кусок веревки?

– Но ведь она обрезана... значит, на ней тогда что-то было.

– Правильно, – кивнул головой Карабетов, – ты правильно мыслишь, Джамбот. Но что? Вот в чем вопрос?.. Как ты думаешь, что может прятать человек, привязывая к корням дерева, над пропастью?

– Что-то очень важное. Чтоб никто не видел и не знал.

– Хорошо, давай допустим, что кто-то попытается это сделать снова. Удастся ли ему это, чтобы ты этого не заметил? Как тебе кажется, Мирзабечу было почти шестьдесят, – после короткого раздумья сказал Джамбот, – мне на десять лет меньше. То, что увижу я, мог не увидеть Мирзабеч. Но Мирзабеч мог не увидеть один, два раза. А потом увидел бы. Если человек был посторонним.

– И если все-таки Мирзабеч не обратил на него внимания? – быстро спросил Карабетов.

– Значит, он был местный или из лесхоза.

– Правильно, – сказал Карабетов. – Я тоже так думаю. А сколько работников в лесхозе? Тех, что работают в лесу?

– Наверное, больше ста, – сказал Джамбот. – Во всяком случае, не меньше. А если считать вообще всех, то раза в два больше.

– Все это не особенно утешительно, – сказал Карабетов. – Ну, ладно, пока давай веревку, пойдем к обрыву. – И,

когда Джамбот подошел к дому и скрылся за густым кустарником, окружающим его двор, посмотрел на Арбаняна, который снова впал в непривычную для него задумчивость. – Ну что, лейтенант, теперь моя очередь? Как вы считаете?

Арбанян внимательно окинул глазом приземистую фигуру майора, словно только впервые ее увидел, и очень серьезно спросил:

– Вы когда в последний раз взвешивались, товарищ майор?

– Я? – майор засмеялся. – Допустим, неделю назад. Уверяю вас, за это время я не очень отяжелел.

– И все-таки сколько было на весах?

– Восемьдесят или восемьдесят два, – не совсем уверенно ответил Карабетов.

– А я взвешивался только вчера, – сказал Арбанян. – Семьдесят четыре кило. А восемь килограммов над пропастью – это не так мало. Спросите об этом хотя бы Джабаева.

Лесник подходил в это время к ним, держа в руках моток крепкой альпинистской веревки, в другой у него были несколько скоб и пара ботинок с металлическими шипами.

– О, да тут все, что надо, – обрадованно произнес лейтенант, – хоть сейчас на Казбек! – он взял из рук лесника ботинки, быстро осмотрел их и бросил торжествующий взгляд на Карабетова. – Какой у вас размер обуви, товарищ майор?

– Сорок третий, – сказал Карабетов, – вам же это известно.

– В таком случае, судьба решила не только с килограммами в мою пользу – ботинки сорок один с половиной, что вполне соответствует моему размеру. Это вам тоже отлично известно...

– Вечный счастливец! – засмеялся Карабетов. – Что ж, будем надеяться, что когда-нибудь повезет и мне. Ну, а теперь, – произнес он уже с полной серьезностью, – не будем терять времени...

– Джамбот, Джамбот! – донеслось со стороны домика. – Подожди минутку.

Лесник остановился. Карабетов и Арбанян, пройдя несколько шагов, сделали то же.

По тропинке торопливо шла женщина.

– Добрый день! – сказала она мягким грудным голосом. – Почему гости проходят мимо и не заходят в дом?

– Потому, что мы не гости, Мерем, – ответил майор. – У нас есть дела, и, когда мы их закончим, если разрешишь, непременно зайдем в твой дом.

– Ты же знаешь, об этом не принято даже спрашивать, – улыбнулась жена Джамбота. – Мы будем рады тебе и твоему товарищу. А теперь я хочу, если разрешите, спросить у Джамбота, поедет ли он в ближайшие дни в город. Если нет, я поеду сама. Но тогда...

– Тогда тебе нужно будет уже сегодня начать к этому готовиться? – улыбнулся Джамбот. – Тебе все кажется, что ты прежняя Мерем. Ну ладно, – мягко добавил он. – Поезжай, я присмотрю за всем, сделаю обход немного раньше...

– Уж не ревнуешь ли ты меня, муж мой? – засмеялась Мерем. – Когда женщине за сорок, об этом пора забыть...

Арбанян во время этого разговора исподволь осматривал жену Джамбота. Раньше он кое-что слышал о ее красоте, но увидел ее впервые. Действительно, в ней было гармонично и совершенно все. И статная стройная фигура, и полуоткрытые сейчас, чуть покатые плечи, и тонкая гибкая шея, и черты лица с тонким прямым носом и большими, темными, как осенняя ночь, глазами. А было ей наверняка уже за сорок. Как же она выглядела в лучшую пору своей молодости?

И рядом с ней бородатый Джамбот, похожий на жителя необитаемого острова. Два эти человека настолько не подходили друг другу, что Арбаняну стоило большого усилия представить сейчас, что были они мужем и женой. Но он тотчас же вспомнил историю их любви. Ведь она зародилась еще тогда, когда Джамбот был молодым стройным парнем, и огонь горящего танка не успел опалить его лица. И Арбанян вдруг почувствовал такое уважение к

этой стройной, все еще удивительно красивой женщине, что ему захотелось подойти к ней и пожать ей руку. Но он, конечно, не сделал этого. Он только спросил:

– Это пела ваша дочь? Мне кажется, у нее довольно приятный голос.

– Да, – Мерем довольно улыбнулась. – А вот Джамбот говорит, что Сана только даром тратит время. Что ей лучше лишний раз решить задачку по математике.

– Я думаю, одно другому не мешает, – сказал лейтенант, в то время как Джамбот недовольно посмотрел на жену. – Почему бы вам как-нибудь не показать ее специалисту по пению?

Жена Джамбота вдруг совсем смешалась и покраснела.

– Я не знаю, – пробормотала она растерянно. – Если Джамбот хочет...

– Ладно, ладно, – недовольно произнес Джамбот. – Поговорим об этом потом, а сейчас нам надо идти.

– Так заходите, – донесся уже издали голос Мерем. – Непременно заходите.

Лесник шел впереди, хмуро опустив голову. Арбаняну стало даже немного неловко: не начатый ли им разговор испортил ему настроение? Зачем действительно вмешиваться в чужие дела. Но ведь голос девочки и верно показался ему и чистым, и свежим, и достаточно сильным. И это в лесу. А если в закрытом помещении с хорошей акустикой? Нет, если они зайдут в дом к Джамботу, он непременно вернется к этому вопросу. Даже если Джамботу этот разговор будет не особенно приятен. Они дошли до поляны у обрыва, на краю которого и рос уже знакомый им дуб. Прежде всего они самым тщательным образом осмотрели поляну и весь росший по ее краям кустарник. Прошли по тропинке, по которой должен был идти к дубу лесник в тот роковой для себя день. Палки нигде не было. Оставалось вернуться к прежнему выводу: в момент падения в пропасть лесника она была у него в руках. Через час они все вернулись к дубу.

Лейтенант, кажется, полностью убедил Карабетова, что спускаться и на этот раз нужно ему, потому что послед-

ний на этот раз не сказал ни слова, когда Арбанян стал готовиться к спуску. Джамбот молча разматывал канат, а потом стал крепить один его конец к стволу дуба.

– Как ты думаешь, – спросил майор, – сколько метров до дна?

– Не меньше тридцати, – подумав, ответил лесник. – Я был внизу у берега речки только три раза. Два, когда шел по ее берегу от истоков. Один раз спускался с той стороны. Но там обрыв раза в три меньше. Сейчас вода большая, и берега внизу осталось совсем немного. Только ногами стать – не больше. Но на обрыве внизу кустарник, молодые пихты, ели. Я снизу видел. Чем ниже, тем гуще. Это хорошо. Будет за что цепляться.

– Это плохо, – сказал Арбанян. – Если то, что было прикреплено к корню, действительно упало вниз. Попробуй найти. Не обшаривать же каждый кустик! На это и месяца не хватит.

– И все-таки это лучше, чем если бы скала была совсем голой. Тогда любой предмет не остановился бы при падении до тех пор, пока не упал бы в воду. А на трудности давайте не жаловаться. Их еще нам предстоит преодолеть немало. Вы готовы?

Арбанян кивнул головой. Он успел уже снять кирзовые сапоги и плотно зашнуровать на ногах альпинистские ботинки. Брезентовую куртку он с себя сбросил и остался в одной клетчатой рубашке с длинными рукавами. Джамбот снова, как и в прошлый раз, крепко обвязал его концом каната подмышкой, пропустил канат за ствол дуба, и лейтенант осторожно лег на срез обрыва, спустив вниз ноги. Канат в руках майора и лесника натянулся как струна. В следующее мгновение Арбанян соскользнул вниз и повис над обрывом.

Сейчас пропасть под его ногами показалась ему значительно глубже. Наверное, потому, что теперь ему предстояло опуститься на дно, а не висеть всего несколько минут у самого ее края. И еще, наверное, потому, что теперь спуск должен был длиться не менее чем полчаса. Ведь на пути вниз придется осматривать каждую расщелину, каждый встретившийся на пути кустик и веточку.

Сейчас лейтенант висел приблизительно на уровне срезанного вчера им корня дерева. Он мог протянуть руку и достать его. Но корень ему не был нужен. Сейчас его интересовали ростки плюща, обвивавшие хвойные деревца, росшие из расщелин. Он медленно ощупывал их руками, стараясь обнаружить в их зелени посторонний предмет. Канат опускался медленно, чуть заметными рывками, и Арбаняну не доставляло большого труда осматривать каждый кустарник или молодые побеги. Они договорились, что, если на пути его встретится что-то подозрительное, он похлопает рукой по туго натянутому канату. Или крикнет. Но пока в этом не было нужды. Как внимательно ни осматривал Арбанян расщелины и растения, медленно уходящие вверх, как ни ощупывал их руками, ничто не вызывало ни малейших подозрений.

Чем ниже опускался Арбанян, тем ощутимее становился влажный сумрак, поднимающийся со дна потока. Когда с противоположной стороны начала уходить в небо правая, более низкая сторона ущелья, легкий сумрак превратился в полумрак.

Однако на близком расстоянии все было видно довольно отчетливо.

Поток под ногами шумел теперь все громче и угрожающе. Если бы даже оставшиеся наверху захотели окликнуть лейтенанта, он бы ничего не услышал. С каждым метром гул все усиливался, и временами Арбаняну казалось, что это тугая струна звука, рвавшаяся вверх, раскачивает его тело на канате. Тогда он плотнее прижимался к скользкому камню или к кривым стволам карликовых деревьев.

Как и говорил Джамбот, ниже растительность становилась все гуще. Но теперь это были уже не деревья и кустарники, а какие-то ползучие растения, лишайники и бархатистый зеленый мох. Если предмет, который мог упасть сверху, был небольшого размера, искать его здесь, пожалуй, было безнадежным делом. Помочь мог разве только счастливый случай.

Еще несколько метров, и лейтенанту пришлось включить фонарик, висевший на груди. Короткий его луч лег на влажный камень, покрытый блеклой зеленью растений.

Еще через несколько метров Арбанян ощутил водяную пыль, густо висевшую над бьющимся в камнях потоком.

Он направил луч фонаря вниз. Вода пенилась в двух-трех метрах от его ног. Поток был неширок, не более десятка шагов поперек, но попасть в него было не особенно приятно. Ни один человек не устоял бы на ногах даже у самого его края. Два-три мощных удара об острые камни – и выбраться из него уже не удалось бы вообще никому.

Но Джембот и здесь оказался точен. У самого подножия круто вздымавшейся вверх скалы темнел узкий карниз, который не заливала вода. Он был достаточно широк не только для того, чтобы можно было на него стать, здесь можно было даже сесть. Некоторую помеху, для того чтобы стать на твердую опору, представлял собой большой куст, который находился прямо под ногами лейтенанта. Но опускали его настолько плавно и медленно, что он сумел отодвинуть его в сторону ногами и стать на мокрый, обдаваемый мелкими водяными брызгами карниз.

В тесном ущелье вода ревела так, что о том, чтобы его голос донесся до верха, нечего было и думать. Но Джембот и майор поняли, что он добрался до основания ущелья. Канат ослаб ровно настолько, чтобы дать возможность лейтенанту свободно двигаться, и снова остался неподвижным.

Он оперся рукой о крутой холодный срез обрыва и осмотрелся. То что он принял за один большой куст, было на самом деле несколькими кустами. Причем все они были вырваны с корнем и, спутавшись, представляли на первый взгляд одно целое.

Арбанян, нагнувшись, внимательно разглядывал их. Вот этот самый пышный рос, несомненно, где-то там наверху у самого среза обрыва. Таких там было много. А вот этот, поменьше, значительно ниже. И третий, обвитый плющом, тоже. Все они были вырваны с корнем. А для этого нужно было приложить немалую силу. И лейтенант понял – лесник, падая вниз, пытался спастись, хватался за все, что попадалось под руки. По-видимому, сначала ему удавалось как-то сдерживать свое падение, но ни один

куст не выдержал тяжести его тела. А потом у него окончательно кончились силы. Он упал сюда, прямо на край узкого карниза, на котором сейчас стоял Арбанян, упал, возможно, все продолжая судорожно держаться за вырванные кусты. Был ли он еще жив в этот момент? Лейтенант поднял голову и посмотрел вверх на круто падающий вниз провал ущелья, и ему снова стало не по себе. Нет, вряд ли в старом теле лесника могла в тот момент теплиться жизнь. Руки его, наверное, бессильно разжались, кусты остались на камнях, вода подхватила и унесла тело. Ведь найдено оно было значительно ниже, там, где поток, выходя в долину, терял свою силу.

Арбанян нагнулся еще ниже, ощупывая лучом фонаря влажные камни и спутанные между собой корни кустарников. Потом он приподнял их и оттащил немного в сторону. Под ними была довольно заметная вмятина в наносном песке. Именно сюда, наверное, и упало тело лесника.

Лейтенант внимательно осмотрел каждую расщелину, ощупал руками каждое растение, пробивавшееся из щели у самой воды. Площадка, на которой он стоял, была длиной в десяток метров. Когда он дошел до самого ее края, он вдруг заметил чуть выше, почти над самой головой, торчащий из камня отросток корня. Вокруг него не было больше ни одного растения. Отросток находился в полном одиночестве. Это было более чем странно. Арбанян уперся ногой о выступ скалы, медленно приподнялся и с трудом дотянулся рукой до отростка. Он так легко поддался и остался у него в руке, что лейтенант чуть было не потерял равновесие и не оступился ногой в воду. Корень, который остался в руке у него, был сантиметров тридцать в длину и очень напоминал тот, к которому была прикреплена обнаруженная Джемботом веревка, и перелом на нем был очень свежий. Вполне возможно, что он относился тоже к тому времени, когда случилось несчастье с лесником.

Арбанян еще раз оперся ногой о выступ скалы и попытался достать рукой до небольшой площадки, на которой лежал этот обломок корня. Это ему удалось не сразу.

Наконец, медленно подтянув свое тело, лейтенант схватился одной рукой за выступ, а другой попытался обшарить его. И сразу же его ждал успех. Пальцы наткнулись на какой-то холодный, небольшого размера предмет. Через несколько секунд, стоя уже снова на площадке, Арбаниян рассматривал этот предмет, чувствуя, как волнение все больше и больше охватывает его. На его ладони лежала металлическая коробочка величиной с обычную пачку сигарет. Коробочка для своих размеров была довольно тяжелой. Плотно пригнанная крышка казалась припаянной наглухо.

Арбаниян еще раз осмотрел ее со всех сторон, потом осторожно положил в карман и, подойдя к канату, дернул, как было условлено при подъеме, три раза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тагир продолжал лежать, прижавшись всем телом к замшелому валуну. Шаги слышались все ближе и ближе. Они были какие-то необычные. Словно человек двигался вприпрыжку. Двигался быстро, куда быстрее, чем это положено идущему шагом. Потом вдруг шаги остановились. Человек стоял где-то совсем близко за деревьями и вдруг снова запел звонким молодым голосом. Это была или девушка, или совсем молодой парень. И песня удалялась с каждой минутой. Тагир успокоился: он ясно увидел мелькнувшую среди деревьев не то белую рубашку, не то платье уже далеко от себя. Теперь он слышал только слова песни, мотив был знаком ему с самого детства. И слова, звучащие на родном языке. Впервые он услышал их за целых двадцать лет.

Нет, не за двадцать. Была еще одна встреча. Встреча для него удивительная, перевернувшая многое, если не главное в его неустроенной неласковой жизни.

После долгих странствований он попал в Бейрут.

В этом большом портовом городе – столице Ливана – его попросту бросил в сильном приступе малярии капитан перуанского танкера, на который он нанялся за гроши. В Бейруте, как на всем Ближнем Востоке, было тревожно и беспокойно. Иногда где-то над головой на очень большой высоте с протяжным глухим воем пронеслись самолеты, по улицам ходили патрули гражданской самообороны. Совсем рядом на земле соседней Сирии все еще стояли войска захватчиков. Да и отдельные их отряды совершали иногда налеты и на пограничные деревни Ливийской республики. Город часто просыпался среди ночи от пулеметной, а то и от оружейной перестрелки. Тагир ходил по улицам, пошатываясь от слабости, позванивая жалкими оставшимися еще у него грошами, не зная, что делать дальше. На завершившие погрузку в порту суда его не брали. Один его внешний вид яснее ясного говорил, что как работник он никуда не годится. Ждать, пока он снова наберется сил? Для этого существуют богадельни. А на судах надо работать. Денег, при самом экономном отношении к ним, оставалось не более чем на два дня. Если питаться двумя пирожками с горохом и единой миской похлебки, можно растянуть на три. А что дальше? Правда, был еще один выход. Но о нем Тагир не хотел думать даже в самые трудные минуты в своей жизни. Но сегодня он почувствовал, что больше не в силах бороться с судьбой. Ведь еще несколько дней, и он вытянет ноги где-нибудь на задворках одного из шумливых восточных базаров. И тело его бросят в яму с какой-нибудь дохлой бродячей собакой.

А город, в своей экзотической красочности, был великолепен. Особенно в районе аристократических его кварталов. За те несколько дней, которые Тагиру пришлось в нем пробыть, он узнал город довольно хорошо. Сидеть на одном месте для него было не вмоготу – все время казалось, что где-то рядом он может наконец найти для себя какое-то дело и заработать несколько грошей. В богатом районе – Ашрафие, населенном в основном старинной ливанской аристократией, и в новом современном Рас-Бейруте, где

жили в основном иностранцы, на него никто попросту не обращал внимания. В рабочем районе Верхней Басты трудовые руки не были нужны, только в районе Нижней Басты, заселенном мелкими торговцами, ему удалось подработать несколько монет, которые могли бы продлить ему жизнь на два-три дня.

Чем меньше оставалось сил в его когда-то крепком теле, тем отчетливее осознавал он безвыходность своего положения. Самое страшное заключалось в том, что ему не у кого было искать поддержки. Никто не обязан был за него заступиться – скитаясь по всему миру, он так и не приобрел себе постоянного подданства.

И он решил, будь что будет. Сейчас он пойдет на базар, проглотит пирожок с похлебкой и, когда желудок на некоторое время перестанет диктовать свою волю, обдумает все не спеша. А там в конце концов не все ли равно, как кончить свою жизнь.

Он долго толкался в шумливой толпе базара. Ему все казалось, что у торговков, к которым он подходил, пирожки недостаточно велики, что где-то рядом должны быть большие, и что похлебки наливают не так много, как это делали где-то здесь же вчера, и, наверное, ходил бы еще дольше, как вдруг около одного из торговцев глиняной посудой услышал слова, которые заставили его вздрогнуть.

– Ахмет, – сказал женский голос, – возьмем эти. Они мне больше нравятся.

Тагир обернулся. У деревянного лотка, на котором горой были навалены глиняные кувшины и чашки самых различных форм и размеров, стояли мужчина и женщина. Тагир не видел их лиц. Но говорили они на чистейшем адыгейском языке.

И Тагир, не удержавшись, сказал:

– Добрый день, дорогие соотечественники!

Женщина не обернулась, она продолжала рассматривать посуду. Обернулся мужчина. Теперь Тагир не сомневался, что перед ним был адыг, такое лицо он мог встретить разве только где-нибудь в районе Понежукая. Или на берегах Лабы. Он смотрел на Тагира совершенно спокойно,

казалось, его совсем не удивило внезапное к нему обращение.

– Добрый день, – сказал он. – И да поможет тебе Аллах. Ты тоже приехал на базар за покупками. Издалека? Из какого аула?

Из какого аула? О чем он спрашивал. Или он просто смеялся над ним! И он ответил:

– Из того, что стоит над Лабой. Недалеко от Майкопа.

Мужчина внимательно смотрел на него. Теперь, кажется, он думал о том, не смеялся ли над ним Тагир.

– Ты говоришь правду? – тихо спросил он. – Ты на самом деле с древней адыгейской земли?

– Клянусь! – ответил Тагир. – Костями предков, которые лежат в этой земле.

Мужчина обернулся и коснулся рукой плеча женщины.

– Зульфия, – сказал он, – смотри, этот человек приехал оттуда, где жили наши предки. Он с Кавказа. Он был там совсем недавно.

Тагир покраснел. Он хотел сказать, что это было совсем не недавно, что с тех пор прошло почти два десятилетия. Но не сказал. В глазах женщины вспыхнул такой интерес, что ему стало просто стыдно погасить его.

– Я всегда хотела увидеть хоть одного человека, который мог бы рассказать о том, как живут люди на нашей древней земле, – сказала она. – И вот Аллах смилостивился надо мной.

– Подожди, – сказал мужчина, – подожди, Зульфия. – Он протянул руку Тагиру. – Меня зовут Ахмет. Это моя жена. Ты здесь один или у тебя друзья? Они здесь, на базаре?

Тагир назвал себя и сказал, что никаких друзей у него нет.

– А что ты думаешь делать? – снова спросил Ахмет. – Сегодня и завтра?

– Не знаю, – Тагир пожал плечами, – я жду парохода.

– Тогда пойдем в порт и узнаем, когда он придет, – сказал Ахмет. – И если не скоро, поедем к нам. В аул. Это совсем недалеко. Пусть радость встречи с земляком,

который недавно покинул родину, достанется всем. Ты не можешь сказать «нет» – ты адыг.

Тагир растерянно молчал. У него не было причин отказываться от радушного приглашения, кроме одного. О чем он будет говорить тем, кто его встретит в ауле? Что ответит на их вопросы о жизни на родной земле, если он покинул ее столько лет назад? И как он объяснит свое нахождение за пределами родины? Но, с другой стороны, его неудержимо тянуло очутиться снова среди своих, услышать родную речь. Он колебался, не зная, что делать.

Ахмет в ожидании смотрел на него. А потом, по-видимому, приняв долгое молчание Тагира за согласие, сказал, обернувшись к жене:

– Плати деньги, Зульфия, и идем, у нас будет гость. И у всего аула будет гость.

Тагир еще с минуту поколебался, а потом, нагнувшись, подхватил сумку Зульфий. Ахмет взвалил на плечи другую, и они пошли куда-то через базар, к площади, окруженной глинобитными домами.

Там стоял длинный широкоосный автобус, на крыше которого горой возвышались схваченные веревкой сумки и узлы пассажиров. Последних было не так уж много и Тагир со своими спутниками нашли удобное место в углу. Автобус, урча мотором и испуская странное зловоние от отработанных газов, тронулся с места и, медленно набирая скорость, свернул в первую же улицу. Улица была очень узка, и казалось просто чудом, что автобус продирается сквозь стенки домов. Попадающиеся навстречу пешеходы жались в проемах дверей и калиток.

Наконец они выбрались из узкого лабиринта улиц. Впереди лежала желтоватая песчаная равнина. Куда ни глянешь – везде пески и пески. Нигде ни жалкого деревца, ни кустарника. А над песками, над серой уходящей вдаль лентой шоссе стоит в мутной дымке красное, раскаленное, как сама степь, солнце.

Нанесенный ветром песок тонким слоем лежит на дороге, тяжелые скаты машины отбрасывают его в обе стороны, и он висит в воздухе, как вытряхнутая из мешка кукурузная мука.

То навстречу, то обгоняя их, изредка проносятся машины. То новенькие, блестящие лаком и никелем, то совсем старые развалины, наподобие этого автобуса, на котором они ехали. Но больше всего вдоль дороги попадает верблюдов. Они шагают медленно и величаво, не глядя по сторонам, безостановочно перетирая что-то зубами. Иногда попадались низкорослые ослики, впряженные в арбы, колеса которых чуть ли не в два раза превосходили их рост.

Но вот пустыня кончилась, и по обеим сторонам дороги побежали маленькие деревушки с плоскими глинобитными домиками. И опять ни малейшей зелени, ни одного деревца – ни старого, ни молодого. Деревушки располагались, как заметил Тагир, больше на низменностях, где ветер из пустыни дул не так сильно. И со стороны дороги их плохо было видно. Только узкая голова мечети возвышалась высоко над всем ее окружающим.

Тагир молчал, молчали и его спутники. Тагир был гость и по обычаю должен был рассказать о себе. Но он не знал, о чем говорить, ведь и Ахмет, и Зульфия были все еще уверены, что на подошвах его ботинок свежая пыль родной для них земли.

Время шло уже к вечеру. Автобус остановился на просторной площади деревушки, которая была несколько больше других, оставшихся позади. По обеим ее сторонам располагались небольшие магазинчики, торговавшие, по-видимому, всякой всячиной.

Ахмет и Зульфия предложили Тагиру пройтись, пока автобус будет стоять, посмотреть, что в них продают, но он отказался. Денег у него все равно не было, а торговля его не интересовала. Когда нет денег на еду, о коммерции не приходится думать.

Солнце отбрасывало теперь косые лучи, и становилось не так жарко. Если оставшиеся позади деревни казались совершенно пустынными, то здесь было довольнолюдно.

У длинной скамейки возле одного из домов Тагир увидел старуху, у ног которой расположились маленький мальчик и две девочки. Старая женщина что-то расска-

зывала, и те, раскрыв рты, внимательно слушали. Никто из них даже не обратил внимание на остановившийся неподалеку автобус.

Старая женщина эта вдруг удивительно напомнила Тагиру его соседку по родному аулу Хатукову. И поза, в которой она сидела, и длинное платье, и лоб, перевязанный легким платком, все это ему было настолько знакомо, что ему захотелось тут же выйти из автобуса, подойти к ним. Но он горько усмехнулся и опустил голову. Как все-таки крепко сидела в нем тоска по родной земле, если даже на сотни километров от нее на чужой, прожженной солнцем земле он видит людей, которых давно пора забыть и которых почти наверняка нет в живых!

Больше он старался не смотреть ни на старуху, ни на сидящих вокруг нее детей, потому что мальчик вдруг стал казаться ему его Алкесом, которого тоже наверняка давно нет в живых.

В самые сумерки автобус остановился у приподнятого шлагбаума. Шофер перекинулся с кем-то несколькими словами, кто-то открыл дверцу, заглянул внутрь. Потом снова в сгустившихся сумерках побежала за окном гористая пустыня. В тот момент Тагир даже не понял, что они переехали границу.

Через час автобус довез их наконец до аула, где жили Ахмет и Зульфия. Как оказалось, это был уже не Ливан, а Сирия. Несмотря на то что было уже поздно, весь аул очень быстро узнал, какой редкий гость появился у них, и как это полагается у адыгов, все пришли к дому Ахмета, чтобы приветствовать прибывшего.

В просторной кунацкой Тагир сидел на самом почетном месте. Каждый входящий желал ему счастливого прибытия и долгих лет жизни.

А когда наступил вечер и вместе с ним пришла прохлада, началось всеобщее торжество. У дома Ахмета собралось почти все население аула, Тагиру даже показалось, что он вернулся на свою родную землю.

Тонкая стройная гармонистка мягко раздвинула мехи гармоники, и полилась с детства знакомая мелодия. И

девушки, и парни, стоявшие по сторонам от гармонистки, молча ждали. Ждали, что скажет джегуако – распорядитель праздника.

А он вышел на середину круга и начал так, как начинают и сегодня в таких случаях распорядители на праздниках на адыгейской земле.

– О люди, ради древней земли наших отцов, где родились адыгейские танцы и адыгское слово, ради нашего гостя, который прибыл к нам из колыбели наших дедов, будем сегодня танцевать и веселиться!

Потом он мягко отступил в сторону и стал там, где смыкаются ряды парней и девушек. И, обращаясь к мужчинам, почти закричал:

– Хлопать в ладоши!.. Всем хлопать в ладоши!..

Как разгоряченный конь, рванулась гармошка. Казалось, она взлетала теперь в воздух, и звуки ее обрушиваются на толпу откуда-то сверху подобно горному водопаду. Один из стройных парней сорвался с места, сделал прыжок и замер перед одной из девушек. Та плавно повела плечами и почти не слышно вышла из круга подруг.

– Люди, – возгласил распорядитель, – люди, слушайте меня. Сегодня все должны веселиться, сегодня не должно быть равнодушных.

И вдруг Тагир почувствовал резкую боль в левой стороне головы. Это снова давала знать о себе контузия. И эта боль почему-то снова заставила его вспомнить прошлое. Звуки гармоники и голос распорядителя перенесли его далеко от этой чужой земли, в предгорья родного Кавказа. Он вспомнил, как танцевал на первой свадьбе у своих соседей, когда привезли невесту. Вспомнил, как заиграли парный танец, и он впервые в своей жизни пригласил девушку. У нее были теплые тонкие руки, и она танцевала, прижавшись к нему локтями и плечом.

– Шире круг, шире круг! – продолжал громким голосом провозглашать джегуако-распорядитель, но Тагир уже не слышал его. В мыслях он был не здесь, под сирийским небом, а дома, и казалось ему, что музыка, которая звучала вокруг него, была та, что он слышал давно-давно

в своем ауле, когда впервые вышел в круг с той девушкой. Потом перед его глазами вдруг встало огромное грушевое дерево, которое росло во дворе, где тогда шло веселье, и он вспомнил, как однажды он еще мальчишкой с другими такими же мальчишками решил наворовать с него груш и как потом ему за это досталось. Интересно, стоит ли еще сейчас это дерево или его уже нет?

Потом он вдруг вспомнил мельницу, что находилась в верхнем конце аула на левом берегу стремительной в летние паводки речушки, вспомнил холодные прозрачные волны, которые возвращали бодрость истомленному солнцем телу. Вспомнил другую сторону речки, где на жарком берегу зрели на солнце огромные арбузы.

Однажды они собирали пшеничные колоски, и их застала гроза. И всем пионерским отрядом они бежали к синевшим вдали вагончикам полевого стана... Потом перед его взором встали ряды персиковых деревьев и заросли дикого терна на склонах пологой балки, и родник, и маленький журчавший на ее дне ручей.

Веселый голос распорядителя прервал его мысли.

– Дорогой гость наш! – сказал он, подходя к нему. – Да пусть сделает Аллах тебя гордостью адыгского племени! Старшие предлагают тебе очередной танец. Они просят, чтобы ты напомнил им время наших дедов. И да пусть твой танец наполнит наши груди чистым воздухом гор, по которому они тоскуют уже многие годы. Шире круг! Шире круг и громче хлопки, гость наш исполнит нашу просьбу.

Тагир тряхнул головой, отгоняя от себя нахлынувшие воспоминания, и быстро вошел в круг. Теперь в вихре танца ему уже казалось, что он действительно дома в родном ауле и тень старой груши падает на него, и открой он сейчас шире глаза, всмотришься в окружающие лица, – многие из них окажутся теми самыми дорогими ему, знакомыми с самого детства. Давно он не танцевал так, как в этот вечер. В танцах вылилась вся его тоска по родному аулу, тоска, которую он так долго сдерживал перед другими людьми.

И даже высокая стройная девушка, с которой ему пришлось танцевать перед самым концом данного в его честь праздника, казалась ему именно той, что положила на его плечи тонкие прохладные руки в тот памятный для него вечер, когда он впервые вошел в танцевальный круг.

Поздно закончилось веселье. Усталый и радостный, он лег спать, но снился ему снова родной аул, и старая груша, и мельница над рекой.

Незаметно прошли двое суток. Он знал, что по обычаю только после третьих его спросят, какова цель его приезда и каковы его намерения на будущее. Что он мог сказать? Не лучше ли было до срока покинуть аул? Но зато сам он узнал, что младшие братья Зульфийи и Ахмета находятся в армии и лежат сейчас где-то совсем недалеко на горячей земле, закрывая дорогу захватчикам на родную теперь для них землю.

Но он малодушничал, откладывая с часа на час день своего отъезда.

Самое тяжелое и неприятное пришло к нему на третий день. Он случайно услышал разговор, который вели о нем его хозяин Ахмет и его сосед. Оказывается, где-то на севере Сирии совсем недавно велось строительство какого-то большого предприятия и строили его инженеры и техники из России. А теперь уже совсем недалеко от аула, в котором находился Тагир, с помощью тех же советских специалистов сооружалась больница для беженцев из захваченных израильянами районов. И Ахмет довольно прозрачно намекал собеседнику, что Тагир один из ее строителей. Он говорил об этом с такой гордостью, что Тагиру стало совсем стыдно. Он незаметно ушел в угол двора, где у старого плетня стоял покрытый домотканым ковриком топчан, и долго лежал на нем, в который раз перебирая в мыслях всю свою нескладно сложившуюся в последние годы жизнь.

Как много должно было измениться на его родине за эти годы? Когда-то с таким напряжением сил они ликвидировали свою отсталость, ставили задачи кого-то догнать, с кем-то сравниться, а теперь помогают возводить на чужой

земле промышленные гиганты, помогают ликвидировать чужую отсталость. И это несмотря на то что половина страны лежала в развалинах всего каких-то два десятилетия назад...

Наверное, Ахмет искал его, удивляясь, куда он мог деться, но Тагир до самого вечера не выходил из своего убежища. А потом, минуя калитку, через отверстие в плетне пошел по задворкам аула просто так, сам не зная куда.

Было время, когда все еще находились в своих домах, и Тагир почти никого не встречал на своем пути. Только около одного глинобитного забора на низенькой скамеечке он заметил белобородого старика, опиравшегося обеими руками на палку.

– Селям алейкум, – сказал Тагир, поклонившись старику.

– Алейкум селям, – ответил старик и чуть-чуть подвинулся, освобождая место гостю.

Тагир сел. Старик молча смотрел на него, а потом спросил:

– Это ты гость Ахмета? Я слышал о тебе.

– Я, – ответил Тагир. – Я здесь уже третий день, и утром мне надо уходить.

– У тебя есть дела? – старик одобрительно наклонил голову. – У каждого человека должны быть дела. Мир держится на трудах рук человека. Еще нет трех дней, как ты гость нашего аула. И я не могу тебя ни о чем спрашивать, но ты уходишь, и, если разрешишь, я задам тебе вопрос – куда ведет тебя твой путь? Не на нашу ли благословенную землю, ни к горам ли, покрытым древними лесами, ни к рекам, вода в которых, как говорил мой отец, чище воздуха гор и слаще шербета. Если туда, передай низкий привет мой моей земле и моим братьям, живущим на ней.

– Нет, – тихо сказал Тагир, – мой путь лежит не туда.

– Но ведь ты же не живешь в нашей стране? – спросил старик. – Тогда откуда ты? Не оттуда ли, где много урусов¹ строили фабрику, которая даст работу и хлеб многим из

¹ У р у с – русский.

наших братьев? Или оттуда, где они поднимают большой и светлый дом для больных и престарелых?

– Нет, – так же тихо ответил Тагир, – я не оттуда.

Старик помолчал и опустил глаза. Потом спросил:

– Тебе понравилось у нас? Или ты видел места лучше?

Тагир посмотрел в темные чуть водянистые глаза старика: старик понял, что вопросы его не нравятся собеседнику и стал говорить о другом. И вдруг в груди его поднялась злость на себя – чего он боится, почему не хочет говорить? Это его жизнь, и ему никуда от нее не деться. Прожил он ее сам, без чужих подсказок. И сам должен отвечать за нее. И он сказал:

– Я был на войне, сражался с фашистами. Потом был ранен, попал в плен.

– О, сын мой, – в голосе старика прозвучали оттенки гордости. – Я рад, что ты был воин. Мы слышали здесь, что на большой войне, прошедшей по нашей земле, отличились и наши братья – адыги. О мужестве воинов наших знают все жители аула. Большое спасибо им говорим мы. Аферем¹. Мы тоже знаем, что такое война, хотя и не сравню ее с той, что прошла по нашей древней земле. Но мы тоже видели убитых и плачущих жен у разрушенных очагов, и мертвых детей, и стариков. Враг и сейчас стоит на нашей земле, но придет время, и мы изгоним его с нее. Так было во все времена со всеми захватчиками, так будет и теперь. Но что же стало потом с тобой, когда ты из плена ушел?

Тагир, уже ничего не скрывая, рассказал о лагере, об освобождении его чужими воинами. Старик молча слушал, изредка кивая седой бородой.

– Что делать, сын мой, – сказал после того, как Тагир замолчал. – Война всегда приносит много бед и несчастий. Такая беда постигла и тебя. Что же ты думаешь делать дальше, сын мой?

– Не знаю, – мрачно ответил Тагир. – У меня нет пути. Я как путник в глухом лесу. Куда ни пойдешь – везде деревья.

Тагир замолчал, молчал и старик. Так они просидели долго, каждый думал о своем. Потом старик тихо сказал:

¹ А ф е р е м – молодец, браво.

– Послушай, исстари у нас рассказывали такой тхи-деж¹! У берегов моря, которое плескалось у самых наших гор. И мрачная опасность висела над адыгейскими аулами. Кочермы иноземцев переплывали море и как свора шакалов ночью обрушивались на горские аулы. Они грабили имущество, убивали тех, кого могли убить, увозили в полон красивых девушек, которых продавали потом на стамбульских базарах. Не могли собраться адыги с силами, чтобы наказать жестоких хищников. Не могли, потому что ждут их в одном месте, а они, словно темные силы зла, появляются в другом. И приходилось адыгам жить в постоянной тревоге.

И не было этому конца. Но вот умирал в одном из аулов древний старик. Было ему столько лет, что он сам об этом не помнил и никто другой тоже не мог их сосчитать. И он сказал: «Идите в самый дальний аул, что находится на самой вершине горы, там в семье Кочасовых родились семеро мальчиков. И дано им знать, где и когда высадутся разбойники с кочерм, и дана им сила победить их в открытом бою. Идите и найдите их». И люди пошли и действительно нашли в сакле Кочасовых семерых мальчиков, и стали они скоро сильными и храбрыми мужами, и дана им была действительно сила и храбрость, и могли они угадывать место, где высаживались с моря враги. И стали разбойники жестоко страдать от своих набегов.

И вот однажды самая большая шайка разбойников высадилась на берегу так, как сейчас сделали те, кто пришел с оружием на эту землю. И приготовилась завладеть богатой добычей. И случилось так, что были здесь только одни братья. И никого больше не было рядом. Но они не отступили и приняли бой. И дрались они долго. И было время, когда враг начал брать верх. И вот тогда один из братьев, дотоле дравшийся так же храбро, как и все, вдруг почувствовал, как к нему пришел страх. Страх за свою жизнь. И ничего не в силах с собой сделать, он спрятался за камни, спасая свою жизнь и не думая о том, что будет с его братьями.

¹ Т х и д е ж – легенда, сказание.

А братья в этот момент налились такой нечеловеческой силой, с такой яростью обрушились на врага, что те не выдержали и бежали, устилая свою дорогу трупами.

Но два брата сложили свои головы на поле боя. Оставшиеся стали искать третьего. Но нигде не нашли. Ни здесь, где погибли два других, ни там, где лежали убитые враги.

А беглец не посмел выйти из своего убежища. Несмотря на то что в начале битвы он не уступал никому из братьев в храбрости и уложил множество врагов, страх лишил его права стоять на поле боя победителем вместе с другими братьями.

Стыдясь своего поступка, он не вернулся к ним, не пришел больше к своей матери. Он ушел в горы. И так скитался он всю свою жизнь по чужим землям, оставаясь мыслями и сердцем дома, в родной сакле. Так и остался он на всю жизнь одиноким и забытым.

А когда пришла смерть, он лег на землю, обратившись лицом в сторону родной страны, прося Аллаха простить его за то, что оставил братьев в беде, что забыл свою мать. Но был он сам уже наказан всей своей жизнью... Вот такая есть легенда... Не знаю, может быть, ты и слышал о ней, – закончил старик.

Тагир молчал. Молчал и старик. Потом Тагир глухо сказал:

– Ты не понял меня, я не бежал с поля боя, я дрался пока мог, пока были крепки мое тело и руки. Я не виноват в том, что враги тогда оказались сильнее меня.

– Я не виню тебя в этом, – сказал старик. – Я верю тебе, ты не был трусом. Но кому нужна твоя храбрость на чужой земле, кто оценит ее, кто скажет тебе за это спасибо? И скажи, разве твое сердце не там, не в своем ауле, где тебя знает каждый человек, где ты помнишь каждый камень? Здесь на чужбине только твое тело. Душа твоя там. Я родился уже здесь, на чужой земле, а я самый старый в нашем ауле. Но ты! Ты не сможешь остаться жить с нами. Тело не может быть без души. Не сердись за то, что я тебе это сказал. Я сказал правду.

Тагир встал.

– Спасибо. Я не сержусь. Завтра утром я уйду.

– Не забудь передать привет родной земле, – крикнул ему вслед старик.

Тагир ничего не сказал Ахмету о своем намерении покинуть аул на следующий день. Но утром, когда первые лучи солнца только легли на плоские крыши глинобитных саклей, он поднялся и, поблагодарив еще не совсем проснувшегося хозяина за гостеприимство, отправился в путь. Зульфия успела только сунуть в руки небольшой сверток с лепешками и сыром. Но куда направляться теперь? Возвращаться обратно в Бейрут? Там уже, кажется, им было испробовано все. Да и пропустят ли его теперь так легко через границу? Ведь по эту ее сторону он попал, по-видимому, только потому, что пограничник отлично знал Ахмета и Зульфью. Не испытать ли теперь счастья в Дамаске? Ведь оттуда не так трудно поездом попасть в Бейрут и в любой другой порт на побережье.

Но на проезд автобусом до Дамаска у него не хватало денег. Пока он ломал голову, как быть, подошел автобус. На этот раз он был почти полон. Шофер посмотрел на него и спросил, собирается ли он ехать? Тагир ответил по-адыгейски, что у него не хватает денег.

К его счастью, шофер тоже оказался адыгом. Он махнул рукой и сказал:

– Садись вон туда, в конец.

Так Тагир очутился в Дамаске. Здесь он попытался узнать, где находится та стройка, о которой ему говорили в ауле. Оказалось, она была все-таки довольно далеко и добраться туда с теми грошами, которые остались у Тагира, нечего было и думать. Вот когда он пожалел, что из ложной стыдливости не обратился за помощью к Ахмету и всем жителям гостеприимного аула и не рассказал им о себе всю правду, как сделал это перед стариком.

Но что-то надо было делать. Прежде всего, конечно, заработать на дорогу туда денег. Целый день он ходил по галдящему базару, пытаясь хоть кому-нибудь предложить свои услуги, как носильщик. Но все было тщетно. Вечером совершенно обессиленный и потерявший всякую надежду,

он хотел только одного: забыться где-нибудь в укромном уголке тяжелым сном. И вдруг ему показалось, что в значительно поредевшей базарной толпе мелькнула удивительно знакомая ему фигура. Он бросился вперед, пытаясь разглядеть ее, но она пропала так же неожиданно, как и возникла. Он прошелся несколько раз мимо уже почти опустевших рядов и вдруг в самом конце базара у входа в кофейню снова увидел ее. Человек был худ, заметно сутуловат, и, когда он, спускаясь по ступенькам кофейни, на мгновение повернулся к Тагиру в профиль, последний понял, что не ошибся. Как это ни невероятно, это был Сергей. Человек, с которым они расстались много лет.

И Тагир, не теряя ни минуты, бросился ко входу в кофейню...

Все эти воспоминания прошли перед Тагиром почти за несколько минут, когда он в лесу, укрывшись за валуном, прислушивался к удалявшемуся голосу певца. Наверное, если бы тогда на базаре кто-нибудь сказал ему, что он в самом скором времени будет лежать на родной земле, в каких-то нескольких десятках километров от своего аула, он бы этому ни за что не поверил. А сейчас ему уже не верилось, что когда-то это все было: и базар в этом далеком городе, и он, бегущий через почти опустевшую площадь к крутым ступенькам, ведущим в тесную и полутемную восточную кофейню...

Но теперь уже не было времени для воспоминаний. В лесу пока тихо и спокойно. Надо этим воспользоваться и выходить скорее к дороге.

Но прежде он должен выполнить одно задание. Оно было крайне простым, и в нем не было ничего преступного. Тагир пощупал карман куртки. Металлическая коробочка, величиной не более спичечной, лежала на месте. Надо было только найти этот дуб. Тагир отлично помнил поляну, на которой он стоял. Если пройти напрямик, до нее можно добраться не более чем за десяток минут. А там пусть этой коробочкой занимается тот, кому это предназначено. Ему уже до этого не было дела. Потом он будет свободен. Совершенно свободен. И начнет другую жизнь. Такую, какую он хочет.

Сергей сказал – напиши сразу же. И он это сделает немедленно, как только для этого представится возможность. Они уедут вместе...

Где он сейчас? Может быть, в каких-нибудь десятках километров от Тагира. Как жаль, что за неделю до отъезда им так и не удалось обменяться и парой слов. Да и те встречи, которые были раньше, никогда не проходили без свидетелей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дом, купленный Берузаимским в хуторе Навесном, был значительно меньше проданного им в райцентре. Но внутри он был довольно уютен. Две просторные комнаты, прихожая. Только был дом немного низковат. Станешь на носки – достанешь до потолка. Ну, да что надо было ему, одинокому человеку.

Зато место, на котором он стоял, никак не сравнить с пыльной, почти всегда забитой машинами, улицей райцентра. Небольшой двор одной стороной примыкал к реке, другой – к спускавшемуся с горы лесу. Двор был огорожен плетнем из дикого терновника. В нем росло около двух десятков фруктовых деревьев.

Бывшие владельцы продали дом. Весной, когда река выходила из берегов, вода все ближе подступала к дому, разрушая берег. Когда-то дом, который теперь принадлежал Берузаимскому, был от берега третьим. Теперь первых двух уже не было, и тому, кто хоть мало-мальски знал нрав горной реки, было ясно, чья теперь очередь. Бывшие владельцы тщательно скрывали, разумеется, это обстоятельство, но Берузаимского оно нисколько не пугало. Он был уверен, что на его век этого дома хватит. Он так и говорил тем из соседей, которые предупреждали его. И добавлял при этом смеясь: «Ну снесет, так снесет – против судьбы не пойдешь. Значит, так мне суждено – утонуть в своей

постели. Это не каждому удается. Да и кто обо мне пожалеет – об одиноком человеке? Был, не был – никто этого и не заметит».

Первые дни Берузаимский почти не выходил со двора: то подметал перед входом, то чистил сарайчик, то закреплял столбы, на которых держалась калитка. Хуторок был невелик, и с некоторыми из живущих в нем он уже успел перекинуться несколькими словами. Особенно общительными люди были в местном магазинчике, который представлял собой универмаг в миниатюре. Сделав покупку, мало кто спешил уходить отсюда сразу. Прежде обменивались хуторскими, да и районными новостями. Некоторые из жителей, оказывается, помнили Берузаимского, когда он жил в райцентре и работал в конторе райпотребсоюза. Но вот со своими непосредственными соседями по-настоящему он еще знаком не был. Бывшие хозяева дома всячески расхваливали их, но Берузаимский отлично понимал, из каких соображений они это делали. И поскольку никто из них его пока не навестил, контакты он решил налаживать сам.

И вот однажды из соседнего двора донесся звук пилы. Берузаимский подошел к плетню. Посредине просторного двора мужчина и женщина пилили дрова. Мужчина был уже в летах, он как-то неловко и тяжело упирался рукой в козлы. Маленькая женщина, уцепившись обеими руками за ручку пилы, казалось, не помогала работе, а просто висела на пиле.

– Сосед, – крикнул Берузаимский, – можно зайти? Собаки нет?

Мужчина отпустил пилу и поднял голову. Да, ему было, по меньшей мере, под шестьдесят.

– Заходите, – сказал он и вытер тыльной стороной ладони пот со лба. – Собака привязана.

– Добрый день, – Берузаимский обошел дом и прошел во двор. – Я ваш новый сосед, звать меня Владимир Петрович.

И он протянул мужчине руку.

– Добро пожаловать, – сказал тот и, бросив на землю перепиленные поленья, присел на козлы: только теперь

Берузаимский понял, почему он так неловко стоял – одна нога у него была на протезе. – Звать меня Каплан. Больше ничего добавлять не надо. Все так на хуторе зовут, зовите и вы. Думал сам зайти к вам, но вы все утро были заняты. Не хотел мешать.

– В новом доме всегда много работы, – засмеялся Берузаимский. – Хочется все переделать по-своему. Я к вам с просьбой: не одолжите ли на часок лопату. Еще не успел приобрести. Хотелось окопать несколько деревьев.

– Что за разговор, соседи же, еще многое придется друг у друга одалживать. – Прихрамывая, хозяин пошел к плетню и вернулся с лопатой. Жена его, низкорослая, с открытым морщинистым лицом, молча и, как казалось, без особого интереса рассматривала Берузаимского.

– Дайте-ка сюда пилу, – сказал он, заметив, что она снова взялась за ручку. – Пилить дрова – это не женское дело.

Не возразив ни слова, маленькая женщина отдала пилу, заложила руки за спину и молча стояла так, пока Берузаимский клал на козлы большое бревно. Потом так же, не произнося ни слова, не спеша пошла к дому. Жили они вдвоем – муж и жена. Он был пасечником и в летнее время редко бывал дома.

– Что поделаешь, – словно извиняясь, сказал хозяин, берясь за пилу. – Так вот одни и крутимся. Единственный сын в армии, старший погиб на войне.

– Да и вы сами там кое-что оставили.

– Хорошо, что хоть так отделался. Сначала трудно было, потом свыкся. Дали мне работу в колхозе, на пасеке, ничего, справляюсь.

Через час перепилив несколько больших бревен, они сидели в тени у дома и курили. Потом хозяин потянул Берузаимского к столу, на котором дымился ароматный лелибж. А еще через час они дымили сигарками на том же месте около дома, рассуждая о хуторской жизни, о его жителях, которых хозяин знал всех наперечет. Потом, когда, пропылив по дороге серым густым облаком, прошла за плетнем синяя председательская «Волга», заговорили о колхозных делах.

– Как председатель? – спросил Берузаимский. – Хвалят?

– За что же умного человека ругать? Он землю любит. А люди его. Так всегда было, так и будет.

– Наверное, был агрономом, – заметил Берузаимский, отметив про себя, что собеседник его во все время разговора ни о ком не отозвался плохо. То ли это отличительная черта его характера, то ли действительно все вокруг были так хороши? В последнее Берузаимский по складу своего характера не особенно верил.

– Преподавателем в школе был. Он еще там людей научился понимать. Да и годы этому научили. А вот агроном у нас молодой, лет двадцать семь, не больше. Но дело знает, надо сказать, лучше старого. Три года, как институт закончил, а люди к нему сейчас из райцентра за советом едут.

– Как его звать? – спросил Берузаимский, все более убеждаясь, что собеседник его плохого ни о ком так и не скажет. – Я что-то о нем не слышал...

– Алкес.

– А фамилия?

– Хаджинароков. Как же вы его не знаете, он же на районной Доске почета... Не видели фотографию?

– Не обратил внимания, – с сожалением произнес Берузаимский. – Знаете, вы так расхвалили свой колхоз, что я не прочь у вас поработать, хотя, по правде сказать, думал в лесхоз податься. Пенсия у меня, правда, неплохая, в свое время на северных лесных разработках получил. Но руки без дела чешутся. Да и одиночество тоже дело невеселое. Жена уже вот пять лет как умерла. Так один и кручусь.

– Ну, это дело поправимое, – засмеялся хозяин, – вдовушек у нас достаточно. Освойтесь, погуляем на свадьбе. А насчет работы, что ж, можно поговорить. Вас куда больше тянет?

– К лесу, конечно. Я же в нем полжизни провел. Двадцать лет рубил. А теперь вот захотелось вдруг хоть частично восстановить вырубленное.

– Тогда знаете что, – хозяин немного подумал. – Прикиньте сами, что будет легче – у нас или в лесхозе. А потом поговорим с Джамботом. Вон, видите, там, почти на самой вершине, его домик. Он лесник. Правда, на этой должности он совсем недавно. Со старым лесником недавно случилось несчастье... Может, слышали? Упал в ущелье и разбился. Стар уже был, чего-то, видно, не рассчитал. Завтра воскресенье, давайте и сходим к Джамботу. Потолкуем.

– А вам не трудно? – Берузаимский показал на его ногу.

Тот махнул рукой.

– Привык, я даже иногда и на охоту хожу. Вы этим не увлекаетесь?

– На Севере, бывало, ходил, а здесь не приходилось. Да и ружья с собой не привез.

– Но эта беда не велика, достанем здесь. Была бы только охота.

– Такого, как у меня было, не достанем. «Зауэр» – не слышали?

– Как не слышал, – усмехнулся тот, – даже видел. У Алкеса. Отец погиб, мать умерла, когда ему года не было, все имущество при немцах пропало, а вот ружье соседи сумели сохранить. Память это была о его отце.

«Об этом ружье Алкеса, кажется, знает вся округа», – подумал Берузаимский.

– Значит, он его не продаст?

– Не знаю, можно спросить. Приходите с утра в понедельник ко мне на пасеку. Он в этот день непременно ко мне заглядывает. Справляется о делах. Заодно у него и о работе узнаем. Он парень такой – если может помочь, никогда не откажет.

– Ну вот и спасибо, – Берузаимский встал, – недаром мне прежние хозяева говорили, что лучшего соседа, чем вы, мне не найти... Да, – он приостановился, – а как дела у вас? Я что-то слышал в райцентре, будто на пасеке вашей проводится важная научная работа. И что, успешно?

– Значит, говорят? – с явной гордостью сказал Каплан. – А что, дело нужное, и разговора стоит. У нашего Хаджинарокова голова хорошо варит, если что решил – сделает. Но только рано пока говорить. Прикидывает, взвешивает. Он не очень любит, когда поздравляют раньше времени... Так заходите, как будет время. В понедельник с ним поговорим...

Каплан, прихрамывая, пошел провожать гостя к калитке. И, остановившись около нее, протянул Владимиру Петровичу крупную заскорузлую ладонь. Берузаимский, ожидавший, что сейчас он заговорит о том, что пасеку на будущий год предполагается переносить куда-то в другое место, решил, что Джаримоков здесь что-то напутал. Или у его соседа были основания пока не говорить на эту тему? А может быть, он просто забыл об этом. И, уже отходя от калитки, он заметил:

– Да, еще говорят, будто вы здесь с пасекой ненадолго, что ее куда-то перебрасывают. Если далеко – вам будет не так просто, наверное, до нее добираться...

Пасечник пожал плечами.

– Мало ли что говорят, – с заметной неохотой ответил он. – А перенесут – найдем дорогу и туда.

По лицу его было видно, что он не намерен продолжать разговор на эту тему. И Берузаимский мысленно обругал себя за эти последние свои слова...

Часа через два, перед самым вечером, он вышел на прогулку. Спустился вниз в лощину и потом поднялся по склону к хутору Рамбесному. В просторном доме преподавателя Касея на этот раз на застекленной веранде около стола сидела женщина и что-то чистила ножом. Во дворе звенели ребячьи голоса.

Берузаимский пошел дальше по единственной узкой улочке хутора и остановился только около знакомого домика Фамет. Во дворе он сразу же заметил ее плотную пышногрудую фигуру. Она возилась возле птичника. Он постоял несколько минут у штакета, в надежде, что она обернется и заметит его. Но та продолжала стоять к нему

спиной, стуча о доски молотком. Кажется, отремонтировала решетчатую дверцу.

– Добрый вечер, – громко сказал Берузаимский. – Добрый вечер, соседка Фамет!

Фамет обернулась и, прикрыв глаза от лучей опускавшегося за гребень горы солнца, пыталась разглядеть окликнувшего ее. Это ей не удалось, и она медленно пошла к штакету, вытирая на ходу о фартук руки.

Даже подойдя вплотную к штакету и внимательно вглядываясь в стоящую по другую сторону его фигуру, она не сразу узнала Берузаимского. На лице ее все еще было написано недоумение и некоторая растерянность.

– Ну, что дрова, – весело сказал Владимир Петрович, – хорошо горят? Или отложены на зиму? А ведь за вами сто граммов, те, от которых я тогда отказался... Не забыли?..

Фамет продолжала всматриваться в лицо Берузаимского и наконец, кажется, узнала его. Потом для верности заглянула за штакет, ожидая увидеть там знакомую машину, но, не отыскав ее, сказала с явным изумлением:

– Это вы... И как же вы?..

– Сюда попал? – все тем же веселым тоном произнес Берузаимский. – Вот вы уже все и забыли!.. А дом, разве не вы обещали помочь мне купить в ваших местах? Да еще и за вдовушку сосватать...

Насчет вдовушки, кажется, разговора не было, но сказано это было сейчас довольно удачно, потому что хозяйка чуть покраснела.

– Так вы что же, насчет покупки домика? – сказала она. И вдруг всплеснула руками. – Так вы заходите... Только что же это я в таком виде? Знаете, посидите вот здесь, во дворике, на скамеечке. Я сейчас, только на минутку.

Владимир Петрович зашел во двор и присел на скамеечке, стоявшей под старой раскидистой грушей. Где-то рядом в сарайчике глухим басом заворчала собака. Но не залаяла, видно привыкла, что днем во двор заходят посторонние. Во дворике было так же чисто и опрятно, как и тогда, когда Берузаимский был здесь впервые. Только дверца на птичнике, которую отремонтировала хозяйка,

была прикреплена криво и неумело, и это сразу говорило, что мужской руки здесь не было.

Фамет вышла из домика через несколько минут уже в другом, куда более нарядном платье. Вместо старой косынки на голове был цветастый платок.

– Так что же, – сказала она, присаживаясь на самый край скамейки. – Значит, хотите купить домик? В Навесном?.. Так можно прямо сейчас туда сходить. Это не так далеко. Меня, правда, дней десять не было дома, ну, да я думаю, там все еще по-старому... Да подождите, я сейчас узнаю...

Прежде чем Берузаимский успел ее остановить, Фамет проворно поднялась и подошла к заборчику, отделявшему ее дворик от соседнего. Берузаимский слышал, как она что-то спрашивала по-адыгейски. Когда она вернулась, на лице было написано огорчение.

– Знаете, уже поздно, – сказала она растерянно. – Кто-то купил, совсем недавно. Вот досадно! Что бы вам немного раньше?.. Или уже предупредили бы, а то ведь я думала, что вы так, для красного словца.

– Не огорчайтесь, – улыбнулся Владимир Петрович. – Дом купил я. А теперь вот зашел за должком, – пошутил он. – За обещанными за труд ста граммами.

Фамет сначала решила, что Берузаимский продолжает все еще шутить, но, когда тот в деталях рассказал ей о купленном доме, описал соседей, поверила. Хотя, кажется, и теперь не до конца. Владимир Петрович видел, что чувствует она себя как-то неловко, все время поглядывает на соседний двор. По-видимому, визит незнакомого мужчины к одинокой женщине не мог остаться там без внимания. И он не стал затягивать своего первого визита. Он встал.

– Как, вы уже уходите? – спросила Фамет голосом, в котором прозвучали одновременно и облегчение, и сожаление. – Но теперь-то мы увидимся. Теперь соседи.

– Я хотел зайти к вам в магазин, – сказал Владимир Петрович. – Наш-то сегодня не работает. Говорят, продавщица по каким-то своим делам уехала. Пришел в ваш, а он-то уже закрыт.

– Так он по субботам только до шести, – огорченно заметила Фамет. – А вам, может, что-нибудь из еды, так я помогу...

– Спасибо, – засмеялся Берузаимский. – С едой я мог бы подождать и до утра. Папиросы забыл купить – это хуже. Придется одолжить у соседа. Ну, до свидания, – сказал он, уже прикрывая за собой калитку, и приостановился. – Да, кстати, вы говорили об учителе, преподавателе английского языка. Тот, который радиоловитель, кажется. Вы не знаете, он на лето куда не уезжает? Ко мне, возможно, приедет на каникулы племянник из города. У него не все в порядке с английским. Вот бы он его подтянул. Как вы думаете, не откажется?

– Тут как-то трое студентов отдохали, так он с ними занимался, – сказала Фамет. – Они у меня жили... Хотите, я у него спрошу?

– Нет-нет, – сказал Владимир Петрович. – Сейчас спрашивать не надо, я еще не знаю точно, приедет ли племянник. А вы, если можно, просто узнайте, куда он не собирается на лето уезжать. Если нет, тогда я сам пойду к нему и поговорю. Только, пожалуйста, ничего пока о моей просьбе не говорите, а то получится неудобно, если племянник не приедет.

– Да куда же ему уезжать, Касею, – пожал плечами Фамет. – У нас тут получше любого курорта. Разве только в город по делам. Вот жену он, может быть, на курорт и отправит. У Шарифы очень плохо стало с сердцем.

– Все-таки, пожалуйста, узнайте, – Владимир Петрович отошел на несколько шагов. – До свидания! Буду идти мимо, как-нибудь загляну. Тогда и скажете. И о ста грамах не забудьте: должок есть должок!..

На следующее утро Берузаимский поехал в райцентр. Навестил некоторых из своих бывших сослуживцев, старые знакомства не стоило терять, даже если на новом месте возникали более выгодные и нужные, и уже перед самым обедом отыскал дом шофера Джаримокова. Захватив с собой пол-литра водки и кое-какую закуску, он постучал в его калитку.

Джаримоков был дома. Он лежал во дворе на старой раскладушке и щелкал семечки, выбирая их из большой кучи, лежавшей перед ним на скамеечке.

Приезд Берузаимского сначала его не очень обрадовал, но потом, увидев выпивку и закуску, он заметно оживился.

– Вот хорошо, что вы пришли, – сказал сплевывая на землю кожуру подсолнечника. – Жена с сыном поехали к теще. Я тут возился в огороде. Устал. Должен был заехать дружок, да так и не пришел. А у вас что – какое-нибудь дело? – спросил он, не спуская глаз с покупок Берузаимского.

– Зачем? Не всегда же делами заниматься! – весело сказал Владимир Петрович. – Надо когда-то и отдохнуть. И потом обещал ведь за доброе дело угостить, вот и выполняю... Побывал тут кое у кого из старых знакомых и вот к тебе заглянул. Только, может быть, неудобно, – он показал глазами на бутылку. – Жена когда вернется?

– Да об этом не беспокойтесь, – оживляясь, ответил Джаримоков. – Раньше, чем к самому вечеру, ее не жди. Если вернется – то последним автобусом. А может и до утра остаться. У нее завтра выходной. Пошли лучше в комнату, а то тут столько глаз. Опять, скажут, пьянка. Им только бутылку увидеть.

Джаримоков вытащил из шкафа хлеб, принес редиски и свежих огурцов. Но рюмок у него не оказалось, и пришлось разливать водку в стаканы. Берузаимский налил ему почти на три четверти, и тот против этого ни слова не возразил.

– За твою семью, – сказал Берузаимский, поднимая стакан. – За то, чтобы тебе всегда сопутствовала удача. Как твоему бывшему другу. Как ты его назвал? Алкес или как?

– Алкес, – усмехнулся Джаримоков, почти до дна осушая налитое, – за ним не угонишься. Тот умеет, – он поставил стакан на стол и отправил в рот кусок колбасы. – Только другом он мне никогда не был. Такие дружба не про нас.

– Ну, а теперь ты с ним встречаешься? Или он не узнает тебя?

– Почему, – мрачно ответил Джаримоков, – узнает. Даже как-то остановился, поговорить хотел. Только зачем мне его разговоры? Я простой шофер, а он – начальство. Да еще, – Джаримоков усмехнулся, – наукой занимается. Глядишь, и профессором станет. На бедных пчелах выедет. Он и это сумеет.

– А вот с пчелами ты что-то напутал, – сказал Берузаимский. Проглотил в свою очередь порцию водки и, поискав, чем лучше закусить, отправил в рот разрезанный пополам огурец. – У меня сосед на той пасеке работает. Так он говорит, что никуда она не перебирается и не собирается.

– А вы слушайте, – усмехнулся Джаримоков, – так этот пасечник и скажет. А может, он всего и не знает. Это ведь не для каждого.

– Ну уж и не для каждого, – засмеялся Берузаимский, – как будто работа с пчелами – государственная тайна!

– При чем здесь пчелы? – обиделся Джаримоков. – Я же вам объяснял – площадка там рядом, а теперь строят еще одну... И машины новые, какие-то особенные. Ну, и это будет отражаться на пчелах. Гул. Теперь ясно? Один знакомый шофер там работал. Выпили как-то, он мне и рассказал. Я его знаю – ни пьяный, ни трезвый он врать не будет. Ну, давайте допьем, что ли. Чтоб вам в новом доме хорошо жилось.

– Ну, за это мы еще отдельно выпьем у меня дома, – сказал Берузаимский, доливая ему в стакан. – Давай за товарищество, за добрые отношения. Ну, до дна.

– Не пойму я вас все-таки, – хрустя редиской, произнес Джаримоков. – Вроде вы и хороший человек. А зачем тогда на меня так навалились. Я уж думал – пропал ни за что. Да ведь и правда, было бы за что. А то что – действительно гроши!..

– Ладно, не будем об этом. Ты парень хороший, я это уже понял, – Берузаимский разлил все, что осталось в бутылке. – Я тебя вот о чем прошу. Я подумал-подумал да и решил было на колхозную пасеку устроиться. Работа нетрудная, все время на природе. На свежем воздухе. Да

и от дома теперь недалеко. Но, понимаешь... Устроюсь, начну работать, а пасеку и вправду перенесут куда-нибудь к черту на кулички. Отказаться сразу будет вроде неловко. А таскаться за тридевять земель тоже не особенно хочется. Я, конечно, тебе верю, но ведь ты же тоже от кого-то слышал. Нельзя ли поточнее обо всем этом узнать?

– Если не к спеху – можно, – подумав, сказал Джаримоков. – Ну, дня через два. Мы с шурином на базе встретимся.

– На базе? – переспросил Берузаимский. – Он что, туда прямо со службы приезжает?

– Да нет, – махнул рукой Джаримоков. – Его уже там нет. Уволили. Выпил больше, чем положено, ну и... Одним словом, у нас уже работает.

– Давно?

– Недели с полторы. Но знать-то он все равно знает. Это я вам точно говорю. У него там друзей полно.

– Так, может быть, мы как-нибудь встретимся? У тебя. Или это не совсем удобно? Я бутылочку захвачу. Понимаешь, хочется если уж устраиваться, то надолго. Не люблю я летать с места на место.

– Знаете что, а давайте во вторник. У нас же на базе санитарный день. Приезжайте с утра. Прямо ко мне. Жена будет на работе. Тут мы и...

– Ну вот и отлично. – Берузаимский поднял стакан. – А теперь за все доброе. Будь здоров. Только не забудь, – добавил он, заметив, что Джаримоков уже заметно охмелел. – Чтоб я зря не ехал.

– Ни в коем случае, – замотал тот головой. – У меня сказано – сделано. Да вы приезжайте, сходим к нему вместе. Он тут недалеко живет.

Джаримоков допил все, что осталось в стакане, и пошел провожать гостя. Шел, уже заметно пошатываясь, и Владимир Петрович заключил, что пить он не умеет и хмелеет довольно быстро.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тагир шел по лесу, осторожно ступая по осыпавшейся прошлогодней листве. Сколько лет он не дышал этим воздухом, неповторимым воздухом родных гор! Это было так давно, что ему казалось, будто у него теперь кружится голова. Хотелось лечь куда-нибудь в прохладу раскидистого дерева и лежать так долго и неподвижно, глядя сквозь ажурную, мерно шелестящую листву на высокое голубое небо, тоже свое, родное.

Но это было небезопасно, и он продолжал идти, прислушиваясь к малейшему шороху. Но в лесу было совершенно безлюдно. Лес словно вымер. Только однажды впереди Тагир увидел, как из-под корней старого дуба выскользнуло рыжее тело лисы. Махнув пушистым хвостом, лиса тотчас же исчезла в чаще.

Наверное, где-то там под корнями была нора лесной разбойницы. И будь время... Тагир усмехнулся. Раньше он ни за что не упустил бы такого случая. Когда-то лучшего охотника, чем он, не было во всем ауле. Да и не только в его родном ауле. Сколько любителей охоты советовались с ним, прежде чем отправиться в лес. А его ружье, которое ему подарил один ученый из столицы в благодарность за проведенные на охоте дни? Было ли еще такое в округе? Нет, ни у кого. Это мог сказать твердо.

Но теперь обо всем этом пора забыть. И о том далеком прошлом, и о другом – совсем близком, которое все еще стояло перед ним, как дурной сон. Теперь ему нужно было начинать новую жизнь.

Если в первое время все обойдется благополучно и им с Сергеем удастся снова войти в жизнь, от которой они так долго были оторваны, вот тогда можно будет постараться забыть о прошлом и никогда о нем не вспоминать.

Как все-таки хорошо, что они встретились с Сергеем тогда на этой полупустой базарной площади сирийского городка! Расстались они с ним перед этим года два назад в Мексике. После долгих мытарств Тагиру удалось наняться

на перуанский грузовой пароход, а вот Сергею так и не нашлось на нем места. Пароход этот должен был через три месяца снова вернуться в порт, где они и расстались с Сергеем. Но планы компании, которой принадлежала эта старая посудина, изменились, и пароход стал совершать рейсы на Ближний Восток. Причем никому из команды не было известно, в каком направлении будет следующий рейс. Узнавали об этом чаще всего в море. Тагир написал Сергею два письма, но сообщить адрес, по которому тот мог бы ответить ему, естественно, не мог. Так они и потеряли друг друга из вида.

Тагир вспомнил, как они впервые встретились с ним, оба измученные, затравленные преследователями, в равном, висевшем лохмотьями обмундировании, сквозь которое выглядывало окровавленное, покрытое ссадинами тело. Тагир и Сергей неожиданно встали друг против друга на одной из крутых горных троп Гарца, и сначала даже как-то не совсем поняли, что у них совершенно одна судьба. Тот, второй, что был с Тагиром, через день умер, и они остались вдвоем, Сергей Баскаков и Тагир Хаджинароков. Несколько дней они прятались, но потом голод выгнал их из темных расщелин гор к обжитой долине, и тут их схватили полицейские. К счастью, они не стали долго выяснять, откуда сбежали пленные, а просто отправили их в ближайший лагерь. Оттуда они и попали в качестве даровой рабочей силы в одно из хозяйств на севере Германии. Потом сюда пришли англичане. Они не собирались особенно быстро освободить подневольно работавших в хозяйстве, мотивируя это тем, что рабочих рук не хватает и что если хозяйства останутся без рабочей силы, то может наступить голод. Здесь Тагир узнал от одного из земляков, что умерла не только его жена, но и маленький Алкес. Человек, который передал это, знал очень хорошо их обоих, и поэтому Тагир ни в чем не мог сомневаться.

Долгое время после известия о гибели своей семьи он находился в состоянии полной апатии, а потом, когда Сергей, у которого вообще никого не осталось дома, предложил ему поехать в Южную Америку, посмотреть мир,

согласился. В лагере для перемещенных лиц их долго проверяли, прощупывали, а с молодыми и физически еще крепкими занимались особенно много. Какой-то высокий человек, почти без акцента говоривший по-русски, сказал им, что если они попадут в трудное положение, то он им всегда будет готов помочь. Для этого, где бы они ни находились, им надо позвонить по телефону в американское представительство. Номер, по которому следовало звонить, он попросил не записывать, а просто запомнить.

В Южной Америке отыскать сносную работу было более чем трудно. Исколесив без всякого для себя успеха почти все страны континента, они попали в Мексику, а там их пути разошлись. И вдруг спустя два года Тагир в труднейшую минуту своей жизни снова увидел Сергея, спускавшегося вниз по ступенькам в базарную кофейню.

Тагир вошел в нее, когда Сергей, совсем ссутулившись, присел за кривой неказистый столик в углу. В маленькой с низким потолком кофейне господствовал полумрак, и Сергей не сразу поверил своим глазам, когда увидел Тагира. Они обнялись, потом долго хлопали друг друга по плечу, расспрашивали, какими судьбами каждый из них здесь очутился. Сергею, как оказалось, после отъезда Тагира тоже удалось наняться на одно из торговых суденышек, и вот много времени спустя судьба тоже случайно его привела в Сирию.

– Значит, ты снова уходишь в обратный рейс? – спросил Тагир, когда уже все основные детали были выяснены.

– Я? – усмехнулся Сергей. – Нет, эта толстая панамская свинья уйдет без меня. Набирает голодных людей и заявляет, что благодетельствует им. Обсчитывает и грабит при каждом удобном и неудобном случае. Но я не выдержал и кое-что сказал ему об этом. И вот, – он снова усмехнулся, – он меня выставил. Сразу же. После первых двух слов.

– Что же ты предполагаешь делать? – после короткой паузы спросил Тагир.

Сергей пожал плечами:

– Не знаю, будем вместе наниматься на какое-либо судно. Сюда их приходит много.

– Бесплезно, – вздохнул Тагир. – Я уже пробовал. Да и на суше ничего не нашел. Но вот, говорят, – добавил он совсем тихо, – где-то здесь наши специалисты строят больницу. Я хотел податься туда, да вот встретил тебя. И, кроме того, у меня почти ни гроша за душой...

Сергей внимательно посмотрел на него.

– Хочешь вернуться? – спросил он почти шепотом. – А станут ли с тобой разговаривать те, кто строит эту больницу, когда узнают, кто ты? А если даже и станут. Как встретят нас на родной земле? После стольких лет... Ты подумал об этом?

– Что бы ни сказали, а хуже не будет... – мрачно ответил Тагир. – С меня хватит. Я всем этим сыт по горло.

– Подожди, – сказал Сергей, – не будем спешить. Надо все взвесить и обдумать. Я тоже, как и ты, решил со всем этим покончить. Деньги у меня есть. Правда, не особенно много. Может быть, ты и прав, – надо добраться до этого строительства, расспросить наших, как там теперь, дома.

Выпив по чашке кофе и перекусив, они вышли из кофейной, Сергей, после того как расплатился, подсчитал оставшиеся деньги – дней на десять их должно было хватить, даже с учетом проезда в оба конца. Страна была не так велика, чтобы билеты стоили особенно дорого. Но прежде, конечно, надо было выяснить, где находится строительство, на котором были заняты советские специалисты. Вечером узнавать об этом было негде и не у кого. Утром, переночевав в финиковой рощице, на берегу мутной Барады, они пошли в центр города. Несмотря на свое положение, оба они не могли не заинтересоваться сохранившимся почти нетронутыми со времен средневековья свои особые черты старым городом, в центре которого возвышалась великолепная мечеть Омейядов. Они долго стояли около нее, любуясь великолепной резьбой по мрамору и дереву, огромными цветными многочисленными колоннами, потом прошли по вытянувшейся стрелой улице с остатками многочисленных арок и развалинами двойной колоннады, прошли мимо богато украшенного дворца Каср аль-Азм, мавзолея Салах ад-Дина и старинной цита-

дели и попали на огромный крытый рынок Хамадие, занимавший по площади чуть ли не половину старого города. Застроенный двухэтажными каменными домами, перекрытыми между собой полуокружьем свода, рынок этот напоминал собой город, скрывшийся под единой колоссальной крышей. И только выйдя в новую часть города, они увидели привычные им европейского типа постройки, увидели многоэтажные корпуса уже готовых и строящихся домов. Здесь строительство, кажется, кипело на каждом шагу. А туда дальше, к синееющим вдали горам, вставали многочисленные белые стены чуть ли не нового города. Да, это был не Ливан: вот где надо искать работу. При таком размахе ее должно было хватить на всех.

Это обстоятельство сразу подняло их дух. Но сначала следовало все-таки выяснить, где работают советские специалисты. Самое верное – пойти на почту и телеграф. Уж где-где, а там наверняка известно, куда идут письма из Советского Союза. Их расчеты оказались правильными. На почте им назвали место, где совсем недавно велось строительство суконного комбината, но тут же добавили, что вот уже месяц, как почта из Советского Союза перестала туда поступать. Это могло означать только одно – все русские специалисты уже покинули стройку. Но было и другое строительство – той самой больницы, о которой Тагиру говорили еще в адыгейском ауле. Однако находилось оно в местности, прилегающей к району военных действий, и, хотя сейчас было заключено временное перемирие, обстановка там оставалась очень тревожной, и без специального разрешения попасть туда было навряд ли возможно.

А кто же им даст разрешение? Кто поручится за них?

Что же все-таки оставалось делать? Попытаться ли сначала устроиться где-нибудь здесь, в Дамаске, или на свой риск и страх отправиться на стройку больницы в пограничном районе? Незнание языка не особенно смущало их – население города состояло из самых различных национальностей, и не все они хорошо владели арабским. Для Тагира адыгейский был родным языком, и он еще не

забыл его, а бывших его соотечественников, как он успел заметить, и в Сирии было довольно много. Кроме того, и он, и Сергей знали уже два-три десятка фраз по-арабски, и с каждым днем пополняли свои знания. Так что в этом смысле особых препятствий они не видели.

Здесь же на почте они встретили одного адыга, с которым и разговорился Тагир. Ничего, разумеется, Тагир о себе ему не сообщил, спросил только, где можно найти работу, не обязательно хорошую, пусть пока хотя какую-нибудь. Адыг засмеялся и сказал, что плохой работы в Сирии при новой власти уже нет, но что, если они хотят получить не только работу, но и жилище, пусть едут в местечко, которое находится километрах в пятидесяти от Дамаска. Там только начинаются работы на каком-то большом строительстве. Он это знает точно, потому что его родственник только вчера туда поехал. Уж где-где, а там рабочих рук нужно немало. И одновременно там будут строиться и дома для рабочих. Сейчас внизу как раз стоит автобус, который идет в это место. Через десять минут его загрузят посылками, и, если они хотят, он может поговорить с шофером, чтобы тот подкинул их.

Упускать такой случай они не стали. И в полдень были уже на стройке. Однако здесь их снова постигло разочарование. Первая партия рабочих была уже набрана и отправлена на место строительства, вторую предполагалось набирать только через два-три дня. И сделать ничего было нельзя, потому что все начальство находилось на строительстве. Нет ли здесь советских специалистов? Пока нет. Но, возможно, когда кончатся предварительные работы, они приедут.

Городок был довольно большой, но спокойный и тихий. В этот полуденный час на улицах почти никого не было, и Тагир с Сергеем зашли в небольшую столовую, расположенную в глубоком подвале. Здесь было довольно прохладно. Предстояло решить, что делать дальше. Они обсуждали и взвешивали все не менее часа. И кто знает, чем закончился бы их разговор, если бы не одно обстоятельство, которое ни Тагир, ни Сергей не могли преду-

смотреть. Занятые своей беседой, они не заметили, что подсевший за соседний столик черноволосый, сравнительно еще молодой человек с тонкими усиками все с большим и большим вниманием прислушивается к их разговору. Тагир и Сергей по привычке говорили тихо, и, наверное, далеко не все долетало до слуха незнакомца. Потом, когда оба они, невольно забыв об обычной осторожности, стали говорить значительно громче, он вдруг встал и направился к их столику.

– Товарищи, товарищи, – он старательно произнес это слово и с широкой дружеской улыбкой протянул им руку. – Вы советские?.. Очень хорошо... Я рад... Моя... Мое имя... Хамид... Я учился Советский Союз... Здравствуйтесь!..

Это было так неожиданно и для Тагира, и для Сергея, что оба они некоторое время растерянно молчали. Единственное, что они сумели сделать, – это встать.

А Хамид, продолжая улыбаться, уже крепко жал руку Тагира.

– Здравствуйте... Здравствуйте! Как поживаете?.. Я уже два года, как из Советский Союз... У нас здесь, где я работал, нет русский... Чуть совсем не забыл, как говорить... А вы давно наша страна? Где работаете?.. Наверное, там, на больнице?..

Не успели Тагир и Сергей кое-как освоиться с тем, что произошло, как эти вопросы, которые Хамид задавал со стремительной быстротой, снова повергли их в полную растерянность. Сергей нашелся – он так же крепко пожал Хамиду руку, усадил его за свой стол и, не дав ему больше ничего спрашивать, сам начал задавать ему вопросы, где и когда он учился в Советском Союзе, как ему там понравилось. Хамид отвечал с большой охотой. По всему было видно, что время, проведенное в чужой стране, осталось в его памяти добрым воспоминанием. Оказывается, учился он совсем недалеко от мест, где рос и жил Тагир, – сначала в Армавире, потом в Краснодаре.

– Краснодар – Кубань, Армавир – Кубань, – быстро говорил он, размахивая руками, – Армавир быстрая, Краснодар тихая, как наша Барада. Краснодар институт... Сельское

хозяйство... О-о, какой институт огромный. Один корпус больше, чем наш рынок Хамадие. Институт закончил, был в Москве, Красная площадь, Мавзолей Ленина... Кремлевский дворец. Много видел всего интересно. Потом приехал домой. Теперь я врач. Понимаете – врач. Ветеринар!..

Хамид рассказал, что уже два года проработал в селе ветеринарным врачом, а сюда приехал по делам, нужно получить кое-какие медикаменты, которые пришли тоже из Советского Союза. Деревня, где он сейчас живет и работает, находится в самой глуши, далеко в стороне от главных дорог, новые люди заезжают туда очень редко, не говоря уже об иностранцах. И за все эти два года он ни разу не столкнулся с русским, ни словом не обмолвился на этом языке. Передачи по радио из Советского Союза он, правда, иногда слушает, но это совсем не то, что общение с живым человеком. И он сейчас очень, очень рад, что наконец может получить возможность вспомнить русский язык.

Хамид, рассказывая обо всем этом, конечно, и не подозревал, что оба собеседника слушают его и с интересом, и с очень большим волнением. Оба они были несказанно горды тем, что все эти восторженные слова благодарности относились к стране, в которой они когда-то были полноправными гражданами.

Но Тагир первый ощутил новый прилив волнения – сейчас Хамид кончит говорить о себе, и тогда придет их черед. А что они скажут ему? Солгать, будто оба они совсем недавно из Советского Союза, или выложить всю правду? Поймет ли их этот человек? И как он отнесется к этой горькой для них правде?

– Я через час пойду офис, – сказал в этот момент Хамид. – Контора, – поправился он, снова широко улыбнувшись. – А вам куда? Вы долго здесь? И где живете? Отель? Какой? Если можно, я зайду вечером... Конечно. Если товарищи свободны...

Тагир и Сергей посмотрели друг на друга. И ни один не увидел ответа в глазах другого на мучивший их вопрос, и все же Сергей опять нашелся первым...

– Мы очень рады, Хамид, что встретились с вами... Очень приятно видеть человека, который жил на твоей родине... В отель мы еще не устроились и не знаем, в каком будем жить. Но нам надо спешить по делам. Давайте вечером просто снова встретимся здесь...

– О, очень хорошо... – Хамид снова заулыбался. – Очень хорошо, спасибо... Восемь часов... Нет, меньше... Семь часов я буду здесь... Ладно.

Он проводил их на улицу и осмотрелся по сторонам.

– Вас ждет авто? Вам куда? Там моя машина. Автобус. Маленький. Могу повезти.

– Спасибо, – сказал Сергей. – Наш шофер знает, куда ехать. А машина наша за углом... До свидания... До вечера...

Хамид, кажется, хотел проводить их и дальше, но после того, как они с ним попрощались, не сделал этого. Он только стоял и смотрел им вслед и, когда они сворачивали за угол, помахал им рукой.

Очутившись за углом, Тагир и Сергей облегченно вздохнули. Однако они, не останавливаясь, прошли через какой-то проходной двор, вышли на широкий бульвар, у края которого елочкой стояло множество легковых машин, и только у скамейки, прикрытой низкой развесистой пальмой, остановились.

– Ну, – проговорил Сергей, опускаясь на скамейку, – что ты на это скажешь?

Тагир мрачно посмотрел на носки своих туфель.

– В конце концов, к черту... Не преступники же мы. Что нам сделают дома?.. Как хочешь, я больше не могу... Будь что будет... Надо любыми способами возвращаться домой.

– Я согласен, – тихо произнес Сергей. – Но только надо сначала все узнать. Выяснить, как это делается. Хамид же ничего не знает. Для него наша страна тоже, что и для нас, – его. Прежде чем идти в наше представительство, нужно поговорить с кем-то из советских людей. Давай попросим Хамида помочь перебросить нас на строительство этой больницы? Там наверняка есть люди, от которых мы можем узнать все, что нам нужно.

– Но тогда надо рассказать Хамиду все о себе, – сказал Тагир. – А ты уверен, что после этого он захочет иметь с нами дело?

– Нет, – мрачно усмехнулся Сергей, – не уверен. А может быть, не стоит говорить ему все? Скажем, что мы просто по каким-то причинам отстали от своего транспорта и что нам нужно как можно быстрее попасть на строительство.

– А если он спросит, почему мы не обратимся в свое посольство? Или к какому-нибудь нашему представителю? Как быть тогда?

– Ну, а если не спросит? Если просто поможет, и все? А если нет, что мы теряем? Не будет же он следить, что мы будем делать дальше. И потом наше консульство находится в Дамаске. Отсюда до него полсотни километров.

– Ну что же, – подумав, произнес Тагир, – это, кажется, единственный выход. Давай взвесим и рассчитаем, что мы ему скажем. Как представим себя, чтобы это не вызывало у него подозрения. – В конце концов было решено, что они скажут Хамиду так. Оба работали на строительстве суконного комбината, но перед самым его пуском заболели. Ну, скажем, попали в автомобильную аварию, получили сотрясение мозга, и врачи запретили перевозить их на большое расстояние. Пришлось отлежать свой срок на месте. Сейчас им выделили машину, которая должна была довезти их до Дамаска, но опять произошла досадная случайность. Какой-нибудь час назад на ней вышел из строя радиатор. Пока его будут чинить, они бы с удовольствием съездили на строительство больницы. Там, как они узнали, работает один очень близкий их знакомый. Вот если бы Хамид помог им в этом, они были бы ему очень благодарны. Главное – добраться туда, а уехать обратно их знакомый обязательно им поможет.

Хороша или плоха была версия, лучше придумать им не удалось.

И когда Хамид ровно в семь явился в уже знакомую им закусочную, они изложили ему ее слово в слово. Хамид, к их удивлению, не поставил под сомнение ни одно их

слово. Сначала он чрезвычайно расстроился несчастьем, которое с ними произошло, потом огорчился случаем с машиной и, наконец, начал думать о том, как им помочь. Одно оказалось совершенно точным – в зону, где шло строительство больницы, в настоящее время требовался пропуск. Но Хамид настолько верил им обоим, что сейчас думал только о том, как бы провезти их, минуя пост на дороге. Пост был один, это Хамид знал точно, но и дорога была одна, и миновать его не представлялось никакой возможности. Разве только на вертолете.

– По пустыне нельзя, – рассуждал сам с собой Хамид, все более мрачней. – По песку машина не пройдет. В объезд правее совсем нельзя. Горы... Да и кто повезет? Нужна машина. Подождите... Я буду звонить... Там же стройка. Может, кто-то приехал. Подождите, товарищи. Я скоро... – Он ушел и вернулся действительно очень быстро. Лицо его стало еще печальнее.

– Нету, ничего нету, – расстроено сказал он. – Уже пять дней... На дороге стало беспокойно. Ладно, – вдруг решительно сказал он, – подождет. Это ничего. Один день.

– Кто подождет? – спросил Тагир, внимательно наблюдая за внезапно посветлевшим лицом Хамида.

– Жена подождет, – уже твердо произнес Хамид. – Я сказал сегодня: приеду завтра. Не умрет. А? – он засмеялся и посмотрел на них теперь уже совсем весело заблестевшими глазами. – И начальник не умрет тоже. И быки не умрут. Один день. Ничего не будет.

– Не понимаю, – спросил Тагир, – какой один день?

– Один день позже. Приеду завтра. Повезу вас сам. До строительства. Туда три час. Обрато три час. Семь часов.

– Шесть, – поправил его Сергей, – три и три будет шесть...

– Один час отдых, – довольно засмеялся Хамид. – Шесть и один – семь. Я не забыл. Русский я не забыл... Язык не забыл. А цифры у вас арабские, наши...

– Подожди, – остановил его Тагир, – а если тебе за это влетит? Ведь сам же говорил, что для проезда туда нужен пропуск.

– «Влетит? Что – влетит?» А, будет ругать, да? От начальника? Откуда он знает, сколько я получил тут медикаменты. Час, пять или два дня. А на дороге. Э-э, меня не остановят. Полумесяц... Медицина... Никто не откроет. Вам не надо только петь, кричать. Все будет хорошо. Пошли.

– Прямо сейчас? – спросил Тагир.

– Вещи? – спросил Хамид. – Хотите брать вещи? Не оставлять в своей машине? Поедем. Это далеко?..

– Нет, вещей не надо, – торопливо ответил Тагир. – Мы их оставим здесь. Ну, а шофер... Он согласится?

– Какой шофер? – уже совсем весело сказал Хамид. – Я шофер. На тракторе у вас ездить научили, на машине научили, только на самолете не успел. Еще раз поеду – научусь. Пойдем, пойдем. Быстро.

Ни Тагир, ни Сергей не ожидали такого поворота событий. Им уже стало просто стыдно за свою затею. Кроме того, Хамид, по приезде на строительство, наверняка захочет увидеть их «Знакомого» и, конечно, сразу догадается, что они его обманули, что каждое их слово было враньем... Но что теперь делать? Хамид, не говоря ни слова, торопливо шел по улице, ведя их за собой. Через несколько минут они свернули в небольшой дворик, в одном из углов которого стоял светлый микроавтобус, легкий и изящный. Ни Тагиру, ни Сергею еще не приходилось на таком ездить. Каково же было их удивление, когда они увидели, что автобус был советской марки.

Хамид открыл дверцу. Внутри были низкие удобные кресла. Не больше десятка. А в конце, за ними, лежали какие-то пачки, перевязанные шпагатом. Наверное, медикаменты.

– Садись, – сказал Хамид, – садись. Машина... Во... Ньюся... Так называется. А, я забыл... Вы же сами знаете.

Когда доедем до поста. Темно. Тогда скажу там. Только тихо.

Машина тронулась, и сразу же за городом поплыла за окнами темнота. Колеса шли легко, мотора почти не было слышно, и трудно было понять, с какой скоростью они едут.

Неожиданные повороты событий в этот день основательно потрясли их обоих. Стала сказываться усталость. Они не заметили, как задремали, и очнулись оттого, что машина остановилась. Вокруг было все так же темно. Только перед Хамидом горели разноцветные огни на приборах.

– Все, – сказал он тем же веселым голосом, – проехали...

– Что – проехали? – не понял Тагир.

– Пост проехали... Еще час. Один час...

Машина снова тронулась с места. За окном в ночном полумраке мимо поплыли прямоугольные силуэты строений. Потом они кончились, и снова пошла голая дорога. Ни Тагир, ни Сергей уже не хотели думать о том, что произойдет дальше. Там на месте все станет ясным.

Они снова задремали. Хамид, освещая подфарниками дорогу, внимательно вглядывался вперед, мурлыкая что-то себе под нос. Сколько времени так прошло, ни Тагир, ни Сергей потом не могли сказать. Разбудил их звук выстрела. Он был очень отчетливым и близким. И потом, где-то уже совсем рядом, поднялась беспорядочная стрельба. Вспыхивали и гасли красные прерывистые нити, они перечертили полумрак во всех направлениях. Потом темнота за окнами машины внезапно растворилась в мягком зеленом пламени ракеты. И ясно до боли в глазах встала впереди почти прямая, идущая круто вниз горная дорога, каменный завал впереди где-то далеко внизу, темные фигурки людей на обочине. Потом все это сразу же исчезло в снова навалившейся со всех сторон темноте, и только теперь Тагир и Сергей поняли, что машина бесшумно на холостом ходу сама катится вниз по дороге. Хамида за рулем не было.

Сергей первый успел рвануться вперед к баранке, но, споткнувшись обо что-то мягкое, с силой ткнулся головой в ветровое стекло. Прежде чем он успел понять, что под ним лежало тело Хамида, сильнейший удар снова бросил его на стекло. На этот раз удар был настолько силен, что он сразу же, как и брошенный той же силой Тагир, потерял сознание.

Когда Сергей открыл глаза, вокруг было все так же темно. Нестерпимо болела голова и все тело. С трудом

пошевелившись, он понял, что лежит на земле. Высоко над головой стояло беззвездное сероватое, по-видимому, начинавшее светлеть небо. Он лежал несколько минут неподвижно, пытаясь собраться с мыслями. Хамид, машина, дорога, стрельба. Что дальше? А дальше он вдруг вспомнил очень отчетливо: неподвижное тело Хамида и в мертвенном свете ракеты крутая горная дорога. В тот самый момент, когда он пытался взять на себя управление машиной, она перевернулась. Ну, а потом, что было потом?

Сергей, сделав огромное усилие, приподнялся и сел. Теперь он увидел, что кто-то лежал рядом с ним. Глаза уже привыкли к темноте, и по фигуре он узнал Тагира. Лица его он еще не мог разглядеть, но, дотронувшись до него рукой, ощутил теплоту его тела и уловил тяжелое прерывистое дыхание. Но если это Тагир, наверное, где-то рядом должна быть и машина... А где же Хамид? И где те, кто их вытащил из машины?

В этот момент Тагир застонал и тоже пошевелился. Где же они все-таки находились? Сергей поднял голову и от неожиданности зажмурил глаза: рядом с ним, в каком-нибудь десятке шагов, была колючая проволока. Высокий забор в густом переплетении колючей проволоки. А чуть левее в темноте стояли прямые одинаковые строения, чрезвычайно похожие на бараки концлагеря.

Он снова бессильно опустил на землю. Нет, это была галлюцинация. Не могло же время вернуться вспять, не мог же он снова попасть в нацистский лагерь. И что – им снова предстояло испытать все унижения, голод и издевательства? Сейчас он откроет глаза и все это исчезнет, как мираж!.. Он открыл их, и все осталось на месте. И колючая проволока. И бараки. И теперь он даже различил на углу вышку с темной фигурой часового. Он хотел протянуть руку и потрясти Тагира, но тот уже сам с глухим стоном медленно поднял голову и сел.

– Что случилось? – тихо спросил он, наверное, различив в сером полумраке лицо Сергея. – Где Хамид? Что случилось?

– Не знаю, – так же тихо ответил Сергей, – ни где Хамид, ни где машина, ни где мы сами. Посмотри... По-моему, это колючая проволока... Может быть я ошибаюсь, но это лагерь... Это опять концлагерь!..

Сергей не ошибался. Очень скоро они узнали, что это действительно был лагерь, в который судьба их отправила второй раз через двадцать лет после того, как они вырвались из первого. В тот самый момент, когда машина Хамида проходила участок дороги, прилегающий к границе с израильской стороны, вдруг открыли по дороге огонь. Хамид, по-видимому, был убит первой же очередью, и машина, потеряв управление, на полной скорости понеслась вниз по дороге. Потом, сойдя с нее, пошла по склону горы. Благодаря своей устойчивости она перевернулась не сразу и пронеслась еще дальше, как раз до окопов израильских солдат...

Что было делать? Открываться? Сказать, кто они такие? А кем они вообще были? Что они могли о себе сказать? Но сейчас главное для них было даже не в этом. Что стало с Хамидом? Неужели из-за них погиб этот отличный парень, который бросил свои дела только для того, чтобы помочь им? Но спросить пока было не у кого. В лагере находилось человек двести арабов самого различного возраста. Здесь были не только мужчины, но и женщины с детьми и старики. Их пока никто не трогал, никто ни о чем не спрашивал. Утром охранник принес какую-то мучнистую похлебку, молча бросил им две погнутых алюминиевых чашки и так же молча ушел.

Лагерь находился в расщелине между каменистыми горами. Горы были почти совершенно пустынные. Только по дороге, охватившей крутой склон, двигались иногда машины. По ту сторону проволоки находилось несколько строений, в которых, по-видимому, жила охрана.

Время приближалось к полудню. Все находившиеся в лагере забились в тень. На них никто, как и прежде, не обращал внимания. И тут только они обнаружили, что ни одной бумаги, которые находились при них, ни одного

документа, удостоверявшего личность, в карманах у них не было.

Тогда Тагир решил походить среди заключенных, поискать человека, владеющего адыгейским языком. А Сергей в это время, расположившись у проволоки, стал наблюдать за строениями, в которых жила охрана, и особенно за одним, находящимся немного впереди, где стояли две машины и несколько мотоциклов. По-видимому, здесь была комендатура.

Из дверей комендатуры выходили и входили военные. Кто-то приехал на мотоцикле, потом уехали сразу двое. Привели каких-то гражданских. Потом еще нескольких. Но никого и отдаленно похожего на Хамида среди них не было.

Возможно, его и не могло быть среди них. Если тогда в машине он упал с сиденья не от толчка, а от попавшей в него пули... Там Сергей не успел этого определить. Однако ему не хотелось думать, что Хамид был убит. Это было бы слишком несправедливо. Нет, лучше предполагать, что он был только ранен. В этот момент из здания комендатуры вышли двое. Оба в коротких брюках, в гетрах и в шляпах тропического покроя. Они направились прямо ко входу в лагерь. Они вошли и остановились, осматриваясь вокруг. Потом один из них остался у входа, а второй вошел на территорию. Сергей не мог разглядеть его лица, наполовину оно было закрыто большими темными очками. Но зато он заметил совершенно точно, что человек этот смотрел как раз на то место, где они с Тагиром лежали ночью. Да, он не ошибался, тот смотрел именно туда, и по всему было видно: оттого, что там теперь никого не было, он ощущает не то что тревогу, но, во всяком случае, раздражение. Наконец он отошел на несколько шагов, еще раз оглянулся вокруг и теперь уже увидел Сергея. Что-то коротко сказав оставшемуся у входа, он пошел к забору. Сергей сидел на земле и молча смотрел на него. Тот остановился рядом.

– Эй, ты, встань. Ты кто такой? – Фраза эта была произнесена на довольно чистом русском языке. Но Сергей молчал.

– Что, от страха язык проглотил? А ну-ка встань, когда с тобой разговаривают. Ты русский? Говори. Молчишь? Ну, тогда пойдем. Там поговоришься. А где второй? А, вон он, – заметил он подходившего Тагира. – Ну давай пошли. Сейчас вы все выложите.

Их привели в просторную комнату со столом в углу. На столе лежали все их личные бумаги с разноцветными штампами и печатями таможенных чиновников чуть ли не всех частей света.

– Вы из Советского Союза? – спросил приведший их. – Когда прибыли в Сирию?

– Я русский, а он адыг. Из Советского Союза мы давно, почти двадцать пять лет. Это же ясно по нашим бумагам.

– Бумагам? – засмеялся тот. – С бумагой что хочешь можно сделать. Говорите все, как есть. Все равно от нас ничего не скроете.

Допрос длился три часа.

– Ладно, – со злобой сказал тот, кто их допрашивал. – Не хотите говорить здесь, скажете в другом месте. То что вы советские агенты, нам совершенно точно известно. Признаетесь – облегчите свою участь. Нет – пеняйте на себя.

Их снова отправили в лагерь, а утром опять вызвали на допрос. Впрочем, теперь он велся уже скорее формально, человек в темных очках уже сам понял, что здесь они ему не скажут ничего, кроме того, что уже сказали, и задавал вопросы просто так, на всякий случай. Это было ясно еще и из того, что у самых окон комендатуры стояла машина, около которой находился солдат, вооруженный автоматом, а второй находился здесь, в комнате.

– Так, значит, продолжаете упорствовать? – устало произнес человек в очках. – Ну, что ж, пожалеете, но будет поздно.

Он отдал какую-то команду, и солдат, сделав движение автоматом, показал им в сторону машины.

– Подождите минуту, – обернулся к нему Тагир. – С нами в машине был еще один человек. Где он, что с ним?

– Какой человек? – подозрительно посмотрел на них тот. – Никакого человека не было... А, этот?.. Он же был араб, и вам нет до него никакого дела.

– Ну что с ним? Он жив? – спросил Тагир.

– Он вас интересуется? Если судить по вашим бумагам, вы здесь совсем недавно. Откуда же у вас друзья да еще, по-видимому, близкие, если вы так о нем волнуетесь? Хотите о нем узнать? Говорите всю правду о себе – услуга за услугу.

– Да нам не о чем больше говорить, – почти с отчаянием в голосе сказал Тагир. – Поймите же это! Мы сказали всю правду.

– Тогда проваливайте. Ничего вы от меня не услышите. – Он сказал несколько слов солдату и снова обернулся к ним. – Имейте в виду, при первой попытке к бегству они будут стрелять.

Через час машина довезла их до какого-то селения, скорее всего, небольшого городка. Их завели в серое невзрачное на вид казенного типа здание и заперли в отдельной камере. Кроме узенького оконца под самым потолком да наглухо закрытых обитых железом дверей, их окружали одни только голые стены. Ни нар, ни стола, ни стульев. Здесь можно было вспоминать о чем угодно, но жаловаться было некому. Днем через вырез в двери им просунули котелок с похлебкой – один на двоих – и два куска хлеба. Ложки дать забыли. Они молча сидели на полу, прислонившись спиной к стене. Мысли у них были настолько одинаковы, что говорить было не о чем. Все, что произошло с ними за последние два дня, было настолько трагично и глупо, что отняло у них остатки воли. Сейчас им уже было все равно, что произойдет дальше. Только судьба Хамида, за которую они считали себя полностью ответственными, никак не давала им покоя. И оба они уже хорошо понимали, что с Хамидом произошло самое худшее. А если бы не они... Если бы они не попросили его помочь им... Этот

отличный парень, этот добряк и сейчас находился бы дома, около своей семьи.

Когда поздним вечером они поодиночке были вызваны на допрос, их уже ничего не волновало. Вопросы были одни и те же – когда и зачем ты прибыл из Советского Союза? Изложи все это на бумаге и скрепи своей подписью. И ты получишь свободу. Не менее десяти раз им пришлось повторить то же самое, что они говорили на первом допросе в лагере, но им, как и там, не верили. Их допрашивали днем, вечером, ночью, вызывая на допросы то вместе, то поодиночке. Но ничего нового, конечно, вытянуть из них не могли. И вот на третий день Тагир, уже совершенно обессиленный, потерявший способность что-либо соображать, во время очередного допроса, рассказывая о жизни в лагере для перемещенных лиц, случайно вспомнил о человеке, который предложил ему запомнить номер телефона и обратиться по этому номеру, когда ему будет трудно. У него спросили, какой это был номер. Тагир не без труда, но вспомнил его. После этого их два дня никуда не вызывали. Потом утром принесли чистую, пахнущую нафталином одежду и предложили переодеться. После этого они получили довольно приличный завтрак. А еще через час их вывели во двор и посадили в небольшой автобус. Боковые стекла на нем были матовые, впереди от водителя их отделяло такое же стекло, и, куда их везли, они видеть не могли. Автобус остановился у небольшого домика, ничем не отличавшегося от находившихся рядом домов.

В просторной комнате, куда их ввели, их встретил сугубо штатского вида человек в очках и тонкими рыжеватыми усиками. Он поставил перед ними виски с содовой и приступил к самым тщательным расспросам. Но теперь это был уже не допрос, он на них не кричал, ничего не требовал подписать, он просто задавал вопросы и слушал. Им пришлось снова выложить перед ним всю свою жизнь, начиная не только с того момента, как каждый из них перестал быть бойцом Советской Армии. Его интересовала

их жизнь в Советском Союзе, кем они были, чем занимались, кто из родственников мог у них там остаться.

Потом их отвели в небольшую комнату с двумя кроватями. На окне, которое выходило во двор, не было решетки, но, выглянув из него, они увидели в зелени пальм фигуру часового.

– Ты понимаешь, что все это значит? – спросил Тагир.

– Конечно, – невесело усмехнулся Сергей, – думаешь, тебе дали номер, чтобы оказать добрую помощь? За эту помощь нам придется расплачиваться дороже, чем мы расплачивались за все свои ошибки до сих пор!

– Послушай, – сказал Тагир, – а может быть, это и есть единственный путь домой в создавшемся положении?.. Ведь теперь они нас не выпустят из своих лап. Ты же сам это понимаешь...

– Мне уже все равно, – устало ответил Сергей. – Пусть, как угодно, но домой... Будем соглашаться на все. А там посмотрим, кто кого перехитрит.

На третий день они снова попали в ту же просторную комнату. Опять было виски с содовой и был тот же самый человек в очках. Снова началась беседа. Но теперь каждый из них чувствовал, что человек этот задает только уточняющие вопросы. Наверное, многое о них было уже ему известно, и не только от них самих.

Часа через три-четыре, как будто удовлетворенный полученными ответами, человек этот вдруг сразу же предложил им перейти жить в место, которое он им укажет. Они согласились и на это. На следующий день оба вселились в отдельную комнату в небольшом флигеле при торговом представительстве, а еще через несколько дней у каждого из них в кармане лежал билет на пароход, отправлявшийся в Грецию. Здесь они попали в небольшой лагерь, где уже по-настоящему началась подготовка, которой они ждали. План их был прост: если их перекинут на территорию бывшей родины, они не сделают ничего такого, чтобы могло принести вред. Документами их наверняка снабдят добротными. А если так, то это поможет им влиться в общий поток жизни, не вызывая ничьих подозрений.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Никаких заданий из тех, которые будут ими получены, они, конечно, выполнять не будут, не будут, естественно, и поддерживать связи с теми, кто их послал. Они попросту исчезнут для всех, кто их до сего времени знал, и для того чтобы меньше вызвать подозрений, на первое время расстанутся, а потом, через год, встретятся снова.

Если, конечно, все будет обстоять благополучно. И тогда уж окончательно решат, что делать дальше.

Хорошо, что они все заранее это обговорили, рассчитали до малейших деталей свой план, потому что вскоре их отделили друг от друга. И только перед самым вылетом свели вновь. На инструктаж и на обмен мнениями. Но присутствовавший при этом хмурый человек в темных очках ни на минуту не оставлял их одних.

Задание, которое им давали, казалось очень несложным. Тагир должен был обосноваться где-нибудь поближе к морю, а Сергею надлежало направиться в один из городов предгорий, где на условленном месте получит от ожидавшего его человека дальнейшие инструкции, деньги и необходимые для проживания документы. Только после этого письмом, отправленным до востребования, Сергей должен был сообщить Тагиру о месте предстоящей встречи. Задание же последнего выглядело еще проще. В лесу ему надлежало оставить в указанном месте небольшой металлический ящичек. Оставить, и все. И устраиваться работать. А дальше все зависело от письма, полученного от Сергея.

Лучше было, конечно, Сергею ни с кем не встретиться, а попросту сразу же исчезнуть для тех, кто их послал. Но паспорт и деньги? Без них им не прожить и несколько дней. Значит, на встречу надо было идти. И уж потом исчезать навсегда. Что касается Тагира, то он и не думал никому передавать врученный ему металлический ящичек. Сейчас же после приземления он собирался просто избавиться от него, и точка.

Холодный отблеск неоновых светильников, приглушенный пластмассовым козырьком, струился по пластиковым стенам. Звуконепроницаемые перегородки не пропускали ни одного звука не только с улицы, но и гасили каждый шорох внутри самого здания. Если бы не метроном, сухими щелчками отбивавший секунды земного времени, можно было бы подумать, что находишься где-то далеко от земли в безвоздушном пространстве. Хент покосился на продолжавшие молчать телефоны и перевел взгляд на циферблат. Стрелки показывали двадцать два часа пятьдесят пять минут.

Он снова сел в кресло.

Что бы там ни было, а шефу сейчас хуже, чем ему. Хент не знал деталей операции. О таких вообще осведомлены немногие, но то, что она была исключительно важна для отдела, в котором работал и он, не представляло для него ни малейшего сомнения. И, судя по поведению шефа, операция эта протекала пока не совсем так, как он это предполагал, или, во всяком случае, хотел бы предполагать.

В эти минуты, безусловно, шеф ждал какого-то сообщения. И о том, что оно было первостепенной для него важности, говорил такой знаменательный факт. Ровно в девятнадцать ноль-ноль шеф требовал свой коктейль, изготовленный по его собственному рецепту. Это повторялось неизменно день в день. Только исключительно плохое настроение могло заставить нарушить это правило. Таких случаев, как отметил Хент, за два года было три. И третий падал на сегодняшний вечер: почти четыре часа прошло после положенного времени, а на столе перед шефом все еще не было запотевшего бокала.

Сухо щелкнули стрелки. Они показали ровно двадцать три часа. Хент прикрыл глаза. Все-таки лучше было находиться здесь, в кабинете, в полной зависимости от того, кто находился за звуконепроницаемой дверью, чем ночью в кабине самолета где-то у границ чужой страны.

Едва слышно загудел зуммер: шеф разговаривал с кем-то по прямому проводу. Хент, откинувшись на спинку кресла, прислушивался к сухим щелчкам метронома.

Здесь, в этом кабинете, к Хенту часто приходило состояние отрешенности от всего окружающего его мира, и это было не просто внешним ощущением. Жизнь, которая проходила в этих стенах, интересы, которыми здесь жили, действительно были очень далеки от всего того, что происходило в каком-нибудь десятке метров на улице и дальше – на сотни километров в любую сторону от этого здания. Но зато нервные узлы, сходящиеся сюда с двух материков, очень чутко фиксировали все, что происходило даже в нескольких тысячах миль отсюда.

Три телефона, стоящие перед Хентом на отполированном до блеска столе, молчали. Шеф, кажется, не собирався тревожить его, но, судя по всему, не думал и вызывать машину.

Хент покосился на онемевшие телефоны, чтобы хоть немного размять тело, поднялся из своего кресла и подошел к зашторенному окну. Даже звук его шагов не нарушил тишины кабинета. Их поглотила пенопластовая прокладка пола. Он чуть отодвинул штору. Вдали за неровными крышами домов плясали огни реклам. Они бесшумно взрывались, гасли на короткое мгновение, чтобы сейчас же зажечь темное осеннее небо метущимся разноцветным пламенем. Это паясничание рекламных огней здесь, на обетованной библейской земле, вдруг показалось Хенту кощунством, он усмехнулся и пожал плечами. Какое, собственно, до этого было дело!

Сейчас его больше интересовали личные дела. Как это ни досадно, но, кажется, с планами на сегодня придется распрощаться. Ровно в двенадцать он должен быть в маленьком уютном кабинетике ночного ресторана Бедла Гостингса. Бедл был толст, как двухсотгаллонная бочка, и рыхл, как пенопластовая губка, но время в его заведении можно было провести, не жалея о том, что оно истрачено даром.

Бедл знал свое дело. Его ресторанчик, в готовом виде перенесенный на эту библейскую землю из одного из зланных районов Нью-Йорка, обслуживали в основном девушки из эмигранток самого различного происхождения, еще не освоившиеся с новой для них жизнью. И они были куда приятнее и податливее соотечественниц Хента, сухость и холодный расчет которых действовали на него подчас удручающе.

И главное, они обходились дешевле.

С металлическим треском вспыхнул и погас между телефонами зеленый глазок. Голос шефа сказал:

– Принесите желтую папку и всю полученную информацию.

Когда Хент вошел в кабинет, шеф даже не поднял головы. Была видна только розоватая плешь на его макушке и пепельная черепаховая оправа очков. Хент положил папку на краешек стола и вышел.

Снова в полной тишине сухо отщелкивали секунды. Чуть слышно заныл зуммер. Шеф опять разговаривал по прямому. Хент начал дремать. Если бы не знакомый металлический щелчок, он бы не увидел снова вспыхнувшего зеленого глазка лампочки.

– Хент, – раздался голос шефа, – мой коктейль.

Хент вскочил на ноги. Кажется, он еще мог успеть.

Было двадцать три часа двадцать восемь минут.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пока у Тагира все шло как было задумано. А вот как обстояли дела у Сергея? Приземлился ли он так же благополучно, как и Тагир? И где он сейчас находится? Тоже пока в лесу или по дороге в город?

Тагир отлично знал этот город. По крайней мере, таким, каким он был два с половиной десятилетия назад. Но туда ему идти было нельзя. Во-первых, запрещалось

полученными инструкциями, во-вторых – это было пока опасно и для него самого. Если его кто-то узнает, если его заберут для выяснения того, каким образом он снова очутился на родной земле, – разве может он кому-либо доказать, что думал прийти сам и обо всем рассказать? Кто же в это поверит? Нет, рисковать он не имеет права. Во всяком случае, до тех пор, пока не освоится с обстановкой, которая сложилась на его родине в настоящее время, и не убедится, что добровольная явка ничем особенным ему не грозит.

Но если в течение двух недель от Сергея не придет письма... Это будет означать, что с ним что-то случилось. Здесь уж, конечно, Тагир будет бессилён что-либо изменить. Вот тогда-то скорее всего и надо идти самому и все рассказать. Терять уже будет нечего. Сергей, – он был в этом уверен, – не выдаст его. Однако если он будет уверен, что Тагир явится в органы госбезопасности сам, то и он это непременно сделает.

Тагир продолжал идти по лесу, прислушиваясь к его шорохам, к неясным звукам, доносившимся из чащи зеленого кустарника, к щебетанию птиц над головой.

И вдруг ему показалось, что он вернулся в уже далекое для него прошлое. Что не было ни войны, ни плена, ни тяжелых лет на чужбине, не было даже самолета и купола парашюта в темном высоком небе. А был и есть он – Тагир, который идет по своему родному лесу, идет так же легко и уверенно, как шел он четверть века назад. И что нет на его плечах груза сорока восьми лет, и мышцы опять упруги и легки, как в молодости, и вот сейчас он свернет на тропинку, ведущую к дороге, пройдет по ней десяток километров или остановит попутную машину, и та по круто петлявшей ухабистой лесной дороге доставит его к первым домикам райцентра. А там уже рукой подать до родного аула. И первым, кто его встретит, будет его друг Джамбот... Кивнет он на рыжий мех висевшей на поясе Тагира матерой лисы, не пряча доброй улыбки спросит:

– Ну, что, Тагир, оставил ли ты там какую-нибудь хоть плохенькую лису и для нас?..

А он ответит:

– Оставил, Джамбот. И тебе, и твоим внукам хватит!

А ведь Джамбот в шутку спросит об этом только потому, что знает: Тагир – отличный стрелок и никогда не выпустит пулю только затем, чтобы просто так лишить жизни любое повстречавшееся ему на лесной тропе животное. Джамбот – тракторист, весной и осенью у него по горло работы, и он не всегда может бродить по лесу вместе с Тагиром. Тагиру в этом отношении куда проще. А потом Тагир войдет в дом. И маленькая, тоненькая Цуца, совсем не похожая на мать, кормящую ребенка, прижмется к нему, словно он вернулся не из леса, находящегося в двух десятках километров от дома, а откуда-то с края земли, да еще вернулся, перенеся невесть какие испытания. А маленький, совсем маленький Алкес, ему еще нет и года, потянется ручонками к непривычному рыжему меху и крепко уцепится в него крошечными пальчиками. И Тагир, довольный, скажет: «А что, Цуц, не охотник ли он будет, да еще почище отца? Как ты думаешь?» А Цуца, начиная хлопотать около стола, шутливо ответит: «Довольно с меня и одного, не хватало еще сразу двух ожидать». А потом... Нет, хватит! Довольно воспоминаний. Тагир тряхнул головой и приостановился. Вокруг был лес, величаво и спокойно стояли деревья, те же самые и почти не изменившиеся внешне за четверть века, в ажурной зеленой листве голубело высокое знакомое небо... Но прошлого не было. Было настоящее. Тревожное и неясное. И именно потому, что картины прошедшего так ярко и живо нахлынули на него, сейчас, в эту минуту будущее стало еще тревожнее и бесперспективнее.

Тагир стоял, прислонившись к шершавому стволу дерева, стараясь совсем отделаться от прошлого и вернуться снова в сегодняшний день. Да и что связывало его с этим прошлым, о котором так ярко и отчетливо вспомнил? Цуца? Ее давно нет в живых. Алкеса не было тоже. Лучший его друг Джамбот погиб в танке на его глазах. Осталась невеста Джамбота, Мерем, ближайшая подруга Цуцы. Но и она, наверное, давно уже вышла замуж, имеет детей, а

может быть, и внуков. И нужна ли ей встреча с человеком, которая остро и больно напомнит ей о прошлом? Напомнит о ее невольной неверности памяти человека, которого она так любила... А может быть, Мерем все еще хранит эту верность? Может быть, она все еще одинока? Нет, вряд ли это возможно. Живое всегда живет живым. И кто осудил бы Мерем, если бы она через столько лет отдала бы свою руку другому? Только руку, но не сердце. Нет, не надо думать о прошлом. Во всяком случае, пока. Воспоминания эти расслабляют. Они могут привести к необдуманному поступку. Надо жить настоящим. Только настоящим. И будущим.

Он вдруг вспомнил о металлической коробочке, которую должен был оставить в лесу в условленном месте. За всеми воспоминаниями он забыл о ней и шел теперь в противоположном направлении. Тагир остановился. Далеко внизу справа шумела река. Он шел все время вдоль среза ущелья, на дне которого она текла. Вдруг он, раздвигая кусты, быстро пошел к обрыву и, не дойдя до него несколько шагов, сбросил сумку, не глядя в нее, отыскал металлический ящичек и, размахнувшись, швырнул его вниз. И облегченно пошел дальше. Связь с прошлым теперь была порвана окончательно.

Тагир прошел еще с километр. Здесь, как он помнил, лес начинал редеть, спускаясь вниз по склону неглубокого ущелья, а на той стороне лежала обширная поляна, за которой плотной стеной снова вставали вековые дубы. Отсюда вниз должна была идти тропинка, которая и могла привести его к знакомой дороге, ведущей в райцентр. Он сразу же нашел ее. Память не изменила ему и на этот раз. Но не успев еще вступить на тропинку, Тагир снова остановился. Полянка на той стороне ущелья стала совсем другой. На ней, выстроившись в ровную линию, белели пять небольших аккуратненьких домиков. Около них стояли две грузовые машины. А левее и позади них уходил вниз по склону высокий решетчатый забор, за которым виднелось что-то белое и как будто живое. Присмотревшись внимательно, Тагир понял, что то был птичник.

По-видимому, на поляне была сооружена птицеферма. Две женские фигуры в белых халатах, прошедшие мимо домиков, подтвердили это предположение.

Тагир стоял и думал, что делать дальше. Если дорожка, на которую он вышел, не изменила своего направления, то она должна была проходить теперь совсем рядом с птицефермой. Не слишком ли это рискованно для него сейчас? Прежде чем он дал сам себе ответ на этот вопрос, до него донеслись звуки голосов. Кто-то шел по лесу, разговаривая, почти споря, и находился так близко от него, что времени на то, чтобы спрятаться, уже не оставалось, Тагир стоял, словно окаменев. Опасность пришла совсем не отсюда, откуда он ее ожидал.

Через несколько секунд из чащи вышли двое. Один высокий, худой, на вид лет на пять-шесть старше Тагира и второй, приблизительно его возраста. На них были спортивные брюки и такие же куртки, на ногах туристские ботинки, а за плечами у каждого висели рюкзаки. Это были горожане.

Путешествие по лесу для них было не особенно привычным делом. Это тоже не ускользнуло от наметанного глаза Тагира.

– А я вам говорю, Сафер Ибрагимович, направо, – говорил в этот момент высокий. – Вон же и птицеферма. Она должна остаться слева и позади.

– Так ведь это было, когда мы заходили к ней с той стороны, – густым басом ответил второй и тут увидел Тагира. Глаза его радостно блеснули. – Да вот сейчас мы все узнаем. Смотрите, на наше счастье, тут местный житель. Добрый день! – он подошел к Тагиру. – Вы, наверное, из местных? Как нам вернее пройти к Голубому камню? Это тот, что вверху у истоков ручья.

Голубой камень? Тагир отлично знал это место. Но добираться до него было очень долго. Если идти обычным путем. Тагир с юности знал другой путь. Намного короче, но, правда, и намного опаснее. Как ни странно, этот вопрос сразу успокоил его и вернул ему былую уверенность.

– Тем путем вам туда не добраться и к вечеру, – сказал Тагир, продолжая разглядывать туристов. – Ведь это же в обход ущелья, а потом вверх по склону.

– Вот видите, – торжественно произнес тот, что помоложе. – Видите, дорогой Анатолий Васильевич, я же вам говорил. Значит, в обход, а потом...

– Есть путь короче, – сказал Тагир, хотя и не хотел этого говорить. – Вверх по срезу ущелья. Но только надо осторожно, чтобы не сорваться, а то... – он махнул рукой.

– И этим путем можно добраться засветло? – спросил тот, которого звали Анатолием Васильевичем. – Это точно? Простите, что я сомневаюсь в ваших словах, но нам очень надо быть у Голубого камня именно сегодня. Понимаете, нас должен был провести к нему местный лесник, но он куда-то отлучился, а мы не хотим терять время.

– Да и лесник, возможно, не знает этого пути, – сказал Тагир. – Того, о котором я говорю.

– Простите, – сказал старший, внимательно смотря на Тагира. – А вы очень заняты? Мы понимаем, это не совсем удобно... Но если у вас есть время и если это связано с какой-то материальной потерей для вас... Мы могли бы ее компенсировать!

Дело принимало неожиданный для Тагира оборот. Подобного продолжения этой неожиданной встречи он никак не мог ожидать. Конечно, надо было отказаться. Решительно и бесповоротно. Но вместо этого он сказал:

– Но прежде чем ответить, я должен знать...

– Зачем нам понадобился Голубой камень? – живо спросил тот, что помоложе. – Тогда разрешите объяснить. Вот это, – он показал на старшего, – Анатолий Васильевич, профессор. Я его ассистент. Звать меня Сафер Ибрагимович. В районе Голубого камня предполагается строительство... Но это уже для вас не интересно, у нас сейчас очень мало времени. Только три дня. И вот за эти дни мы хотели бы ознакомиться с местом. Мы надеялись на лесника. Не сумели заранее предупредить его. Зашли, а его нет дома. Он на обходе и вернется не раньше чем к вечеру. А

у нас все рассчитано. Очень не хотелось бы терять времени. Ну, так как же?

Тагир понимал, что надо было отказаться. Сейчас же. Сослаться на занятость, на что угодно. Но этот первый разговор с первыми встретившимися на родной ему земле людьми вдруг показался ему совсем нереальным. Словно все это происходило во сне. И можно было и говорить и делать что угодно, ничего не опасаясь, потому что стоило только проснуться...

Колесания Тагира оба ученых приняли по-своему.

– Послушайте, – оказал профессор, – может быть, вы в чем-то сомневаетесь. Сафер Ибрагимович, покажите товарищу наши документы.

Это было уже совсем невероятно! Ему, Тагиру, который должен был бояться каждого встречного на этой земле, эти заслуженные люди, ученые, предъявляли свои документы! Ему стало неловко и стыдно, и он быстро замотал головой и пробормотал:

– Что вы, что вы, я вам верю. Но вот только как я смогу...

– А вы откуда? – спросил Сафер Ибрагимович. – Не с хутора, что за ручьем? Кажется, он называется Глубоким. Не так ли? Так мы можем зайти и сообщить вашей жене или кому вы сочтете нужным.

– Нет, – сказал Тагир, – заходить никуда не надо. Я уже здесь не живу. Давно покинул эти места. Да вот вернулся посмотреть, как теперь на родине люди живут. Не знаю, найду ль кого из старых знакомых. А потом вернусь на побережье. Хочу устроиться там поработать.

Сказав это, Тагир вдруг похолодел от мысли, что сейчас кто-то из этих людей спросит его, каким же образом он, Тагир, идя в хутор Глубокий, попал сюда в лес в сторону от дороги и что он в этом случае здесь делает. Но никто из них не обратил на это никакого внимания. Казалось, оба они были вполне удовлетворены тем, что он сказал. Более того, по-видимому, все сказанное им вполне их устраивало.

– Так, значит, вам некуда спешить? – совсем уже веселым голосом сказал старший. – Тогда соглашайтесь. Сделайте доброе дело. Здесь очень нужны рабочие. А начнем строить... У вас какая специальность?

– У меня? – Тагир на мгновение смешался. Скитаясь за рубежом, он сменил столько профессий, что даже если бы ее надо было внести в анкету, и то, пожалуй, затруднился бы сразу это сделать. Но, вспомнив, что в Мексике он некоторое время работал каменщиком, сказал: – Вообще-то я строитель.

– Ну, вот и отлично, – снова весело произнес профессор, – вот и отлично! Начнем строить, милости просим. Обещаю вам самое доброе условие. Ну, так что же? Согласны? Пойдете с нами, значит. За два дня мы управимся? Если пойдем известным вам путем? Работы там не больше, чем на полдня.

– Ну, это не так легко, – сказал Тагир. – Придется преодолевать крутой подъем.

– Да вы не сомневайтесь, – засмеялся ассистент. – Не смотрите, что мы городские люди. У нас у обоих разряды по альпинизму. А вот Анатолий Васильевич, – он кивнул головой в сторону профессора, – в свое время даже в рекордсменах ходил. Пики на Гималаях штурмовал. Так что, будьте спокойны, забот вам с нами будет немного. Ну, так как же? Питания у нас хватит, – он похлопал по рюкзаку, перекинутому за спину. – Согласны? – Он протянул Тагиру руку. – Только мы не знаем пока, как вас звать. Ну да, я думаю, это вы от нас не скроете.

Он снова засмеялся.

Тагир машинально пожал протянутую ему руку. Нет, все складывалось настолько невероятно, что никакое даже самое необузданное воображение не могло бы ему подсказать даже приблизительно ничего подобного. Если отказаться, то надо было это делать сразу. А что делать сейчас, после столь длительного разговора, когда уже все было выяснено? Только соглашаться? Более того, Тагиру казалось, что отказ в этих условиях может вызвать со стороны ученых какие-то подозрения. Впрочем, что он

терял? Может быть, все происходившее было даже и к лучшему. Два дня он пробудет в горах, даже если кто-то и встретится им в пути, ученые будут верной гарантией его безопасности. В город он может приехать вместе с ними. Потом они уедут. Вмешиваться в его дела, разбираться в его прошлой жизни да выяснять планы будущего никто наверняка не станет. А знакомство это всегда потом может пригодиться Тагиру. Особенно, если ему навсегда придется порвать с прошлым.

– Ладно, – сказал он, – уговорили. Приду на хутор на два дня позже.

– Ну, вот и отлично, – весело произнес тот. – Тогда не будем терять времени. Идите вперед, мы за вами. Да, – он приостановился, – так как же вас прикажете величать? Вы так и не сказали.

– Зовите меня Алкес, – снова неожиданно для себя ответил Тагир. – Просто Алкес. Этого будет вполне достаточно.

Профессор не успел ничего ответить. Над их головами стремительно и почти бесшумно в этот момент пронеслись две серые молнии, и только потом, когда они так же стремительно исчезли, как и появились, на горы обрушился густой вибрирующий рев. Через несколько мгновений он превратился в тонкий свистящий звук, который медленно и долго таял в вершинах деревьев.

– Ласточки, – ласково сказал профессор. – Ну, пошли, – решительно добавил он. – Ведите нас, дорогой товарищ Алкес. И не щадите наши ноги. Не устанем. Не заскулим. У нас еще достаточно пороха в пороховницах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лейтенант Арбанян торопливо вошел в кабинет и молча остановился у своего стола. Карabetов поднял голову от бумаг, которые в эту минуту рассматривал, и внима-

тельно посмотрел на него. Он достаточно хорошо знал своего подчиненного, чтобы, бросив один только взгляд на его лицо, понять, что случилось что-то не совсем обычное.

– Ну, – спросил он как можно спокойнее, – вы виделись с Джамботом? Почему он не пришел, как обещал?

– Товарищ майор, – глухо произнес лейтенант, – Джамбот исчез.

– Как исчез? – Карabetов невольно приподнялся на стуле. – Когда? При каких обстоятельствах?

– Вчера днем. Во всяком случае, после того, как он ушел из дома после обеда, жена его больше не видела. Дома он не ночевал. Не было его и два часа назад. Жена говорит, что такого с ним никогда не случалось. Тем более знал о том, что сегодня она собиралась с дочкой в город.

– И никаких догадок у нее нет на этот счет? – спросил Карabetов, выходя из-за стола и взволнованно прохаживаясь по комнате.

– Абсолютно никаких, товарищ майор. За обедом Джамбот, по ее словам, был очень спокоен, вел себя как обычно, и ничего не говорило о том, что он чувствовал какую-нибудь опасность. А потом он ушел в свой обычный обход. И не вернулся.

– Вы еще никому об этом не сообщали? – спросил Карabetов, останавливаясь около стола.

– Я прямо сюда. Жену Джамбота попросил в случае, если он вдруг вернется, немедленно позвонить нам по телефону из лесхоза или с птицефермы. Я оставил ваш номер. И если до сих пор никто не звонил...

– Этого еще не хватало, – тихо произнес майор и протянул руку к трубке внутреннего телефона. – Надо сообщить полковнику.

Пока Карabetов докладывал о происшедшем, лейтенант не спускал глаз с другого телефона, словно ожидал, что сейчас раздастся звонок и он услышит голос Джамбота. И аппарат в этот момент действительно мягко зазвонил, словно отвечая желанию Арбаняна. Лейтенант быстро схватил трубку. Звонил участковый уполномоченный

милиции. Он сообщил, что палку лесника нашли у ребят одного из близлежащих хуторов. Они выловили ее из ручья. О том, что это именно та палка, с которой никогда не расставался прежний лесник, уже установлено точно, ее опознали несколько человек, не раз видевших ее в руках Мирзабеча.

Все это лишь подтверждало данные их предположения об обстоятельствах гибели старого лесника, но пока не давало ничего нового. Карabetов, закончив разговор с полковником, тоже положил трубку и сел в кресло.

– Свяжитесь немедленно со всеми травматологическими пунктами и с больницами нашего района. Опишите приметы Джамбота. Выясните, не поступал ли к ним похожий на него пострадавший. Сообщите также районному отделению милиции.

– Товарищ майор, только что звонил участковый. О том, что Джамбот пропал, ему еще ничего не известно. Я сказал ему, чтобы он немедленно включился в поиски. И сообщил об этом всем дежурным милиционерам.

– Понятно, – Карabetов встал. – Тогда связывайтесь с травмпунктами и поликлиниками. Приступайте к делу не теряя ни минуты. Если получите какие-либо данные, немедленно поезжайте проверить лично. Но предварительно сообщите мне. Я буду здесь, у себя.

– Слушаюсь, – сказал Арбанян и торопливо вышел.

Оставшись один, Карabetов снова тяжело опустился в кресло. События принимали неожиданный оборот. Совершенно ясно пока было одно – гибель старого лесника не была случайной. Но тогда в этом был смысл. В корбочке, найденной лейтенантом на дне обрыва, находились полупроводниковые батарейки для радиопередатчика. И в тайнике над пропастью хранилась, может быть, и не только она. По-видимому, это случайно и обнаружил прежний лесник. И, к своему несчастью, по всей вероятности в тот момент, когда тот, кто им пользовался, находился рядом. Все, что произошло дальше, представить было уже не особенно трудно...

Несомненно было и другое: человек, ведший перехваченные несколько дней назад радиопередачи из прилегающего к лесничеству района, имел прямое отношение к гибели лесника.. Это подтверждало и еще одно обстоятельство. Перехватывающие радиостанции ясно улавливали ослабление силы передач. Это несомненно говорило о том, что батарейки, питавшие передатчик, с каждым разом заметно теряли свою силу. Ведший передачу не мог этого не заметить и, однако, ничего не менялось. По всей вероятности, заменить батарейки новыми у него не было возможности.

Сталкивая лесника в пропасть, он меньше всего, конечно, ожидал, что вместе с его телом упадет туда и то, что он с такими предосторожностями хранил. Возможно, он уже пытался отыскать это на дне ущелья, но, по-видимому, безуспешно. Возможно также, что он еще не оставил надежды найти их, и снова будет пытаться сделать это. На всякий случай за этим районом было установлено наблюдение. И одним из тех, кто должен осуществлять его, был Джамбот. И вдруг он неожиданно исчез. Не постигла ли его участь старого лесника?

Карabetов пытался отогнать от себя эту мысль, но чем больше проходило времени, тем она становилась навязчивее, не давая ему сосредоточиться ни на чем другом.

А другое было тоже не менее важно. Кто вел передачи? На кого? Кто отвечал на них? Все усложнялось тем, что в этом районе было немало любителей-коротковолновиков, которые довольно активно осуществляли двустороннюю связь. И самыми активными из них были, пожалуй, братья Касимовы, один из которых живет в Рамбесном, а другой на птицеферме. Они друг с другом даже насчет всяких хозяйственных да семейных дел переговаривались по радио.

В перехваченных передачах, а их было уже три, самый обычный текст: «Жду связи, как обычно». Потом в этой фразе, которая раньше передавалась Касеем Касимовым, изменялся порядок слов. Кончалась передача знакомой уже фразой с пожеланием всего доброго. И порядок слов

в ней так же всегда варьировался. Ясно, что ключ к шифру заключался в построении самой фразы, и разгадать его пока почти не представлялось возможности. Оставалось только догадываться, складывая и сопоставляя все даже мельчайшие обстоятельства, которые можно было установить и уловить не столько в эфире, сколько на земле. А это требовало все новых и новых фактов, огромного труда и, самое главное, немалой затраты времени.

Проще всего было, конечно, засечь передатчик. Первый раз он работал из района, близкого к дому учителя Касимова, второй, по всем данным, откуда-то недалеко от птицефермы и наконец третий – километров на двадцать восточнее, в точке, находящейся поблизости от райцентра. Возможно, на эти передачи, поскольку они шли в общем потоке разговоров коротковолновиков, не сразу бы обратили внимание, если бы не обстоятельства, о которых было упомянуто выше. Интенсивность передачи падала с каждым разом. А у всех других коротковолновиков ничего подобного не отмечалось.

Неизвестный радист, несомненно, был человеком опытным во всех отношениях, и он не мог не учитывать этого обстоятельства. Но ему надо было, по всей вероятности, в любых условиях передать свое сообщение. Но вот уже второй день, как его передатчик молчал. Окончательно сели батареи, или он чего-то выжидал?

Было очевидно, что достать батарейки, подобные найденным Арбаняном на дне ущелья, очень сложно. Более того, для обычного смертного это невозможно. Батареи, подобные тем, употреблялись в особо мощных передатчиках очень малых размеров. Не больше, чем пачка папирос типа «Наша марка». О том, чтобы где-то купить или достать их, нечего было и думать.

Карabetов встал и прошелся по кабинету. Полковник Смирнов был прав. Если радист этот вел передачи, используя последнюю оставшуюся в батареях энергию, значит, он рассчитывал обновить их. Но каким путем? Ведь все три перехваченные из того района передачи велись уже после гибели лесника. Стало быть, тот, кто их вел, уже

знал о потере запасных батарей. Впрочем, первая из трех передатчиков была перехвачена как раз в день гибели лесника. Ранним вечером. Возможно, в тот момент несчастье еще не произошло. Но две остальные...

А если, как предполагал полковник, в этих передачах как раз и содержалась просьба о высылке батарей?

Майор продолжал ходить по кабинету, глядя себе под ноги. Потом подошел к окну. Что же случилось с Джамботом? Неужели и он разделит участь своего предшественника? Тогда вся вина ляжет на них. И прежде всего на него – майора Карабетова.

В этот момент прозвенел телефон. Майор быстро схватил трубку, но сейчас же положил ее обратно на рычажок. Он с таким напряжением ожидал звонка Арбаняна, что поднял трубку не того телефона. Звонили, оказывается, по внутреннему. Полковник Смирнов просил майора немедленно зайти к нему.

Когда Карабетов вошел в кабинет полковника, тот сосредоточенно рассматривал лежащие на столе бумаги. Не глядя на майора, кивнул на кресло:

– Садитесь.

С минуту еще молча смотрел на бумаги, потом отодвинул их в сторону и снял очки.

– Появились новые обстоятельства, – сказал он тихо. – Не хочу утверждать, что они связаны с исчезновением Джамбота, но учитывать их надо. Помните, несколько дней назад было сообщено о полетах иностранных самолетов вдоль нашей границы. Так вот, по некоторым данным можно предположить, что они сбросили нам гостей. Одного, во всяком случае, точно. Опросами установлено, что несколько дней назад в лесу видели русоволосого человека. Высокого роста, чуть сутуловатого. Его заметили две колхозницы. Он шел в сторону дороги со стороны перевала. Три дня назад очень похожего по описанию человека видели снова, теперь уже на шоссе, ведущем из города к побережью. К сожалению, не удалось установить, в какую сторону он шел. Те, кто его видели, не обратили на это внимание.

– Три дня назад, – повторил Карабетов, внимательно смотря на полковника. – Но прошли только сутки, как исчез Джабаев.

– Это меня тоже немного успокаивает, – ответил Смирнов. – Но только немного. Никто пока не знает, куда свернул этот человек с шоссе. Возможно, его что-то напугало, и он снова ушел в лес. И вполне возможно, что там его и мог встретить Джабаев. Не хочу ничего предсказывать, но это обстоятельство надо учитывать. У этого человека несомненно есть оружие. И куда совершеннее, чем ружье лесника...

Карабетов встал.

– Тогда, может быть, прочесать весь лесной массив, товарищ полковник?.. Прямо сейчас, не откладывая.

– Садитесь, – снова показал на кресло полковник. – Я же вас потому и позвал, чтобы все взвесить. Что мы от этого выиграем? Если встреча лесника и этого человека состоялась, мы уже ничего не сможем изменить. В лучшем случае нам удастся захватить одного. Да еще сумеем ли мы взять его живым. И накрыть радиста будет тогда в десятки раз труднее. Мне почему-то кажется, неизвестный этот сброшен как раз для связи с ним. Может быть, даже и по его просьбе. И я нисколько не удивлюсь, если при нем окажутся батареи, такие же точно, какие нашел лейтенант. Поэтому я думаю вот что. Поиски Джабаева вести несомненно нужно. Но так, чтобы они выглядели вполне безобидно. Пусть этим займутся местные жители во главе с участковыми. А все остальное... – полковник не закончил фразу: прозвенел телефонный звонок. – Полковник Смирнов. А, это вы, лейтенант. Да, майор Карабетов здесь. Что?.. Вот как?.. Да, да, поезжайте немедленно, – полковник положил трубку и с хмурым видом посмотрел на Карабетова. – Звонил лейтенант Арбанян. Ниже ущелья, при впадении ручья в реку, найден труп мужчины. По описанию это может быть Джамбот. Лейтенант выехал туда для опознания.

Карабетов, не сдержавшись, вскочил с места.

– Если это так... товарищ полковник, за все, что произошло, вся ответственность лежит на мне! Я должен был предусмотреть...

– Что именно? – остановил его полковник. – Что именно вы должны предусмотреть, товарищ майор? Что в эти дни будет сброшен диверсант, что он встретится в лесу с Джамботом? Вы что, обладаете особым даром предвидения? Сядьте и успокойтесь. Если бы нам всегда все удавалось предусмотреть и предвидеть!.. К сожалению, такое бывает только в плохих детективных романах. В жизни все гораздо сложнее, и вы это отлично знаете. Подождем немного, через полчаса лейтенант установит все точно. Мне жалко Джамбота не меньше, чем вам. Если он действительно погиб, нам надо как можно скорее разобраться в этом. Найти убийцу и всех, кто действовал вместе с ним. И вообще пора разрубить весь узел, который стянулся здесь за последнее время. Но рубить надо сразу, одним ударом. Давайте пока вернемся к радиопередачам. Какие у вас есть соображения на этот счет?

– Разрешите мне сосредоточиться, – тихо ответил Карабетов.

Полковник кивнул, вынул пачку папирос и протянул ее Карабетову. Потом закурил сам и подошел к карте горного района, висевшей на стене. На ней очень явственно темнели три крестика. Это были ориентировочные районы, откуда велись передачи.

– Итак, начнем с этой точки, – сказал он, постучав пальцем по крестик, стоящему в районе хутора Рамбесного.

Майор тоже встал и подошел к карте.

– Для того чтобы не подозревать всех огульно, – медленно сказал он, – нужно, как я полагаю, изучить жителей населенных пунктов этого района, которые недавно здесь поселились. Их не так много, поселение там не особенно многочисленно.

– А вы считаете, что передачу могли вести только местные жители? – спросил полковник. – На чем основаны ваши предположения?

– Во всех трех случаях совпадает время передач местных коротковолновиков. Ведь могло быть так – неизвестный радист приготовился вести передачу под одного из любителей, а того в этот момент не оказалось бы дома. Допустим, он был в отъезде или отсутствовал бы еще по каким-то причинам. Менять место передачи в этом случае было бы не так просто. И эти точки разделяют десятка два километров. И не по шоссе, а по лесной трудно проходимой дороге. Все передачи проходили в один и тот же день недели, и почти в одно и то же время. И ни разу передающий не ошибался: тот, под кого он работал, оказывался дома. Я думаю, мой вывод правилен.

– Да, – подумав, сказал полковник. – Это очень резонно. Что ж, продолжайте искать в этом направлении и дальше.

– Есть еще и другое предположение, товарищ полковник, – после короткой паузы добавил майор. – И мне с ним приходится тоже считаться.

– Какое же? – спросил полковник, ловя себя на мысли, что все время ждет телефонного звонка.

– То, что передачу вел кто-то из самих любителей. Это очень неприятное предположение, но исключить его...

– Что ж, вы правы, мы не можем игнорировать и этого обстоятельства.

Наступила короткая пауза. Оба думали об одном и том же: чем окончится поездка лейтенанта Арбаняна. Потом майор сказал:

– Я вам не нужен, товарищ полковник? Разрешите мне вернуться к себе. Если произошло самое худшее, я должен быть готов к выезду в любую минуту.

– Да, да, – чуть рассеянно ответил полковник, – идите. Будете нужны, я вам позвоню.

Майор пошел к двери. Остановившись, еще раз посмотрел на телефонные аппараты на столе у полковника. Они безмолвствовали. Он открыл дверь и вышел.

У себя в кабинете Карабетов посмотрел на часы. Прошло тридцать минут, как лейтенант уехал. Вполне пора

позвонить. Неужели Джамбот действительно погиб? Он стиснул зубы: тот, кто это сделал, дорого за это заплатит.

С одной стороны, все как будто доказывало, что в лесником действительно произошло несчастье. Ведь не было еще случая, чтобы он отсутствовал сутки, не давая о себе знать семье. Но с другой стороны, зная Джамбота, майор не хотел в это верить. Джамбот – танкист, Джамбот, горевший и не сгоревший в боевой машине, не сломленный пленом, человек, который бежал из него, сражался в соединениях французских партизан «Маки»... Человек, получивший за находчивость и смелость три награды. И с этим человеком могли расправиться так легко и просто?.. Впрочем, откуда он знает, как все это было! Может быть, леснику на узкой горной тропе просто всадили пулю в спину. Может быть, он даже не видел стрелявшего.

Но, с другой стороны, если он не видел диверсантов, зачем тому было стрелять? Зачем усложнять свое положение? Ведь он не мог не учитывать, что пропавшего лесника станут искать, начнут выяснять, что стало причиной его гибели. Все это было так. И все-таки существовали десятки случайностей, которые, находясь здесь, в кабинете, нельзя было ни учесть, ни предусмотреть.

Майор снова посмотрел на часы. Прошло тридцать семь минут, как лейтенант вышел из кабинета. Нет, уже давно можно было сообщить... В это время зазвенел телефон. Карabetов быстро поднял трубку и понял, что снова ошибся. Звонил не внешний, а внутренний телефон. Он сейчас же узнал голос полковника. Полковник просил его немедленно зайти к нему. Как не был спокоен и ровен голос Смирнова, Карabetов, отлично изучивший все его интонации, понял, что на этот раз произошло что-то необычное. Скорее всего, такое, чего никто из них не мог предусмотреть.

Полковник, как и в прошлый приход майора, смотрел через очки на лежащие на столе документы, но на этот раз, не пригласив Карabetова сесть, встал сам и протянул ему обрывок бумаги. Не листик, а именно обрывок. На нем карандашом, похоже что наспех, были

набросаны несколько строк. Майор подошел к окну и только тогда прочел: «Преследую подозрительного человека, идет в сторону шоссе. Вчера около шести он пришел с гор с двумя другими, которые остались на птицеферме. Джамбот».

– Откуда эта записка, товарищ полковник? – с трудом сдерживая волнение, спросил Карabetов. – Кто ее доставил?..

– Ученик из аульской школы. Джамбот встретил его в лесу у реки... Мальчик купал коня. Джамбот попросил его доскакать до ближайшего пункта ГАИ, сказать, что записку написал лесник и что он просит их немедленно передать ее нам. Ее доставили три минуты назад.

– Но когда она была написана? Когда Джамбот передал ее этому парню? Это известно?

– Два часа назад, – ответил полковник.

– Значит, тот погибший не может быть Джамботом! – с облегчением сказал майор.

– Никак не может, – подтвердил полковник. – Минуту назад то же самое сообщил лейтенант. Погибшим в реке оказался один из работников птицефермы. Часто выпивал, в пьяном виде пошел купаться, ну и... Одним словом, здесь все ясно.

– И где сейчас лейтенант? – уже совсем спокойно спросил майор.

– Будет ждать вас на дороге ровно в двенадцать. Он слез с машины приблизительно на том месте, откуда Джамбот послал свою записку, и пешком пройдет по его предполагаемому пути к шоссе и дальше к мосту. Возможно, ему удастся встретить кого-то, кто видел Джамбота, и получить о нем новые сведения.

– Тогда разрешите идти? – спросил майор. – Да, товарищ полковник, один вопрос. Вы полагаете, что тот, кого преследует Джамбот, и незнакомец, вышедший два дня назад из леса, – одно и то же лицо?

– Пока у нас нет других предположений, – немного подумав, ответил полковник. – Скорее всего, это так. Но можно учитывать и что-то другое, чего мы еще не знаем.

– Значит – высокий, белобрысый, чуть сутулый человек? Насколько помню, таковы его внешние данные.

– Да, – кивнул головой полковник. – Пока этого очень мало. Но это лучше, чем ничего. А теперь не теряйте времени, майор.

Карabetов взялся за ручку двери и снова остановился:

– А те двое, о которых сообщает Джамбот?

– Выяснением их личностей уже занялись. Я дал распоряжение. – Карabetов открыл дверь и вышел из кабинета.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Джамбот возвращался домой по знакомой лесной тропе. Карabetов и Арбанян уехали несколько часов назад, и лесник, уже начиная забывать обо всем, что было связано с их приходом, думал о своей дочке Сане. Что бы там ни было, а затея Мерем с музыкальной школой его не особенно радовала. Если у Саны действительно есть голос и слух, пусть поет для себя. Пение – это не профессия. Быть преподавателем или врачом – вот это дело. Это настоящее дело, и что может быть лучше, если дочка пойдет по этому пути и добьется на нем успехов! И ему будут говорить: «Спасибо тебе, Джамбот, спасибо, Мерем, ваша дочь вылечила меня от болезни, с которой никто не мог справиться». А разве плохо, когда скажут: «Молодец твоя дочь, Джамбот, такие знания дала моему сыну, что в городе в институт первым прошел!» А певица? Ну, послушают. Ну, похвалят, похлопают в ладоши. И все. Кому от этого польза? Если и есть польза, – пока ее слушают, пока поет. А закончила, и все. Но Мерем ничего этого не хочет понимать. Вбила себе: Сана должна петь, и все. И еще этот лейтенант! Хотя бы Лаукан Карabetов вмешался. Но и он ни слова не возразил. Сделал вид, что разговор его не касается. А может быть, просто потому, что не хотел воз-

ражать Мерем? Да, с Мерем не так просто говорить, с гордостью подумал Джамбот. Может быть, и просто, да не одному мужчине не хочется этого делать, когда он смотрит на ее лицо, на ее все еще стройную, почти девичью фигуру. Мерем, Мерем, что бы он делал без нее, после всех тягот, которые на него возложила жизнь и о которых он уже стал забывать благодаря все той же Мерем, ее любви, и детям, которых она ему родила!..

Нет, он все равно ни в чем не сможет ей возражать! Что ж, если его единственная дочь станет певицей? Ай, пусть будет так! Но зато Айдамир непременно будет агрономом! Таким, как и сын его погибшего друга Тагира – Алкес Хаджинароков. Это он уже решил твердо. Хочет этого Мерем или нет. Впрочем, она, кажется, против этого не возражала. И если...

Джамбот приостановился. Оборвав его мысли, сверху донесся какой-то странный, стремительно приближающийся звук. Что-то резкое пробило густую листву растущих на склоне деревьев и просвистало мимо него, и с глухим всплеском упало в чашу родничка, который пробивался метрах в пяти внизу на дне обрыва. Голубая зеркальная его гладь замутилась и покрылась рябью. Джамбот посмотрел вверх. Сквозь глухую листву поднимающихся уступами вверх деревьев ничего не было видно. Наверное, сверху кто-то швырнул камень. Но, конечно, не в него. Оттуда, откуда его бросили, не могли видеть идущего по тропинке лесника. Но кому могла прийти в голову мысль швыряться камнями на горной тропе? Джамбот поколебался, идти ему наверх или нет. Догнать этого человека или... Впрочем, разве он знает, в какую сторону тот идет: к лесничеству или, наоборот, в противоположную сторону, к птицеферме? Но ничего, он узнает, кто в это время был в горах. Если это, конечно, кто-то из местных жителей.

Идя по тропинке, Джамбот продолжал прислушиваться к тому, что делалось наверху. Но там теперь все было абсолютно спокойно. Ни один шорох не нарушал лесной тишины.

На склоне горы, там, где лес расступался, и кончались границы лесничества, Джамбот остановился. Свой дневной обход он обычно заканчивал здесь. Отсюда открывался обширный вид на противоположный, заросший молодняком склон. Справа в легкой дымке белели маленькие аккуратные домики птицефермы, слева в бездонное голубое небо поднимались могучие, заросшие синеватыми лесными массивами горные вершины. Остроконечные головы их скрывались в клубившихся сизоватых облаках.

Джамбот уже хотел повернуть обратно, как вдруг на противоположном склоне увидел трех человек. Один из них спускался сверху по тропинке, находившейся значительно выше той, по которой шел Джамбот. По всей вероятности, именно этот человек и швырнул камень, упавший в родник. На нем были сапоги. Это все, что мог разглядеть Джамбот с такого расстояния. Двое других, напротив, поднимались вверх. Потом они увидели первого и остановились. Кажется, между ними завязалась беседа. Двое стояли рядом, тот, что в сапогах, чуть поодаль. Отсюда, где находился Джамбот, они казались величиной не больше, чем в половину спички. Он даже не мог точно определить, во что они были одеты. Не говоря уже о том, что они собой представляют. Единственное, что ему казалось, это то, что на тех двоих не было сапог.

Сам не зная почему, Джамбот продолжал наблюдать за этими людьми. С тех пор как расширился лесхоз и была построена птицеферма, Джамбот встречал на горных тропинках множество незнакомых ему людей. Незнакомых, конечно, первое время, потом-то они становились знакомыми. Так что в появлении этих троих тоже не было ничего необычного. И все-таки Джамбот не поворачивал обратно, а стоял и смотрел на далекие маленькие фигурки. Минут через пять, закончив разговор, все трое повернулись и направились в горы. И тот в сапогах пошел с ними. Почти в ту же сторону, откуда только что пришел. Причем теперь он двигался первым, словно указывая остальным дорогу.

«Наверное, туристы, – подумал Джамбот, – а этот, в сапогах, скорее всего, местный житель. Но если этот чело-

век местный, он должен знать, что такое камень, неосмотрительно брошенный куда попало. Надо непременно найти его и сказать пару ласковых слов!..»

Прошло три дня. Джамбот успел позабыть об этом случае. После приезда майора да лейтенанта он все теперь думал о другом. Думал о старом Мирзабече, о его трагической гибели, которая приобретала теперь совсем другой смысл. Джамбот достаточно много видел в жизни и отлично понимал, что могло крыться за намеренным убийством его предшественника. А в том, что оно было преднамеренным, он уже не сомневался. Уезжая, Лаукан предупредил его, чтобы Джамбот был очень осторожен, особенно при обходах дальних лесных участков, и очень внимательно наблюдал за всем окружающим. Сейчас даже самая незначительная на первый взгляд мелочь могла оказаться той ниточкой, разматывая которую можно было добраться до разгадки гибели Мирзабеча.

Мирзабеч был старым одиноким человеком, нелюдимым и на вид мрачным. Но тем, кто знал его близко, отлично было известно, что под этой внешней суровостью и неразговорчивостью скрывалась добрая и мягкая душа. Мирзабечу, как и Джамботу, досталась трудная судьба. За несколько часов боя он потерял своих двух братьев и самого близкого друга, испытал в плену не меньше, чем он, Джамбот, а может быть, и больше него. Потому что Джамботу удалось бежать. И, хоть и на чужой земле, сражаться против врага. Мирзабеча же освободили из концлагеря в конце войны. Был он тогда кожа да кости. В госпитале он выжил чудом. А вернувшись домой, узнал, что его жена и дочери были расстреляны фашистами как заложники... С той поры и стал он замкнут и нелюдим. Но все, кто знал жизнь старого Мирзабеча, не могли осуждать его за это.

Джамбот шел по тропинке, мягко ступая по земле тонкими подошвами видавших виды сапог. Этот самый дальний участок леса был, как всегда, спокоен. Слева крутыми уступами поднимались по склону густые заросли. Справа, далеко внизу, неясно шумел горный поток. Джам-

бот посмотрел на часы. Шел седьмой час вечера. Через десять-пятнадцать минут он дойдет до границы участка и повернет назад. Еще час, и он будет дома. А завтра у него выходной. Завтра Мерем вместе с Саной уедет в город. Джамбот вздохнул. Что ж, пусть едет! Наверное, от судьбы не уйдешь.

Высоко над головой в кронах деревьев пели птицы. А еще выше в голубом небе на распластанных крыльях, казалось, совсем неподвижно висели коршуны. От легких порывов ветерка чуть слышно шелестела листва. В лесу все было спокойно. Но не так ли спокойно и обычно было и в тот день, когда погиб старый Мирзабеч? Пусть только Мерем продолжает думать, что это был несчастный случай. Если она узнает правду, сколько волнений это доставит ей.

Когда до границы участка оставалось уже совсем немного, Джамбот вдруг остановился и посмотрел вверх. Как раз тут три дня назад в него чуть не попал камень. Джамбот задержал шаг совсем произвольно, но тут же пожал плечами и усмехнулся: чего он ждал – что камень будет брошен во второй раз и снова на том же месте?

Через десять минут лес расступился перед Джамботом. Снова открылся заросший молодняком противоположный склон горы. Синие вершины гор, уходящие в небо, и на склоне игрушечные домики птицефермы. Джамбот, постояв с минуту, уже готовился повернуть обратно, как вдруг заметил нечто такое, что заставило его остановиться.

Прямо напротив на противоположном склоне горы он увидел трех человек. Несомненно, это были те самые люди, которых он заметил стоя здесь же, на этом месте, три дня назад. Двое в спортивных брюках и третий в сапогах. Тот самый, что бросил камень, так удачно пролетевший мимо него.

Они стояли на дорожке, ведущей к птицеферме, и отделяло их от Джамбота расстояние не меньше, чем в прошлый раз. Ни их лица, ни деталей одежды, кроме отмеченных в тот раз, он опять не мог разглядеть.

Кажется, на этот раз они прощались. Пожали друг другу руки. И двое пошли вверх по тропинке по направ-

лению к птицеферме. Третий, что был в сапогах, повернул вправо на дорогу, ведущую к хутору Глубокому. Двое, отойдя несколько десятков метров, помахали ему рукой. Тот ответил им тем же. Потом, пройдя по дороге сотню метров, остановился. Кажется, он смотрел вверх на тех двоих. Но они уже скрылись на вершине. Незнакомец постоял некоторое время, потом повернулся и пошел в обратном направлении. Как ни далеко он находился от Джамбота, тому показалось, что все он делает так, чтобы это не видели те двое. Больше наблюдать Джамбот не мог, потому что человек скрылся в лесу.

Куда он направлялся? Дорога, по которой он шел, вела тоже к шоссе, но только дальше обходным путем. Впрочем, километрах в пяти находился ближний хутор, и человек мог свернуть именно к нему. Скорее всего, так оно и будет. Но почему тогда сначала он двинулся к шоссе напрямик? Впрочем, разве не бывало, что и он, Джамбот, в течение нескольких минут менял свои планы! Может быть, человек этот вспомнил что-то, о чем забыл раньше?

Джамбот повернулся и пошел назад в лес. Дойдя до того места, где мимо него пролетел камень, он снова остановился. На этот раз он подошел к обрыву и заглянул вниз. Там в неподвижном блюдечке ключа снова голубела прозрачная вода. Отсюда, где он стоял, был виден каждый камешек на его дне. Джамбот хотел уже повернуться, как вдруг ему показалось, что один из камней, лежащий на дне, имеет какую-то странную, не совсем обычную форму. Он нагнулся и всмотрелся внимательней. Пожалуй, это было так. На песчаном дне мелководья поблескивал в лучах преломляющегося в прозрачной воде солнца какой-то металлический предмет.

Что это могло быть? Уж не этот ли самый предмет он принял тогда за камень?

Джамбот осторожно спустился вниз, цепляясь за корни выбивавшихся из обрыва растений. Внизу было прохладно и сыро. Бесшумно обтекая замшелые камни, бежал в лес вытекавший из ключа ручеек.

Он нагнулся и, протянув руку, нащупал в ледяной воде лежащий на дне предмет. Он был действительно металлический. Только вынув его, Джамбот по-настоящему ощутил его тяжесть. Хотя размеры его не превосходили коробочки из-под сигар, в нем было никак не меньше килограмма веса. И Джамбот, невольно поежившись, представил, что было бы, если бы тогда эта штука с такой высоты угодила ему в голову.

Джамбот осторожно обтер ее платком и теперь ясно увидел, что это была коробочка. Очень плотно закрытая коробочка. И тут же почувствовал, как все его существо охватывает волнение. Ну да, он не ошибся! Перед ним была точно такая же коробочка, как и та, которую лейтенант Арбанян нашел на дне той пропасти, куда упал Мирзабеч! Может быть, именно она, эта странная штука, и послужила причиной его гибели?..

Лесник стоял, не зная что делать. Надо было немедленно идти к шоссе, остановить первую же попавшуюся машину и передать с ней записку майору Карабетову. Или подняться туда, на гору к птицеферме, и позвонить в город по телефону? Поднимаясь наверх, он лихорадочно думал, на каком из этих вариантов остановиться. И вдруг, когда он уже стоял на тропе, ему пришла в голову еще одна мысль. «Ведь человек, который бросил эту коробочку, он же может уйти! И по всей вероятности, это был именно тот, в сапогах, тот самый, который три дня назад ушел в горы с двумя туристами и только что вернулся обратно. И если даже эту коробочку бросил не он, а кто-то другой, — что ж, тогда в тот день они непременно должны были встретиться на лесной тропе». Джамбот отлично знал, что никакой другой тропы наверху не было. «Но если этот человек не местный, если он уйдет, потеряется в горах? Нет, как бы ни было, а прежде всего надо найти его, узнать, кто он такой. Он пошел по дороге, ведущей к шоссе, обходным путем. Значит, ему надо идти не менее трех часов. А если он свернет в хутор, это будет совсем хорошо», — размышлял Джамбот, славившийся быстрым шагом и хорошей

выносливостью. Он должен его догнать, должен увидеть, что это за человек! А при первой же возможности передать с кем-нибудь из встречных сообщение Лаукану.

Спрятав коробочку в сумку, Джамбот быстро пошел по тропе в том направлении, откуда только пришел.

Под гору идти было легко, он знал, что здесь, на этой тропе, ведущей в лес, встретить кого-либо из местных жителей шансов было мало. Но вот дальше, когда он выйдет на дорогу, соединяющую птицеферму с хутором, там уже должны попадаться пешеходы. Однако и на этой дороге Джамбот опять-таки не встретил ни одного человека. Было семь часов вечера, и люди давно уже вернулись с работы. Так, не повстречав ни одного пешехода, он дошел до поворота на хутор. Первые его домики были видны в километре ниже в густой зелени листвы. Что было делать дальше? Поворачивать к хутору? Но если незнакомец не сделал этого, а прошел дальше к шоссе? Тогда он отстанет от него еще больше... Пойти вперед? А вдруг тот спокойно отдыхает где-нибудь рядом с ним в одном из домиков?

Джамбот решительно шагнул на дорогу в хутор. Пусть он потеряет еще полчаса. Но не сделав и десятка шагов, он остановился. У самой обочины дороги сидел мальчуган лет шести, пас козу. На вопросы Джамбота он ответил, что за последний час в хутор прошли только две женщины, которые живут рядом с его домом, а больше никого он не видел. Правда, он заметил какого-то незнакомого мужчину, но тот шел не в хутор, а мимо по дороге. Но потом мужчина этот, кажется, свернул с дороги вот на ту тропу и пошел по ней в горы. У Джамбота не было оснований сомневаться в словах мальчугана, и, поблагодарив его, он быстро пошел дальше.

Дойдя до тропы, о которой тот говорил, он тоже свернул на нее и, пройдя еще с сотню метров, убедился, что мальчуган говорил правду: на влажном песке, покрывавшем ложе почти иссякшего ручейка, ясно были заметны совершенно свежие следы сапог. Но куда мог направляться этот человек? Почему он свернул с обжитой дороги? По этой тропинке уже давно никто не ходил. Еще лет десять

назад ниже у поворота, ведущего к шоссе, часть тропинки уничтожил оползень.

Думая обо всем этом, Джамбот торопливо шел по тропинке, петлявшей в зарослях густого кустарника. Еще раз рядом с непросохшей лужей, оставшейся от прошлого дождя, он увидел знакомый отпечаток сапога. Так он дошел до того места, откуда был уже виден оползень, слизавший тропинку, по крайней мере, на протяженность метров в сотню. Как и ожидал Джамбот, это обстоятельство оказалось для незнакомца неожиданным. Сначала он пытался было одолеть склон напрямик, но потом, когда понял, что осыпавшийся грунт не удержит его, вернулся немного назад и пошел в обход. Это обстоятельство ободрило Джамбота: как бы там ни было, а расстояние между ними все сокращалось.

Беспокоило его теперь другое. Время. Оно подходило уже к восьми. Начинало заметно темнеть. Еще час, и в десяти шагах ничего не будет видно. На что рассчитывал идущий впереди него человек? Впрочем, машины по шоссе шли до позднего вечера. Это ему, наверное, было известно.

Джамбот шел с быстротой, на которую только был способен. И когда сумерки уже начинали плотно окутывать землю, он вдруг увидел наконец идущего впереди него человека. Чуть ссутулившись и не глядя по сторонам, тот шел так же быстро, как и Джамбот. Широкая спина его мелькнула впереди и сейчас же пропала не то в сгустившейся темноте, не то в зелени подступивших к тропинке деревьев.

Но одно было для Джамбота несомненно – человек шел теперь не по направлению к дороге, а в противоположную от нее сторону, в горы.

Джамбот снял с плеча ружье и, держа его наготове, ускорил шаг. Плотная зелень деревьев и все густеющая темнота обступили его со всех сторон. Он шел, стараясь не делать ни малейшего шума, боясь случайно наступить на сухую ветку. Временами он приостанавливался, внимательно вслушиваясь в лесную тишину. Ее не нарушал ни один посторонний звук. Только однажды Джамботу

показалось, что впереди что-то сухо треснуло, и оттуда донесся шелест кустарника, словно кто-то с силой продирался сквозь него. И опять наступила обычная ночная тишина с привычными шорохами леса.

Джамбот настолько был уверен, что человек, идущий впереди него, не догадывается о преследовании, и даже не допускал мысли, что тот может затаиться где-нибудь в кустах, ожидая его подхода. Его все больше и больше охватывал охотничий азарт. Он шел за незнакомцем, как не один раз уже ходил по следам опасного хищника. Странное поведение этого человека с каждым шагом убеждало его в том, что подобное сравнение было вполне оправданно.

Но с другой стороны, чем дальше тот уводил его в лесную глушь, в сторону от дороги, тем отчетливее вставала перед ним мысль: правильно ли он действовал в эти последние часы, после того, как увидел незнакомца и пошел вслед за ним? Может быть, было разумнее сначала сообщить Лаукану и потом уже общими силами попробовать отыскать незнакомца в горах? Но если бы Джамбот мог предполагать, что тот направится именно в горы! Ведь достаточно ему было выйти на шоссе, сесть в первую же попавшуюся машину – и тогда попробуй найди его. До ближайшей железнодорожной станции каких-нибудь пятнадцать километров. Летом поезда здесь проходят один за другим. Да и автобусов дальнего следования на самом шоссе тоже вполне хватает.

Возможно, стоило бы оставить записку мальчонке, которого он встретил на повороте к хутору, но тот был слишком мал, и, пока бы он сумел объяснить, кто и зачем передал ему записку, прошло бы немало времени. Да и вообще – поверили бы ему взрослые? Во всяком случае, до утра даже в самом лучшем случае никто никаких мер бы не принял. А он рассчитывал догнать незнакомца, как только тот подошел бы к шоссе.

Темнота стала настолько густой, что уже в двух шагах ничего не было видно. Ни один посторонний звук больше не нарушал лесной тишины. И тут Джамбот вспомнил о

Мерем. Что она думает в эту минуту об его отсутствии? Сейчас она, наверное, только начинает волноваться. Но вот когда он не придет и утром! А до утра он, конечно, уже не вернется. Даже если бы он сейчас повернул обратно.

Но что делать? Потом он все ей объяснит...

Прошло еще с полчаса, и Джамбот окончательно понял, что теперь до наступления рассвета все его поиски будут безрезультатны. Больше того, именно теперь в темноте, воцарившейся вокруг, в тишине он и может выдать себя незнакомцу. Возможно, тот где-то совсем недалеко уже устраивается на ночлег. Не станет же он всю ночь идти по лесу! Как хорошо бы он ни знал местность, а человеческим силам есть предел. Тем более что совсем недавно незнакомец вернулся из похода, в котором он сопровождал тех двоих, что расстались с ним недалеко от птицефермы. Кто были эти люди? Ведь, если найти их, можно установить и личность того, кто их сопровождал. Теперь в голову Джамботу приходило уже слишком многое. Может быть, еще и больше придет. Но выбирать-то он мог только одно, и вариант, который он уже выбрал, казался ему наиболее верным. Вот только если бы он мог предположить, что этот человек снова свернет в лес вместо того, чтобы идти к дороге.

Тропинка, по которой шел Джамбот, если идти по ней только вперед, могла вывести на тропу, поднимавшуюся на перевал. Джамбот решил, что дальше продолжать погоню не имеет смысла. Надо дожидаться утра. А потом уже думать, что предпринять.

Под раскидистым дубом он нашел удобное место и устроился на ночлег на мягкой душистой траве. Спать в лесу ему приходилось не один раз, и никакого неудобства он не ощущал. Вот только раньше, если он и оставался на ночь в лесу, об этом всегда знала Мерем. А вот теперь... Теперь она, конечно, уже не знала, что ей и думать! Пожалуй, она не сомкнет глаз всю ночь. А утром несомненно пошлет Айдамира с сообщением о его исчезновении к Лаукану. Хорошо, если она еще не догадывается, что гибель старого Мирзабеча не была случайной! А если ей уже

известно, при каких обстоятельствах он погиб? Тогда можно себе представить ее состояние!..

Джамбот постарался отогнать от себя мысли о Мерем. Сейчас они могли только расслабить его. А дело, которое он начал, надо было доводить до конца.

Спал Джамбот тревожно, все время прислушиваясь к лесным шорохам. Вернее, не спал, а дремал с полуоткрытыми глазами. И как только первые лучи солнца высветлили вершины, встал на ноги. Лес просыпался. Все смелее и смелее запели над головой в кронах деревьев птицы.

Джамбот осмотрелся. Он находился на крошечной поляне, над которой поднимался древний ветвистый дуб. Теперь он взобрался на одну из его ветвей и осмотрелся.

Далеко внизу в лучах встававшего над горами солнца лежали заросшие склоны гор. Еще дальше в туманной дымке синела долина, по которой проходило шоссе. Джамботу даже показалось, что он различает движение на ней. Хутор Глубокий, который он прошел вечером, лежал в седловине, и отсюда его не было видно.

Джамбот раздвинул ветви и посмотрел в противоположную сторону, на закрывающие голубое небо синие вершины гор. Если незнакомец направился в ту сторону, если он идет к перевалу?

В этот момент Джамбот вздрогнул и обернулся. Где-то совсем недалеко он услышал отчетливый шелест кустарника. Он прислушался. Кто-то шел напрямик вниз по склону, раздвигая встающие на пути ветви. Опершись о ствол, Джамбот стоял неподвижно. Прошло несколько минут. Звук больше не повторялся. Казалось, тот, кто шел через кустарник, остановился где-то совсем рядом под самым дубом. Прошло еще несколько минут. Все было тихо. Джамбот не знал, что делать. Спускаться вниз было опасно.

И вдруг далеко внизу на склоне что-то мелькнуло в зелени листвы. Джамбот весь превратился в зрение. Еще раз что-то потревожило кустарник, теперь уже значительно ниже по склону. Прошло еще несколько минут, и Джамбот

на этот раз совершенно ясно увидел фигуру человека, быстрым шагом спускавшегося вниз по склону. Он прошел через небольшую полянку и сейчас же снова исчез среди деревьев.

Как ни коротко было это мгновение, Джамбот совершенно ясно определил, что это и был тот самый человек, которого он преследовал со вчерашнего вечера. Теперь он несомненно направлялся в сторону шоссе. И, спрыгнув на землю и не теряя ни минуты, Джамбот двинулся следом.

Человек шел быстро, а их уже и так разделяло не менее полукилометра.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Три дня, которые Тагир Хаджинароков провел в обществе двух ученых, перенесли его в другой, совершенно забытый им мир. Впервые за четверть века он был нужен людям и нужен не просто для того, чтобы взять от него побольше и отдать ему поменьше. Нет, нужен как человек, чей опыт и знания могли принести пользу делу. И какому делу! О котором он никогда не мог и мечтать. Вообще то, что произошло с ним в первый же день прибытия на родную землю и продолжало происходить и дальше, все это еще казалось ему сказочным сном. Шли часы за часами, а он все ждал, что сон вот-вот кончится, и наступит действительность.

Оба ученых, которые шли с ним, удивляли его своей общительностью, а то, что они держали себя с ним, как равные с равным, совсем сбивало его с толку. Где-то в глубине души он не переставал думать, что все это только до тех пор, пока он сделает свое дело, доведет их до нужного им места... А вот на обратном пути все станет на свои места.

Тагир повел их к Голубому камню, как и обещал, самым кратчайшим путем. И, как он предупреждал их, путь этот

был опасен и нелегок. Но Тагир остался вполне доволен и собой, и теми, кого вел. Собой – потому что, как оказалось, отлично помнил дорогу. Учеными – потому что они и впрямь оказались молодцами, хотя подчас им приходилось довольно трудно, особенно старшему. Горные пики он штурмовал, как выяснилось, лет двадцать назад, а теперь возраст его несомненно давал о себе знать. Но он ни разу не попросил отдыха там, где это не предусматривалось, и ни словом, ни поведением не выдал свою усталость.

На Голубом камне они провели почти целый день. Тагир лежал в тени, наблюдая за величественной картиной гор, открывавшейся перед ним. Горы были те же. Совсем те же. Сверкающие голубоватые ледники под облаками, пестрая яркость альпийских лугов, густая синева леса на крутых склонах. Нигде не изменилась ни одна черточка, не погасла ни одна краска. Все оставалось так, как и четверть века назад. Даже горные орлы, неподвижно висевшие в бездонном небе, казались теми же самыми, знакомыми с самого детства.

Всем своим видом Тагир старался показать: все, что делали на Голубом камне в этот день ученые, его совершенно не интересует. Ни пробы почвы, которые они брали, ни какие-то сложные измерения, которые производили. Сафера Ибрагимовича, ассистента, это равнодушие Тагира к его работе даже как будто немного обижало. Он несколько раз попросил Тагира помочь ему в несложных операциях, но Тагир делал это с таким отсутствующим видом, с таким безразличием, что Сафер Ибрагимович нахмурился и больше ни о чем его не просил. Анатолий Васильевич же будто и не замечал поведения Тагира. Он выполнял работу с веселым одухотворением, то и дело подшучивая и что-то напевая себе под нос. А к вечеру, когда Тагир сварил из имевшихся у них концентрата и консервов ароматно пахнувший суп и они уселись около угасающего костра, довольно потирая руки, сказал:

– Ну-с, дорогой товарищ Алкес, вот и кончилась наша эпопея. Чуть взойдет солнце, и в обратный путь. Уложились точно в трое суток. Если бы вы знали, как нас выру-

чили!.. Это же надо, чтобы именно вы встретились нам на горной тропе.– Он принял протянутую ему Тагиром миску, с наслаждением втянул в себя аромат похлебки.– Да ведь и повар вы хоть куда... Что скажете, Сафер Ибрагимович?..

– Не оспариваю,– ответил тот, отправляя в рот полную ложку.– Но вот ученого из товарища Алкеса, пожалуй, не выйдет... Скажите,– он посмотрел на Тагира,– вам действительно было совсем не интересно то, что мы здесь делали?

От этого вопроса Тагиру стало немного не по себе. Он старался не проявлять любопытства, чтобы не вызвать к себе подозрения. Но, кажется, перестарался. Наливая в свою миску дымящийся суп, он ответил как можно спокойнее:

– Если до пятидесяти лет ученым не стал – после становится уже поздно. Да и чему за один день научишься? Только голову забьешь, будешь потом думать – зачем это, зачем то. А ответа получить не от кого. Дойдем до того места, где встретились, и разойдемся навсегда.

– Почему навсегда?

– А как насчет работы у нас? – спросил профессор.– Пройдет немного времени, и мы на этом Голубом камне кое-что поднимем. И люди нам будут ох как нужны. Особенно знающие местность.

– Об этом надо подумать,– ответил Тагир.– Посоветоваться...

– С кем же? – спросил Сафер Ибрагимович.– Вы говорили, что в этих краях у вас никого нет.

– Я говорил, что еще не знаю этого.– Несмотря на то что тревога все более охватывала его, ответил Тагир как можно спокойнее.– Доберусь вот до хутора, узнаю, кто из друзей остался.

– Что это вы, дорогой Сафер Ибрагимович, учиняете человеку допрос? – снова вступил в разговор профессор.– Человек из-за нас с вами на хутор не попал, выручил нас, а вы... В общем, товарищ Алкес, никто вас не торопит. Осматривайтесь, разбирайтесь сами. Выбирайте, что лучше. А я вам на всякий случай оставлю адресок. Надумаете –

черкните пару слов. А нет – так прямо приезжайте. Это совсем недалеко в городе. А теперь давайте отдыхать. Завтра пораньше в путь.

Тагир долго не мог уснуть. Он все думал о поведении Сафера Ибрагимовича. Неужели он в чем-то заподозрил его? Или его слова ничего не значили? Теперь он уже начинал жалеть, что решился пойти сюда, к Голубому камню. Профессор, тот был человек, но вот его ассистент... Теперь Тагиру начинало казаться, что он и раньше ловил на себе его откровенно подозрительные взгляды. Что вот и сейчас он не спит, а чутко прислушивается к каждому движению Тагира... Он наверняка знал по-адыгейски. И конечно, угадывал в Тагире адыга, но почему тогда не обратился к нему ни с единым словом на этом языке? С одной стороны, это успокаивало Тагира, но с другой... Что, если завтра при спуске свернуть с дороги и незаметно исчезнуть? Нет, это будет совсем глупо! Ученые наверняка поднимут тревогу, решат, что с ним произошло несчастье. Начнутся поиски. Нет, только не это! Может быть, сказать, что планы его изменились и он решил идти на перевал, а оттуда к морю? Нет, и это не годилось. Это может усилить подозрение ассистента, только и всего.

Так и не приняв никакого решения, Тагир уснул.

Однако все это, как оказалось, были обычные ночные страхи, и утром они рассеялись. Сафер Ибрагимович снова был приветлив и весел, как и профессор, шутил и ни о чем больше не расспрашивал. К вечеру они добрались до развилки дороги к птицеферме, до той самой развилки, которую три дня назад искали профессор и его ассистент.

Ученые решили подняться к ферме и позвонить в город, чтобы за ними прислали машину. Помня о том, что Тагиру нужно было на хутор Глубокий, профессор предложил ему отдохнуть пока наверху вместе с ними, на хутор они подбросят его на машине. Но Тагир отказался, сказав, что до хутора подать рукой, не более получаса ходьбы. А вот на машине здесь проехать не так-то просто.

Профессор не стал настаивать. Он еще раз поблагодарил Тагира, крепко пожал ему руку и, быстро набросав

что-то на вырванном из блокнота листике бумаги, передал их ему со словами:

– Ну вот, дорогой товарищ Алкес. Как все обдумаете, так и сообщите. Буду рад снова встретиться с вами...

Сафер Ибрагимович тоже пожал ему руку, но, уже отходя, вдруг спросил:

– Так вы остановитесь на хуторе? У кого? Через несколько дней мы будем проезжать мимо, можем заехать. Хотите?

Тагиру снова показалось, что он пытливо наблюдает за ним. От этого он неожиданно для себя смешался и пробормотал, что не знает сам, кто из его знакомых остался на хуторе, и что поэтому лучше не заезжать, он сам пришлет письмо.

Поведение Сафера Ибрагимовича снова наполнило его тревогой, и она усилилась еще больше, когда тот, поднимаясь в гору к птицеферме, несколько раз приостанавливался и оглядывался на идущего по дороге Тагира, словно проверяя, туда ли он, куда говорил, держит путь. Тагир подождал, пока профессор и ассистент скроются из вида, немного постоял. Окончательно убедившись, что они его уже не могут увидеть, он решительно повернул обратно.

Теперь он почему-то был совершенно уверен, что Сафер Ибрагимович позвонит в город не только с просьбой выслать машину. И лучше было на некоторое время исчезнуть в лесу, а потом утром выйти на шоссе и сесть в первую попавшуюся машину. Пройдет несколько дней, а там будет видно, что делать дальше.

Знакомая обходная тропа к шоссе неожиданно оказалась разбитой. Ее слизал оползень. Тагир пошел в обход, и ночь застала его в лесу. Утром он снова пошел к шоссе. Действительно, несмотря на ранний час, здесь было очень оживленно. И он решил проехать сначала в одну сторону, потом пересесть на машину, идущую в обратном направлении, к морю. Так вернее было сбить с толку преследователей, если они у него уже были. Как говорят, береженого бог бережет.

Когда из-за поворота выскользнул ЗИС, он поднял руку.

Машина, дребезжа неплотно пригнанными бортами, шла по накатанному шоссе. Справа разворачивались покрытые лесом горы, слева, пенясь в черных камнях, несла свои воды речка. Прикрыв глаза и делая вид, будто дремлет, Тагир внимательно наблюдал за дорогой. Все было знакомо, все, вплоть до белых валунов на склонах у самой дороги... Сейчас вот за поворотом будет самый знакомый из них, похожий на вздыбившегося медведя. И когда этот валун действительно стал впереди, нависая над асфальтом дороги, Тагир довольно улыбнулся: на память свою ему еще грех было жаловаться. Да, дорогу он помнил всю. Вот только асфальт. Тогда его не было. И аккуратных белых столбиков, бегущих слева над обрывом. До войны здесь с такой скоростью не рискнул бы ехать даже самый отчаянный шофер. Тагир покосился на спидометр. Стрелка стояла на семидесяти – при таких-то головокружных поворотах!

Тагир заметил, что шофер, согнувшийся над баранкой, изредка косил на него, как будто пытаюсь хорошенько запомнить. Сначала это встревожило Тагира, но у парня, даже когда он хотел казаться серьезным, было такое веселое, почти озорное лицо, что Тагир быстро успокоился.

– Вы нездешний? – спросил вдруг водитель.

– Из дорожного отдела, из области...

– А-а, – почти радостно произнес парень, – то-то я вас никогда здесь не видел. Так вам на мост?

– Можно и дальше.

– Если не особенно торопитесь, могу подкинуть хоть в город. Только на пять минут заверну домой. Я тут рядом, у моста живу. Дрова, понимаете, кончились. – Он совсем доверительно нагнулся к Тагиру. – Жинка второй день пилит, – он радостно засмеялся, – меня, конечно, а не дрова!.. Вчера обещал подкинуть, но не сумел. Вот пару палок сейчас прихватил в лесу у дороги. Лесник, если узнает, шкуру спустит. Он у нас не то, что прежний. С этим ухо надо востро... Вы с ним никогда не встречались?

Тагир пожал плечами и спросил просто так, чтобы что-нибудь спросить:

– Как его звать?

– Джамбот. Не слышали?

– Джамбот. – Тагир закрыл глаза и невольно усмехнулся. Почти машинально сказал: – А жену звать Мерем?

– Ну вот, – уже совсем радостно произнес парень, – значит, и вы его знаете! Его один раз увидишь, на всю жизнь запомнишь. Да и правда, о нем же в газетах писали.

У Тагира сильно застучало сердце. Последние слова шофера он услышал словно бы откуда-то издалека. Джамбот и Мерем? Неужели снова, почти четверть века спустя, возможно здесь, в этих местах, такое сочетание имен? На мгновение ему показалось, что какая-то сила перенесла его в далекие времена его молодости. Он увидел их перед собой так отчетливо, словно они стояли сейчас перед ним – рыжеволосого стройного парня и красавицу горянку с белым, словно первый снег, лицом.

Джамбот! В один и тот же день они получили мобилизационные повестки. В один и тот же час явились на призывной пункт. Вместе на стареньком грузовике ехали в райвоенкомат. С ними была и жена Тагира Цуца с маленьким Алкесом на руках. Тагир в эту последнюю минуту с трудом оторвал ее от себя... Возможно, в том последнем бою под Керчью у него уже никого не было родных. Только двое их оставалось, он и Родина, с именем которой он упал на пробитую пулями землю.

А Мерем... Он опять, как тогда в тот ясный солнечный день, увидел ее. Она стояла на дороге прямая, словно оледеневшая. Ей нельзя было выражать свои чувства. Она была еще только невеста Джамбота. Ни она, ни Джамбот за всю дорогу до райцентра не сказали ни слова.

Тагир тряхнул головой. Почему он сейчас вспоминает обо всем этом? Это было так давно. Так давно, что, возможно, всего этого вообще не было. Но Мерем и Джамбот – эти два имени, поставленные рядом, вселяли в него тревогу. Хотя почему? Разве какая-то другая Мерем не могла найти другого Джамбота? И счастье сопутствовало

им больше, чем тем, которых он знал. Да, так, конечно, было бы лучше. Лучше для него – Тагира. И он спросил, на этот раз не бездумно, а с напряженным ожиданием ответа:

– О чем писали? Я что-то не читал.

– Ну, как же, месяц назад. Мы думали, почему он заросший, как медведь, ходит, а он, оказывается, в танке горел.

– В танке? – переспросил Тагир, чувствуя, как волнение стальным обручем перехватывает горло. – А где... не помните? В каком месте, на каком фронте?

– Почему не помню, – все тем же веселым тоном ответил шофер. – В сорок втором под Керчью, попал в плен, бежал, попал во Францию, вместе с партизанами сражался. Двадцать лет орден его искал! Вот только месяц назад нашел...

Тагир сидел словно окаменев. Он ждал чего угодно. Взвесил все возможности, все обстоятельства, которые могли встретить его на родной когда-то земле, но чтобы друг детства, Джамбот, оказался жив и находился где-то совсем рядом – это ему никогда не приходило в голову!

Шофер продолжал говорить еще что-то, но Тагир уже не улавливал смысла. Он лихорадочно думал о том, что ему делать дальше. Что, если они с Джамботом случайно встретятся, и тот узнает его? Впрочем, не лучше ли сразу кончить эту комедию, сделать так, как это уже не однажды приходило ему в голову! Но надо ли это делать, прежде чем он встретится с Сергеем? Если он придет один, то кто поверит, что и Сергей хотел сделать то же? Нет, надо подождать, найти Сергея. А пока он должен найти могилу жены и сына, узнать все об их судьбе. После у него не будет на это времени. Тагир усмехнулся: времени-то, пожалуй, будет больше, чем надо, а вот возможности...

Впереди показался мост. Тагир помнил его еще деревянным, при каждом паводке его неизменно чинили, и издали он казался тогда весь покрытый латками. Машины и подводы подолгу ждали своей очереди – даже двум одноконным телегам нельзя было на нем разъехаться.

Теперь легкая металлическая ферма моста словно парила в воздухе, и машины шли по нему сплошным потоком и в ту и в другую сторону.

Шофер вдруг круто повернул вправо. Машина запрыгала по ухабам. Впереди показалось несколько домиков.

– Я сейчас, – сказал шофер, – только сброшу эти несчастные ветки. Честное слово, больше никогда не возьму ни одной. – Он говорил, словно оправдывался перед Тагиром. – Посмотрите, тут всего и топки на полдня, да и сырые – один дым. Пусть сейчас прямо в печку. – Он торопливо затащил ветки во двор. Тагир слышал его голос. Наверное, он разговаривал с женой.

Машина стояла в тени под раскидистыми ветвями тутовника. Было прохладно, легкий ветерок продувал кабину сквозь открытые дверцы. А Тагир никак не мог собраться с мыслями. Они путались и все время цеплялись за одно имя – Джамбот. Теперь он никак не мог уйти от него, не мог, как это ни старался сделать.

Кто, как не Джамбот, должен знать, где могила Цуцы? Кто, как не он, лучше расскажет ему о судьбе Алкеса? Но как поведет он себя, когда увидит Тагира? Как поведет себя, когда узнает о нем все? В этом можно не сомневаться ни минуты: он просто скрутит ему руки и отведет куда следует. Что ж, будь на месте Джамбота, он поступил бы точно так же. Но если не говорить ему правды? Тогда он спросит, где Тагир был все эти годы, почему он раньше не поинтересовался судьбой своей жены, своего сына? Конечно, можно что-нибудь придумать, но сможет ли он соврать своему ближайшему другу? А может быть, жизнь научила Тагира уже и этому? И он соврет. Да только неужели Джамбот этого не заметит?

Шофер наконец вышел из дома. По дороге за спиной Тагира с глухим свистом пронеслась машина, потом еще одна. За зеленью кустарников Тагир их не видел. Но зато видел лицо шофера. Оно вдруг неожиданно помрачнело. «Заметил-таки, лохматый чертяка», – пробормотал он. Постоял еще немного, подумал, потом, по-видимому что-то решив, забрался в кабину и включил стартер.

– Знаете что? – сказал, не глядя на Тагира. – У меня тут немного изменились планы. Придется сначала заехать в райцентр, а потом через аул в город. До дороги я вас довезу, там теперь в город будут идти машина за машиной. Доберетесь за двадцать минут.

– А так за сколько? – тихо спросил Тагир.

Шофер пожал плечами.

– Ну за час, может, немного больше.

– Я еду с вами, – сказал Тагир, тут же понимая, что говорит совсем не то, что сначала он должен все взвесить и, главное, выдумать и отработать до мельчайших деталей новую легенду: ведь старая совсем не учитывала встречи с Джамботом, и не учитывала потому, что сам он никогда не допускал такой возможности.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Выйдя из леса, лейтенант Арбанян остановился. Перед ним лежала узкая наезженная лента асфальта, а за ней пенился в темных острых камнях горный поток. Речку, еще не сбросившую летнее половодье, вряд ли было возможно перейти вброд. На скользких камнях вода сбила бы его с ног еще до того, как он вошел бы в нее по колено. Как это получилось, что в лесу он свернул не на ту тропинку? Если бы не эта досадная ошибка, он бы сейчас находился на дороге километра на три ниже по реке. Отсюда до моста, где он должен был ждать майора, было не меньше полутора часа ходьбы. Одна надежда на попутную машину. Но по эту сторону реки они шли редко, да и то в такое время больше в обратном направлении.

И тут Арбанян вспомнил о висячем мосте, который не так давно соединил берега где-то вверху по течению. Он не помнил, от кого слышал об этом мостике, если он действительно существовал, то должен был находиться где-то совсем недалеко от того места, где сейчас стоял

лейтенант. В конце концов что он теряет – ведь идти придется все равно по дороге.

Мостик действительно существовал, и Арбанян, поблагодарив мысленно того, кто так кстати соорудил его, перебрался по зыбкому настилу на противоположную сторону, пересек узкую полоску леса и вышел к большой дороге. Здесь было куда оживленнее. Две машины пронесли одна за другой только за то время, пока он прошел каких-нибудь полсотни метров, отделявших лесок от асфальта. Арбанян остановил третью и минут через пятнадцать выпрыгнул из нее у железного моста.

Было без четверти двенадцать. Лейтенант присел на камень, лежавший на склоне у самой дороги, и закурил. В его распоряжении оставалось еще пятнадцать минут.

Отсюда, где он сидел, мост, врезавшийся в голубое утреннее небо ажурной одногорбой аркой, и все, что происходило на нем, было видно особенно хорошо. По нему шли машины, груженые дровами, семечками, арбузами, катились тяжело припадавшие на рессоры МАЗы с щебенкой, бежали автобусы, набитые почти до отказа людьми, ехавшими в город. Потом пронеслись две машины с солдатами. Солдаты пели. Арбанян видел их молодые оживленные лица, открытые рты, но слов не слышал, их поглощал шум реки, кипевшей и пенившейся в бетонных основаниях моста. Казалось, стремительные волны уносили с собой все возникающие вокруг звуки.

На мосту шла обыденная жизнь, которую лейтенант наблюдал не один раз, но где-то здесь в гуще этих занятых своими повседневными делами людей находился один – чужой, враждебный всем им человек, один из двоих, а может быть, и из троих, неожиданно появившихся прошлой ночью в горах.

В лесу, да еще в горном лесу, человека найти так же трудно, как камень, брошенный в озеро с мутной водой. Но и сам он не в лучшем положении, чем те, кто его ищет. Каждое дерево таит для него опасность. Да и потом лес не город. Тут не у кого спросить, как пройти на другую улицу. Но, скорее всего, человеку, вышедшему сегодня на дорогу,

никакие справки не были нужны. По всему было видно, что в лесу он ориентировался совсем неплохо. Во всяком случае, не намного хуже, чем лесник, знавший в нем почти каждую тропинку.

Заметил ли незнакомец, что он обратил на себя внимание? Арбанян усмехнулся: Джамбот, к сожалению, не обладал той самой внешностью, о которой говорят, что ее трудно запомнить. Темно-рыжая борода Джамбота, вечно взлохмаченная шевелюра не могли не привлекать к себе внимания. Находишься он сейчас в одной из машин, проходивших через мост, и Арбанян, наверное, узнал бы его даже отсюда.

Лейтенант посмотрел на часы. До прихода «Волги» с майором оставалось пять минут.

У подножия горы на той стороне реки стояло несколько домиков. Дым из их труб поднимался в небо словно по вычерченной прямой. Вертикальные столбики дыма и голубое безоблачное небо над крышами почему-то всегда действовали на лейтенанта умиротворяюще. Но только не сегодня. Сегодня все это спокойствие казалось ему неестественным. Может быть, потому, что дымы были неожиданными. Три желтоватых и один темно-сизый. Наверное, цвет их зависел от топлива.

Арбанян тряхнул головой и усмехнулся. Кажется, все это время он искал вокруг себя что-то необычное. Искал даже там, где его не могло быть. Беззвучными серыми молниями вырвались из-за горы и прочертили небо три самолета. А потом, когда уже их не стало, на горы обрушился грохот, поглотивший шум реки, перешедший в свистящий вибрирующий звук, нехотя и долго тающий в седловинах гор.

В этот момент внизу показалась знакомая «Волга». Майор Лаукан Карабетов сам сидел за рулем.

– Успели? – майор бросил взгляд на часы. – Докладывайте.

– Джамбот ничего не успел сказать мне, товарищ майор, – лейтенант сел рядом. – Он только передал через сынишку, чтобы жена его скоро не ждала. Один из дорож-

ных рабочих видел, как он садился в грузовик. Рабочий обратил на это внимание, потому что перед этим услышал выстрел.

– Выстрел? – майор оторвал взгляд от дороги. – И кто же стрелял?

– По-видимому, Джамбот, товарищ майор. Дорожник заметил, что в руках у него было ружье. Жена Джамбота тоже сказала мне, что при муже была двустволка. Это лишний раз подтверждает, что дорожник не ошибся. В машину садился именно Джамбот.

– Ну, Джамбота не так просто спутать с другим, если даже всего этого и не было, – заметил майор. – По-видимому, события можно представить так: Джамбот, послав паренька с запиской, сам последовал за незнакомцем. Тот сел в машину, и Джамботу оставалось сделать то же самое. Но выстрел? В кого же он мог стрелять?

– Может быть, стреляли в него, товарищ майор? – предположил Арбанян.

– Но ведь дорожник, когда Джамбот садился, видел только одну машину. Не мог же лесник уехать, если стрелявший в него остался на дороге!

Майор чуть притормозил машину. По обочине шоссе галопом скакал всадник. Ему было не больше двенадцати-тринадцати лет. Обернувшись, он увидел «Волгу», свистнул и, с явным намерением не дать себя обогнать, пустил лошадь вскачь.

– Лихой будет джигит, – усмехнулся Арбанян.

– Запомните его, лейтенант, – улыбнулся майор. – Это и есть посланец Джамбота. Надо будет поблагодарить родителей и школу, отличных ребят воспитывают!..

Сказав это, майор не мог удержаться от легкой усмешки: «поблагодарить родителей и школу». Вот его Саида второй год ходит в музыкальную школу, а он еще ни разу не был там. Пока это делает его мать, бабушка Саиды. А еще все последнее время удавалось видеть дочку только спящей. Приходил очень поздно. Жена не говорила ни слова: понимала, какая у него работа. Знала, за кого выходила.

Всадник впереди свернул на дорогу, ведущую в горы. Еще долго в пожелтевшей зелени кустарника была видна его маленькая фигурка.

«Волга» повернула налево к железнодорожному переезду, куда сходились все дороги и с той стороны реки. Майор мягко затормозил у черно-белого полосатого шлагбаума. Лейтенант вышел из машины и вернулся через несколько минут с листком бумаги.

– С шести часов утра в город через переезд прошло сорок шесть машин, товарищ майор, из них двадцать девять везли семечки на элеватор, четырнадцать – были гружены дровами, три – прошли порожняком, в десяти машинах места рядом с шофером были заняты. Те, что везли семечки, отпадают, они шли не из леса. Остаются шестеро, которые находились на других машинах. Трое из них известны в лицо, четвертый по описанию похож на Джамбота, остаются двое. Они проехали на последних двух машинах час тому назад. После них шли только машины с семечками из колхоза.

– Подождите, – сказал майор, – что же получается: Джамбот едет впереди того, кого он должен был преследовать?

Лейтенант, усмехнувшись, пожал плечами.

– Я сам не могу понять этого, товарищ майор.

– Десять минут, – майор резко прибавил скорость. – Если они еще не въехали в город, мы сможем их догнать.

С протяжными сигналами «Волга» пошла на обгон первой показавшейся впереди машины, но это оказался порожний самосвал, и шел он, по-видимому, откуда-то с совхозной стройки, светлые стены которой поднимались над желтоватой стерней в нескольких километрах от дороги. Рядом с шофером никого не было.

Впереди замелькали первые домики пригорода. Плотнее пошли встречные машины. Пришлось сбавить скорость. Ни одной машины, груженной дровами, впереди не было видно. Да это и понятно: они могли свернуть в любую улицу. Попробуй определи, в какую. Но где сейчас мог

находиться Джамбот? Это в создавшейся обстановке было, пожалуй, не менее важным.

«Волга» въехала на широкий перекресток, пересекавший дорогу перед въездом в центральную часть города. На синей дощатой будке пламенели три буквы: «ГАИ». За нею во дворе находилось отделение милиции. «Волга» затормозила, стоявший около мотоцикла лейтенант, по-видимому, узнав находившегося за рулем майора, перебежал дорогу. Но прежде чем кто-нибудь из них успел произнести хоть слово, майор и Арбанян вдруг увидели Джамбота. Он сидел без ружья на скамейке во дворе милиции рядом с милиционером. Около них стоял какой-то парень в промасленном комбинезоне и о чем-то говорил, горячо размахивая руками.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Когда Джамбот с вершины горы увидел, что человек, который все время впереди него шел по лесу, уже добрался до дороги, он понял, что больше нельзя терять ни минуты. Теперь, пожалуй, незачем думать о том, чтоб оставаться незамеченным. И он побежал вниз под гору напрямик, продираясь сквозь встававший на его пути густой кустарник. В тот момент, когда внизу в просветах зарослей вновь открылся отрывок шоссе, незнакомец уже стоял около притормозившей машины. В следующую минуту вместе с ним она исчезла за поворотом. Джамбот только успел заметить, что из кузова ее торчали какие-то зеленоватые ветви. По привычке в голове мелькнула мысль: не украдено ли это из его леса?

Но он сейчас же забыл об этом, забыл потому, что дорога, на которую он наконец вышел, была абсолютно пуста. Ни одной машины ни слева, ни справа. А тот грузовик уходил все дальше и дальше к мосту. Джамбот в полной растерянности стоял у обочины дороги, не

зная, что делать. Перейти на ту сторону по всяческому мосту? Но где гарантия, что машина, на которой уехал незнакомец, пойдет через железный мост, а не свернет на дорогу, ведущую через аул в районный центр? Но зато после переезда начнутся развилка за развилкой, если он успеет переехать железный мост, попробуй потом угадай, какую из них он выберет. А повернет в город, тогда уж и вообще не найдешь эту машину в тесном переплетении улиц.

В этот момент, к своей радости, Джамбот услышал шум мотора – оттуда, откуда его и ждал. Из-за поворота, дребезжа неплотно пригнанными бортами, вылетел ЗИС. Джамбот поднял руку и шагнул на дорогу. На мгновение он увидел лицо за ветровым стеклом. Оно почему-то показалось ему испуганным. В следующее мгновение машина со свистом пронеслась мимо, оставив за собой запах бензина. Джамбот ошеломленно смотрел ей вслед, пока она не исчезла за следующим поворотом. Он даже не успел разглядеть ее номер – задняя часть машины была основательно забрызгана грязью. Почему он не остановился? Чего испугался? Наверное, забросил в кузов пару сухих веток и, узнав лесника, решил, что лучше проскочить мимо него на полной скорости. Джамбот приглушенно выругался. Если бы этот идиот, знал!..

Что бы там ни было, а следующую машину он уже не имел права упустить, а она, кажется, приближалась. Джамбот своим обострившимся от жизни в лесу слухом снова улавливал далекий гул мотора.

Джамбот вышел на середину дороги и приподнял ружье. Звук выстрела, глухо раскатившийся в горах, и скрип тормоза прозвучали почти одновременно. Шофер в промасленной спецовке с бледным лицом выпрыгнул на дорогу.

– Ты что, – закричал он, подергивая губами, – из сумасшедшего дома сбежал! Да я тебе за такое дело!..

Джамбот, не отвечая, бежал к машине. Это еще больше испугало шофера. Он нырнул в кабину, и в руке его блеснул заводной ключ.

– Не подходи, – он взмахнул ключом. – Голову расшибу!..

Только теперь Джамбот понял, что он «перегнул палку».

– Извини, – произнес он как можно мягче, останавливаясь в шагах трех от продолжавшего размахивать ключом шофера. – Извини, пожалуйста. Понимаешь, мне нужно срочно к мосту. Одного останавливал, так он, подлец, только скорость прибавил. Боялся, что и ты сделаешь так же!..

Все еще продолжая с опаской смотреть на него, шофер опустил ключ и открыл дверцу.

– Так бы сразу и сказал, – хмуро пробормотал он. – А то чего выдумал – палить. Война тебе, что ли. Что случилось? – спросил он уже более миролюбиво, когда Джамбот сел рядом. – Заболел кто-нибудь?

Джамбот кивнул головой: лучше было ответить так, чем рассказывать все, что произошло в это утро.

– Жена, – сказал он. – Только, пожалуйста, если можешь, давай скорей.

– Больше пятидесяти все равно не выжму, – шофер переключил скорость. – Не тот уже у нее организм. Скоро на новую пересяду. А зачем тебе на мост, если... А, там телефон...

Джамбот снова кивнул головой. Он неотрывно смотрел на дорогу. Она, как и прежде, была совершенно пустынна. Далеко же ушла первая машина, если он не мог еще даже увидеть второй.

– Слушай, – вдруг радостно сказал шофер. – Как это я забыл, – никакой телефон тебе не нужен! Здесь на дорожном участке есть теперь свой врач. Вчера у него мой товарищ был. Я сейчас тебя прямо туда доставлю.

– Мне нужен мост, понимаешь, – сказал Джамбот, уже начиная тяготиться многословием и неожиданной отзывчивостью шофера.

– Значит, у тебя никто не болен, – вдруг снова разозлился тот. – Сначала стреляешь в человека, а потом три короба врешь. А может, я не еду к мосту – что тогда?

– Слушай, – Джамбот с трудом сдерживал раздражение. – Пойми, мне очень нужно. Потом я тебе как-нибудь расскажу. Понимаешь, очень нужно. Государственное дело...

– У всех у нас государственное дело, – проворчал шофер. – Ты что думаешь, я в частной лавочке работаю?

Ни одной машины они так и не догнали. Первые из них показались только около моста. Теперь в общем их потоке найти ту, на которой уехал незнакомец, было вообще невозможно. Оставалось только одно. Установить номер машины или фамилию водителя, на которой он уехал. Тогда хоть как-то можно будет поймать ускользнувшую нить.

– Впереди тебя шли две машины, – Джамбот наклонился к шоферу. – Не знаешь, из какой они организации?

Тот хмуро покачал головой:

– Мало ли машин на дорогах, разве всех можно знать.

– Но они с тобой шли по лесу, а там не так много проходит машин.

Шофер усмехнулся.

– Откуда мне знать, кто впереди...

Он явно говорил неправду. Да и в голосе его прозвучала почти открытая издевка. Выдержка, которую все время призывал к себе на помощь Джамбот, вдруг оставила его.

– Ах, так, тогда ты скажешь это в другом месте. Поймешь, как шуточки шутить, когда с тобой говорят серьезно.

Шофер повернул к нему побледневшее лицо:

– Ладно, – пробормотал он. – Увидим. Сейчас увидим, – он дал полный газ.

Оказывается, машина могла идти гораздо быстрее, чем шла раньше.

Они проскочили мост, оставили за собой переезд, на котором на этот раз было совсем пусто. Машина продолжала идти на полной скорости. Нагнувшись над баранкой, шофер изредка бросал опасливые взгляды на Джамбота. Но тот сидел совершенно спокойно, и это спокойствие озадачивало и сбивало с толка шофера. Он ожидал чего угодно, только

не этого. А Джамбот решил, что самое лучшее теперь, раз уж все его усилия догнать незнакомца пропали впустую, – это попасть в город. И еще, смотря сбоку на злое лицо шофера, он думал о том, что, живя столько времени в лесу, он, оказывается, так одичал, что отучился разговаривать с людьми. Бедная Мерем, наверное, ей тоже приходится несладко с ним, но она все терпит и молчит!

Машина вырвалась на перекресток. Мелькнули красные буквы на синем фоне. Шофер выскочил на асфальт с таким видом, словно Джамбот пытался схватить его за горло.

– Товарищ лейтенант! – закричал он. – Вот этот стрелял в меня на дороге из ружья, потом грозил со мной рассчитаться, проверьте, что за человек!..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Полковник Смирнов не спеша перекладывал лежавшую перед ним стопку бумаг. Это были записи разговоров коротковолновиков, отлично известных поименно и по позывным не только ему, но и всем радиолюбителям. Пока в этих записях не было абсолютно ничего, что могло бы заставить обратить на себя внимание. Он задумался, отодвинул бумаги в сторону и, прикрыв глаза, вынул из пачки папиросу.

Майор Карабетов молча сидел в кресле – ждал. Полковник встал и прошелся по комнате.

– Сидите, – сказал он хотевшему тоже приподняться майору. – Просто разомну слегка ноги. И так, лейтенант Арбанян считает, что человек, которого преследовал Джамбот, не доезжая моста, пересел на другую машину и въехал в город следом за ним?

– Скорее всего, это так, товарищ полковник. Только на двух машинах были замечены незнакомые люди, и оба они проехали позже Джамбота.

– На машинах, идущих из леса?

– Да, товарищ полковник, – шоферы этих машин уже обнаружены. Ни один из них не знает своего пассажира, кроме как в лицо.

– Если предположения лейтенанта Арбаняна имеют под собой основания, – полковник снова сел в кресло, – то... Однако давайте лучше проанализируем, какими мотивами мог руководствоваться преследуемый, совершая этот маневр. Впрочем, преследуемый, возможно, только для нас с вами. Предположим, он не догадывается, что обратил на себя внимание, и запутывает за собой след просто из профилактических соображений. Он едет из леса, слезает, не доезжая моста, на дороге, где проходят машины уже из самых различных пунктов. На какую бы вы сели, находясь на его месте?

– Вы правы, товарищ полковник, на любую, только не на ту, что шла со стороны леса.

– Совершенно верно. Но существует и другая возможность. Так сказать, второй вариант. Преследуемый замечает, что за ним следят. Тогда, естественно, пока преследователь не догнал его, он слезает с машины и видит, как тот проезжает мимо него через мост в город. Знаете, майор, что-то мне не нравится, что он проделывает все это только для того, чтоб поменяться местами с Джамботом. Не исключена возможность, что лесник мог остановиться. Догнал идущую впереди машину, убедился: того, кто ему нужен, в ней нет. И остановился. Кроме того, вполне естественно предположить, что он уже поднял тревогу. И тогда все машины начинают проверять и уж, конечно, самым тщательным образом. Нет, майор, можно почти с полной уверенностью сказать, что, если исходить из того варианта, на двух последних машинах не могло быть этого человека.

– Значит, вы считаете, товарищ полковник, что поиски тех двух следует прекратить?

– Почему же, это совсем не помешает, логика иногда изменяет и довольно опытным субъектам. Я только думаю о другом: что, если у этого человека были соображения не ехать в город, соображения какого-то другого порядка, не

связанные с его заданием. Вот этот вариант будет для нас значительно хуже. Здесь уж нам не могут помочь все наши логические выкладки.

Зазвонил телефон.

– Слушаю, – сказал полковник. – Так, так, – повторил он, – спасибо, Алевтина Андреевна. Да, да, теперь это вполне возможно, – положил трубку и отодвинул от себя стопку бумаг.

– Так вот, товарищ майор. Кто были эти два незнакомых человека, проехавшие вчера через мост, уже установлено. Один из них экспедитор курортторга, второй – работник соседнего лесничества. Оба они хорошо известны на местах своей работы и не могут вызывать никаких подозрений. – Полковник чуть заметно улыбнулся. – Вы, кажется, немного разочарованы?

– Вот как, – майор помолчал. – Тогда все осложняется. Не мог же человек, которого преследовал Джамбот, просто раствориться в воздухе. По правде говоря, я полагал, что этот человек и тот, что был замечен колхозницами, когда несколько дней назад выходил из леса, одно и то же лицо, но тот по описанию был высокого роста, чуть сутуловатый блондин. Джамбот же утверждает, что преследуемый им – среднего роста и с темной шевелюрой. Цвет волос не так трудно сменить и за несколько часов, но вот рост... Возможно, Джамбот ошибается. Ведь у него не было времени как следует разглядеть его.

– С тем, кого видел Джамбот, все обстоит гораздо проще, – полковник посмотрел на часы. – Через несколько минут мне должны сообщить самое полное его описание. А пока нам известно вот что. Профессор Косицкий и его ассистент три дня назад, направляясь по своим делам к Голубому камню, встретили в лесу человека, внешне похожего на местного жителя. Он проводил их к нужному им месту кратчайшим путем. Расстались они через три дня почти у самого того места, где встретились. И вот здесь этого человека, по-видимому, и увидел Джамбот. Увидел издали. Его поведение вызвало подозрение Джамбота, и он пошел следом за ним, – полковник снял трубку вну-

треннего телефона. – Алевтина Андреевна? Ну что? Уже есть? Говорите, я вас слушаю, – полковник взял карандаш. Кивая и временами произнося односложное «так», «так», что-то набрасывал на бумаге. Потом он сказал: – Спасибо, Алевтина Андреевна... Теперь все, можете идти отдыхать, – и положил трубку.

Полковник еще некоторое время молча смотрел на сделанные им короткие записи, потом сказал:

– Ну вот, майор, запоминайте. Среднего роста, широкоплечий, с темным лицом и темными глазами. Брови на переносице почти срастаются. Нос прямой. По внешнему виду очень похож на адыга. Лет около пятидесяти...

– Что же тогда получается? – тихо произнес Карабетов. – Их было двое? Один блондин, а другой...

– Один, по-видимому, несмотря на все старания замети следы, направлялся, несомненно, в город. Пока, к сожалению, мы упустили его из виду на шоссе, но, надеюсь, что ненадолго. А вот второй. Второй ведет себя более чем странно. Сразу же, не пытаясь даже акклиматизироваться, освоиться с обстановкой, берет, так сказать, быка за рога – ведет в горы научных работников, деятельность которых, если знать о ней, несомненно должна его заинтересовать. Но так вот сразу... Это не похоже на опытного разведчика. И именно это обстоятельство и заставляет меня сомневаться...

– В чем, товарищ полковник? – так же тихо спросил майор.

– В том, что человек этот чужой. Что он только что сброшен на нашу землю. Впрочем, чего только не бывало. Бывают и неожиданности, которые никто не может предусмотреть. И все-таки нужно непременно установить, кто был человек, ехавший на машине. Но для этого надо найти шофера, который его вез.

Майор встал.

– Я ждущ лейтенанта, товарищ полковник. Он может звонить мне, и если я не отвечу...

– Подождите, – полковник положил руку на трубку телефона. – Садитесь. Вы мне еще немного нужны. – Он

поднял трубку.— Пожалуйста, если будут звонить майору Карабетову, переведите разговор на мой телефон.

Полковник положил трубку, снова придвинул к себе пачку бумаг и неожиданно вздохнул:

— Ну, а теперь вот об этом, майор. О записях переговоров коротковолновиков. Я тоже согласен, что ничего реального и ясного пока в этих переговорах нам обнаружить не удалось. Но у меня к вам один вопрос — что вы все-таки можете сказать о радиолюбителе по имени Касей Касимов?

— Касей Касимов? — майор пожал плечами и улыбнулся.— Из семи человек, которые в нашем районе выходят на связь с иностранными любителями, этот человек, по моему мнению, вызывает наименьшее подозрение. Лично я знаю его почти с детства. Сейчас он преподаватель английского языка в районной школе, товарищ полковник, один из лучших учителей района. В коллективе о нем никто никогда не сказал ни одного плохого слова.

— А в прошлом?

— Вы имеете в виду войну, товарищ полковник? Начал ее здесь, от предгорий, и закончил на Эльбе. Дважды был ранен.

— После капитуляции вернулся не сразу?

— Совершенно верно, товарищ полковник, весь сорок пятый находился при штабе, работал переводчиком, ведь он уже тогда знал английский язык.

— Бывал, конечно, не один раз в американской зоне?

— Я думаю, товарищ полковник, это была прямая его работа.

— Отлично,— неожиданно сказал полковник и снова, как и в прошлый раз, прикрыл глаза.

Майор с некоторым удивлением посмотрел на него. Он здесь ничего отличного пока не видел. Скорее, все обстояло наоборот. Человек, которого он очень хорошо знал и которому верил, по-видимому, вызывал подозрения полковника. Но если это так, почему он не говорит, в чем они состоят?

В этот момент полковник открыл глаза и улыбнулся.

— Отрадно, что на той стороне старики гораздо дольше живут догмами, чем мы... И все еще пытаются играть на нашей подозрительности.— Он положил перед собой одну вынутую из стопки бумажку. — Вот текст сообщения Касея Касимова, направленного сирийскому любителю, работающему под позывными «Евфрат-2»: «Не отвечал, вышла из строя аппаратура, начну передачу позже». Это сообщение ушло в эфир в двадцать один час сорок минут. Затем точно такая же фраза, только было добавлено «гуд бай», была передана им снова в двадцать три часа две минуты.

— То есть Касим пожелал своему сирийскому коллеге спокойной ночи? — спросил майор и опять внимательно посмотрел на полковника.— Мне кажется, здесь нельзя усмотреть ничего не обычного. Хочу еще раз заметить, товарищ полковник, что лично у меня нет ни малейших сомнений в честности этого человека.

— У меня тоже,— сказал полковник.— Однако субъективистские ощущения в нашей профессии — вещь чрезвычайно рискованная. Во всяком случае, до того момента, когда они будут проверены фактами. Но будем пока считать, что Касимов находится вне подозрений. Тогда к какому выводу мы можем прийти?

— Только к одному, товарищ полковник, что кто-то воспользовался передачей Касея и передал в эфир нужное сообщение.— Майор усмехнулся.— Пожелал кому-то спокойной ночи...

— И это пожелание спокойной ночи, по всей вероятности, означает что-то определенное и точное. Это, безусловно, заранее оговоренная фраза. У вас есть какие-то другие соображения? Пока нет? Тогда давайте исходить из предположения, что Касимов не причастен к этой передаче. Тогда вот вам первое звено: кто-то отлично осведомлен не только о существовании Касея, но и о его прошлом. И особенно, по-видимому, о службе в армии. Если из семи любителей, работающих из пятьдесят седьмого квадрата, выбран именно он, это о чем-то говорит. А выбран он, скорее всего, потому, что сразу же после войны ему приходилось общаться с американцами. Кто-то решил,

что это обстоятельство непременно вызовет наше подзрение и отвлечет внимание от кого-то другого. Необходимо выяснить как можно быстрее, кто этот человек. Вот вам задание номер один...

Снова зазвонил телефон. Полковник снял трубку.

– Да, майор у меня. Ну зачем же, заходите ко мне. – Полковник положил трубку. – Лейтенант Арбанян. У него появились какие-то новые соображения в отношении того, что произошло в районе моста... Войдите, – откликнулся он на стук в дверь и, когда Арбанян вошел, кивнул на кресло: – Садитесь. Так какие же это соображения? Что у вас случилось?

– Понимаете, товарищ полковник, – чуть смущенно начал лейтенант. – Возможно, что ничего и не случилось, но мне все время не давала покоя одна мысль. Еще с того времени, как я сидел у моста и ждал майора. Сначала она казалась мне смешной, но теперь, после разговора с Джамботом... Джамбот уверен, что в машине, на которой уехал незнакомец, лежали какие-то зеленые ветви. По-видимому, шофер захватил их с обочины дороги. Их иногда срезают дорожные рабочие. Все это он делал наспех, потому что дальше в лесу он мог набрать и сухих. Может быть, я слишком подробно обо всем этом рассказываю, может быть, все это мелочь, но дело как раз в этих мелочах. Я, конечно, ничего не утверждаю.

– Товарищ лейтенант, – улыбнулся полковник. – Я знал вас более лаконичным и точным.

– На той стороне реки недалеко от моста стоят четыре домика. Когда я был на берегу, в них топились печи. И один дым отличался от остальных. Я еще тогда подумал, что, наверное, печь топили сырыми дровами. Я, конечно, не предполагаю, что зеленые ветви прямо с машины попали в печь, но в одном из домиков, как оказалось, живет шофер. Он работает на птицеферме.

– Что ж, проверьте, – сказал полковник. – В создавшейся обстановке мы не имеем права игнорировать даже самые незначительные мелочи. Я думаю, ваш прямой начальник не будет возражать, если вы займетесь этим

немедленно. Не так ли, товарищ майор? Итак, не теряйте времени. Доложите лично мне, – и, когда лейтенант, козырнув, вышел, повернулся к майору. – Ну, а теперь квадрат 57. Нужно установить, откуда мог работать передатчик, что бы мы ни думали о Касимове. И еще. Это, пожалуй, самое главное. На этот раз этот передатчик работал вполне нормально, на полную свою мощность. Значит, батарейки действовали, и, по всей вероятности, последнее сообщение с пожеланием спокойной ночи включало в себя подтверждение о прибытии связного. Не исключена возможность, что передатчика уже нет в этом квадрате, но установить это все равно нужно.

– Товарищ полковник, – после некоторого раздумья сказал майор. – Из всего сказанного уже можно составить некоторые представления и о том, кто вел передачи. В том случае, конечно, если мы полностью исключаем причастность к этому самого Касимова. Во-первых, ему, как вы уже это заметили, отлично известно военное прошлое Касея, и, во-вторых, человек этот, по-видимому, знал, когда вел передачу от имени Касея, что последний находился дома, а не в отъезде. В противном случае, обман раскрылся бы очень быстро. А это уже кое-какие ориентиры. – Майор встал. – Разрешите идти, товарищ полковник.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Утром на следующий день, после того, когда он побывал у Джаримокова, Берузаимский поднялся засветло. Тщательно умывшись холодной водой, чтоб смыть с себя все остатки вчерашнего хмеля, он побрился, надел свежую рубашку и защитного цвета брюки. Натянул на ноги хромовые мягкие сапоги.

Выйдя во двор, он заглянул к соседу. Там было пусто. Только дверцы сарая казались чуть приоткрытыми. Берузаимский немного постоял прислушиваясь, а потом позвал:

– Сосед, а сосед...

Никто не ответил. Владимир Петрович крикнул еще раз, теперь уже громче. В сарае звякнуло ведро. Дверца сарая приоткрылась, и из него выглянула хозяйка.

– Доброе утро, – сказал Владимир Петрович, – муж еще не ушел?

– Еще вчера вечером, – махнула она. – Машина за ним зашла, он и поехал. Сказал, чтобы вы прямо на пасеку шли.

Берузаимский приблизительно знал, где она находится. Напрямую это было не так далеко. Надо было пройти через лес и спуститься к реке, а там в конце обширной поляны, заросшей ромашкой, стояли ульи. Нашел он эту поляну довольно быстро. Уже издали он увидел аккуратные ряды голубоватых, совершенно одинаковых ульев. А слева в тени заметил новенький «газик». Обе дверцы его были открыты, и на сиденье полулежа дремал водитель. По-видимому, главный агроном был уже здесь.

Дойдя до середины поляны, Владимир Петрович понял, что не ошибся. У небольшого, сложенного из свежих листьев шалаша рядом с сутуловатой фигурой соседа он увидел крепкого коренастого парня в светлой рубашке с расстегнутым воротом.

Это, наверное, и был Алкес Хаджинароков.

Сосед, по всей вероятности, уже успел сказать о Берузаимском, потому что Алкес не выразил ни малейшего удивления, только крепко пожал руку и сказал:

– Я сейчас освобожусь, подождите минутку.

Берузаимский отошел в тень и присел на пенек. Он ничего не понимал в пчеловодстве, однако из того, что донеслось до его слуха, сделал почти безошибочный вывод, что пасека будет перебазираться. Но всего разговора он услышать не мог. Оба говорили вполголоса, и только последняя фраза Хаджинарокова донеслась до Берузаимского с полной отчетливостью:

– Так имейте в виду, готовиться нужно уже сейчас, через месяц будет поздно.

Наблюдая за Хаджинароковым в те минуты, когда до него не доносилось ни одного разборчивого слова, Берузаимский отмечал про себя, что парень, несмотря на свою сравнительную молодость, держится уверенно, однако нисколько не подчеркивая своего начальствующего положения. Сосед Берузаимского внимательно прислушивался к его словам. Похоже, что агроном действительно пользовался в колхозе немалым авторитетом.

И еще Берузаимский думал о том, начинать ли ему прямо сейчас, с первого знакомства разговор о наследственном «Зауэре» или отложить его до более удобного случая? И согласится ли агроном продать ружье? Он решил не жалеть для этого денег. Если согласится расстаться с единственной памятью об отце – характер парня сразу станет ясен. Ну, а если нет? Что ж, во всяком случае, «Зауэр» вполне может стать отличной причиной для более близкого знакомства с агрономом. Нет, лучше сейчас о ружье ничего не говорить. Ну, а если сосед уже сказал? Как быть тогда?

Однако опасения Берузаимского оказались напрасными. Закончив деловой разговор, агроном подошел к нему и сразу же спросил о том, какая работа ему больше по душе. Владимир Петрович сказал, что много лет работал на Севере в лесу и имеет в этой области достаточный опыт. Алкес, чуть подумав, повторил слова пасечника о том, что лучше всего поговорить с новым лесником. Можно, конечно, решить этот вопрос и без него, прямо в конторе лесхоза. В бригадах и по вырубке и по восстановлению лесных массивов нужны люди, это ему совершенно точно известно. Но, если у него нет желания уходить далеко от дома, лучше всего встретиться с Джамботом.

Вступивший в разговор пасечник сказал, что завтра или даже, возможно, сегодня к вечеру они постараются увидеть Джамбота и поговорить с ним. Но когда Берузаимский заметил Алкесу, что работал некоторое время плотником, последнего это очень заинтересовало.

– Слушайте, – сказал он, – а что, если вы пойдете к нам? К осени здесь на пасеке предстоит большая работа.

Зарабатывать вы будете не меньше, чем в лесхозе. Это я вам гарантирую.

– Что ж, об этом стоит подумать, – ответил Берузаимский. – Тем более что до пасеки мне совсем близко, рукой подать.

– Но, а если она будет немного дальше? – спросил Хаджинароков. – Тогда это вас не устроит?

– Ну, это смотря на сколько дальше, – засмеялся Владимир Петрович. – Если по ту сторону ущелья...

– Нет, нет, – перебил его Алкес. – Значительно ближе. Ну да ладно, мы еще об этом потолкуем. Если вы сосед нашего дяди Каплана, будем встречаться часто.

Только после этого разговора Берузаимский решил завести речь о ружье. Он сказал, что уже ни от одного человека слышал о «Зауэре» Хаджинарокова, что у него самого когда-то было тоже ружье такой же марки и он очень хотел бы посмотреть, одинакового ли они все образца, потому что слышал много спорного на этот счет. Конечно, это совсем не к спеху, когда-нибудь, когда у Алкеса будет свободное время.

– Зачем же откладывать, – агроном посмотрел на часы, – если у вас есть время, можно это сделать и сейчас. Я еще не завтракал и как раз еду домой. Садитесь в машину, поедem вместе. А потом я вернусь сюда снова и подкину вас.

Такого поворота дела Берузаимский никак не ожидал. Все складывалось быстрее и проще, чем он мог предполагать.

– Дядя Каплан, – крикнул главный агроном уже из кабины. – Так, если будут спрашивать, скажи, буду часа через два.

«Газик», попрыгав по лесной дороге, выбрался на проселочную.

Когда они проезжали мимо дома Берузаимского, тот показал, где живет.

– Знаю, – засмеялся Алкес. – Раз по соседству с дядей Капланом, мне уже и так все ясно. Так вот, пойдете к нам работать, буду и за вами заезжать. Правда, не каждое утро.

А летом можно жить и на пасеке. Одно удовольствие! Не было бы у меня семьи, я давно бы сам туда перебрался.

Они миновали хутор Рамбесный. Во дворе у вдовы Фамет, кажется, на этот раз никого не было.

По дороге Берузаимский заговорил об охоте: какая она в этих местах. Алкес засмеялся: заниматься этим делом у него пока, к сожалению, не было возможности, да и вряд ли будет. Колхозные дела, особенно пасека, отнимают слишком много времени. Да и он, по правде говоря, совсем не любитель ходить по лесу с ружьем. Вот его отец, это совсем другое дело. Лучшего охотника, как он слышал от многих, во всем краю было не сыскать. Ничего не поделаешь – наверно, пошел не в отца. Слушая Алкеса, Берузаимский подумал, что в таком случае он, пожалуй, может уступить ружье ему сразу. А это совсем не входило в его планы. И он постарался перевести разговор на другую тему.

Через полчаса они въезжали на улицу райцентра.

– К правлению, – сказал Алкес, нагнувшись к шоферу, и обернулся к Берузаимскому: – Прошу извинить, это на пять минут. Больше я вас не задержу.

У входа в здание правления колхоза стояли два грузовика, одноконная бричка и несколько оседланных лошадей. Около красочно оформленного стенда толпилась группа мужчин. Они разговаривали, размахивая руками. Только один крепкий седовласый человек лет пятидесяти со смуглым небритым лицом стоял чуть поодаль от них, прислонившись к забору.

Берузаимский видел его из оконца. С каким-то мучительным напряжением тот смотрел на их машину. Именно на их машину. Он не мог ошибиться. В одно мгновение ему даже показалось, что человек этот хотел броситься к машине, но огромным усилием он сдерживал себя. Поведение этого странного человека наполнило Берузаимского смутным беспокойством, и он не спускал с него глаз. Теперь человек этот напряженно смотрел куда-то мимо машины, наверное, на двери правления. Потом он вдруг выпрямился и быстро отошел в сторону. Куда – Берузаимский видеть

этого не мог. Высунуться из кабины было уже нельзя, потому что в этот момент подошедший Алкес открыл дверцу.

– Поехали, – произнес он веселым голосом, устраиваясь на сиденье. – Часик-полтора можно побыть дома. Светлячок, наверное, уже заждалась. Светлячок – это моя жена, – добавил он, заметив вопросительный взгляд Берузаимского. – Привык называть ее так до женитьбы, так и не отвыкну теперь. Даже перед чужими... Вообще-то ее звать Нафсет. А сына – Тагир, сейчас вы его увидите.

– Очень красивое имя, – сказал Владимир Петрович. – Хотя, наверное, очень редкое. Я такого, например, никогда еще не слышал.

– Возможно, – кивнул головой Алкес. – Мы назвали его так в память о моем отце. Он погиб на фронте. Я совсем его не помню. Мне еще года не было, когда он ушел. Ну, вот мы и приехали. – Алкес открыл дверцу и выпрыгнул из машины. – А ты, Мухтар, можешь ехать домой. Вернешься через час. Ну, Светлячок, – весело произнес он, входя в комнату, – принимай гостей. Человек нашим наследственным ружьем интересуется. А заодно и перекусить нам надо.

– Извините, пожалуйста, за вторжение, – развел руками Владимир Петрович. – Но с вашим мужем не так просто сладить. Я только поинтересовался ружьем, а он, видите, и за стол уже сажать меня хочет. Я лучше зайду как-нибудь в другой раз.

– И не думайте, – сказала Нафсет, приветливо улыбнувшись. – Это еще никому не удавалось. Вы давно живете в наших краях?

– Да уже больше года, – ответил Владимир Петрович.

– Ну, тогда вам должно быть известно, что значит для адыга гость. Вы можете прожить в семье у адыгов несколько дней, и никто из хозяев дома даже не спросит вас о причине вашего приезда!

– Ну, несколько дней я обременять вас не собираюсь, – засмеялся Берузаимский. – У меня имеется свой дом, и совсем недалеко отсюда – в хуторе Навесном. Слышали?

– Ну еще бы, – улыбнулась Нафсет. – Это совсем рядом с Рамбесным. А там живет моя тетья. Она замужем за учителем английского языка Касимовым. Вы его знаете?

– Нет, – Берузаимский покачал головой. – Я ведь раньше жил в соседнем райцентре, а на хуторе всего несколько дней. Недавно купил дом поближе к природе.

– И работать теперь будет у нас, – сказал Алкес, входя в эту минуту в комнату. – Вместе с дядей Капланом.

– Но это мы еще не решили, – шутливо запротестовал Владимир Петрович. И посмотрел на Нафсет. – Ваш муж, кажется, привык решать все слишком быстро.

– Да, – улыбнулась Нафсет, – с ним это бывает. Я еще не успела закончить школу, а он уже решил за меня, что мне ну просто непременно нужно выйти за него замуж!

Говоря это, Нафсет вынула из шифоньера чистый фартук, надела его и, пройдя в соседнюю комнату, стала хлопотать у стола.

Алкес, извинившись, вышел во двор, чтобы позвать сына. Берузаимский, сидя на диване, осматривал комнату. В ней было удивительно чисто и опрятно. Все было просто и разумно. Никаких безделушек и лишних украшений. Единственное, что, пожалуй, не совсем гармонировало с убранством комнаты, это были два портрета в деревянных рамках, висевших в углу над диваном. Они несомненно были пересняты с небольших фотографий и пересняты довольно неумело, – наверное, переснимал кто-то из местных фотографов. Женщина вышла хуже, а мужчина получился значительно отчетливее. Женщина казалась хрупкой, похожей на девушку. У мужчины были крупные черты лица и сросшиеся на переносице густые брови. Он был молод, не старше двадцати двух-двадцати трех лет. Берузаимский, еще не зная почему, внимательно разглядывал этот портрет. И вдруг он понял почему. Лицо это показалось ему знакомым. Но чем дольше он в него всматривался, тем больше убеждался, что видит его впервые. И в это же время оно кого-то ему напоминало. Кого?

– Вы тут не заскучали один? – сказал в это время Алкес, появляясь в дверях. – Вот мой наследник – Тагир, –

он показал на мальчугана лет пяти, которого держал за руку.— Наконец затащил. Светлячок одна с ним уже не справляется. Целый день или на деревьях, или на реке. А вести к столу нужно только силой.

— А я уже кушал,— сказал мальчуган, смотря в окно.— Я уже вот столько кушал,— и провел рукой по горлу.

— Верю,— строго произнес Алкес.— И даже больше, чем так. Но только одни груши. С дерева. Мой руки и садись за стол. Быстро. А то можешь так обессилеть, что и на дерево не влезешь. Ну давай, давай.

— А поедем в лес? Когда ты не будешь работать? — крикнул Тагир, стоя уже около умывальника.

— Ладно, ладно,— улыбнулся Алкес.— Поговорим после еды. Ну как дела у тебя, Светлячок? — спросил он, заглядывая в соседнюю комнату.

— Можете садиться,— сказала Нафсет,— Тагира я покормлю сама. Он вам не даст поговорить.

С момента появления Алкеса с маленьким сыном Берузаимский успокоился. Как это ему сразу не пришло в голову! Сын Алкеса был удивительно похож на мужской портрет, который висел на стене. У самого же Алкеса сходства с этим портретом было гораздо меньше. У него были мелкие и округлые черты лица, как у матери. Но Берузаимский успокоился не до конца. Какое-то тревожное чувство продолжало в нем жить. Ведь отец Алкеса кого-то напомнил ему еще до того, как маленький Тагир появился в комнате. Но кого? Старая, годами проверенная зрительная память не могла его обмануть. Занятый этой мыслью, он невпопад отвечал на вопросы Алкеса, который расспрашивал его о том, где и кем он раньше работал. Заметив его поведение, Алкес с некоторым удивлением посмотрел на него, и Берузаимский, извинившись, сказал, что, увидев маленького Тагира, он вспомнил своего сына, который умер от скарлатины в таком же приблизительно возрасте. Алкес из вежливости перестал задавать ему вопросы. Но Владимир Петрович теперь уже сам рассказал ему о работе на Севере на лесоразработках. О

том, что, устав и от сурового климата, и от тяжелой работы, он приехал сюда на Северный Кавказ, купил домик в соседнем райцентре, немного поработал там в конторе райпотребсоюза, и вот теперь его снова потянуло в лес, на природу. Плотницкое дело он знает неплохо. И предложение Алкеса его вполне устраивает. Но он просил бы, чтобы тот его особенно не торопил. Он хочет сам осмотреться, все взвесить.

Алкес согласился. После завтрака он вынул из шифоньера ружье и показал его гостю. Ружье действительно было отличного качества, с великолепным вороненой стали стволом и насечками ручной работы. И несмотря на то что им, вероятно, давно не пользовались, оно было тщательно протерто и смазано маслом. Берузаимский сказал, что он от ружья в восторге, что оно даже лучше, чем то, которое было у него. Но разговора о продаже пока не начал. По его мнению, дела шли и так неплохо. Знакомство с главным агрономом налаживалось неожиданно легко и быстро.

Когда они садились в машину, которая уже стояла около дома, он даже предложил Хаджинарокову как-нибудь вместе с женой посетить его дом. Алкес ничего не обещал, но и не отказался.

— Заедем еще раз на минутку в правление,— сказал Хаджинароков, усаживаясь рядом с шофером.

В правлении он задержался еще меньше, чем в прошлый раз, и, вернувшись, сказал:

— Ну, а теперь я в лес. На пасеку. Подброшу вас, кстати, к самому дому. Похоже, что скоро может начаться дождь.

Берузаимский хотел поблагодарить, но только кивнул головой: прямо напротив выхода из правления на том же самом месте, что и в прошлый раз, он снова увидел того же небритого человека с темным лицом и сросшимися на переносице бровями. Теперь он совершенно ясно заметил, что человек этот смотрел на машину, в которой они сидели. Владимиру Петровичу опять показалось, что человек этот снова хочет броситься к ней. Но это длилось только одно мгновение. Человек, как и в прошлый раз, резко повернулся

и быстро зашагал прочь, низко опустив голову и спотыкаясь, словно слепой.

Хаджинароков, кажется, ничего этого не заметил. Но Владимира Петровича на мгновение охватило острое чувство тревоги. Больше всего на свете он не любил непонятное. Что все это могло значить? И тут его осенило. Так вот кого напомнил ему портрет, висевший в комнате Хаджинарокова. Это лицо. Именно это лицо. Но кто был все-таки этот человек? Родственник Хаджинарокова? Ведь отец его погиб. Может быть, брат отца? Дядя Алкеса? Но тогда почему он так странно вел себя? Почему не подошел к машине? Впрочем, мало ли какие отношения могут складываться у людей, даже если они и являются близкими родственниками! А могло быть и другое. К лицам коренных жителей Владимир Петрович еще не достаточно привык. И, как это часто бывает в подобных обстоятельствах, многие из них кажутся ему похожими одно на другое. Но тогда почему так странно вел себя этот человек?

Владимир Петрович, задумавшись, снова, кажется, отвечал невпопад на вопросы Хаджинарокова, который расспрашивал, как нравится ему их край, доволен ли он, что приехал именно сюда. Хаджинароков, уловив рассеянность Владимира Петровича, снова приписал это воспоминаниям об умершем ребенке.

Снова встрепенувшись, Берузаимский сказал, что здесь ему очень нравится и он нисколько не жалеет, что обосновался в этом крае. Вообще-то он родился в Таджикики, а на Север попал после войны, хотел подработать побольше денег. Денег заработал достаточно, стаж теперь тоже хватает. Вот только со здоровьем стало не совсем хорошо. Три года войны. Это что-то, да значит. И ощущаешь их только теперь, когда уже за пятьдесят.

– Война – это страшная штука. Пусть ее никогда не будет, – заключил он. – Вы тоже вот достаточно пострадали. Потеряли отца.

– Да, и мать тоже, – тихо сказал Хаджинароков. – Ведь она, как говорят, не перенесла известия о его смерти.

– А вам точно известно, что отец погиб? – спросил Владимир Петрович. – Знаете, бывают такие недоразумения.

– Так где ж тогда ему быть? – пожал плечами Хаджинароков. – Ведь он, говорят, мать любил не меньше, чем она его. Нет, к сожалению, это все более чем точно. И похоронная пришла, да и есть еще более веские доказательства.

– Какие же именно? – полюбопытствовал Владимир Петрович.

– Есть человек, который видел его гибель. Его лучший друг Джамбот Джабаев. Это тот самый новый лесник, о котором мы вам с дядей Капланом говорили. Он был танкист, горел в танке и видел, как мой отец бросился с гранатами под вражескую машину. Его разорвало почти на его глазах.

– Знаете, – сказал Владимир Петрович, – бой есть бой, в горячке можно и ошибиться. Впрочем, если такое свидетельство... У него никого не осталось, кроме вас? Братьев у него не было?

– Был один, – теперь уже рассеянно ответил Алкес, думая о чем-то своем. – Да они с ним не общались. Жил он как-то не так, как надо было жить, по мнению отца. Давно отсюда уехал. Даже не знаю, жив он или нет.

– И они были похожи друг на друга? – С явным интересом спросил Берузаимский.

– Говорят, да, – снова думая о своем, ответил он. – Говорят. Сам я его не видел.

– А как вы думаете, если бы он вдруг приехал, то заглянул бы к вам?

– Вообще-то не знаю, – нехотя ответил он. – Слышал, будто бы его за что-то посадили. Отец мой, как видно, оказался прав. Но если и попадет в наши края, наверное, все-таки зайдет. Хотя и нелегко это ему будет.

«Так вот, дорогой Алкес, он уже приехал», – хотел сказать Берузаимский, но не сказал, а только с облегчением откинулся на спинку сиденья. Кажется, он разгадал загадку, которая мучила его эти последние полтора часа. Неразга-

данных загадок он не любил. Они были хуже, чем явная опасность. Потому что к ним нельзя было подготовиться.

Пока Берузаимский был доволен собой. Все складывалось согласно разработанному им плану. Год акклиматизации прошел спокойно. Он прочно вросся в окружающую его среду. Его уже считали в этих местах старожилком. И теперь, когда наступало время действий, пока не активных, а просто действий, все развивалось вполне успешно. Знакомства, которые он установил за последние дни, в свое время сыграют роль. Те, кто за перевалом строили корпус, и не подозревали, что за их работой уже установлено самое пристальное наблюдение. Пройдет еще год, и все, что будет происходить на нем, все, вплоть до малейших ритмов его жизни, будет фиксироваться так же точно и неотвратно, как фиксировался сегодня график строительства в организации, которая его осуществляла.

Берузаимский любил операции, развивавшиеся неторопливо, но верно. Где-то он считал себя в этой области классиком и даже слегка надеялся, что когда-нибудь у него будет время для создания капитального и чрезвычайно назидательного труда, на котором будут учиться те, кто придет ему на смену.

А пока он был только доволен собой. Просто доволен.

Единственно, что волновало его в последнее время, это угроза превращения двусторонней связи в одностороннюю. Это значило, обладая слухом, оставаться немым. Непредвиденный случай в лесу – встреча со старым лесником, который случайно обнаружил его тайник под дубом, чуть было не поставил на грань катастрофы все, что создавалось им с таким упорством и таким терпением.

Трижды условным словом он оповещал центр, что связь его с ним вот-вот будет прервана, да и там, по затухающим сигналам его передатчика, отлично это понимали. На второй день он получил сигнал, который должен был означать – «ждите». И он ждал. Ждал, не переставая оплетать все новыми и новыми знакомствами район постройки нового аэродрома. Спустя несколько дней, соблюдая, как обычно, десятки предосторожностей, он

заглянул в тайник – не в те два временных, что находились в лесу, а в другой, расположенный в районе райцентра. Дни шли за днями. Тайник был пуст. Тогда, направляясь на пасеку, он проверил второе запасное место в лесу. Но и в нем ничего не было. И вот наконец сегодня, когда он возвращался от Джаримокова, его пальцы нащупали во влажной темноте скрытой в кустарнике брошенной норки то, что он так долго ждал. Маленький металлический ящичек. Батарейки для микропередатчика, которым в сложившихся обстоятельствах не было цены. Теперь он снова обретал полное спокойствие. У него была связь.

Кроме того, должен быть еще помощник. И, вполне возможно, не один. Хотя Берузаимский всегда предпочитал работать в одиночку, на этот раз он не собирался отказываться от помощников. Хотя бы временно. Но прежде ему предстояло установить, что они собой представляют. По опыту он знал, подготавливаемые к забросу казавшиеся при подготовке твердыми и находчивыми здесь, на месте, оказывались никуда не годными. Но у него был достаточно наметанный глаз. Если не подойдут...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тагир сидел в ресторане за крайним столиком у окна. Отсюда ему был виден весь полупустой зал. А за стеклом, по которому бежали тонкие извилистые струйки дождя, улица с торопливо проходящими прохожими.

Вообще-то он не должен был находиться в этом ресторане. Больше того, он не имел никакого права находиться не только в этом городе, но и за десятки километров от него. На этот счет у него имелись самые строжайшие инструкции. Его место было не здесь, а за сотни километров отсюда, на побережье. Но сейчас ему было все равно. Пусть об этом знает тот, под чье начало он послан, пусть знают и те, кто его послал. Пусть об этом станет известно

вообще всем. Это его уже совсем не волновало. Разговор с шофером, и все то, что случилось потом, сразу и бесспорно изменило в его жизни все. Все, чем его заставляли жить последние годы.

Изменило? Вернее, сломало. Ну, а дальше, что дальше?!

Он сжал голову ладонями и попытался привести в порядок свои мысли.

Два удара один за другим нанесла ему судьба в первый день пребывания на родной земле. Два удара, которые в обычных условиях он воспринял бы как величайшее счастье, ни с чем не сравнимое счастье обретения сына и самого близкого друга. И это счастье у него отняли. И он не мог, не имеет права не только обнять этих людей, но даже подойти к ним. Мало того, что они отвергли бы его, он мог принести им величайшее несчастье и горе.

– Я вас слушаю.

Тагир вздрогнул и поднял голову. Около него стояла официантка в белом переднике и наколке.

– Пожалуйста, лелибж, – сказал он как можно спокойно, – двести граммов водки и какой-нибудь к ней закуски. Водку, если можно, сейчас.

Официантка понимающе кивнула и ушла.

Тагир смотрел в окно. Не потому ли ему было запрещено входить в город и районный центр? Может быть, там было известно, кого он здесь мог встретить? Нет, этого не могло быть. Слишком велик был риск для тех, кто его послал. Его подготовка и заброска стоили немало труда и денег. А деньги они не привыкли бросать на ветер. Это было не в их правилах.

Официантка принесла графинчик водки и закуску. Тагир налил не в рюмку, а в фужер и выпил все одним духом. Расслабляющая теплота разлилась по всему телу. Сразу стало легко и спокойно, и мысли потекли плавно и без скачков. И вдруг он почувствовал, как на глаза его навернулись предательские слезы.

Сын! Много лет назад он держал его на руках. Много лет таким он и видел его в мыслях. Другим представлять он его не мог, потому что сначала думал, а потом уже и

убеждал себя в том, что того давно нет в живых. И вдруг – фотография сына на Доске почета! О нем рассказал ему все тот же шофер по дороге в райцентр. Он все еще не верил, что это мог быть Алкес, его Алкес. И когда стоял, неотрывно глядя на фотографию, не верил. Хотел не верить. И не мог. Да, это был он, несомненно он. И все-таки Тагир подошел к стоявшим у правления людям и расспросил их о главном агрономе. И в этот момент на машине приехал он сам. Стройный красивый парень, его сын Алкес. И люди, стоявшие у входа, поздоровались с ним с уважением, как со старшим, хотя некоторым из них он годился в сыновья. Потом Тагир стоял около дома, куда из правления поехал Алкес, видел женщину – его жену, которая встретила его у входа, а во дворе за палисадником бегал смуглый крепкий мальчонка, прыгнувший, после того как его позвали в дом, через забор и помчавшийся с такими же, как и он, ребятами к реке по дорожке, знакомой Тагиру с раннего детства. И звали его тоже – Тагир.

Все это Тагир видел словно в тумане и, когда Алкес вышел из дома и сел в машину, повернулся и пошел прочь, закрыв глаза, боясь, что может сделать то, чего делать он не имел никакого права. И теперь уже прежде всего – из-за Алкеса, из-за него.

И однако он должен был что-то решать. Долго так продолжаться не могло.

Сейчас он не мог привести в исполнение мысль, которая все решительнее формировалась в его сознании по мере приближения к родной земле. Тогда у него было одно сомнение – Сергей. Предпринимать что-то без его согласия было бы предательством по отношению к этому человеку, вместе с которым они хлебнули горя, какого хватило бы с излишками на десятерых. Сергей где-то здесь, в городе, надо его найти. Сергей уже должен был положить в тайник переданный с ним металлический коробок. Свой Тагир бросил в пропасть. Но Сергей не мог сделать этого. Только после того, как посылка дойдет по назначению, он сможет получить запасные паспорта и, главное, деньги. И часть из них он перешлет Тагиру до востребования. Уж, конечно,

Сергей меньше всего подозревал, что Тагир тоже сейчас в городе. Но отыскать его нужно непременно. Так Тагир думал еще несколько часов назад. Теперь, возможно, эта встреча становилась бессмысленной. Даже если их намерения полностью совпали, он не мог, не имел права привести их в жизнь. Сергей должен был идти один и рассказать все. Но только о себе.

А для Тагира такой путь отрезан. Если он пойдет туда, куда должен был пойти, завтра же вокруг его сына ляжет враждебная пустота. Кто будет здороваться с ним так, как здоровались сегодня? Кто подаст ему руку? Кто оставит его на таком большом месте, которое он занял благодаря стольким годам учебы и, наверное, немало труда? А внук! Не напомним кто-нибудь и ему через много лет о его деде?

Нет, он просто должен уйти. Уйти, так и не появившись. Сделать то, к чему он был готов с первой же минуты после того, как коснулся родной земли.

Тагир расплатился и вышел на улицу. Дождь перестал, в многочисленных лужицах на асфальте поблескивало голубое небо. На углу стояло несколько такси. На мгновение Тагиру пришла в голову мысль взять одно из них, уехать за город, забраться куда-нибудь в камыши и пустить пулю в лоб. Но он тут же отогнал ее от себя: а если после смерти его опознают, что тогда? Ведь все равно станет известно, что он отец Алкеса. Нет, надо придумать что-то другое. Но прежде всего надо найти Сергея. И вдруг он вспомнил. Почтамт! Сергей что-то говорил о нем. Так, на всякий случай. Словно предвидел, что у Тагира что-то могло измениться. И Тагир сразу же повернул на знакомую ему еще с молодости улицу. Но почтамта там не оказалось, старое его здание было давно снесено, а новое находилось в самом центре города. Оно было сооружено из бетона и стекла и все наполнено воздухом и светом. Тагир потолкался у стеклянных окошечек, купил несколько конвертов и сел за столик, делая вид, что пишет письмо, все время следя за входившими в зал людьми. Но Сергея среди них не было.

Тогда он вышел из здания и пошел в парк. До вечера уже было недалеко. У швейцара гостиницы он взял несколько адресов, где можно было переночевать, и сейчас думал, на каком из них остановиться. Лучше где-нибудь подальше от центра. И он пошел вниз к реке.

Он не ошибся в своем выборе. В маленьком домике за невысоким заборчиком жила одинокая старушка. Она привыкла к командированным, которым не хватило места в гостинице и, не расспрашивая его ни о чем, сразу же показала койку в крохотной комнате за печкой.

Утром, расплатившись с хозяйкой, которая опять его ни о чем не спросила, он снова пошел в парк. Он шел туда, потому что свежий воздух и зелень действовали на него как-то умиротворяюще, здесь мысли его становились спокойней. А ведь он до сих пор так и не решил, что делать дальше. И вдруг здесь он и увидел Сергея. Тот сидел на скамейке и просматривал свежую газету. Потом, когда Сергей в свою очередь увидел Тагира, глаза его расширились. Он молча встал и не спеша пошел в тенистую аллею. Спустя некоторое время Тагир последовал за ним.

– В чем дело? – тихо спросил Сергей, приостанавливаясь. – Почему ты здесь?

Тагир обернулся. В этом углу парка было совершенно безлюдно. Рядом в полукружье кустарника стояла скамейка. Он показал на нее и так же вполголоса сказал:

– Садись. И слушай, и ни в чем меня не переубеждай, я сделаю так, как решил.

И он рассказал все – и о Джамботе, и о встрече с сыном, и о том, какой выход из создавшегося положения он для себя уготовил.

Сергей молча слушал, ни разу не перебив его ни одним словом. И когда Тагир закончил, ответил не сразу.

– Кое в чем ты прав, – наконец сказал он. – Мне вся эта грязь тоже надоела. Но почему надо обязательно так кончать? Мы можем просто порвать с прошлым и начать новую жизнь. Честную жизнь. Может быть, на нас никто не обратит внимания.

– Это хорошо для тебя, – Тагир покачал головой. – Ты можешь рискнуть. А я не имею права. Ты забываешь о

сыне. Что будет с ними, если меня все-таки разоблачат? Если меня возьмут, все равно установят мою личность. И потом, – он горько усмехнулся, – имею ли я право на жизнь?.. Пока я скитался за рубежом, подличал и лакействовал, люди здесь вырастили моего сына, дали ему образование, сделали его настоящим человеком. Он горд и счастлив своей жизнью. У него жена, сын, а я, его отец... Нет, Сергей, этот страшный камень всегда будет давить мою душу. А ты поступай, как думаешь...

– Может быть, ты и прав, – снова после небольшой паузы произнес Сергей. – Слишком поздно мы над всем этим задумались. Ну, что ж, – он усмехнулся, – лучше поздно... Но прежде, чем уйти, надо увидеть того, кто должен здесь мною руководить. Иначе он сможет просто продать меня, а нам останется неизвестным. Если я буду знать его в лицо, он на это не решится. Мы можем пойти вместе.

– Зачем? – Тагир пожал плечами. – В мои планы это не входит.

– Неужели тебе не интересно знать, какому сукиному сыну мы переданы с тобой в новое рабство? Мы можем сделать так, что он тебя не увидит. В условленном месте я нашел от него записку. Сегодня вечером я его увижу. Это недалеко отсюда в переулке у овощного ларька. Я уже проходил мимо. Ты можешь стоять за деревянной решеткой и все видеть. Согласен? А потом решим вместе, что делать дальше.

Тагир неожиданно для себя кивнул. В конце концов один день для него не так уж много значил.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

– Товарищ полковник, – сказал майор Лаукан Карабетов, входя в кабинет, – обстановка начинает проясняться. Если разрешите, я уже могу кое о чем доложить.

– Садитесь, – полковник кивнул головой на кресло. – Прежде всего о том, что предположения не обманули лейтенанта Арбаняна. Не так ли?

– Совершенно верно, товарищ полковник, – майор сел и положил на стол тонкую голубую папку. – Шофер, живущий в домике у реки, действительно вез незнакомого человека. Описание его тоже совпадает с тем, что дали ученые. Сначала он хотел проехать в горы через мост, потом вдруг изменил решение и отправился вместе с шофером обходным путем через райцентр. Во время разговора с ним он назвался работником дорожного отдела из области. Мы проверили и установили, что ни одного работника этого отдела в наших местах вчера не было. Шофер сказал, что этот человек расспрашивал его о некоторых лицах. В частности, его заинтересовал Джамбот, а потом главный агроном колхоза Алкес Хаджинароков. Особенно последний. Он несколько раз переспрашивал, не ошибся ли он и точно ли передает имя и фамилию. Два часа назад этот человек был обнаружен, он выходил из кинотеатра после дневного сеанса. Один. Я думаю, товарищ полковник, что брать его рано. Если сообщение по радио говорило именно о его прибытии, то он рано или поздно свяжется с тем, кому это передавали. И вообще трудно допустить, чтобы он находился в полном одиночестве.

– Вы правы, – сказал полковник, – пока трогать его не следует. Но глаз не спускайте с него ни на минуту. Но вот то, что его интересуется агроном и лесник... Джамботу под пятьдесят. Алкесу не больше двадцати семи. Допустим, он много лет назад знал Джамбота. Но Алкеса... У него есть родные?

– Мать у него умерла, отец погиб на фронте, он с двух лет воспитывался в детском доме. Есть, правда, еще родной дядя.

– По матери? – спросил полковник.

– По отцу, товарищ полковник. По нашим сведениям, он находится в местах заключения. Мы проверили.

– Ну, и что же?

– Все подтвердилось. Ему осталось отбывать еще год. Крупная недостача в магазине, в котором он работал. Заключенный находится на месте.

– Так, – полковник задумался. – С агрономом вы лично знакомы?

– Приходилось встречаться. Во всяком случае, мы с ним здороваемся.

– Тогда поговорите с ним об его отце. Расспросите о нем, разумеется, просто так, по-дружески. Ни в коем случае не надо его раньше времени травмировать.

– Товарищ полковник, – майор даже приподнялся в кресле, – значит, вы считаете...

– Пока только считаю, но ничего не утверждаю, – полковник приподнял руку, как бы приглашая Карабетова успокоиться. – Однако... Но об этом потом. Было бы хорошо, если бы удалось посмотреть на фотографию его отца. Хотя, если он воспитывался в детдоме, они навряд ли могли у него остаться. На всякий случай, попробуйте. Может быть, что-то сохранилось у знакомых.

– Кто-то из соседей сохранил отцовское ружье, – сказал майор. – Хаджинароков как-то сам говорил мне об этом. Вполне возможно, что осталось не только ружье...

– Вот это вы и проверьте. Но только, еще раз повторяю, сделайте это как можно деликатнее. Простите, что я это несколько раз повторяю, но человек, который вырос без родителей, живет, естественно, только памятью о них... И если вдруг... Ну, да вы сами все понимаете!..

– Я бы хотел, чтобы этого «вдруг» не было, товарищ полковник.

– Я тоже, – спокойно ответил полковник. – Но не учитывать самого худшего мы тоже не можем. И тут, я надеюсь, в самое ближайшее время кое-что прояснится настолько, что нам не о чем будет уже гадать. Что касается моих предположений, – тихо добавил он, – то есть еще один факт, который значительно укрепляет эти предположения. Человек, который сопровождал ученых к Голубому камню, назвался Алкесом...

– Вот как, – почти шепотом произнес майор, – тогда... Тогда, кажется, сомневаться в том, что этот человек – отец Хаджинарокова не приходится... Не хотел бы я быть на месте Алкеса!

– Ну этого, наверное, никто бы не хотел. Что касается сомнений, то я пока не расстаюсь и с ними. До тех пор, когда наши предположения не станут абсолютным фактом. Ну, а теперь, как идет выполнение задания номер один? В квадрате пятьдесят семь?

– Завтра утром мы предполагаем иметь все, пока еще, правда, предварительные сведения обо всем, что происходило в этом квадрате в последние дни. На всякий случай установлено прослушивание и всех прилегающих к этому району квадратов. Прежде всего полная проверка радиолобительской деятельности Касимова. У него мы пока ничего не спрашивали. Если кто-то действительно работал под него и вел передачи от его имени, он может повторить это еще, и не один раз. И тогда не исключена возможность, что за Касеем ведется наблюдение. И посещение Касимова посторонним человеком может вызвать подозрение того, кто это наблюдение ведет. Поэтому мы проводим проверку другим путем.

– Все это правильно, – сказал полковник. – Единственное, чего я опасался, что ведущий передачу покинет эти места и тогда отыскать его снова будет очень нелегко. Однако теперь после появления этого второго Алкеса это навряд ли произойдет. По крайней мере, в ближайшие два-три дня. Пока они не установят между собой контакт. А вот каким образом они его будут устанавливать? Лично? Или через третье лицо? Или просто через тайник? Это нам, к сожалению, неизвестно. И поэтому мы не имеем права терять сейчас ни одного часа.

– Разрешите идти? – Карабетов встал и, наверное, потому, что полковник упомянул о времени, машинально бросил взгляд на часы...

Полковник не успел ответить: приглушенно зазвонил телефон.

– Полковник Смирнов, – сказал он, сняв трубку. – Так, так, – повторил он, подняв глаза от стола, посмотрел на Карabetова, и тому почему-то вдруг показалось, что то, о чем сейчас говорилось по телефону, имело к нему прямое отношение. – Спасибо, – сказал в этот момент полковник. – Продолжайте наблюдение. И, если будет что-то новое, докладывайте немедленно. – Он положил трубку и, теперь уже глядя в окно, сказал: – Сегодня ночью перехвачена новая передача. Опять работа шла под радиолюбителя-коротковолновика. Но теперь уже из квадрата сорок один. Это километрах в ста от места, где велась первая передача. Но направление у обеих передач одно. Зайдите к Алевтине Андреевне, она вам даст точные координаты местности, откуда велась передача. Лейтенант еще не вернулся?

Карabetов еще раз посмотрел на часы.

– Должен быть через час. Если нет – сообщит, что задерживается.

– Отлично. Держите меня в курсе всех событий. Дело, по всей вероятности, должно идти к развязке. Хотелось бы, конечно, именно к той, которая устраивает нас...

* * *

Мотоцикл остановился около большого дома, стоящего на самой окраине хутора. За ним протянулась неширокая дорога, которая изгибалась вниз в ущелье, а потом круто шла вверх и пропадала за гребнем в зелени листвы. Черноволосый высокого роста человек слез с сиденья и, окинув взглядом дом, около которого высоко поднималась в золотистое предвечернее небо телевизионная антенна, потом перевел взгляд на столбы с туго натянутыми на них проводами электрической и радиотрансляционной линий. Постояв так с минуту, он шагнул к калитке и слегка постучал в нее. Из дверей показалась женщина средних лет.

– Добрый вечер, – сказал приехавший, – это у вас что-то случилось с электричеством?

– Сегодня с утра... А вы монтер, – она посмотрела на притороченные к заднему сиденью металлические кошки. –

Заметила, когда холодильник перестал работать... Это, наверное, Касимов по дороге в город вызвал. Спасибо ему большое. Заходите...

– Да заходить-то, собственно, незачем, – улыбнулся монтер. – Все должно быть уже в порядке. Попробуйте... Горит?..

Женщина ушла и сейчас же вернулась снова.

– Не знаю, как вас и благодарить. Тут у нас без света, как без рук. Ни телевизора, ни радио. А когда в доме еще большой...

– Ну, вам к больным не привыкать, – сказал монтер, вынимая из сумки какую-то книжку. – Вы же врач...

– Врач, – с некоторым удивлением подтвердила женщина. – А вы откуда знаете?

– Прежде чем приступить к работе, должен же был я узнать, кого обслуживаю, – улыбнулся монтер, – вот в поселковом Совете в книжку и заглянул. И что у вас, кто-то серьезно болен?

– У меня нет. Слава богу, муж, сын и я пока не бодем. А вот у соседа Касимова, он учитель, у него жена сердечница. Бывают приступы. Не часто, но бывают. И представьте, если без света – вливание и то как следует не сделаешь.

– Пожалуйста, распишитесь, что все в порядке, – монтер протянул ей книжку. – Только ручку, не знаю, куда дел... Похоже, что выпала...

– Да вы заходите в дом, – женщина широко открыла калитку.

– А что у вас это часто бывает? – спросил монтер, входя за ней в комнату.

– Не так уж чтобы очень...

– Ваша фамилия Задорожня? А ваш сосед дома?

– Уехал на три дня в область по школьным делам.

Очень не хотел оставлять Зульфию, но я его уговорила, ничего опасного уже нет, а у меня как раз несколько дней отгула, – ответила Задорожня, придвигая к себе книжку. – Я ей недавно сделала вливание. Лучше ее не беспокоить.

– Ну что вы, конечно, не надо. Вашей подписи достаточно. И давно это с ней?

– Третьего дня, поздно вечером начался приступ. К утру отпустило. Но нужен покой.

– Безусловно. Простите, но я почему интересуюсь... У матери одной моей знакомой тоже иногда сердце пошаливает. И вот говорят, будто такие приступы всегда бывают в одно и то же время. Это правда?..

– Никакой закономерности здесь нет, приступ зависит от многих причин. Утомляемость, нервное состояние. У Зульфийи, жены Касима, последний приступ начался ровно в половине одиннадцатого.

– Ну, уж ровно! – усомнился монтер. – Вы так хорошо запомнили?..

– Запомнила, потому что слушала последние известия. И только сообщили сводку погоды, как в стенку постучал Касей. Я уже знаю, что означает такой стук. Взяла шприц, коробку с медикаментами и туда...

– И долго он длится, такой приступ?

– Когда как. Главное, успеть вовремя с медицинской помощью. Между половинами дома у нас глухая стена, но Касим попросил разрешения прорубить в коридоре дверь, чтоб в непогоду мне не бежать вокруг дома. Третьего дня пришлось повозиться! Часика полтора ее, бедную, не отпускало!

– Значит, до самой полуночи. И вы все время были около нее?

– Где же вы это видели, чтобы врач бросил больную, пока ей не станет лучше? Конечно, была при ней. И Касим тут же. И даже муж мой поднялся. – Она вдруг замолчала и пристально посмотрела на него. – Однако вас, кажется, не столько интересует электричество, сколько медицина?..

– Вы правы, – спокойно ответил монтер. – По крайней мере, после того, как электрическая линия восстановлена. У вас, у медиков, существуют врачебные тайны. Будем считать, что свои тайны имеются и у электромонтеров. Первый приступ с женой Касимова случился третьего

дня, то есть двадцатого числа, в двадцать два часа тридцать минут. Вы не ошибаетесь ни в дате, ни во времени? Все точно?

– Совершенно точно, – ответила Задорожня. – И могу подтвердить это где угодно и когда угодно.

– Отлично. И что же, в течение этих полутора часов Касимов все время был у вас на виду? Две-три минуты, разумеется, во внимание можно не принимать.

– Никаких двух-трех минут и не было. Эти полтора часа мы все время были вместе, если я выходила на несколько секунд на свою половину, то муж мой все время оставался с Касимовым в комнате.

– Касимов, кажется, радиолобитель. За это время его никто не вызывал по приемнику?

– Часа за два до того, как с Зульфией произошел приступ, он, по-моему, вел с кем-то разговор. Я слышала это через стену. А вот когда мы были в комнате – нет. До этого ли ему тогда было!

– Большое спасибо, – монтер закрыл книжку, в которой Задорожня уже поставила свою подпись. – Вы меня очень обрадовали.

Она внимательно посмотрела на него.

– Что-то не совсем понимаю.

– Когда-нибудь поймете... Точнее – скоро поймете. Хочу только просить вас, чтобы в течение нескольких дней этот разговор оставался между нами. Потом, если разрешите, я еще раз зайду к вам, проверю проводку и тогда, возможно, объясню, почему у электромонтеров тоже бывают свои профессиональные тайны.

– Хорошо, – серьезно ответила она, – я вам это обещаю. До свидания. – Она проводила его до калитки. – Да, а если у нас еще раз что-то случится со светом, придет другой монтер?

Он потрогал, плотно ли держатся кошки, перекинул ногу через сиденье и включил стартер.

– Пусть лучше не случается. Кроме того, я же обещал, что зайду еще раз. Все равно, будет гореть свет или нет. До свидания.

Задорожная смотрела ему вслед, пока он не пропал за гребнем горы в глубокой балке, по которой проходила дорога в соседний хутор. Наверное, что-то случилось с электричеством и там, так как монтеру надо было возвращаться в противоположном направлении.

Мотоциклист проехал ущелье, поднялся по крутому склону и, дав полный газ, помчался теперь уже по прямой дороге. Когда впереди показались потонувшие в зелени первые домики хутора Навесного, он резко сбавил скорость и медленно поехал вдоль единственной улицы хутора, которую даже нельзя было назвать улицей, потому что дома на ней были расположены только по одну сторону. В это вечернее время почти все жители были дома – кто возился в саду, кто у открытых дверей хлопотал по хозяйству. Там, где жильцов не было видно, монтер приостанавливал мотоцикл и кричал: «Эй, хозяин, есть кто-нибудь?» Когда кто-нибудь появлялся, он спрашивал, все ли в порядке со светом. Только из двух домиков никто не вышел. Как объяснили соседи, хозяев их не было дома. Один, пенсионер, поехал на пасеку, другие – муж и жена – отправились куда-то поблизости на свадьбу.

Доехав до самого последнего домика и опросив всех, кого только можно было, мотоциклист развернулся и теперь уже на приличной скорости понесся обратно.

В горах сумерки опускаются быстро. Только что ясно была видна уходящая вниз сероватая лента дороги, как вдруг она бесследно растворилась в неведомо откуда нахлынувших в ущелье плотных волнах сумрака. И только крутые изломы гор еще четко вырисовывались на фоне догорающего вечернего неба.

В Рамбесном мотоциклист снова сбавил скорость. У дома, где жил Касимов и Задорожные, весело горел свет, из открытых окон доносились приглушенные звуки музыки.

Пока мотоциклист проезжал хутор, впереди него в десятке километров по асфальтовому шоссе шла грузовая машина. Она остановилась, не доезжая километра до остановки автобуса, сворачивающего на Рамбесный. Из кабины выпрыгнул человек в темном рабочем костюме с небольшой

сумкой, перекинутой через плечо, в которой обычно носят инструменты. Дверца кабины захлопнулась, и грузовик, помигав красными глазками огней, пропал в темноте. Человек некоторое время постоял один на дороге, прислушиваясь. Гул мотора грузовика уже почти совсем растворился вдали. Других машин на дороге не было. Человек сошел с обочины и пошел к темневшему в нескольких десятках шагов лесу. Некоторое время он что-то искал в шелестевших ветвях, потом показался снова. Теперь с ним был велосипед. Он сел на него и поехал в сторону Рамбесного. Там, где дорога была слишком крутой, он слезал и вел велосипед в гору, потом снова садился на него.

В балке уже совсем перед хутором навстречу ему с горы спускался мотоцикл. Обдав его ярким светом фар, он промчался мимо.

Человек снова слез с велосипеда и некоторое время смотрел ему вслед. Потом, когда звук его мотора совсем пропал, поехал дальше.

– Фамет, а Фаме... Спасай человека...

За штaketом показалась круглая фигура тетушки Фамет.

– А, это вы, Владимир Петрович. Что такое случилось?.. Отчего вас нужно спасать?..

– От жажды. Два часа еду на велосипеде. Забыл во флягу воды налить. Думал, до дому дотяну. Да вспомнил, что у вас вода больно вкусная...

– Ну, уж и вкусная...– Фамет принесла глиняную кружку воды. – Где же это вы были? На пасеке?

– Да, но вот плохо, пасеку переносят в другое место. Теперь уж на велосипеде до нее добираться будет совсем трудно. Надо бы или моторчик приделать или поднатужиться да купить мотоцикл. Вот сейчас кто-то навстречу на мотоцикле промчался – любо смотреть! Да только кто это, не знаете? У нас вроде несколько есть, да только все с люлькой.

– Монтер, – сказала Фамет. – Что-то было со светом. Починил... Да такой молодец, у всех спросил, все ли в порядке.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

– А,– успокоенно ответил Берузаимский.– А я-то думаю... Ну спасибо. Вода у вас действительно самая вкусная. И отчего бы это – вроде все из одного колодца берут? Наверное, важно, из чьих рук пить!

– Ну, тогда приезжайте пить почаще,– довольно засмеялась Фамет,– воды хватит. Пейте хоть целый день.

– А может быть, не затруждать себя поездками, а просто как-нибудь попробовать остаться здесь насовсем... А, тетушка Фамет?..

И, оставив ее в полном смущении, поехал дальше и вскоре пропал в темноте.

Не доезжая до своего дома, он еще дважды останавливался, перекидывался несколькими словами с соседями, говорил, как он устал, сколько ему пришлось крутить педали на горной дороге и что теперь это уже не для него. Дома он поставил велосипед и вошел в комнату. Встреча с неизвестным мотоциклистом наполнила его смутной тревогой. И несмотря на объяснение тетушки Фамет, тревога эта не проходила. Сегодня он рискнул сделать сообщение по радио в последний раз из этого района. Рискнул он только потому, что Касимов выехал из дома. Берузаимский спрятал велосипед в лесу, поехал следом за учителем по направлению к областному центру на первой же остановленной грузовой машине. И потом снова вернулся обратно. Если передача его и была перехвачена, то из того района, где в это время находился Касимов. Самого же Берузаимского никто не видел. Ехал он в это время с пасеки на велосипеде. А велосипед– это не мотоцикл, на нем за два часа сто километров не сделаешь. Да еще в горах. Теперь следующую передачу проведет другой. Один из тех, кто прислан ему в помощники. И в то самое время, когда он, Берузаимский, будет у всех на виду. Возможно, пока обстановка этого и не требовала, но Владимир Петрович привык работать с полной страховкой. Бережного, как говорится, бог бережет...

В овощном ларьке, оказывается, торговали еще и вином, и полноватая смуглолицая продавщица продавала его даже в розлив. Делала она это, наверное, больше для тех, кого знала, но Тагир не то понравился ей, не то внушил с первого взгляда доверие... Она спросила сама, не хочет ли он попробовать свежего, очень хорошего сухого вина. Когда Тагир согласно кивнул головой, она посадила его за перевернутый ящик между ларьком и забором. Дальше находилась решетчатая летняя будка для овощей, которую, наверно, и имел в виду Сергей. Но отрезок улицы, на которой он должен был появиться, был неплохо виден и отсюда, где он сидел. В крайнем случае, можно было встать, если в этом появилась бы необходимость.

Тагир не спеша пил сухое вино, закусывая пирожком, которым тоже обеспечила его хозяйка ларька. Стрелки часов показывали без пяти семь. Еще несколько минут, и у раскидистой липы по ту сторону дороги должен появиться Сергей. А может быть, и тот, другой, о котором никто, в том числе и он, Тагир, не должен был знать. Интересно, кто придет раньше? Впрочем, так ли это интересно. Зачем ему нужен был этот человек?

Сергею другое дело. А может быть, он прав, может быть, нужно действительно просто уйти, раствориться в массе людей и начать честную жизнь? Тагир усмехнулся. И каждый день к чему-то прислушиваться, ждать стука в дверь, приглядываться к людям на улице. И думать не столько о себе, сколько о других, до боли в сердце родных людях. Нет, это не для него.

И тут он увидел Сергея. Тот подошел к дереву и стал рассматривать прикрепленное к его стволу какое-то объявление. Почти тотчас же в двух шагах от него остановилась голубая «Волга» с черными шашечками. Дверца открылась, и из нее вышел человек. Тагир неожиданно вздрогнул и поставил стакан на ящик. Человек медленно шел по тротуару. Тагир не спускал с него глаз. Тот дошел

до столба, у которого стоял Сергей, и остановился, как будто заинтересовавшись тем же объявлением.

Теперь Тагир видел его особенно ясно. Кровь толчками ударила в голову. На мгновение перехватило дыхание. Тагир машинально привстал, но потом взял себя в руки и заставил опуститься на место.

Да, это был он! Тагир узнал бы его из тысячи, нет, из миллиона, из многих миллионов людей! И никогда бы ни за что не ошибся. Здесь не только двадцать, но и сорок лет не могли бы ничего изменить. Но почему он здесь? Спустила столько времени! Это казалось настолько невероятным, что Тагир уже готов был поверить, что ошибся. Но лишь только до того времени, как человек, стоявший рядом с Сергеем, открыв дверцу, снова не сел в машину. Сколько раз Тагир видел из-за колючей проволоки, как вот так же неловко он подворачивал под себя ногу, когда взбирался на сиденье своего «опшеля»! Тагир хотел встать. В этот момент такси сдвинулось с места. Сергея на улице не было. Значит, он с ним уехал. Вместе с ним. Но это было почти невероятно! Можно ли верить тому, что он здесь увидел?

Тагир вышел из-за ларька. Голубая «Волга» была уже в конце улицы. В следующую минуту она исчезла за поворотом.

Забыв о том, что ему нужно ждать Сергея, Тагир шел по улице, не отдавая себе отчета, куда он идет. Очнулся он только у входа в парк. Почти машинально прошел на ту же аллею, где они сидели с Сергеем, и сел на знакомую скамейку.

Так неужели же это был он, тот самый, который добил Хасана? Тот самый, от которого когда-то зависела и жизнь Тагира, и жизни тысяч таких же, как он? Тагир снова вспомнил все: бараки за колючей проволокой, медленно бредущие по чисто выметенному плацу скелеты в рваном тряпье. Туда отправляли тех, кто ни на что уже не был годен. А оттуда возврата не было. Остальные молча стояли в рядах и, сжав кулаки, молчали. Эти спектакли с торжественными проводами на тот свет устраивали специально для тех, чья очередь еще не наступила. Оркестр играл

веселые мелодии, и все должны были подпевать: и те, кто шел в газовые камеры, и те, кто пока еще оставался жить. И если человек в черном эсэсовском мундире замечал, что у кого-то недостаточно энергично открывался рот... Нет, лучше об этом не вспоминать!

Да, этого человека Тагир запомнил на всю жизнь. Это был тот самый переводчик, что приезжал в лагерь вместе с комендантом на его иссиня-черном «опшеле» и мог молча стоять часами, расставив ноги и заложив за спину руки, наблюдая немигающими глазами за работой пленных. И каждый знал: если он здесь, жди нового, еще более страшного издевательства. Человек этот пользовался правами значительно большими, чем простой переводчик. Иногда на вечернем построении он разглагольствовал о том, что вернет каждого из них для их же блага в первоначальное состояние и уж потом на чистом месте заново сделает из них людей. Русским языком он владел в совершенстве, но Тагир никак не хотел допустить мысль, что этот человек мог родиться и жить на одной земле с ним. Наверное, никогда и никого Тагир ненавидел так люто и непримиримо. Лежа ночами на грязной свалывшейся соломе, он придумывал для него самые страшные наказания. Но наступающий день не приносил ничего, кроме все более усиливающейся ненависти. Потом Тагиру чудом удалось бежать, но он никогда не забывал о нем. Ненависть к нему жила несмотря на то, что в другом лагере мало что изменилось. Наверное, каждый из оставшихся в живых мечтал встретиться когда-нибудь с этим небольшого роста желтоволосым человеком и рассчитаться за прошлое. Но таких, оставшихся в живых, было мало.

И вот теперь... Человек, когда-то носивший фамилию Лохвицкий и звание, которое никто из заключенных лагеря никак не мог точно определить. Тагир помнил: в лагере для перемещенных американцы не один раз говорили им, что люди, подобные Лохвицкому, не ушли от возмездия и получили сполна все, чего заслужили. За годы скитаний по различным странам, которые не принесли ему ничего, кроме унижений, Тагир видел: нет, далеко не все получали

то, что заслужили они во время страшной войны. Но чтобы среди них мог находиться такой преступник, как Лохвицкий? Неужели этот человек отделался только тем, что переменял хозяев?

И тут он понял, почему он не имел права оставаться в этом районе. Те, кто его послал, были отлично осведомлены, в каком лагере и когда он находился. Им было известно и прошлое Лохвицкого, и его «деятельность» в лагере. И поэтому он, Тагир, не должен был с ним встречаться. Другое дело Сергей – ведь он не знал, кто к нему придет.

Тагир вздрогнул и поднял голову. К скамейке, на которой он сидел, шел Сергей.

– Что случилось? – спросил он с тревогой в голосе. – Почему ты ушел? Хорошо, я догадался, что ты можешь быть здесь!

– Садись, – сказал Тагир. – В машине был тот самый человек, с которым ты должен был встретиться?

– Да, завтра он назначил мне встречу снова, на дороге за хутором. Слушай, Тагир, я должен тебе сказать...

– Подожди, – глухо произнес Тагир. – Сначала скажу я.

И он рассказал все, все, что знал об этом человеке.

– Не может быть, – тихо сказал Сергей, когда он закончил. – Ты в этом уверен?

– Говорю тебе – это он. Постаревший, немного изменивший свой облик, но он. Совпадают даже особые приметы. Ты можешь уходить, как решил, Сергей. Это твое дело. Но я останусь. Я когда-то страшной клятвой поклялся, что, если когда-нибудь встречу этого человека, он не уйдет от меня! Я должен рассчитаться с ним своими руками... Те, кто погиб в лагере, не должны остаться неотомщенными. А ты иди – начинай... другую жизнь.

– То, что ты сказал, многое меняет. – Сергей повернул к нему потемневшее лицо. – Я останусь с тобой. В конце концов должен же я хотя бы с одним из них тоже сполна расплатиться за свое прошлое! А потом пойду, куда надо, и все выложу. Получу, что положено, и начну жить по-че-

ловчески. С меня хватит!.. Но раньше я должен кое-что тебе сказать. Этот подонок делает какую-то ставку на главного агронома колхоза. Подожди, не волнуйся, я же знаю, ты подозреваешь, что это твой сын.

– Я не подозреваю, Сергей, я твердо знаю. Это мой сын – Алкес. И если эта мразь замахнется еще и на него...

– Пока, как мне кажется, его жизни никакая опасность не угрожает. Как я понял, он думает использовать знакомство с ним для переброски рации на другое место. Он полагает, что машину главного агронома вряд ли кто будет осматривать, если кому-то что-то покажется... Завтра он будет ехать в лес вместе с агрономом на грузовике и по дороге будто случайно, прихватит меня.

– Так, – с ненавистью произнес Тагир. – Значит, он хочет испачкать и Алкеса? Но на этот раз он получит все сполна. Какое задание ты должен выполнить?

– Еще не знаю. Возможно, он сообщит мне о нем завтра.

– Хорошо, – сказал Тагир. – Завтра я пойду с тобой. О том, что будем делать дальше, договоримся. По дороге в лес.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Полковник Смирнов внимательно рассматривал лежавшие перед ним на столе фотографии. Потом отодвинул их от себя и посмотрел на сидевшего напротив Лаукана.

– Ну что ж, майор, я думаю, экспертиза излишня. И так все ясно. Или у вас имеются какие-то сомнения на этот счет?

– Нет, товарищ полковник, никаких сомнений у меня нет. Это Тагир – отец Алкеса. Единственное, что для меня непонятно, каким образом он рассчитывал остаться неизвестным, вернувшись в края, где он родился? А если у него не было намерений остаться неизвестным, почему он сразу не явился к сыну или не пришел к нам?

– Возможно, он только здесь и узнал о сыне. Ведь когда его призвали в армию, Алкесу было около года. Жена вскоре умерла, и Алкес воспитывался в детдоме. Он был эвакуирован в Дагестан. Скорее всего, Тагир Хаджинароков ничего не знал о судьбе сына и тогда, когда попал на родную землю. Прежде всего, естественно, он попытался узнать о нем. Но вряд ли те, кто его послал, могли одобрить эти поиски. Впрочем, возможно, там об Алкесе ничего не знали. Ведь у каждой разведки есть предел осведомленности, а сам Тагир мог думать, что сына его давно нет в живых. Но уже то, что сам он пошел на его поиски, говорит о многом. Ну а этот, второй?

– Вот его фото, – майор положил на стол несколько новых фотографий. – Личность его выясняется. После встречи с Тагиром в парке за ним установлено наблюдение. Судя по всему, завтра они должны встретиться.

– Так, – полковник внимательно рассматривал фотографии. – Как вы сами понимаете, главное, чтобы они раньше времени ничего не заподозрили. Иначе можно спугнуть основную фигуру. Передачи по радио больше не повторялись?

– Нет, товарищ полковник. Но то, что под именем Касея работал кто-то другой, полностью подтвердилось. Касей в тот вечер действительно вел передачу только один раз, у него заболела жена. С ней произошел сильный сердечный приступ. Тот, кто вышел в этот момент в эфир от его имени, сделал первый просчет. Впрочем, он не мог знать, что тогда происходило в доме. Возможно, ему было известно, что во второй его половине живет врач, но что она может пройти в половину Касимовых прямо в дверь, не выходя во двор, ему это вряд ли было известно. Одно он знал точно – в квартиру Касимовых никто не заходил. Они были одни. Что касается второй передачи из сорок первого квадрата, то тут дело обстоит сложнее. По-видимому, за Касимовым следили и теперь уже безошибочно воспользовались его отъездом. Один вывод уже можно сделать почти точно – нужный нам человек, по всей вероятности резидент, находится сейчас в том же районе, где

Тагир и его приятель. И почти несомненно, что или они оба или кто-то один из них должен в свою очередь встретиться с этим резидентом. Возможно, эта встреча будет очень коротка, и мы не должны ее упустить. Если же встреча эта не произойдет, дело несколько осложнится.

– Я тоже уверен, что они встретятся, – сказал полковник. – Брать надо всех вместе, и только живыми. – Полковник неожиданно встал и прошелся по комнате, потом остановился у окна и посмотрел на улицу. – Я все время думаю об Алкесе. Быть на его месте... Когда он все узнает!..

– А если не ставить его ни о чем в известность? Во всяком случае, до того, пока не кончится следствие?

– Я тоже об этом думал, – полковник все еще смотрел в окно. – Но если явится необходимость вызвать его? Во всяком случае, я буду просить... – Он помолчал. – Ну ладно, об этом потом. Можете идти, товарищ майор, подготовиться к последней фазе операции. Я думаю, она идет к концу. Но если вдруг произойдет что-то непредвиденное, ставьте меня в известность в любой час, в любую минуту.

Карabetов вышел на улицу. Был вечер. На город опускалась прохлада. Кажется, за последний месяц он впервые так рано возвращался домой. Можно было ехать автобусом, но он решил идти пешком, решил, наверное, еще потому, что увидел впереди фигуру Арбаняна. Он окликнул его. Лейтенант остановился. На мгновение майору показалось, что на лице Арбаняна промелькнула тень досады. Но она прошла так быстро, что Карabetов решил, что это ему только показалось.

– Домой? – спросил майор. – И тоже пешком?

– Да, уж воздух больно хорош, – ответил лейтенант. – Решил сходить в кино.

Пошли вместе. Никто из них не заводил разговора о деле, которое занимало, все их время до последней минуты. Они всегда поступали так, когда все становилось ясным, все было учтено и взвешено до малейших деталей. Когда время слов и логических выкладок кончалось, приходила короткая пауза, после которой наступало время действовать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

– Послушайте,– сказал майор, когда они дошли до угла, где ему предстояло повернуть налево.– Я все хотел вам сказать... Вы проявляете заботу о моей дочери больше, чем я сам, ее отец. Мне сказали, что вы несколько раз провожали ее в музыкальную школу. Я, конечно, вам очень благодарен, но, право же, мне неудобно.

– Пустяки,– улыбнулся лейтенант.– Просто мне по дороге.

– По дороге? – переспросил майор.– Насколько я знаю, вы живете в другой стороне. Или успели сменить квартиру?

– Дорога, это не только путь от дома и не только домой,– засмеялся Арбанян.– Бывает, что и круговые пути оказываются самыми удобными. Да, а ведь знаете,– вдруг ушел он от ответа,– у дочери Джамбота действительно оказался природный голос. Ее обещали непременно принять на вечернее отделение.

– У вас, кажется, отличные связи в музыкальной школе? – заметил майор, внимательно разглядывая лицо лейтенанта.– Если моя Саида начнет неуспевать, придется, видимо, обратиться к вам...

– Я думаю, этого не случится,– спокойно ответил лейтенант,– у нее вполне хватит своих способностей.

– Вот как, от кого же это вам известно?

– От Ираиды Ивановны,– так же спокойно ответил Арбанян и посмотрел на часы.– Простите, товарищ майор, до начала сеанса осталось десять минут, а у меня два билета...

Лейтенант попрощался и ушел. Майор посмотрел ему вслед и усмехнулся. Кажется, он работал не на своем месте. Оказывается, ему не хватало наблюдательности. Элементарной наблюдательности. Ну что ж, когда-нибудь он, наверное, избавится от этого недостатка. И научится не упускать из того, что происходило вокруг него, ни одной мелочи, даже если она и не имеет никакого отношения к его работе...

Тагир и Сергей сидели на траве в тени раскидистого ореха. В нескольких метрах внизу по крутому склону лежала лоснящаяся лента шоссе. По ней изредка проносились грузовые машины. Когда их не было, вокруг стояла тишина, только изредка в листве деревьев пересвистывались птицы. Тагир, заложив ладони под затылок, лег на землю. Зеленая листва сверху закрыла голубое небо. Она нависала над ним мягким шелковистым шатром. Вот так в детстве любил он лежа смотреть в далекое небо сквозь завесу листвы и мечтать. О будущем. Каким оно будет и для всех, кто его окружал, и для самого Тагира? Но никакая фантазия не могла тогда подсказать ему, что сюда, на свою родную землю, придет он врагом всего того, что любил и без чего не мог когда-то жить. Да, садист Лохвицкий своего добился. Голод и ежедневные изощренные издевательства действительно на время вырвали из Тагира все, чем он жил в прошлом... А потом бесправное положение перемещенного лица, снова голод, снова унижения. И только здесь, на родной земле, воровски заброшенный на нее, он за столько лет снова почувствовал себя человеком.

Если бы не Алкес, он теперь давно бы уже пошел и все рассказал о себе, сбросил с души камень, который столько лет лежал на ней и давил ее нестерпимым грузом. А теперь другое – Лохвицкий. Окровавленное лицо Хасана... Все это время оно теперь неотступно стояло перед ним. И будет стоять, пока он не отомстит за него. Что бы ни было – он сдержит свою клятву!..

В этот момент Сергей сел и посмотрел на часы.

– Приготовься, скоро должна появиться машина. Значит, так... Когда она останавливается, подхожу я, и в этот момент из леса выходишь ты. Он не сможет тебя не взять.

– Почему он? – Тагир плотно прикрыл веки.– Там будет мой сын.

– Алкес будет находиться в кабине с шофером, а он в кузове.

– Разве это не «газик»?

– Тагир, – с беспокойством сказал Сергей, – ты ничего не слышал! Я же сказал: они будут ехать на грузовике, на ЗИСе. Возьми себя в руки. Так нельзя, ты можешь все испортить! Тебе ни в коем случае нельзя подходить к кабине, ты сядешь сзади в кузов вместе со мной. Потом слезешь, сразу же после того, как слезем мы, и пойдешь следом за нами. Так, чтобы он этого не заметил. Потом уже станет ясно, что ему от меня надо. Там втроем мы и закончим разговор.

– Ладно, – тихо произнес Тагир, – я все понял. Не бойся, этот последний раз я выдержу. Как ты узнаешь машину?

– На повороте он встанет. На нем будет красноватое кепи. Предоставь это мне, я не ошибусь.

– Хорошо. – Тагир вдруг ощутил какую-то странную вялость. Он старался не думать о том, что через несколько минут будет сидеть в машине вместе с Алкесом. Он старался сейчас вообще ни о чем не думать. Но в этот момент из тумана прошлого перед ним снова выплыл образ Хасана. Изувеченный, окровавленный, он смотрел на него в упор. Губы его шептали: «Тагир, передай, передай...»

Оборвав мысли Тагира, внизу по дороге пронеслась «Волга». Только она исчезла за поворотом, как Сергей встал. Тагир открыл глаза и сел. Справа из-за нависшей над дорогой скалы показался грузовик. В кузове, положив обе руки на кабину, стоял человек. Сергей сбегал вниз на дорогу, сделав знак Тагиру, чтобы он приготовился. Тагир стоял за деревьями и смотрел на поднявшего руку Сергея. Сейчас это должно совершиться. Он сядет в машину, где находится его сын и другой человек, которого он долго и непримиримо ненавидел. И снова что-то сдавило его горло. Но он уже шел вниз к дороге: машина остановилась около Сергея.

На мгновение Тагир встретился взглядом со стоявшим в кузове человеком. В нем была открытая неприязнь. Но

он его не узнал, конечно, не узнал, слишком много таких, как Тагир, прошло через его руки! Но зато у Тагира отпали теперь последние сомнения, и пальцы его машинально сжались, словно ощутив под собой ненавистную тонкую шею с далеко выступившим острым кадыком. Сергей, взявшись руками за борт, влезал уже в кузов.

– А вам что нужно?

Тагир снова встретился с тем же неприязненным взглядом.

– Мне до лесопункта, доведите, пожалуйста... – произнес он заранее заготовленную фразу.

– Мы туда не едем, подождите следующую машину...

– Ну хотя бы до поворота. – Тагир ухватился за борт. – Мне очень нужно.

– В чем дело, Владимир Петрович? – донесся из кабины голос. – Если человеку надо, пусть едет.

Тагир вздрогнул. Голос Алкеса ударил его по самому сердцу. Рывком оттолкнувшись ногой от ската, он запрыгнул в кузов.

Сергей устраивался на пустом ящике в углу около кабины. Тот, второй, все еще стоял, недовольно оглядывая Тагира. Потом, когда машина тронулась, сел тоже на другой ящик.

Машина шла по шоссе. Свистел ветер. Пронеслись над головой горы, покрытые лесом. Тагир стоял, держась руками за борт и плотно прикрыв глаза. Он боялся открыть их, чтобы не встретиться снова с ненавистным ему взглядом. Сейчас он даже забыл об Алкесе. То, чего он ждал столько лет, свершилось. Этот человек был рядом. И он находился в его – Тагира – руках. Владимир Петрович? Вот, значит, как его звали теперь...

В этот момент Лохвицкий сказал:

– Садитесь, вылетите из машины, будем потом за вас отвечать. Наедет милиция, разбирайся.

Он заботился о его жизни? О его – Тагира – жизни? Возможно, скажи он что-то другое, все бы произошло иначе. Но Тагир вдруг ощутил, что тиски, в которых он

держал себя, вдруг распались. Пьянящая волна ненависти хлынула ему в душу, захватила его, понесла...

И он произнес четко и ясно, ощущая огромное удовлетворение от того, что может наконец это сказать:

– Спасибо, когда-то вы не были так любезны, господин Лохвицкий!..

В следующее мгновение Тагир увидел растерянное лицо Сергея и другое, побледневшее, с прищуренными глазами лицо, откинувшееся, словно от удара. Потом что-то промелькнуло перед ним, и черное дуло пистолета застыло на уровне его живота.

– Прыгайте вниз! – приказал Лохвицкий тихим свистящим шепотом. – Прыгайте, иначе я пристрелю вас здесь, как собаку, а он, – он кивнул на приподнявшегося Сергея, – выбросит ваш труп на дорогу. Ну, живо!..

В это мгновение Сергей рубящим ударом резко опустил ребро ладони на его кисть. С глухим стуком пистолет упал на настил кузова. Тагир, рванувшись вперед, схватил Лохвицкого за острые концы воротника рубахи. «Только бы он не покончил с собой сам! – мелькнула мысль. – Он должен умереть только от моей руки». Почувствовал, как под его пальцами поддалась материя, и в ней, надломившись, слабо хрустнуло тонкое стекло ампулы.

И тут же резкая боль прорезала низ живота. Он качнулся и упал на борт.

Машина, резко сбавила скорость. Это спасло его от худшего, но, теряя равновесие, он ощутил, что падает на дорогу. Ударился он об асфальт боком и спиной. Зато боль в животе сразу прошла.

Машина, замедляя ход, прижималась к правой стороне дороги.

Сергея в кузове не было видно, а Лохвицкий, спрыгнув с машины, пригибаясь, бежал теперь по дороге к лесу.

Тагир вскочил на ноги и вырвал из-под мышки пистолет. Но, прежде чем он поймал на прицел ноги Лохвицкого, его закрыла другая фигура.

– Алкес! – надрываясь, крикнул Тагир. – Отойди в сторону, я стреляю!..

Он не видел лица Алкеса, он вообще сейчас ничего не видел, кроме бежавшего к лесу человека.

Человек исчез за деревьями. Что-то обожгло ногу Тагира чуть повыше колена: у Лохвицкого был второй пистолет.

Тагир продолжал бежать. Он все еще ничего не видел, кроме потревоженных впереди ветвей. Он не видел, как впереди него на дороге, круто развернувшись, затормозила «Волга», и три человека, выскочив из нее, тоже побежали к лесу. Только ощутив рядом тяжелое дыхание, он понял, что Сергей бежит рядом. В голове, как и прежде, была одна мысль: догнать, во что бы ни стало догнать Лохвицкого, схватить его руками за горло – пусть оно хрустнет так же, как хрустнула стеклянная ампула с ядом.

В этот момент он снова его увидел. Лохвицкий резко остановился, словно увидел перед собой неодолимое препятствие, и круто свернул в сторону. И тут выскочивший из-за деревьев Тагир навалился на него всей тяжестью тела. Он даже не видел, что чьи-то руки уже крепко держали этого человека, которого он душил, пытаясь прижать к земле.

Его схватили за плечи и поставили на ноги. Только теперь Тагир сквозь красноватую пелену, которая все это время как будто застилала ему глаза, увидел, что происходит вокруг. Лохвицкий тяжело дыша лежал на земле со стянутыми сталью наручников руками. Рядом стояли несколько незнакомых людей в штатском.

И Тагир все понял.

Но он ничего не успел сказать, потому что увидел рядом с собой Алкеса. И, подчиняясь тому неодолимому чувству, которое ему удавалось все это время сдерживать, он шагнул к нему и крепко прижал к себе.

– Алкес! – задыхаясь, шептал он сквозь застилавшие глаза слезы. – Сынок, это я – Тагир, твой отец! Прости меня, если можешь, сынок! Прости!

– Чуть не испортили все дело, – с досадой сказал Арбанян майору Карабетову. – Вот уж не думал, что они

могут такое сотворить. Ну, а этого,— он показал на Лохвицкого,— придется в машину.

Майор кивнул и повернулся к подходившему полковнику.

— Товарищ полковник, операция завершена. Но непредвиденные обстоятельства.— Он посмотрел в сторону Тагира и Алкеса.— Пришлось кое-что менять на ходу...

— Знаю,— полковник кивнул головой и, видя, что майор собирается обратиться к Тагиру, тихо добавил:— Подождите минутку, пусть поплачут. Теперь они,— он посмотрел на неподвижно стоявшего в стороне Сергея,— уже никуда не уйдут. Вы говорите, непредвиденные обстоятельства? Знаете, я даже рад, что все получилось так! Ну что ж, пойдете, кажется, теперь нам можно и слегка отдохнуть...

СОДЕРЖАНИЕ

Сто первый перевал. Исторический роман. <i>Перевод</i>	
<i>Евг. Карпова</i>	5
Оплаканных не ждут. Исторический роман. <i>Перевод</i>	
<i>Б. Каспарова</i>	269

Исхак Шумафович Машбаш

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двадцати томах

Том XVII

**Сто первый перевал
Оплаканных не ждут**

Исторические романы

Редактор **Х. Г. Тлепщерше**
Корректор **М. Р. Чамокова**
Компьютерная верстка **Т. А. Косяк**

ИБ № 00

Сдано в набор 00.00.2015. Подписано в печать 00.00.2015. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «PetersburgС». Печать офсетная. Усл. п. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 1000 экз. Заказ 018.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО «Полиграф-Юг». 385000, РА, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268. Телефон для справок (88772) 52-23-92.